

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
ИСТОРИОГРАФИИ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И
БАЛКАНИСТИКИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
ИСТОРИОГРАФИИ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И
БАЛКАНИСТИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1981

Сборник посвящен истории изучения стран Центральной и Юго-Восточной Европы. В нем рассматриваются советская историография 20—30-х годов и современное состояние советской полонистики, румынистики, албановедения, исследуется русская славистическая историография с середины XVIII до начала XX в., освещаются научные связи русских славистов с учеными зарубежных славянских стран. Статьи, включенные в сборник, опираются на широкий круг первоисточников, вводят в научный оборот новый фактический материал по истории славяноведения и балканистики.

Редколлегия:

А. Н. ГОРЯИНОВ, М. Ю. ДОСТАЛЬ,
В. А. ДЬЯКОВ (отв. редактор),
А. С. МЫЛЬНИКОВ, М. А. РОБИНСОН

И 10602—370
042(02)—81 78—81 0506000000

© Издательство «Наука»,
1981 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Быстрый рост интереса к историографическим проблемам — характерная черта развития славяноведения и балканистики в СССР. Это нашло отражение в решениях Звенигородской научной конференции 1978 г., проанализировавшей итоги славяноведческих и балканистских исследований 1961—1977 гг. и наметившей их дальнейшие перспективы. В них говорится, что глубокое изучение вопросов историографии имеет особо важное методологическое значение, поскольку без него невозможно осмысление славяноведения и балканистики как комплекса научных дисциплин, что одной из главных задач в данной области является «изучение важнейших идейно-теоретических направлений и научных школ, выяснение их соотношений друг с другом, а также с общественно-политическими течениями, направлениями и школами в каждой из тех научных дисциплин, которые образуют славяноведение и балканистику, т. е. в исторической науке, языкознании, лигературоведении и т. д.»¹.

Настоящий сборник начинает реализацию не только указанной, но и других сложных задач, стоящих перед историографией славяноведения и балканистики. Он подготовлен Институтом славяноведения и балканистики в сотрудничестве со специалистами из других научных центров, прежде всего Московского и Ленинградского университетов. По нашему убеждению, сборник должен стать одним из первых шагов в систематическом накоплении фактического материала, выводов и обобщений, относящихся к отечественной историографии славяноведения и балканистики. Он состоит из двух разделов, границей между которыми является 1917 г. Первый

¹ Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы: Итоги и перспективы исследований. М., 1979, с. 265, 282—283.

раздел посвящен советскому периоду и открывается обобщающей статьей А. Н. Горяинова, в которой рассматриваются слабо разработанные вопросы славяноведения в СССР на начальном этапе его развития. Со страноведческими очерками выступают С. М. Стецкевич и В. А. Якубский (советская историческая полонистика), Т. Я. Репина (языковедческие аспекты русской и советской румынистики), А. В. Жугра (советское албановедение). В остальных статьях раздела затрагиваются более частные вопросы: деятельность В. И. Пичеты по созданию кафедры истории южных и западных славян в Московском университете (В. Г. Карасев и Л. И. Уткина); марксистская историография о роли «славянской идеи» в чешских и словацких политических концепциях конца XIX — начала XX в. (З. С. Ненашева).

Во втором разделе сборника публикуется статья А. С. Мыльникова о первых шагах русской славистической историографии, а также статьи М. В. Никулиной и Е. П. Аксеновой, рассматривающие освещение вопросов славяноведения в русских периодических изданиях первой трети и 60-х годов XIX в. Статья М. Ю. Досталь посвящена общественно-политическим взглядам И. И. Срезневского, в статье Л. П. Лаптевой анализируется деятельность съезда русских славистов, состоявшегося в 1903 г. М. А. Робинсон исследует некоторые вопросы изучения в России начала XX в. истории южных славян. Русско-словенским и русско-болгарским научным связям в области славистики посвящены статьи И. В. Чуркиной и Г. К. Венедиктова, историографии одной из конкретно-исторических тем — статья Л. Ф. Чащиной.

В силу ограниченности объема сборник имеет ряд совершенно очевидных пробелов страноведческого, тематического и дисциплинарного характера. Несмотря на это, мы убеждены, что исследования, помещенные в сборнике, будут полезны многим славяноведам и балканистам, в особенности тем, кто занимается историографией и историей науки. С другой стороны, накопленный в этом и последующих сборниках историографический материал сможет стать базой для создания обобщающего труда по истории отечественного славяноведения, необходимость создания которого была признана упоминавшейся выше Звенигородской конференцией².

Редколлегия

² Там же, с. 283.

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ И БАЛКАНИСТИКА В СССР

А. Н. ГОРЯИНОВ

СОВЕТСКАЯ СЛАВИСТИКА 1920—1930-х ГОДОВ

В последние годы появилось довольно много работ по истории советской славистики. Однако периоду 20—30-х годов специально посвящены только статьи К. И. Логачева о славистической деятельности Академии наук¹, статья А. И. Митряева, в которой рассматриваются украинские славистическая медиевистика и византиноведение 20-х годов², да небольшое число исследований об активно работавших в этот период в СССР ученых, изучавших историю, литературу и язык зарубежных славянских народов. Статьи, рассматривающие историю славистики на протяжении всего советского периода, лишь в самой общей форме характеризуют ее развитие до конца 1930-х годов.

Между тем советская литература о славянских странах и народах, опубликованная в 20-е и 30-е годы, безусловно, заслуживает серьезного историографического исследования. Даже беглый просмотр давно уже ставшего достоянием исследователей библиографического указателя И. А. Калоевой³ позволяет установить, что до конца 1939 г. в СССР только на русском языке было опубликовано не менее тысячи книг, статей, документальных материалов, посвященных славянским странам. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы выяснить, какие факторы влияли на изучение славянских народов в 20-е и 30-е годы, как широко и какими научными силами велось это изучение. При этом в работе лишь намечен ряд проблем, решение которых должно быть предметом дальнейших исследований.

В 20—30-е годы условия развития советской славистики определялись двумя группами факторов, действовавшими в противоположных направлениях. Существование первой группы в значительной мере определялось антисоветскими выступлениями буржуазных идеологов зарубежных славянских стран и русских белогвардейцев, а также враждебной политикой правительств этих стран по отношению к Советскому Союзу⁴. Во многом отрицательное отношение к славяноведению было вызвано также неприятием советской общественностью реакционной панславистской идеологии, пропагандировавшейся, в частности, самыми консервативными политиками и учеными дореволюционной России.

Может быть, наиболее характерна с данной точки зрения забытая историками славистики статья М. Н. Покровского, опубликованная накануне открытия в Варшаве конференции представителей научно-исторических обществ славянских стран. В этой статье Покровский писал, что различные славянские съезды, собиравшиеся накануне первой мировой войны, «ведали» моральной подготовкой к войне, что «панславистский характер собирающихся на наших глазах в Варшаве съездов и конференций бьет в глаза», что «панславизм всегда был чисто политическим явлением, вернее, политическим оружием в руках самых разнообразных деятелей», и никого поэтому не удастся провести «всеславянскими конгрессами, „научно“ рассуждающими о создании новых блоков»⁵ (впоследствии Покровский начал пересматривать эту точку зрения)⁶.

Отсутствие интереса к славистике отразилось прежде всего на ее материальной базе. Научные библиотеки не выделяли средств для восполнения лагун, образовавшихся в результате нарушения книготорговых и книгообменных связей во время империалистической войны и в годы революции, почти не комплектовались новой зарубежной литературой о славянах⁷. Прекратили существование научные журналы, публиковавшие славистические исследования. В результате преобразования университетов в подавляющем их большинстве к середине 20-х годов были закрыты существовавшие там славянские кафедры⁸, а начавшаяся затем организационная перестройка Академии наук привела к закрытию Отделения русского языка и словесности и работавших при нем комиссий, занимавшихся вопросами славистики. Следст-

внем ликвидации сложившихся до революции славистических учебных и научных центров явилось сокращение подготовки кадров в области славистики, распыление научных сил. Некоторые специалисты по разным причинам отошли от славяноведения, начав заниматься другими вопросами (Д. В. Бубрих — финно-угроведением, Д. Н. Егоров — библиотечным делом, А. Л. Липовский — педагогикой и т. д.), некоторые прекратили активную научную деятельность. Часть ученых, занимавшихся славистикой, после Октябрьской революции эмигрировала. Наконец, на состоянии советской славистики неблагоприятно сказывалось отсутствие личных контактов с зарубежными учеными.

Однако в Советском Союзе, несомненно, действовали группы факторов, благоприятных для изучения славянских народов. Они приобретали все большее значение с укреплением Советской власти, с воплощением в жизнь национальной программы партии и принципов пролетарского интернационализма.

Уже в годы гражданской войны стала появляться литература, посвященная чехословацкому мятежу и белопольской интервенции против Советской России. Интерес к этой тематике продолжал сохраняться до начала 30-х годов. Указанные работы посвящены военно-стратегическим аспектам борьбы Красной Армии с белополяками⁹, предыстории белочешского мятежа и военно-политической обстановке, сложившейся в районах действия белочехов¹⁰. Вместе с тем в некоторых из этих работ¹¹ дана характеристика внутривойсковой обстановки в Польше в 1919—1920 гг., вскрываются классовые корни белопольской интервенции и чехословацкого мятежа, рассказывается о дипломатической подготовке рижских мирных переговоров с Польшей, о связях руководителей чехословацких легионов с русской и зарубежной контрреволюцией и т. д.

Непосредственное отношение к становлению советской славистики имела публикация документальных материалов, широко развернувшаяся в первые годы Советской власти и продолжавшаяся в 20 — первой половине 30-х годов. Такие сборники, как советские официальные документы и материалы о советско-польских отношениях¹², сборник запросов белорусских депутатов в польском сейме¹³, речи делегатов польской компартии на VII конгрессе Коминтерна¹⁴, не только разъясняли пози-

ции Советского Союза, Коммунистической партии Польши, белорусской и польской прогрессивной общественности по актуальным вопросам современности, но и положили начало созданию в СССР источниковой базы по новейшей истории Польши.

С середины 20-х годов начинается публикация документов по истории отношений и связей России с зарубежными славянскими странами во второй половине XIX — начале XX в., в том числе о различных проектах решения «польского» и «чешского» вопросов в годы первой мировой войны¹⁵. Выходят также публикации документов по вопросам политики России на Балканах, в которых большое место занимают материалы, непосредственно относящиеся к южнославянским странам и народам¹⁶. Наконец, в 20 — начале 30-х годов выходят первые публикации документов и воспоминаний по истории революционного движения в Польше и Болгарии, о польско-русских и польско-болгарских революционных связях¹⁷. Разумеется, и общественность и публикаторы причисляли упомянутые издания совсем не к славистике и даже не к истории славянских стран. Документы и воспоминания интересовали их с точки зрения истории международных отношений, международного и русского революционного движения. Однако объективно это был вклад в создание базы, на которой разворачивались славистические исследования.

Условия для последующего развития славистики создавались и в результате издания в СССР произведений славянских, главным образом польских, писателей. В библиографическом указателе советской полонистики за 1917—1929 гг.¹⁸ перечислено около 280 изданий художественных произведений польских авторов. Большинство их печаталось в переводах на русский язык, но многие издавались на украинском, белорусском, польском языках. Значение переводов, естественно, состояло прежде всего в том, что они знакомили советских людей со славянской, главным образом с польской, литературой. Вместе с тем широкое распространение польской переводной литературы и состав переводимых в СССР авторов свидетельствуют о наличии достаточного количества переводчиков, знавших польский язык и разбиравшихся в польской литературе.

Особое место занимало издание в СССР произведений зарубежных славянских писателей на языке ориги-

нала. Оно было одним из проявлений ленинской национальной политики, направленной на всестороннее развитие наций и народностей, проживающих в СССР, на достижение расцвета их национальной культуры.

Как известно, на территории советских республик в 20—30-е годы проживало большое количество поляков; еще в XVIII в. в Россию переселилось много болгар; имелась в Советском Союзе и значительная группа чехов¹⁹. Поляки, болгары и чехи жили преимущественно на Украине и в Белоруссии, иногда компактными национальными группами. В районах их проживания велась большая культурно-просветительная работа на славянских языках; на родных языках трудящихся национальных районов издавались газеты и общественно-политические журналы, грамматики и словари, учебники, научно-популярная литература. На Украине в 20—30-е годы выходили, например, газета Центрального болгарского бюро при ЦК КП(б)У «Коллективист» (ее название неоднократно менялось), а также несколько районных и других газет²⁰. Для проживающих в СССР поляков в конце 20-х годов издавались газеты и журналы в Москве, Киеве, Харькове, Минске²¹. В 1924 г. в Киеве была создана Центральная польская библиотека, в основном обслуживавшая польской книгой массового читателя, но поставившая перед собой также задачу собрать (в одном экземпляре) все польские книги, которые могут быть использованы для научной работы²². В 1920-х годах существовали также польские библиотеки в Москве и Ленинграде²³.

Большое внимание уделялось в СССР подготовке квалифицированных национальных кадров для работы среди западно- и южнославянских национальных групп. В 20-е — первой половине 30-х годов наряду с другими советскими вузами их готовил Коммунистический университет национальных меньшинств Запада, где существовали польский и болгарский секторы²⁴. Само существование польского, болгарского, чешского населения, задачи развития его национальной культуры, деятельность высших учебных заведений, занимающихся подготовкой кадров соответствующих национальностей, не могли не стимулировать изучение языка, истории и культуры славянских народов.

Важным фактором, способствовавшим развитию славяноведения, было также пребывание в СССР полит-

эмигрантов из всех славянских стран. Под влиянием советской марксистской науки они особенно активно воспринимали и творчески разрабатывали ленинские идеи, в частности переосмысливая с позиций марксизма-ленинизма многие проблемы истории своих стран. Среди политэмигрантов, занимавшихся этими вопросами, были видные деятели коммунистических партий славянских стран Г. Димитров, В. Коларов, Х. Кабакчиев, Ю. Мархлевский (Карский), Ю. Лещинский (Леньский), Б. Шмераль, Ф. Филипович (Б. Бошкович) и др. Многие из их работ были посвящены актуальнейшим вопросам коммунистического и рабочего движения в славянских странах, современному положению этих стран. Были среди политэмигрантов и ученые-марксисты: Г. Бакалов, Т. Павлов, позже — З. Неядлы. Политэмигрантам были предоставлены все возможности не только для повышения своего теоретического и научного уровня, но и для научной деятельности. Они работали во многих научно-исследовательских институтах, печатали научные и публицистические труды в советских изданиях.

Естественно, что политэмигранты наряду с общетеоретическими вопросами уделяли большое внимание изучению своих родных стран. Г. Бакалов, например, занимался в СССР историей болгарского революционного движения, русско-болгарскими революционными связями, историей болгарской литературы, выступил со своим проектом реформы болгарского правописания²⁵. Х. Кабакчиев исследовал вопросы внутреннего и международного положения балканских стран в XIX—XX вв., влияние на балканские народы Великой Октябрьской социалистической революции, историю коммунистического и рабочего движения в Болгарии²⁶. Ю. Мархлевский изучал историю Польского государства и историю польского вопроса в политике европейских держав, польскую литературу²⁷. Автором многочисленных работ по новейшей истории Югославии был Ф. Филипович²⁸.

На большой вклад зарубежных ученых-марксистов в создание советского славяноведения справедливо указывается в большинстве историографических работ с славистике в СССР, в том числе в последних обзорах, помещенных в энциклопедических изданиях²⁹. Наряду с этим в литературе существует, однако, мнение (в последние годы жизни его придерживалась И. М. Белявская)³⁰, что работы ученых-политэмигрантов из славянских стран

прямо не относятся к советскому славяноведению. Такое утверждение вряд ли правильно: ведь эти работы публиковались в СССР, были предназначены для советского читателя и, таким образом, являлись неотъемлемой частью советских научных исследований. Разумеется, это несколько не мешает при изучении творчества того или иного ученого рассматривать его деятельность и в контексте зарубежной историографии.

Характерной чертой работ ученых-политэмигрантов было обращение к тематике, почти не связанной со славяноведением в традиционном для того времени понимании как филологической в своей основе отрасли. Следуя за своими советскими коллегами, основное внимание они уделяли истории славян, прежде всего истории революционного движения. Особенно примечательно, что во многих из этих работ исследовались такие злободневные вопросы, как экономическое и политическое положение славянских стран после Октябрьской революции, международное положение и внешняя политика этих стран, коммунистическое и рабочее движение и т. д. Большинство из них печаталось в изданиях Коминтерна, прежде всего в журнале «Коммунистический Интернационал», журнале Профинтерна «Красный интернационал профсоюзов» и других такого рода изданиях, в советских общественно-политических журналах. Вместе с тем политэмигранты выступали по этим вопросам в научных журналах — органе Института мирового хозяйства и мировой политики Коммунистической Академии «Мировое хозяйство и мировая политика», органе Международного аграрного института «Аграрные проблемы» и т. д. С середины 20-х годов усилиями политэмигрантов, а также некоторых отечественных авторов создаются многочисленные популярные брошюры³¹ и ряд более серьезных работ³².

Меньше изучались в 20-е и 30-е годы современные славянские литературы. Здесь публиковались лишь краткие обзоры, статьи³³, небольшие очерки о творчестве некоторых славянских писателей³⁴, предисловия к художественным произведениям, рецензии. Первые более или менее обстоятельные работы о новейшей польской и болгарской литературе³⁵ появились лишь в 1939 г., когда наметился перелом в развитии советской славистики.

Развитию изучения славянских стран способствовало и постепенное возникновение новых, марксистских на-

учно-исследовательских учреждений, специально занимающихся полонистикой. 23 января 1925 г. было создано первое учреждение подобного рода — Польская комиссия Истпарта. Председателем комиссии стал Ф. Э. Держинский, его заместителем — И. А. Уншлихт, членами комиссии были утверждены С. Бобинский, С. Будзинский, Ф. Кон, Ю. Ротштадт (Ю. Красный). При комиссии под руководством Ю. Ротштадта был создан Польский коммунистический архив, перед которым была поставлена задача собирать материалы, относящиеся к революционному движению в Польше³⁶.

За три года существования Польская комиссия Истпарта провела большую работу. Как указано в ее отчете, на 1 марта 1927 г. комиссия подготовила несколько документальных публикаций по истории польского революционного движения³⁷ и сборник статей о революции 1905—1907 гг. в Польше³⁸. Наибольшее значение имела публикация материалов о деятельности СДКПиЛ в 1893—1905 гг., изданная в качестве первого тома предполагаемого двадцатитомного собрания документальных материалов по истории польского социалистического движения³⁹.

В 1926 г. комиссия начала выпускать на польском языке журнал «С поля борьбы»⁴⁰. В нем печатались статьи, воспоминания и документы по истории польского революционного и рабочего движения.

После слияния в мае 1928 г. Истпарта с Институтом Ленина и Институтом Маркса и Энгельса издание журнала и публикация документальных материалов были продолжены Редколлегией польских изданий ИМЭЛ; до 1934 г. она выпустила 16 номеров журнала, а в 1934 и 1936 гг. ИМЭЛ издал сборники документальных материалов, относящихся к различным периодам истории польского рабочего движения⁴¹.

Несколько позже возникли полонистические научно-исследовательские учреждения в Белоруссии и на Украине. На Украине в 30-х годах существовал Польский институт пролетарской культуры⁴². В Белоруссии еще во второй половине 20-х годов в составе Института белорусской культуры работал польский отдел⁴³. В первой половине 30-х годов Польша изучалась сначала в Польском секторе АН БССР, а затем в Польском институте пролетарской культуры, входившем в состав Академии.

Польский сектор выпускал серию «Издания», в кото-

рой вышли упомянутая выше библиография И. Залевского, а также исследование известного польского историка-марксиста Я. Витковского о восстании 1863 г. и польско-русских революционных связях начала 1860-х годов⁴⁴. Сектором были опубликованы также материалы дискуссии о реформе польского правописания, проходившей в СССР в 1924—1931 гг.⁴⁵

Изданий Польского института пролетарской культуры, директором которого был Я. Витковский, известно лишь два: продолжение библиографии И. Залевского за 1930 г.⁴⁶ (институт планировал издание и следующего выпуска этого ежегодника, но он не был завершён в связи с болезнью автора)⁴⁷ и исследование В. Будкевич «Рабочее движение в Царстве Польском в 1870—1900 гг.»⁴⁸

Некоторые научные и научно-популярные издания, содержащие материалы о Польше 20—30-х годов, печатались и другим научным подразделением Белорусской Академии наук — Комиссией по истории Западной Белоруссии. Под грифом комиссии вышел сборник, куда включено свыше двадцати очерков, посвящённых программам и деятельности крупнейших партий Польши и её национальных окраин⁴⁹, а также несколько брошюр, преимущественно о положении трудящихся Западной Белоруссии⁵⁰.

В 1931—1936 гг. комиссия издавала «Информационный бюллетень», составленный в основном из обзоров польской и западнобелорусской прессы⁵¹. Преимущественное внимание в бюллетене уделялось экономическому положению в Западной Белоруссии, борьбе белорусских трудящихся против социального и национального гнета. Вместе с тем бюллетень информировал об экономическом и политическом положении Польши в целом. В ряде выпусков имелись специальные разделы об экономике страны, о её вооружённых силах и военном бюджете; в разделе «Рабочее движение» неоднократно сопоставлялись данные о заработной плате трудящихся Западной Белоруссии и других районов Польши и т. д.

Складывавшиеся с середины 20-х годов полонистические научно-исследовательские учреждения занимались, как видно из перечня их изданий, преимущественно современным положением Польши и историей польского революционного движения, т. е. довольно далекой от традиций дореволюционного славяноведения тематикой.

Вместе с тем и в названиях и в разноплановом характере изданий большинства этих учреждений прослеживается стремление к изучению Польши со страноведческой точки зрения. Последнее, несомненно, сближает их деятельность со славистикой в междисциплинарном понимании.

Перечисленные выше факторы — публикация источников (документов, воспоминаний, художественных произведений), развитие национальной культуры проживающих в СССР представителей славянских народностей и подготовка из них национальных кадров, научная деятельность коммунистов-политэмигрантов, возникновение научно-исследовательских учреждений, полностью или частично занимавшихся Польшей и другими славянскими странами, оказывали весьма сильное влияние на продолжавших еще свою научно-исследовательскую работу представителей дореволюционной славистики. Важным организационным центром, в составе которого работали старые кадры, были академические комиссии по славистике Отделения русского языка и словесности. В 1931 г. в Ленинграде был создан Институт славяноведения под руководством Н. С. Державина, продолживший на новых основах развитие академического славяноведения.

Деятельность славяноведческих учреждений Академии наук СССР подробно исследована К. И. Логачевым в указанных выше статьях. Он делает совершенно правильный вывод, что «уже в первый период своей истории советское академическое славяноведение... было осязательно комплексным и разносторонним, т. е. уже обладало теми характеристиками, которые типичны для современного советского славяноведения»⁵². Созданная еще в 1915 г. Комиссия по изданию памятников кирилло-мефодиевской традиции после Октябрьской революции «олицетворяла стремление к преодолению прежней филологической ограниченности в изучении древнейших славянских письменных памятников»⁵³, а действовавшая в 1926—1929 гг. Славянская комиссия «рассматривала широкий круг актуальных славяноведческих проблем, причем Комиссия считала для себя одной из важнейших проблему современного славянства»⁵⁴.

Однако К. И. Логачев рассматривает славистические исследования, осуществлявшиеся в Академии наук СССР, изолированно от деятельности по изучению славянских стран, развернувшейся за пределами Академии. Это приводит его к неправомерному утверждению, что

«в 1917—1934 гг. ...отечественную славистику представляла прежде всего и почти исключительно Академия наук»⁵⁵.

Выше были перечислены некоторые работы о славянских странах, выпущенные не академическими учреждениями. К ним можно было бы добавить часто упоминаемые в литературе работы И. В. Волковичера, С. Н. Драницына, Б. П. Козьмина, Г. И. Лурье, Г. Г. Писаревского, Э. Шибышевского (Ч. Ясинского). Эти работы являются как раз теми исследованиями актуальной тематики, стремление к разработке которых характерно и для славяноведческих подразделений Академии наук.

И по тематике, традиционной для дореволюционного славяноведения, за рамками Академии наук СССР проводилась немалая научно-исследовательская работа. Она была сосредоточена в Московском и Ленинградском университетах, а также на Украине и в Белоруссии.

В Москве некоторые вопросы славянской диалектологии, этимологии и сравнительной грамматики славянских языков, праславянской грамматики исследовали профессора университета Г. А. Ильинский и А. М. Селищев (ряд их статей был опубликован в СССР, другие статьи и несколько монографий вышли за рубежом)⁵⁶.

В Ленинграде, кроме лингвистов Е. Ф. Карского, Б. М. Ляпунова и М. Г. Долобко, совмещавших работу в университете с деятельностью в Академии наук и ее учреждениях, славистикой занимались специалист по истории польской литературы В. Г. Чернобаев, автор ряда статей о южнославянских литературах, истории и этнографии южных славян К. А. Пушкаревич, историк В. Н. Кораблев. Деятельностью славистов университета непосредственно руководил его ректор Н. С. Державин; впоследствии они составили основной костяк специалистов руководимого Державиным Института славяноведения Академии наук⁵⁷.

Белорусскую славистику в 20-е годы представлял А. Н. Ясинский, опубликовавший в трудах Белорусского университета и других белорусских изданиях ряд работ по истории средневековой Чехии⁵⁸.

Наибольшее внимание славистическим исследованиям уделялось на Украине. Здесь в 1920-е годы были опубликованы научные издания и исследования древнейших памятников славянской письменности Н. К. Грунского и П. А. Лаврова⁵⁹, «Введение в сравнительную граммати-

ку славянских языков» Л. А. Булаховского⁶⁰, ряд статей по вопросам славянского языкознания. Несколько ученых занимались вопросами связей украинской литературы с литературами западных и южных славян (В. Гнатюк, А. Шамрай, Д. Шелудько)⁶¹.

В «Записках» историко-филологического и социально-экономического отделов Украинской Академии наук, в «Трудах» академической комиссии для изучения западно-русского и украинского права был напечатан ряд работ Ф. В. Тарановского по истории средневекового польского права⁶², интересная статья И. Балинского о польском, литовском и украинском феодализме⁶³, исследование М. В. Бречкевича о Восточно-Поморском княжестве в XIII—XIV вв.⁶⁴ Наконец, в органе Украинской Академии наук журнале «Украина» регулярно публиковались рецензии на работы советских, польских, чешских, болгарских и некоторых западноевропейских славистов; печатались обзоры содержания некоторых зарубежных славистических журналов.

В начале статьи отмечалось, что на состоянии славистики в 20-е и 30-е годы неблагоприятно сказалось распыление научных сил. Однако приведенные выше факты свидетельствуют о том, что и в это время некоторые ученые, занимавшиеся традиционными вопросами славистики, продолжали научную и преподавательскую работу. Часть их (А. И. Степович, А. Н. Ясинский и др.) основывалась на старых методологических принципах. Вместе с тем существовала и группа славистов, пытавшаяся перестроиться в соответствии с требованиями современности, успешно овладевавшая марксистской методологией. Среди них были Н. С. Державин, К. А. Пушкаревич, А. М. Селищев, В. Г. Чернобаев и др. Вместе с зарубежными учеными-марксистами они, несомненно, способствовали формированию нового поколения славистов, первые представители которого (М. В. Миско, Л. В. Разумовская, А. А. Савич и др.) вышли на научное поприще незадолго до Великой Отечественной войны и развернули свою основную деятельность после ее окончания.

Таким образом, картина становления советского славноведения много сложнее, чем обычно представляется. На его развитие влияли весьма разнообразные факторы. Некоторые из них тормозили славистические исследования, однако под влиянием других славистика в СССР продолжала развиваться, приобретая такие характерные

черты, как актуальность тематики и комплексный характер.

Важное место в советской славистике занимали славистические подразделения Академии наук СССР. Однако они не были единственными организациями подобного рода. Это необходимо учесть при дальнейшей разработке истории советской славистики.

- ¹ *Логачев К. И.* Отечественная кирилло-мефодиевская текстология в 1910—1920-е гг.— *Сов. славяноведение*, 1977, № 4, с. 66—80; *Он же.* Советское славяноведение до середины 30-х годов.— Там же, 1978, № 5, с. 91—103.
- ² *Митряев А. И.* Дослідження в наукових установах УРСР 20-х років середньовічної історії зарубіжних слов'ян і Візантії.— *Вісник Харківського університету*, 1975, № 118. Історія, вип. 9, с. 32—44.
- ³ *Калоева И. А.* Советское славяноведение: Лит. о зарубеж. славян. странах на рус. яз., 1918—1960. М., 1963. 402 с.
- ⁴ Подробнее о политических интерпретациях идеи «славянской взаимности» в антисоветском духе за рубежом после Октябрьской революции см. в статьях: *Дьяков В. А.* Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения (с конца XVIII в. до 1939 г.) — В кн.: *Методологические проблемы истории славистики*. М., 1978; с. 252—257; *Он же.* О некоторых аспектах развития славистики в 1918—1939 гг.— *Сов. славяноведение*, 1981, № 1, с. 78—92.
- ⁵ *Покровский М. Н.* Панславизм на службе империализма.— *Правда*, 1927, 26 июня.
- ⁶ На такой пересмотр указывает относящееся к 1930 г. высказывание М. Н. Покровского об «известном тяготении славян к советской науке» и разрывании на этой основе «борьбы за центр славяноведения между Прагой, Варшавой и Москвой» (см.: *Покровский М. Н.* Историческая наука и борьба классов. М., 1933, вып. 2, с. 366), а также засвидетельствованное Н. С. Державным (ЛО ААН, ф. 220, оп. 1, д. 31, л. 1) активное участие Покровского в создании ленинградского Института славяноведения (1931).
- ⁷ Об этом свидетельствуют, например, годовые отчеты Румянцевского музея за 1922—1924 гг. по отделу славяноведения. См.: *Архив ГБЛ*, оп. 17, д. 203, л. 48 об.; д. 221, л. 44, 44 об.; д. 252, л. 33 об.
- ⁸ Они продолжали существовать до начала 30-х годов только в Московском и Ленинградском университетах. См.: *Злыднев В. И.* Изучение зарубежных славянских литератур в Советском Союзе.— *Сов. славяноведение*, 1967, № 5, с. 54.
- ⁹ Эти работы, опубликованные до 1929 г., перечислены *И. Алмазовым* в насчитывающем 239 записей «Библиографическом указателе литературы о советско-польской войне 1920 г.» См.: *Записки Ком. акад. Секция по изучению проблем войны*, 1930, № 1, с. 219—231.
- ¹⁰ Анализ ряда этих работ содержится в статье: *Наумов В. П.* К историографии белочешского мятежа в 1913 году — *Учен. зап.*

- Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, 1958, вып. 40, с. 142—180.
- ¹¹ *Лапинский П.* Польша, Антанта и польско-русская война.— Вестн. Нар. комиссариата иностр. дел, 1920, № 4/5, с. 19—34; *Павлович М. П.* Война с польскими панями: Польско-шляхетская авантюра. Харьков, 1920. 31 с.; *Мархлевский Ю.* Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией. М., 1921. 43 с.; *Шмераль Б.* Чехословаки и эсеры. М., 1922. 28 с.; *Попов Ф. Г.* Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка. Самара, 1932. 232 с.; и др.
- ¹² Советская Россия и Польша. М., 1921, 121 с.
- ¹³ Запросы белорусских послов в польский сейм, 1922—1926 гг. Минск, 1927. 530 с.
- ¹⁴ Коммунистическая партия Польши — за антифашистский народный фронт: Речи гг. Ленского, Бронковского, Рваля, Белевского, Генриховского — делегатов Польской компартии. М., 1935. 95 с.
- ¹⁵ Русско-польские отношения в период мировой войны. М.; Л., 1926. 164 с.; *Попов А.* Чехословацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 гг.— Красный архив, 1929, т. 2(33), с. 3—33; т. 3(34), с. 3—38.
- ¹⁶ Константинополь и проливы: По секретным док. б. м-ва иностр. дел. М., 1925—1926. Т. 1. 549 с.; Т. 2. 473 с.; Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г.— Красный архив, 1925, т. 1(8), с. 3—48; т. 2(9), с. 3—31; Первая балканская война.— Там же, 1926, т. 2(15), с. 1—29; т. 3(16), с. 3—24; Эпизод из истории Балканской войны.— Там же, 1927, т. 6(25), с. 184—188; и др.
- ¹⁷ *Кон Ф. Я.* Воспоминания. Харьков, 1920. 52 с.; *Бакунин М. А.* Письма М. А. Бакунина к польским корреспондентам.— Летопись марксизма, 1927, № 4, с. 74—86; *Бакунин М. А.* Письма М. А. Бакунина к Коссиловскому.— Там же, 1927, № 5, с. 57—74; *Благоев Д.* Мои воспоминания. М.; Л., 1928. 68 с.; *Авейде О.* К истории Польского восстания 1863 г.: (Неизвестная рукопись О. Авейде: «Краткий очерк последних событий в Польше 1861—1864 гг.»).— Красный архив, 1933, т. 2(57), с. 100—139 и др.
- ¹⁸ *Залеускі І.* Бібліографія літаратуры аб Польшчы, Заходняй Украіне і Заходняй Беларусі, выданай у СССР у 1917—1929 гг. ... Менск, 1931. 103 с. (Беларус. Акад. навук. Польскі сэктар).
- ¹⁹ Данные 1926 г. о численности проживающих в СССР представителей зарубежных славянских народов (национальная принадлежность для граждан СССР и государственная принадлежность для иностранных подданных) могут быть выражены следующей таблицей (составлена по кн.: Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1929, т. 17, с. 8, 34, 35):

Национальность	Всего	В том числе считающих родным язык данной национальности
Поляки	792 471	362 904
Болгары	114 011	106 072
Чехи и словаки	30 671	25 079
Сербы и другие народности Югославии	4 124	3 130

- ²⁰ Подробнее о них см.: *Решетников Л. П.* Участие болгарских политэмигрантов в культурном строительстве в СССР в 20—30-х годах.— Сов. славяноведение, 1979, № 4, с. 32—44.
- ²¹ *Borski S.* Prasa polska w ZSRR. М., 1929. 45 с.
- ²² З життя Центральної польської державної бібліотеки.— Бібліологічні вісті, 1928, № 1(18), с. 97.
- ²³ Пролетарская революция, 1927, № 8/9, с. 445—446.
- ²⁴ Правила приёма в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Ю. Ю. Мархлевского...— Ком. революция, 1931, № 12, с. 61.
- ²⁵ Названия работ Г. Бакалова, опубликованных в СССР, перечислены в указателе И. Данчевой: Георги Бакалов. София, 1963, с. 102—124. Статью Бакалова о реформе болгарского правописания, неизвестную авторам библиографии, см. в газете: Коллективист (Харьков), 1930, 25 марта.
- ²⁶ См.: Христо Кабакчиев: Био-библиография. София, 1958, с. 330—348.
- ²⁷ См.: *Kaczanowska J.* Bibliografia prac Juliana Marchlewskiego. Łódź, 1954, s. 167—180.
- ²⁸ См.: *Мовчан С. П.* Філіп Філіпович — Дослідник новітньої історії Югославії.— Проблеми слов'язнавства, 1978, вип. 18, с. 123—131.
- ²⁹ *Королюк В. Д., Тульчинский М. Р.* Славяноведение.— СИЭ, 1971, т. 13, стб. 14—32; *Королюк В. Д.* Славяноведение.— БСЭ. 3-е изд., 1976, т. 23, с. 546—550.
- ³⁰ *Белявская И. М.* Советское славяноведение за 50 лет — В кн.: Советское славяноведение: Материалы IV конференции историков-славистов... Минск, 1969, с. 12.
- ³¹ *Радзишевский А.* Крестьянский вопрос в Польше. М., 1923. 67 с., перед загл. псевд.: Р. Арский; *Кон Ф. Я.* Современная Польша. М., 1924. 115 с.; *Лецинский Ю.* Куда идет Польша. М.; Л., 1926. 33 с.; *Крейбих К.* Коммунистическая партия Чехословакии. М.; Л., 1928. 78 с.; *Бейлин А. С.* Чехословакия. М., 1930. 56 с.; *Балуцкий Л.* Революционная борьба текстильщиков Лодзи. М., 1934. 104 с.; *Явленский Е. Г.* Жизнь и борьба рабочих Польши. М., 1934. 106 с.; *Зарецкий М. И.* Положение крестьян в Польше. М., 1936, 63 с.; *Козо Ф.* Чехословакия. М., 1938. 47 с.; и др.
- ³² *Орманов И.* Борьба крестьян Болгарии. М.; Л., 1927. 160 с., перед загл. псевд.: М. П. Горов; *Пушас И. О.* Современная Польша и СССР: (Экон. очерк). М., 1928. 101 с.; *Малицкий А.* Государственный строй Польши. М.; Л., 1930. 101 с.; *Петровский Б. Н.* Положение и борьба крестьянства в Югославии. М., 1933. 87 с.; *Генов Г., Червенков В.* Сентябрьское восстание в Болгарии 1923 года. М.; Л., 1934. 183 с., перед загл. псевд.: Г. Цонев, А. Владимиров; *Польская деревня во время кризиса.* Влодавский С., Пазурек А., Спектатор М., Тарашкевич Б., Ясинская Я. М., 1935. 223 с.; *Врублевский А.* Польша. М., 1936. 212 с.; и др.
- ³³ *Маца И.* О новой чешской литературе.— Печать и революция, 1925, кн. 1, с. 153—158; *Бернацкий С.* Польская литература в 1927 р.— Критика, 1928, № 1, с. 86—97; *Штейн Г.* О современной польской литературе.— Красная новь, 1928, кн. 11, с. 245—254, в конце текста псевд.: Г. Каменский; *Родзевіч С.* Сучасна польська поезія.— Життя і революція, 1928, № 6, с. 150—162; *Пушкаревич К. А.* Современная болгарская литература. Л., 1930. 24 с.;

- Скачков М. Современная литература Чехословакии.— Вестн. иностр. лит., 1930, № 6, с. 138—161; *Людкевич С.* Литература современной Польши.— Октябрь, 1935, № 3, с. 177—188; и др.
- ³⁴ *Штейн Г.* Стефан Жеромский.— Красная новь, 1927, № 6, с. 250—259; в конце текста псевд.: Г. Каменский; *Крейбих К.* Ярослав Гашек.— Литература мировой революции, 1932, № 5/6, с. 89—108; *Живов М. С.* Владислав Броневский, поэт революционной лирики.— Интернациональная литература, 1936, № 8, с. 130—137; и др.
- ³⁵ *Величков А.* Христо Смирненски. Киев, 1939. 133 с.; *Живов М. С.* Польская литература о крестьянстве в панской Польше. М., 1939. 72 с.
- ³⁶ *Ротштадт Ю.* Отчет Польской комиссии Истпарта ЦК ВКП(б). (23.I 25 г. по I.III 27 г.).— Пролет. революция, 1927, № 8/9, с. 440—446; *Бобинский С.* Материалы по истории польского большевизма.— Историк-марксист, 1928, т. 7, с. 255—260.
- ³⁷ *Łódzkie powstanie zbrojne w czerwcju 1905 roku.* М., 1925. 73 с.; *Кон Ф. Я.* Пролетариат, 1885—1925. М., 1926. 64 с.
- ³⁸ 1905 rok w Polsce. М., 1926. 119 с.
- ³⁹ *Materialy do dziejów ruchu socjalistycznego w Polsce.* М., 1927. Т. 1, cz. 1, 208 с.; Т. 1, cz. 2. 188 с.
- ⁴⁰ *Z pola walki. Pismo poświęcone historii ruchu rewolucyjnego...*
- ⁴¹ *Rady delegatów robotniczych w Polsce w 1918—1919.* М., 1934. 335 с., а также серия сборников, близкая по замыслу к двадцатитомнику Польской комиссии Истпарта: *Proletariat.* М., 1934. 240 с.; *Socjaldemokracja Królestwa polskiego i Litwy: Materiały i dokumenty, 1914—1918.* М., 1936. 412 с.
- ⁴² Архив АН БССР, ф. 7, д. 2, № 10, л. 18.
- ⁴³ В 1927 г. в Минске вышел единственный том «Трудов» Исторической комиссии этого отдела, содержащий публикации архивных материалов о восстании 1863 г. в Минской губернии: *Rok 1863 na Mińszczyźnie... Zebrali i opracowali J. Witkowski, O. Janiewicz i Lp. Lech.*
- ⁴⁴ *Witkowski J.* Powstanie 1863 roku i rosyjski ruch rewolucyjny początku 1860-ch lat. Mińsk, 1931. 168 с.
- ⁴⁵ *Materialy dyskusyjne w sprawie reformy pisowni polskiej.* Mińsk, 1931. 80 с.
- ⁴⁶ *Залеускі І.* Бібліографія літэратуры аб Польшчы, Заходняй Украіне і Заходняй Беларусі, выданай у СССР у 1930 г... Менск, 1933. 32 с.
- ⁴⁷ Архив АН БССР, ф. 7, д. 2, № 10.
- ⁴⁸ *Budkiewiczowa W.* Ruch robotniczy w Królestwie polskim w latach 1870—1890. Mińsk, 1934. Cz. 1. 68 с.
- ⁴⁹ Политические партии в Польше, Зап. Белоруссии и Зап. Украине/ [Под ред. С. Скульского [С. Мертенса]. Минск, 1935. 335 с.
- ⁵⁰ *Мятла П.* Аб Таварыстве беларускай школы і яго барацьбе. Менск, 1932. 34 с.; За соцыяльнае і нацыянальнае вызваленне Заходняй Беларусі; Заклік шостага пленуму ЦК КПЗБ. Менск, 1933. 76 с.; и др.
- ⁵¹ В 1931—1933 гг. выходил на белорус. яз., было выпущено восемь номеров; в 1934—1936 гг. издавался на рус. яз., всего вышло 45 номеров; кроме того, в 1935 г. вышел № 9 бюллетеня на белорус. яз. под заглавием «Заходняя Беларусь».
- ⁵² *Логачев К. И.* Советское славяноведение до середины 30-х годов..., с. 103.

⁵³ Там же, с. 102.

⁵⁴ Там же, с. 98.

⁵⁵ Там же, с. 91.

⁵⁶ См. библиографические указатели работ Г. А. Ильинского (в кн.: *Журавлев В. К.* Григорий Андреевич Ильинский. М., 1962, с. 66—72) и А. М. Селищева (в кн.: *Селищев А. М.* Избранные труды. М., 1968, с. 630—635), а также статью С. Б. Бернштейна «Советской славянской филологии 50 лет» (Сов. славяноведение, 1967, № 5, с. 82—85), где характеризуется их деятельность в Московском университете.

⁵⁷ См.: Архив ЛГУ, Личный стол, св. 41, д. 1328 (Е. Ф. Карский); д. 1464 (К. А. Пушкаревич); св. 46, д. 1480 (В. Н. Кораблев); св. 56, д. 2021 (В. Г. Чернобаев); св. 57, д. 1843 (Б. М. Ляпунов); о преподавательской деятельности в ЛГУ Н. С. Державина и М. Г. Долобоко см. в указ. выше статье С. Б. Бернштейна, с. 85—86.

⁵⁸ См. библиографический список «Сочинения А. Н. Ясинского», составленный А. Н. Ясинским и опубликованный А. Е. Москаленко в «Трудах Воронежского университета» (1969, т. 85, с. 265—268).

⁵⁹ *Груньський М. К.* Київські листки та Фрейзінгенські уривки. Київ, 1928. 22 с.; *Лавров П. А.* Кирило та Методій в давньослов'янському письменстві. Київ, 1928. 421 с.

⁶⁰ *Булаховський Л. А.* Вступ до порівняної граматики слов'янських мов. Харків, 1927. 84 с.

⁶¹ См.: *Злыднев В. И.* Изучение зарубежных славянских литератур в Советском Союзе (1917—1967 гг.) — Сов. славяноведение, 1967, № 5, с. 56.

⁶² *Тарановський Ф. В.* Статистичні описи Польщі Кромера й Старовольського та їх значіння для утворення догматики польського державного права в XVII в.— Зап. соціально-економічного відділу УАН, 1926, кн. 4, с. 1—39; *Он же.* Перший систематичний виклад догми державного права Речі Посполитої в другій половині XVII в. в трактаті Хвальківського.— Там же, кн. 5/6, с. 26—60; и др.

⁶³ *Балінський І.* Нариси з історії феодалізму та феодального права в Польщі, Литві та на Україні — Праці/Комісія для виучення історії заходньо-руського та українського права, 1926, вип. 2, с. 252—273.

⁶⁴ *Бречкевич М. В.* Східно-поморське князівство та його занепад.— Наукові записки/Дніпропетровське наукове при ВУАН товариство, 1929, вип. 1, с. 1—106.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛОНИСТИКИ

В советской исторической науке полонистика заняла достойное место. Над проблемами истории польского народа, неразрывно связанной с историей народов СССР, трудится большой коллектив исследователей¹. Их научная продукция — статьи, монографии, публикации, научно-популярные труды, учебные пособия — составляют весомую часть советских работ по всеобщей истории. Отмечая успехи, не приходится забывать, что путь к ним был долог и непрост.

Часть славистов в России выступала с реакционных позиций, и потому достаточно скомпрометировала себя в глазах русской передовой общественности².

Вместе с тем русскую славистическую науку представляли многие прогрессивно настроенные ученые и общественные деятели, создавшие интересные и оригинальные исследования³.

После Октябрьской революции часть историков-полонистов очутилась в эмиграции, часть по разным причинам отошла от научной деятельности. Правда, работы по истории Польши не переставали выходить, но сложившаяся в дореволюционной славистике традиция полонистических штудий оборвалась. И дело даже не в том, что старая наука переживала острый кризис, что появившиеся в первые годы Советской власти издания по своему духу, по своей методологии принадлежали дооктябрьской историографии. В других отраслях всеобщей истории также наблюдались трудности — политического, методологического, организационного порядка, но в большинстве случаев не исчезла преемственность. В полонистике же ее практически не было. Такие сформировавшиеся еще в дореволюционные годы ученые, как В. И. Пичета или Б. Д. Греков, с чьими именами в дальнейшем будет связан подъем этой отрасли исторических знаний, в 20 — начале 30-х годов ни в исследованиях, ни в педагогической деятельности к польской проблематике специально не обращались.

При всем том новые исследования в области недавнего и далекого прошлого польского народа осуществлялись. Они шли в русле динамично развивавшейся марксистско-ленинской науки и опирались на труды основоположников научного коммунизма. Статьи К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, посвященные польскому вопросу, замечания на темы польской истории в их творческом наследии и переписка заложили здесь прочную основу. Чрезвычайно большой теоретический интерес представляли, в частности, ленинские наблюдения над особенностями национально-освободительного и революционного движения в Польше.

До середины 30-х годов в разработке полонистики с позиций исторического материализма активно участвовали польские коммунисты, жившие в СССР. Многие источники и исследования по истории польского освободительного движения были напечатаны в органе Польской комиссии Истпарта журнале «Z pola walki» (1926—1934 гг.). Выходили также отдельные публикации, сборники статей⁴.

Широтой научных интересов выделялся Ю. Мархлевский⁵ — профессиональный революционер, видный деятель польского и международного рабочего движения и вместе с тем один из первых польских историков-марксистов. С 1918 г. и до своей смерти (1925 г.), находясь в Советской России, он сочетал работу в Коминтерне и на дипломатическом фронте с научно-педагогической деятельностью. Мархлевский читал цикл лекций на факультете общественных наук Московского университета. Он был лектором Института красной профессуры, возглавлял Коммунистический университет им. Свердлова (при котором по его инициативе была создана польская партийная школа) и т. д. Констатируя, что «марксистских работ по истории Польши чрезвычайно мало», редактор изданного в 1931 г. тома исторических произведений Мархлевского С. Бобинский по праву мог сказать: «Ю. Мархлевский остается до сих пор основным в этой области писателем»⁶.

М. Н. Покровский и его ученики неоднократно затрагивали польскую проблематику. Царство Польское Покровский рассматривал как самую революционную окраину империи царей и одним из первых обратил внимание на то, сколь широко было участие русских революционеров в восстании 1863 г.⁷

Историки-марксисты и близкие к ним ученые обращались к истории Польши прежде всего в связи с изучением классовой борьбы, национально-освободительного и революционного движения в России и Европе. Их особое внимание привлекало восстание 1830—1831 гг.⁸ и другие вехи революционного процесса в польских землях, прежде всего рабочее движение⁹. Немалый вклад в изучение этих проблем внес, в частности, Э. Пшибышевский (выступал под псевдонимом: Ч. Ясинский), перу которого принадлежит ряд работ по истории восстания 1863 г., о революции 1905—1907 гг. и роли в ней польского пролетариата, о влиянии Великой Октябрьской революции на рабочий класс Польши¹⁰. Для этих работ характерным было стремление выяснить классовую сущность происходивших событий, их связь с революционным процессом в России.

В многочисленных публикациях секретных документов из царских архивов освещалась политика русского царизма и западноевропейских держав в польском вопросе. Совместными усилиями историков и литературоведов были обнаружены многие, до той поры неизвестные факты из истории политических и литературных контактов между передовыми деятелями России и Польши. Значительно расширились представления о взаимоотношениях декабристов с Патриотическим обществом, об их взглядах на будущее Польши¹¹. Вышли новые работы о Мицкевиче, а также были найдены и опубликованы материалы, принадлежащие поэту или касающиеся его¹².

Постепенно прокладывало себе дорогу сознание необходимости расширить — тематически и хронологически — рамки исследовательской работы. Так, М. В. Джервис подчеркивал, что «без исследования генезиса польского феодализма становится затруднительным и недостаточно плодотворным изучение многих проблем позднейшей, вплоть до XX в. включительно, польской истории»¹³. Однако от выдвижения такого рода постулатов до их реализации было еще далеко. Показательно, что в университетском учебнике по истории средних веков, вышедшем значительно позднее — в 1938—1939 гг.¹⁴, главы о Польше были написаны Е. А. Косминским (X—XV вв.) и В. В. Стоклицкой-Терешкович (XVI—XVIII вв.), известными советскими медиевистами, которые, однако, польской тематикой специально не занимались.¹⁵ В планах открытого в сентябре 1931 г. ленинградского Инсти-

тута славяноведения история Польши занимала значительное место, но планы эти остались в большинстве своем неосуществленными¹⁶.

В книгах и статьях 20-х — первой половины 30-х годов не могли не проявиться общие черты советской историографии тех лет. К истории Польши М. Н. Покровский прилагал свою теорию торгового капитализма, и, например, участие России в первом разделе Речи Посполитой у него объяснялось стремлением русского торгового капитала к экспансии¹⁷. В статье М. В. Джервиса, упоминавшейся выше, И. Лелевель без колебаний зачислен в разряд историков, отражавших «интересы складывающейся в конгрессовой Польше промышленной буржуазии»¹⁸. На оценки истории польского рабочего движения и действовавших в нем партий наложила отпечаток острая внутрипартийная борьба, которая шла в Коммунистической партии Польши на рубеже 20—30-х годов¹⁹. А во второй половине 30-х годов изучение истории КПП практически прекратилось.

В целом же исследования по истории Польши плодотворно развивались, и их успехи стояли в прямой связи с общим прогрессом советской исторической науки, с достижениями в разработке истории народов СССР. Наглядным примером служит монография С. Н. Драницына²⁰, которой в довоенные годы был завершён цикл работ о польском революционном движении шляхетского периода. Опираясь на труды и публикации своих предшественников, автор расширил круг привлекавшихся ранее источников, использовав значительное число архивных материалов. В ряде вопросов он сумел преодолеть схематизм в освещении сложных социальных явлений, свойственный более ранним работам. Книгу отличало стремление рассматривать проблему на широком фоне капиталистического развития города и деревни Царства Польского. В этом отношении ценным дополнением к ней явились статьи У. А. Шустера²¹.

Названные труды Драницына и Шустера и другие исследования (среди них отметим серию статей С. Ф. Иванецкого о начале Барской конфедерации и народном восстании на Правобережной Украине в 1768 г.²²) увидели свет в годы, когда советская полонистика, как и все славяноведение, вступила в пору своего динамичного подъёма. Подъём этот, помимо прочего, был обусловлен, как известно, и угрозой, которая нависла над славянскими народами со стороны германского фашизма.

В 1939 г. на историческом факультете Московского университета была образована кафедра истории южных и западных славян. В том же году в Институте истории АН СССР образовался сектор славяноведения. Возглавил их В. И. Пичета, который в своей научной и педагогической деятельности на первый план выдвигал польскую тематику²³. Его учениками стали И. М. Белявская, И. С. Миллер, В. Д. Королюк и другие видные полонисты. Окончив МГУ в 1940 г., И. С. Миллер летом 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию о крестьянских восстаниях в Польше 1651 г., практически первым в марксистской историографии начав исследование классовой борьбы в средневековой Польше. Научные кадры готовились и в других местах. Новаторский характер носила кандидатская диссертация Иодко, посвященная колониционным процессам в Силезии XIII—XV вв. и защищенная перед самой войной на историческом факультете Ленинградского университета. К сожалению, подготовленные в то время работы смогли увидеть свет только в послевоенные годы²⁴.

Нараставшая военная угроза и начавшаяся в июне 1941 г. Великая Отечественная война наложили свой отпечаток на рассматриваемую тематику: в эти годы исследовалась преимущественно борьба украинского и белорусского народов за свое освобождение от гнета польских панов.

Наряду с этим объектом пристального внимания стала, особенно в первые послевоенные годы, тема совместной борьбы славянских народов, в том числе поляков, против германского натиска на восток. Говоря об этом периоде в истории советского славяноведения, В. Д. Королюк справедливо отметил, что грозные условия времени требовали яркой публицистической формы изложения. Недостаток источников и сжатые сроки приводили в некоторых работах к преобладанию элементов описательности над элементами анализа²⁵.

Нет основания преувеличивать этот вполне объяснимый недостаток. Советская историография конца 30-х — первой половины 40-х годов знает немало научно-популярных работ, в которых публицистичность формы не исключала анализа — демонстрируемого читателю или оставляемого за пределами текста, но в любом случае придававшего обоснованность авторским оценкам и выводам. Но были и такие случаи, когда в принципе верные

общие положения провозглашались вне связи с конкретным польским материалом, либо же конкретизировались на уровне трудов, давно устаревших по материалу и концепциям. Весьма характерная в этом смысле статья Н. Дайри²⁶ опиралась по преимуществу на статью В. В. Макушева 1876 г. (которая и в момент своего появления не являлась последним словом науки). У Н. С. Державина изложение строилось на основе русского перевода популярной «Истории польского народа» В. Грабенского (Смоленского)²⁷. Проблема формирования польского феодального государства была настолько слабо разработана в нашей литературе, что даже В. И. Пичета — один из основоположников советского славяноведения в статье 1947 г. по данному вопросу²⁸ постоянно апеллировал к устаревшей монографии Ф. И. Успенского. Отмечая эти недостатки, необходимо указать и на то, что работа В. И. Пичеты давала основу для принятой советским славяноведением схемы периодизации; небольшая по объему статья Н. Дайри содержала общий взгляд на три столетия истории Речи Посполитой, т. е. обе работы — и не только они — отчетливо тяготели к синтезу, к показу не разрозненных фактов, а процессов, отражая растущую потребность в создании обобщающего марксистского труда по истории польского народа.

Под знаком подготовки этого труда прошло для советских историков-полонистов первое послевоенное десятилетие. Задача была чрезвычайно сложной. Многие вопросы приходилось решать фактически заново.

В Институте славяноведения АН СССР, созданном в январе 1947 г., над капитальной «Историей Польши» начал работать авторский коллектив, возглавленный акад. Б. Д. Грековым и включивший в себя специалистов как из Института, так и из других научных центров. Первоочередным делом была разработка периодизации. Составители проспекта вполне успешно справились с задачей. Это показало совещание советских и польских историков, проведенное в Институте славяноведения в октябре 1950 г. Обмен мнениями на совещании вышел далеко за рамки простого обсуждения задач подготовляемого издания, структуры и содержания проспекта. Участники рассмотрели состояние советской славистики и польской исторической науки, перспективы дальнейшего укрепления разностороннего сотрудничества между ними.

Были проанализированы классовый характер и значимость ряда моментов из истории братского польского народа.

Главное внимание сосредоточилось на вопросе о периодизации как предельно сжато выраженном общем понимании исторического процесса. В целом советский проект периодизации получил высокую оценку со стороны польских коллег. И. С. Миллер, М. В. Миско, Л. В. Разумовская и другие авторы проспекта исходили из марксистско-ленинского учения о развитии общества и закономерной смене формаций. Содержание выделяемых ими периодов коренным образом отличалось от того, какое вкладывали в них представители различных течений дворянской и буржуазной историографии. При выборе же хронологических вех советские историки, в отличие от польских, не побоялись частичных совпадений с традиционной периодизацией. Это свидетельствовало об определенной научной зрелости советского славяноведения в конце 40-х годов²⁹.

Первый том «Истории Польши» увидел свет в 1954 г. На его титульном листе уже стояла надпись «В трех томах», тогда как первоначально издание было задумано как двухтомник. Вышедший в 1958 г. третий том заканчивал изложение первой половиной 1944 г. Значительно позднее, в 1965 г., Институтом славяноведения в качестве дополнительного тома были выпущены «Очерки истории Народной Польши», которые, однако, не строго стыковались с третьим томом: некоторые моменты из истории 1944 г. были освещены бегло или опущены.

Сколь ни велики были трудности, с которыми столкнулся авторский коллектив, обобщающий труд по праву получил положительную оценку научной общественности. Выход «Истории Польши» — заметная веха в развитии советской полонистики. Книга давала, хотя и не везде с одинаковой детальностью и убедительностью, целостную и в общем верную картину исторического процесса. Подготовка труда форсировала изучение истории Польши по многим направлениям, его выход в свет дал новый стимул исследовательской работе.

Самой собой разумеется, и после «Истории Польши» продолжали выходить сводные труды, в том числе учебные пособия. Так, вслед за первым (1957 г.) изданием университетского учебника по истории южных и западных славян, в котором история польского народа заняла

должное место, кафедра истории славян МГУ выпустила второе, кардинально переделанное и значительно улучшенное издание (1969 г.), а спустя десять лет на его основе создала курс лекций. Однако в полонистике 60—70-х годов центр тяжести отчетливо переместился в сторону монографических изысканий.

Выбор тем был обусловлен не только их научной значимостью и состоянием разработки. Обращалось внимание и на то, обеспечено ли изучение той или иной темы в Советском Союзе источниками (в частности, что могут здесь дать хранилища Москвы, Киева, Вильнюса, Ленинграда, Львова и других научных центров). Постепенно крепла координация исследовательских планов с неизмеримо выросшей по сравнению с уровнем 40—50-х годов марксистской наукой Польской Народной Республики, равно как с отечественной историографией истории народов СССР; на первый план выдвигался комплексный подход к проблематике.

Обзор трудов советских ученых по истории Польши, опубликованных за последнюю четверть века, в рамках статьи может быть только выборочным, освещающим лишь некоторые основные моменты. Неизбежную неполноту отчасти компенсирует наличие ряда обзорных работ³⁰.

«Не будет никакого преувеличения, если сказать, что и по объему выполненных исследований, и по числу участвовавших в них историков проблематика польско-русских отношений занимает самое большое место в работе советских медиевистов, специализирующихся по истории Польши», — говорил на историографической конференции 1968 г. В. Д. Королюк³¹. Подтвердим это несколькими примерами. Исследование политических взаимоотношений, имеющее самую давнюю традицию, обогатилось многими значительными трудами — достаточно назвать капитальные монографии В. Д. Королюка, И. Б. Грекова, Б. Н. Флори³². Указанные монографии при всей несхожести как нельзя лучше демонстрируют качества, свойственные новейшей литературе вопроса. Характерно, в частности, что контакты между двумя странами последовательно рассматриваются в сложном контексте общеполитической обстановки в регионе. Не менее важно и то, что в центре внимания постоянно находится обусловленность политических акций социально-экономическими процессами — обусловленность, кото-

рую иной раз удается обнаружить только благодаря тончайшему источниковедческому анализу. К примеру, если изучение раннефеодального Польского государства долгое время оставалось, как сказано было выше, узким местом, то сейчас коллективными усилиями ученых ход формирования государственности у славянских племен в бассейне Вислы (а также течение этнических процессов в этом регионе) стал виден несравненно рельефней³³.

Значительные силы в советской полонистике были ориентированы на разработку аграрной истории, без чего не может быть понята специфика хозяйственной, а в конечном счете и социально-политической эволюции польского феодального, особенно позднефеодального общества. Тематика эта тем более привлекала наших исследователей, что в Польше имел место «фольварочно-барщинный режим в его классическом варианте»³⁴, а следовательно, вскрыть суть и историческое значение так называемого второго издания крепостного права в ряде стран восточноевропейского региона в XVI—XVIII вв. без материала Речи Посполитой немислимо. Среди работ о барщинно-крепостнической системе хозяйства, основанных на широкой источниковой базе, назовем прежде всего монографию Л. В. Разумовской³⁵. Автор этой интересной книги придерживался в основном привычной методики; в то же время у нас, как и в ПНР, аграрники активно внедряли в свои исследования математические методы³⁶.

Заметный рубеж в углубленной разработке истории аграрного строя Речи Посполитой составили труды Д. Л. Похилевича, начиная с его статьи 1958 г.³⁷, где в полемически заостренной форме ученый выступил против общепринятого в ту пору представления, что якобы фольварочная система хозяйства стала главной причиной экономического и политического упадка страны, увенчавшегося разделами Речи Посполитой. Разгоревшаяся полемика не привела, очевидно, и не должна была привести к однозначному решению. Но концепция Д. Л. Похилевича бесспорно оказала большое позитивное воздействие на историографию. Ее составным элементом был сравнительный анализ явлений, характерных для Польши и поделивших ее держав, а это заставило внимательнее отнестись к особенностям государственного устройства Речи Посполитой. В изучение государственно-пра-

вовых форм позднефеодальной Польши известный вклад внесли и наши юристы³⁸.

Среди многочисленных исследований по истории средневековой культуры заметно преобладание книг и статей о русско-польских, украинско-польских, белорусско-польских культурных связях в эпоху Ренессанса и барокко. В середине 60-х годов большую работу выпустил А. И. Рогов³⁹, поставивший перед собой задачу выяснить, какими источниками восточнославянского происхождения пользовался Матвей Стрыйковский в своей знаменитой «Хронике» и как «Хроника» была воспринята на Украине и в России XVII в. А. И. Рогов вместе с Я. Д. Исаевичем, Е. Л. Немировским и другими учеными принял участие в специальном сборнике «Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.: Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения» (М., 1976, 360 с.).

К монографии Рогова близка книга Ю. А. Лимонова⁴⁰. Ее первая часть посвящена русским летописным источникам «Истории Польши» Яна Длугоша, «Трактата о двух Сарматиях» и «Хроники Польши» Матвея Меховского; тщательный текстологический анализ позволил автору сделать ценные наблюдения, в том числе — реконструировать фрагменты некоторых из утраченных летописей. Нельзя не отметить выход труда Л. И. Тананаевой «Сарматский портрет: Из истории польского портрета эпохи барокко» (М., 1979, 303 с), в котором прослежены генезис и дальнейшие судьбы этого наиболее национально-самобытного направления в портретной живописи Речи Посполитой, показаны функции сарматского портрета в общественной жизни XVII—XVIII вв.

При изучении нового времени полонисты Советского Союза много внимания уделяют проблематике революционных связей между народами России и Польши. Подробно и всесторонне изучались взаимоотношения между декабристами и польскими шляхетскими революционерами, польские контакты А. И. Герцена, история революционных организаций в русской армии, расположенной в Царстве Польском, участие русских людей в восстании 1863 г. и т. п.⁴¹ Наряду с русско-польскими связями внимание было обращено на выяснение польско-украинских, польско-белорусских, польско-литовских связей⁴². Исследования позволили показать сложный и длительный, зачастую противоречивый процесс складыв-

вания революционного союза между народами России и Польши, союза, направленного против системы социального и национального гнета, защищаемой царским самодержавием. Изучались также и события 70—80-х годов XIX в., о чем будет подробнее сказано ниже в связи с обзором исследований по истории рабочего движения.

В разработке истории освободительной борьбы польского народа более всего уделялось внимания восстанию 1863 г. В связи со столетним юбилеем восстания Академиями наук СССР и ПНР был разработан обширный план мероприятий, в соответствии с которым издается многотомная документальная публикация⁴³ и выпущен ряд тематических сборников статей⁴⁴. В результате совместной работы польских и советских ученых удалось выявить большое число новых источников, был обобщен значительный фактический материал, сформулированы некоторые новые принципиальные оценки.

Применение социолого-статистических методов при анализе такого важного источника, как списки участников восстания 1863 г., дало возможность сделать новые выводы относительно социального состава повстанцев⁴⁵. Если С. Н. Драницын отрицал роль в восстании обедневших и деклассированных слоев польского дворянства и его точка зрения нашла поддержку в послевоенной литературе, то исследования В. М. Зайцева доказали, что именно эти слои оказались во главе восстания, а тяжесть вооруженной борьбы в то же время легла на плечи трудящихся масс и мещанства, составлявших не менее 75% вооруженных сил повстанцев⁴⁶. Аналогичные изыскания проводились и для других районов восстания. Так, С. М. Байкова пришла к выводу, что большинство повстанцев на территории Белоруссии по своему социальному происхождению принадлежало к дворянству, но, фактически утратив связь со своим сословием, оно выступало под лозунгами, характерными для буржуазно-демократической революции⁴⁷.

Исследования значительно расширили и уточнили прежние представления о степени участия в восстании крестьянства, плебейских слоев города. Они имели важное значение для решения кардинального вопроса: каков характер восстания 1863 г. на землях бывшей Речи Посполитой. Попытки некоторых историков рассматривать освободительное движение в Литве и Белоруссии как чисто социальное, отгораживать его от польского движе-

ния не встретили поддержки у большинства специалистов⁴⁸. В развернувшейся оживленной полемике были допущены некоторые односторонние суждения. Тем не менее оценку восстания 1863 г. как единого по своим целям, но имеющего определенную специфику в зависимости от территории, на которой оно разворачивалось, можно считать уже общепринятой. Что же касается общей оценки восстания 1863—1864 гг., его места в освободительной борьбе польского народа, то в настоящее время в советской, как и польской историографии восстание определяется как буржуазная революция, в которой острые социальные противоречия теснейшим образом переплетались с противоречиями национальными⁴⁹.

Заметное место в историографии польского освободительного движения 40—60-х годов заняли монографические очерки, посвященные видным деятелям и революционным организациям⁵⁰, деятельности польской эмиграции⁵¹, внешнеполитическим факторам, влиявшим на решение польского вопроса⁵². Вместе с тем ряд проблем истории борьбы польского народа в XIX в. за свое национальное и социальное освобождение еще настоятельно нуждается в разработке.

К ним относятся история конспиративных организаций 30—50-х годов XIX в., идейная борьба в польском обществе по вопросу о путях и методах освобождения страны и др. Работы в этом направлении уже ведутся. Институтом славяноведения и балканистики АН СССР совместно с Институтом истории ПАН и другими учреждениями развернута работа над серийным изданием по теме «Польское общественно-политическое движение и литературная жизнь 30—50-х годов XIX в.», в рамках которой будут публиковаться как исследовательские статьи и обзоры, так и наиболее важные и интересные источники. Первый том уже вышел, в нем объявлена программа всей серии⁵³.

В ходе исследований встает вопрос о научной периодизации истории польского освободительного движения. В. А. Дьяков предложил в соответствии с социальной сущностью освободительного движения польского народа подразделить его историю на два основных периода: первый — от восстания 1794 г. и до конца 1830-х годов — шляхетский, второй — от начала 40-х и до конца 70-х годов XIX в. — буржуазно-демократический⁵⁴. Эта, на наш взгляд, достаточно аргументированная позиция не на-

шла общей поддержки. И. С. Миллер настаивал на том, что польское освободительное движение на всем протяжении, вплоть до 1864 г., должно характеризоваться как шляхетское, поскольку, по его мнению, феодально-сословная организация общества не утратила своего значения и в 50—60-х годах XIX в.⁵⁵

Отсутствие строгой научной периодизации истории польского освободительного движения приводит к тому, что не только восстание 1830—1831 гг., но и восстание 1794 г. стадияльно подтягиваются к восстанию 1863 г.⁵⁶ Такая позиция в известной мере объясняется перенесением на конец XVIII в. слов К. Маркса, произнесенных по поводу восстания 1846 г.: «Польская демократия невозможна без уничтожения феодальных прав, без аграрного движения, которое превратило бы крепостных крестьян в свободных собственников, собственников современных»⁵⁷. Анализ социально-экономических отношений конца XVIII в. не подтверждает убеждения, что уже тогда в Польше существовали условия для буржуазной революции. Монография И. И. Костюшко⁵⁸ и работы других исследователей показали, что в Царстве Польском лишь реформа 1864 г., закрепившая проведенные в ходе восстания 1863—1864 гг. аграрные преобразования, завершила переход от феодальной формации к капиталистической. Изучение социального состава участников освободительного движения, о котором говорилось выше и которое охватывает не только 1863 г., но и более ранний период⁵⁹, представляется весьма перспективным и в плане стадияльно-типологической разработки истории этого движения.

Другой важнейшей проблемой истории Польши нового времени, на разработке которой вполне закономерно сконцентрировалось внимание советских историков, явилась история польского рабочего движения. Крупным шагом на пути выяснения предпосылок создания того польско-русского революционного союза, борьба за который стала неотъемлемой чертой развития левого крыла освободительного движения, стала монография Т. Г. Снытко⁶⁰. На широком круге источников в ней исследованы взаимосвязи русского народничества с польским национально-освободительным и рабочим движением с середины 60-х до начала 80-х годов XIX в. Достаточно полно изучены связи революционеров России и Польши 1887—1893 гг.⁶¹ и 1907—1912 гг.⁶²

В многочисленных исследованиях была разработана марксистская концепция революции в Царстве Польском как составной части революции 1905—1907 гг. в России. Главное внимание исследователей было направлено на изучение социальных аспектов революции — ведущей роли рабочего класса, особенностей крестьянского движения, осуществлению в условиях революции русско-польского революционного союза. Так, в монографии И. А. Хренова, посвященной Лодзинскому вооруженному восстанию⁶³, и других работах раскрывался тот вклад в дело борьбы народов России против общего врага — царского самодержавия, который внес польский народ. Но вместе с тем далеко не полностью была показана специфика польского освободительного движения, роль в этом движении национальной проблемы. Последняя рассматривалась скорее как фон, на котором пролетариат и трудящиеся массы вели борьбу за свое социальное освобождение.

В работах, опубликованных до середины 60-х годов, роль польской социал-демократии в революции преувеличивалась — ее называли руководителем борьбы пролетариата уже в январские дни 1905 г., когда движение носило еще стихийный характер. Деятельность ППС характеризовалась негативно. Такая оценка отражала ту концепцию истории польского рабочего движения, которая сложилась еще в межвоенный период. В работах, посвященных различным этапам рабочего движения, подчеркивалось в первую очередь то, что отличало Р. Люксембург и других польских социал-демократов от В. И. Ленина и ленинизма. Справедливо отмечая национализм ППС, забывали о том, что в национализме угнетенной нации имеется демократическое содержание. Не замечались те сложные внутренние процессы, которые происходили в ППС и которые в конечном итоге привели к расколу партии и выделению из нее ППС-левицы.

На таких же позициях стояла в это время и польская историография. Однако интенсивно развернувшиеся в ПНР с конца 50 — начала 60-х годов исследования, которые ввели в научный оборот новый материал, привели к тому, что наметился иной подход к проблемам рабочего движения конца XIX — начала XX в. Постепенно был отброшен термин «люксембургизм». При характеристике деятельности ППС все больше стали подчеркивать заслуги этой партии в революционной борьбе. Вместе с

тем пересмотр шел медленно. Еще в 1966 г. А. Г. Шевелев при характеристике ППС ограничился однозначным утверждением, что это была контрреволюционная, националистическая партия⁶⁴. Но уже в 1968 г. Н. Н. Пухлов в монографии о польской социал-демократии по-новому оценил лозунг независимости Польши, выдвинутый ППС, отмечая, что он выражал патриотические, прогрессивные и демократические стремления польского народа и способствовал объединению вокруг рабочего класса всех, кто был готов бороться за независимость страны⁶⁵. Вместе с тем отмечалось, что ППС не дала этому лозунгу классово-пролетарского толкования, марксистской его формулировки и не связывала борьбы польского народа за независимость с социальной революцией.

В дальнейшем был предпринят достаточно широкий анализ проблем идейного развития польского рабочего движения. Исследуя его политическую идеологию, И. С. Яжборовская раскрыла сложный, полный внутренних противоречий путь развития взглядов СДКПиЛ и ППС, прежде всего ее левого крыла, благотворное влияние на этот процесс ленинизма⁶⁶. Н. И. Бухарин и И. С. Яжборовская, изучая процесс выработки политической линии и идейных установок польскими социалистами, проследили за тем, как складывались предпосылки для идейного и организационного размежевания двух течений в польском рабочем движении в период 70—80-х годов⁶⁷. Иную сторону проблемы — организационную структуру движения и программно-теоретические искания польских социалистов в 1874—1893 гг. — разрабатывал А. М. Орехов⁶⁸. Эти и другие исследования советских ученых позволили с достаточной полнотой раскрыть ход борьбы за социализм на польских землях, определить его этапы и отличительные особенности, своеобразные черты слияния социализма с рабочим движением, предпосылки его раскола.

Польско-русские революционные связи пролетарского периода обстоятельно освещены в коллективной монографии о революционных связях народов России и Польши за целое столетие — от 1815 до 1917 г.⁶⁹ Тем самым завершена большая исследовательская работа, которая велась советскими историками на протяжении двух десятилетий; она позволила сделать достаточно широкие и обоснованные обобщения процесса развития этих связей на всех его этапах — от дворянского до пролетарского.

Исследования показали огромное значение русско-польских революционных связей для истории как нашей страны, так и Польши. В то же время со всей очевидностью выяснилось, что ряд моментов изучен недостаточно, особенно это относится к таким проблемам, как массовое рабочее движение 1890-х — начала XX в.⁷⁰, события революции 1905—1907 гг. на польских землях и др.

Успехи советской и польской исторической науки позволили существенно продвинуть вперед разработку такой фундаментальной темы, как «Ленин и польское рабочее движение». Тесная связь В. И. Ленина с видными деятелями польского революционного движения, его влияние на подъем этого движения, помощь польским марксистам в их борьбе против реформизма и национализма, в становлении Коммунистической партии Польши и другие проблемы были исследованы в монографии Р. А. Ермолаевой и А. Я. Манусевича⁷¹. Ленинская тематика разрабатывалась и в других трудах советских полонистов⁷².

Изучение советской историографией истории Польши 1918—1939 гг. по интенсивности и глубине уступает рассмотренной выше проблематике. Тем не менее ряд важных проблем этого периода нашел отражение на страницах научных журналов и монографий. Советскими учеными всесторонне обоснован вывод о решающей роли Великой Октябрьской социалистической революции в восстановлении независимости Польши. Это положение, сформулированное в свое время еще польскими историками-коммунистами, было развито в работах У. А. Шустера, М. В. Миско, И. Юзефовича, вышедших в первые послевоенные годы⁷³. Внося немало нового фактического материала по сравнению с работами 20—30-х годов, они в основном сохранили их упрощенные оценки. Это относится к характеристике не только польских рабочих партий, но и всей ситуации, сложившейся на польских землях в ноябре 1918 г., — краха оккупационного режима деятельности Люблинского правительства, роли Советов и т. п.

Позднее, вслед за польскими коллегами, многие советские авторы пришли к выводу, что в 1918 г. Польша находилась не накануне социалистической революции, как считала в свое время КПП, а стояла перед необходимостью проведения буржуазно-демократических преобразований⁷⁴. С этих позиций были исследованы и основ-

ные проблемы истории польского рабочего движения 1918—1919 г.⁷⁵ На этой же основе было высказано мнение, что образование Польского государства в 1918 г. по существу означало победу национальной, демократической революции, завершившей длительный период национально-освободительной борьбы польского народа⁷⁶.

Влияние Великого Октября на процессы образования Польского государства в 1918 г. и развитие революционного движения в стране — не только в бывшем Королевстве Польском, но и в Западной Галиции и западных польских землях — наиболее полно раскрыто в монографии П. М. Калениченко⁷⁷. Признавая ярко выраженный демократический и антиимпериалистический характер революционного движения в Польше в 1917—1918 гг., автор утверждает, что после восстановления польской государственности это движение проходило под лозунгами борьбы за Польскую республику Советов, против отечественных капиталистов и помещиков, т. е. вернулся к некоторым прежним оценкам. Это лишний раз свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения вопросов, связанных с восстановлением независимости Польши.

Необходимо также отметить исследования по другой важной стороне проблемы влияния Октябрьской революции на Польшу — об участии польских интернационалистов в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Советскими историками опубликовано значительное число монографий и статей, в которых показано, как польские трудящиеся, оказавшиеся волею судеб на территории нашей страны, защищали завоевания Октября от внутренней контрреволюции и иностранной интервенции, продолжая таким образом в новых условиях традиции борьбы «за вашу и нашу свободу»⁷⁸.

Из достаточно обширного круга работ на тему об образовании и развитии КПП⁷⁹ следует в первую очередь выделить монографию И. С. Яжборовской⁸⁰. Исследуя сложный путь КПП к ленинизму, она проследила влияние идей Октября на идеологическую эволюцию польского коммунистического движения, преодоление им теорий стихийности революционного процесса, левацкого забегания вперед, попыток форсировать не подготовленные в достаточной мере революционные события.

Если первоначальный период деятельности КПП — от образования ее в 1918 г. и кончая II съездом партии в 1923 г. — в советской историографии оказался сравни-

тельно изученным, то этого нельзя сказать о последующих этапах. Из специальных работ о КПП можно назвать несколько статей М. И. Богуславского⁸¹ и статью А. П. Сёмы⁸² о борьбе польских коммунистов против реакционной внутренней и внешней политики правящих кругов Польши в 30-е годы. Обширный обзор истории борьбы трудящихся Польши под руководством КПП за единый рабочий и народный фронт был дан недавно И. В. Михутиной в рамках коллективной монографии, подготовленной Институтом славяноведения и балканистики АН СССР⁸³. Серия книг, в которых нашла свое освещение борьба трудящихся Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии против социального и национального гнета, создана белорусскими и украинскими учеными⁸⁴.

Но многие проблемы межвоенного периода изучены еще недостаточно. К ним относятся в первую очередь вопросы классовой борьбы, социально-экономического развития страны, истории Коммунистической партии. Некоторые моменты остаются дискуссионными, и по ним в польской и советской литературе высказываются различные точки зрения. Примером служит проблема польского фашизма. Известно, что КПП называла режим санации, установившийся в результате переворота Ю. Пилсудского в мае 1926 г., фашистским. Такая позиция ныне не разделяется польской историографией — некоторые польские ученые считают санационный режим «авторитарным», т. е. близким, но не идентичным фашизму. Однако в большинстве работ советских авторов сохраняется старая оценка санации, и совсем недавно А. Я. Манусевич вновь высказал мнение, что санационный режим своими основными чертами сходен с классическими образцами фашизма — германским и итальянским⁸⁵.

Вполне закономерно, что одной из наиболее разработанных проблем истории Польши межвоенного периода оказалась проблема польско-советских отношений. Предпринятое Академиями наук СССР и ПНР совместное девятитомное издание большой серии документов по истории отношений между двумя странами от 1917 г. и до наших дней⁸⁶ не только позволило включить в научный оборот массу источников, но и привлекло к работе над темой значительную группу советских ученых. П. Н. Ольшанский в двух органически связанных монографиях исследовал борьбу Советского правительства за осуществ-

вление Рижского договора 1921 г. и развитие добрососедских отношений с Польской республикой в 1918—1924 гг.⁸⁷ Другие советские историки занимаются изучением польско-советских отношений в 30-е годы⁸⁸.

Как видно из сказанного выше, в изучении Польши межвоенного периода преобладает тематика, связанная с традиционными для советской историографии сюжетами (классовая борьба, рабочее движение, революционные связи между народами и т. д.). Подчеркивая важность и актуальность сложившихся направлений научного исследования, можно в то же время пожелать их расширения в будущем. Заслуживают внимания богатая событиями политическая история Польши, деятельность политических партий, особенности социально-экономической структуры страны и другие проблемы. Их изучение важно не только само по себе, но и потому, что оно дает возможность вскрыть исторические предпосылки тех процессов, которые привели в конечном итоге к краху Польского буржуазного государства в 1939 г.

Советской историографией внесен немалый вклад в изучение причин сентябрьской катастрофы и последующей борьбы польского народа за свое национальное и социальное освобождение. Еще в конце 40-х — начале 50-х годов появились первые работы, авторы которых стремились дать ответ на вопрос о причинах внутренней слабости Польши, раскрыть агрессивную антипольскую политику немецкого фашизма⁸⁹. Несмотря на относительную узость источниковой базы и нередко встречавшиеся упрощенные оценки внутреннего положения и внешней политики Польши, эти работы закладывали основы исследования одного из моментов подготовки и развязывания второй мировой войны. Впоследствии эта тематика разрабатывалась как в специальных работах, посвященных германо-польским отношениям в межвоенный период⁹⁰, так и в коллективных трудах по истории Великой Отечественной и второй мировой войн. В них всесторонне был обоснован важнейший тезис об ответственности правящих кругов Польши за сентябрьскую катастрофу, об антинациональном характере внешней политики, проводившейся ими на протяжении всего межвоенного двадцатилетия и особенно в 30-е годы, после прихода к власти в Германии Гитлера.

Гитлеровская оккупация Польши и освободительная борьба польского народа против фашизма относятся к

проблематике, наиболее популярной в советской полонистике. Первый небольшой очерк был написан уже в 1945 г.⁹¹ Но затем изучение этой проблемы продвигалось вперед достаточно медленно. Важным этапом на этом пути стал выход третьего тома «Истории Польши» в 1958 г., но, как уже говорилось выше, изложение событий освободительной борьбы польского народа доводилось лишь до первой половины 1944 г. Это свидетельствовало о том, что целостной концепции этого сложнейшего периода в истории Польши еще не было. Вплоть до середины 60-х годов происходило преимущественно накопление фактического материала. В статьях и коллективных работах ставились некоторые общие и частные вопросы сложной и многоплановой темы, причем главное внимание было направлено на выяснение роли Польской Рабочей партии⁹². Лишь в 70-е годы появились две монографии, в которых на основании архивных источников и других документальных материалов была воссоздана страшная картина режима гитлеровской оккупации польских земель и героической борьбы польского народа против фашистских захватчиков⁹³. Но еще ранее — в 1965 г. — в «Очерке истории Народной Польши» был предварительно обобщен опыт советской историографии по изучению истории борьбы польского народа против немецкого фашизма. Эта борьба под руководством Польской Рабочей партии за восстановление национальной независимости, свободу и демократию рассматривается в работах советских историков как народная революция, решающие условия для победы которой были созданы Советской армией, разгромившей главные силы гитлеровской Германии.

Военные историки в ряде работ⁹⁴ раскрыли роль Советской армии в освобождении Польши, показав ту многообразную помощь, которую Советский Союз и его вооруженные силы оказали в деле создания и развития народного Войска Польского, раскрыв исторические, политические и идейные предпосылки боевого содружества советского и польского народов, которое сложилось в совместной борьбе против общего врага. Этим вопросам посвящены как соответствующие главы в «Истории Великой Отечественной войны» и «Истории второй мировой войны», так и специальные исследования. Среди последних — труды, освещающие боевые операции Советской армии на территории Польши, раскрывающие воп-

рбы стратегического и оперативного искусства советского командования⁹⁵. Боевое содружество, которое сложилось в годы войны с гитлеровским фашизмом между Советской армией и Войском Польским, продолжают изучать историки обеих стран⁹⁶.

Советские историки вели и изучение политических отношений между двумя странами, борьбы Советского Союза за демократическое решение польского вопроса на международной арене, влияния внешнеполитической деятельности ВКП(б) на национально-освободительную борьбу польского народа, показывали роль польской прогрессивной эмиграции в СССР в формировании политических концепций демократического лагеря в Польше⁹⁷. Соответствующие исследования раскрывают значение советской внешней политики военных лет и дружеской помощи советского народа польскому народу в решении им главной в то время национальной задачи — освобождения страны из-под ига гитлеровского фашизма и восстановления независимого демократического государства. Отмечая перечисленные успехи, надо признать, что советские историки до сих пор не создали фундаментальных обобщающих трудов об освободительной миссии Советской армии в Польше и о советско-польских отношениях в годы второй мировой войны⁹⁸.

Народно-демократической Польше, истории борьбы польского народа за построение социалистического общества и переходу к строительству развитого социализма в советской исторической литературе посвящено, пожалуй, наибольшее число работ. Но из большого потока литературы можно выделить относительно немного работ, которые вносят действительный вклад в изучение проблем народно-демократической и социалистической революции в Польше и строительства социализма.

Наиболее полный очерк образования и развития Народной Польши с 1944 по 1964 г. содержится в дополнительном томе «Истории Польши»⁹⁹. В этом коллективном труде советских полонистов впервые были систематически освещены те коренные социально-экономические преобразования, в результате которых отсталая в прошлом страна, разоренная фашистскими захватчиками превратилась в индустриально-аграрное социалистическое государство. Авторы продолжили и развили те исследования, которые были начаты в 50-е годы историками и экономистами, изучавшими аграрные преобразова-

ния и процесс национализации промышленности в Польше¹⁰⁰. Под другим углом зрения — в связи с борьбой Польской Рабочей партии за Национальный фронт — эти вопросы были проанализированы В. С. Парсадановой¹⁰¹.

Проследивая создание и укрепление Национального фронта, она показала, как в ходе осуществления революционных социально-экономических преобразований, в острой борьбе с реакционными силами ППР удалось сплотить широкие народные массы, убедить их в правильности разработанной ею политики, направленной на переход Польши на социалистический путь развития. Эти же проблемы освещены в статьях И. С. Яжборовской¹⁰². Однако при совпадении точек зрения на существо проведенных народной властью преобразований среди советских историков, как, впрочем, и среди историков ПНР, высказываются различные мнения о характере революционного процесса в Польше. Если В. С. Парсаданова считает, что революционный процесс, который происходил непрерывно с 1944 г., выполнил задачи социалистической революции, то И. С. Яжборовская, признавая, что кардинальные политические и социально-экономические преобразования вели страну по пути к социализму, настаивает на том, что в Польше имело место перерастание демократической революции в социалистическую.

Спор о характере революционного процесса в Польше и других странах Центральной и Юго-Восточной Европы, начавшийся во второй половине 40-х годов, не закончен и в настоящее время¹⁰³. В коллективной монографии о народно-демократических и социалистических революциях, подготовленной Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, И. С. Яжборовская, полемизируя с рядом польских историков, вновь подробно обосновала свою точку зрения, доказывая, что в Польше в 1944—1949 гг. происходило мирное (лишь с некоторыми элементами гражданской войны) перерастание народно-демократической революции в социалистическую¹⁰⁴. Очевидно, проблема нуждается в дальнейшем изучении. Начатое по инициативе Института славяноведения и балканистики¹⁰⁵ проблемно-сопоставительное рассмотрение революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы обещает дать значительные результаты, привести к выяснению спорных моментов.

Наименее изученной остается до настоящего времени тематика социалистического строительства в ПНР. В юбилейных изданиях, в учебных пособиях и курсах лекций¹⁰⁶ многие вопросы находили свое более или менее полное освещение. Но единственный за последние десять лет научный очерк общественно-политического и социально-экономического развития Польши на современном этапе социалистического строительства был опубликован украинскими учеными лишь в 1977 г. Все же за последние годы в этом отношении произошли определенные сдвиги. Наряду с общим обзором экономического развития Польши¹⁰⁷, следует отметить труды о рабочем классе, об итогах социально-экономического развития ПНР в первой половине 70-х годов¹⁰⁸. Эти работы являются составной частью коллективных исследований по проблемам социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, которые за последние годы приобретают все больший размах.

К ним примыкает оригинальное исследование Н. И. Бухарина об интеллигенции ПНР, в котором анализируется одна из важнейших составных частей культурной революции — процесс становления и развития социалистической интеллигенции, ее место в социалистическом строительстве, политика ПОРП в области идеологии и культуры¹⁰⁹.

Традиционная для советской историографии тема советско-польских отношений разрабатывается при активном участии историков Украины, Белоруссии и других советских республик. Помимо значительного числа статей, посвященных политическим, хозяйственным и культурным связям народов СССР и ПНР, надо указать на труды украинских и белорусских ученых о братском сотрудничестве УССР и БССР с Польской Народной Республикой¹¹⁰.

В изучении польско-советских связей все шире развертывается сотрудничество между советскими и польскими историками. Совместно подготовленные сборники статей охватывают широкий круг вопросов польско-советских отношений на различных этапах вплоть до современности¹¹¹. В работах, посвященных различным аспектам советско-польских отношений, затрагивались многие вопросы внешней политики ПНР, а в 1963 г. Д. Г. Томашевским была опубликована брошюра на эту тему¹¹². Более обстоятельно основные направления вне-

шней политики ПНР, ее место в содружестве социалистических стран, отношения с капиталистическими и развивающимися странами освещены в книге Б. И. Поклада¹¹³.

Анализ изучения советскими учеными основных процессов социалистического строительства в Польше показывает, что перед ними стоит еще много не исследованных проблем, заслуживающих пристального внимания со стороны специалистов и достаточно обширных. К ним относятся такие вопросы, как роль рабочего класса в социалистическом строительстве (начатые исследования, очевидно, должны быть продолжены), союз рабочего класса с крестьянством на современном этапе и в связи с этим — основные направления аграрной политики ПОРП, политика ПОРП по отношению к союзным партиям, политическая система ПНР и др.

* * *

Подводя итог более чем шестидесятилетнему развитию полонистики в советской исторической науке, можно уверенно сказать, что ее наибольшие достижения относятся к двум последним десятилетиям. Именно в 60—70-е годы стали фундаментально разрабатываться важнейшие проблемы истории Польши, уточняться, в некоторых случаях изменяться те оценки, которые были выработаны на ранних этапах полонистических исследований и основывались на сравнительно узком круге источников. Заметно возрос интерес к проблемам методологии. Осуществление нового издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса и Полного собрания сочинений В. И. Ленина, продолжающаяся публикация рукописей основоположников научного коммунизма позволили ввести в научный оборот новые источники, имеющие первостепенное значение для понимания проблем польской истории, в том числе работу К. Маркса «К истории польского вопроса. Рукописи 1863—1864 гг.»¹¹⁴ и ленинские конспекты переписки Маркса и Энгельса¹¹⁵.

Советские полонисты все шире используют идейное наследие классиков марксизма-ленинизма, уделяя специальное внимание анализу взглядов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина на историю Польши¹¹⁶. Новейший этап советских полонистических студий характеризуется укреплением творческого сотрудничества с поль-

скими коллегами, координацией исследовательских поисков, что открывает перед нашим славяноведением новые перспективы.

- ¹ Изданный в 1981 г. издательством «Наука» библиографический справочник «Историки-слависты СССР» включает сведения о 172-х авторах, писавших по вопросам средневековой, новой и новейшей истории Польши, что составляет третью часть охваченных справочником славистов.
- ² *Вайнштейн О. Л.* История советской медиевистики, 1917—1966. Л., 1968, с. 70.
- ³ Еще далеко не все они по достоинству оценены в историографии. Незаслуженно забыты, в частности, соответствующие работы Н. И. Кареева и Н. Н. Любовича.
- ⁴ *Materialy do dziejów ruchu socjalistycznego w Polsce.* М., 1927. Т. 1, cz. 1, 208 s.; Т. 1, cz. 2, 188 s.; 1905 rok w Polsce: Zbiór artykułów... М., 1926. 119 s.; *Bicz H.* Proletariat: Pierwsza socialno-rewolucyjna partia w Polsce. М., 1934. 240 s.; и др.
- ⁵ См.: *Тых Ф., Шумахер Х.* Юлиан Мархлевский. М., 1969. 367 с.
- ⁶ *Мархлевский (Карский) Ю.* Сочинения. М.; Л., 1931, т. 6, с. XII.
- ⁷ *Покровский М. Н.* Избранные произведения. М., 1967, кн. 3, с. 163.
- ⁸ *Рубинштейн Н. Л.* Крестьяне и помещики в польском восстании 1831 г.: (По материалам Одес. обл. архива).— Каторга и ссылка, 1926, кн. 1, с. 131—137; *Писаревский Г. Г.* К истории польской революции 1830 года. Баку, 1930. 80 с.; *Пушкаревич К. А.* Из истории польской революции 1830—1831 гг.— Тр./АН СССР. Ин-т славяноведения, 1932, т. 2, с. 337—345; и др.
- ⁹ *Невский С. И.* Январские дни 1905 г. в провинции.— Красная летопись, 1922, № 4, с. 52—132; *Радишевский А.* Из истории социально-революционной партии «Пролетариат»: (По источникам Петрогр. ист.-революц. архива).— Там же, 1923, № 8, с. 44—76; в конце текста псевд.: А. Арский; и др.
- ¹⁰ *Пишбышевский Б. Э.* Ярослав Домбровский.— Зап. Ком. акад. Секция по изучению проблем войны, 1930, № 1, с. 123—160; *Он же.* Промышленный пролетариат в революционном движении Польши 60-х годов: (К вопросу об ист. корнях национализма в польск. рабочем движении).— История пролетариата в СССР, 1931, № 7, с. 3—51; *Он же.* Октябрьская революция и рабочий класс Польши.— Там же, 1933, № 3, с. 89—124.
- ¹¹ Декабристы: Материалы и документы. Харьков, 1926. 284 с.; Декабристы: Нензд. материалы и статьи. М., 1925. XV, 336 с.; *Нечкина М. В.* Общество Соединенных славян. М.; Л., 1927. 245 с.; и др.
- ¹² *Нечаева В.* Мицкевич о польских писателях.— Красный архив, 1927, т. 2, с. 268—279; *Боровкова-Майкова М.* Мицкевич в письмах П. А. Вяземского к жене.— Звенья, 1934, т. 3/4, с. 215—221.
- ¹³ *Джервис М. В.* О некоторых вопросах источниковедения по истории Польши.— В кн.: Проблемы источниковедения. М.; Л., 1933, сб. 1, с. 167.
- ¹⁴ История средних веков. М., 1938—1939. Т. 1. 592 с.; Т. 2. 561 с.
- ¹⁵ На то, что в учебнике был воспроизведен ряд устаревших поло-

- жений, указали В. И. Пичета и У. А. Шустер в статье «Славяноведение в СССР за 25 лет» См.: Двадцать пять лет исторической науке в СССР. М.; Л., 1942, с. 226.
- 16 *Логачев К. И.* Советское славяноведение до середины 30-х годов.— Сов. славяноведение, 1978, № 5, с. 100—101.
  - 17 *Покровский М. Н.* Избранные произведения, кн. 3, с. 116.
  - 18 *Джервис М. В.* О некоторых вопросах источниковедения..., с. 168.
  - 19 *Кржижановский С.* Польская социал-демократия и II съезд РСДРП.— Пролет. революция, 1933, № 2, с. 104—135; *Он же.* Польская социал-демократия на II съезде РСДРП.— Борьба классов, 1933, № 8/9, с. 113—121.
  - 20 *Драницын С. Н.* Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. Л., 1937. 302 с.
  - 21 *Шустер У. А.* К вопросу об образовании внутреннего рынка для капитализма в Польше.— Известия/АН СССР. Отд-ние обществ. наук, 1938, № 172, с. 133—160; *Он же.* Экономическая борьба Москвы с Лодзью: (Из истории рус.-польск. экон. отношений в 80-х годах прошлого века).— Ист. записки, 1939, кн. 5, с. 188—234.
  - 22 *Иваницкий С. Ф.* Польские мемуары о крестьянском восстании 1768 г.— Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1938, т. 2, с. 119—147; *Он же.* Значение Барской конфедерации в истории крестьянского восстания на Украине 1768 г.— Там же, 1939, т. 19, с. 211—253; *Он же.* Польша во второй половине XVIII в. и возникновение Барской конфедерации.— Там же, 1939, т. 22, с. 103—187; *Он же.* Первый период Барской конфедерации.— Там же, 1941, т. 45, с. 225—259.
  - 23 О роли В. И. Пичеты в истории советского славяноведения см., в частности: Славяне в эпоху феодализма: К столетию акад. В. И. Пичеты. М., 1978. 343 с.
  - 24 *Пичета В. И.* Россия и Пруссия в период польского восстания 1830—1831 гг.— Учен. зап./АН СССР. Ин-т славяноведения, 1951, т. 3, с. 136—175; *Он же.* К истории восстания Костюшко 1794 г.— Там же, 1953, т. 7, с. 179—209; *Он же.* Австрия и польское восстание 1830—1831 гг.— В кн.: Славяне в эпоху феодализма, с. 29—51; *Миллер И. С.* Крестьянское восстание в Подгалье в 1651 г.— Учен. зап./АН СССР. Ин-т славяноведения, 1950, т. 2, с. 155—215.
  - 25 *Королюк В. Д.* Владимир Иванович Пичета.— В кн.: Славяне в эпоху феодализма, с. 18.
  - 26 *Дайри Н.* Крушение Польского государства в XVIII в.— Ист. журнал, 1939, № 10, с. 16—25.
  - 27 *Державин Н. С.* Вековая борьба славян с немецкими захватчиками. М., 1943. 96 с.
  - 28 *Пичета В. И.* Образование Польского государства.— В кн.: Славянский сборник. М., 1947, с. 45—73.
  - 29 Подробнее см.: *Королюк В. Д., Миллер И. С.* О периодизации истории Польши.— Вопросы истории, 1951, № 11, с. 87—98.
  - 30 *Белявская И. М., Очак И. Д.* Некоторые проблемы истории зарубежных славянских народов в советской исторической науке.— В кн.: Славянская историография: Сб. статей. М., 1966, с. 5—47; *Похилевич Д. Л.* Аграрные отношения в Польше и Чехии в XVI—XVIII вв. в советской историографии.— В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1965 г. М., 1970, с. 104—

- 113; Материалы научной конференции польских и советских историков по проблемам историографии. М., 1969. 229 с.
- ³¹ Материалы научной конференции..., с. 44.
- ³² *Королюк В. Д.* Западные славяне и Киевская Русь в X—XI вв. М., 1964. 383 с.; *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы: XIV—XVI вв. М., 1963. 374 с.; *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978. 300 с.
- ³³ См.: Становление раннефеодальных славянских государств: Материалы науч. сессии польск. и сов. историков. Киев, 1972. 259 с.
- ³⁴ *Гроссман Ю. М.* Юридическое положение крестьян Русского и Белзского воеводств XVI—первой половины XVII в.— В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1966 г. Таллин, 1971, с. 86.
- ³⁵ *Разумовская Л. В.* Очерки по истории польских крестьян в XV—XVI вв. М., 1968. 329 с.
- ³⁶ См.: *Маркарянц Л. А., Якубский В. А.* Внедрение количественных методов в разработку аграрной истории барщинно-крепостнической Польши.— В кн.: Вопросы истории славян. Воронеж, 1972, с. 20—26.
- ³⁷ *Pochilewicz D. L.* W sprawie kryzysu i upadku gospodarki obszarnej Rzeczypospolitej w drugiej połowie XVII i pierwszej połowie XVIII w.— *Kwartalnik historyczny*, 1958, N 3, s. 742—765.
- ³⁸ *Ливанцев К. Е.* Сословно-представительная монархия в Польше, ее сущность и особенности: (II половина XIV — конец XVI вв.). Л., 1968. 79 с.
- ³⁹ *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966. 310 с.
- ⁴⁰ *Лимонов Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII вв. Л., 1978. 271 с.
- ⁴¹ *Белявская И. М. А. И.* Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX в. М., 1954. 198 с.; *Ольшанский П. Н.* Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959. 226 с.; *Дьяков В. А., Миллер И. С.* Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964. 448 с.
- ⁴² *Смирнов А. Ф.* Революционные связи народов России и Польши: 30—60-е годы XIX в. М., 1962. 427 с.; *Он же.* Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии. М., 1963. 392 с.; *Марахов Г. И.* Польское восстание 1863 г. на Правобережной Украине. Киев, 1967. 258 с.; и др.
- ⁴³ Восстание 1863 года: Материалы и документы. Wrocław; Москва. С 1961 г. вышло 23 тома, в том числе 7 томов — в Советском Союзе.
- ⁴⁴ Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. М., 1960. 731 с.; Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года. М., 1962. 611 с.; К столетию героической борьбы «За нашу и вашу свободу». М., 1964. 448 с.; Революционная Россия и революционная Польша. М., 1967. 464 с.; и др.
- ⁴⁵ *Дьяков В. А.* Об использовании социолого-статистических методов при изучении освободительного движения.— В кн.: Историко-социологические исследования. М., 1970, с. 5—18.

- ⁴⁶ *Зайцев В. М.* Сословный состав участников восстания 1863—1864 гг. на территории Царства Польского: (По материалам Аудиторнатского департамента Военного министерства).— В кн.: Исследования по истории польского общественного движения XIX—начала XX в. М., 1971, с. 7—39; *Он же.* Социально-сословный состав участников восстания 1863 г.: (Опыт стат. анализа). М., 1973. 232 с.
- ⁴⁷ *Байкова С. М.* О движущих силах восстания 1863 г. на территории Белоруссии.— В кн.: Историко-социологические исследования. М., 1970, с. 222—253.
- ⁴⁸ *Миллер И. С.* Некоторые общие проблемы истории русско-польских революционных связей.— В кн.: Связи революционеров России и Польши в XIX—начале XX в. М., 1968, с. 10.
- ⁴⁹ *Смирнов А. Ф., Миллер И. С.* Яркая страница истории.— Коммунист, 1963, № 2, с. 36.
- ⁵⁰ *Басевич А. М.* Иоахим Лелевель: Польск. революционер, демократ, ученый (1786—1861). М., 1961. 192 с.; *Дьяков В. А.* Сигизмунд Сераковский. М., 1959. 72 с.; *Он же.* Ярослав Домбровский. М., 1969. 237 с.; *Он же.* Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного. М., 1972. 330 с.; *Он же.* Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856—1865 годов: (Биобиблиогр. словарь). М., 1967. 256 с.; *Абрамовичус В. Е., Дьяков В. А.* Валерий Врублевский. М., 1968. 159 с.; *Морозова О. П.* Польский революционер-демократ Бронислав Шварце. М., 1975. 288 с.; *Попков Б. С.* Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель: Рус. проблематика и контакты. М., 1974. 211 с.; *Смирнов А. Ф.* Сигизмунд Сераковский. М., 1959. 135 с.
- ⁵¹ *Фалькович С. М.* Идеино-политическая борьба в польском освободительном движении 50—60-х годов XIX в. М., 1966, 333 с.
- ⁵² *Ревуненков В. Г.* Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957. 358 с.
- ⁵³ См.: *Stowarzyszenie ludu polskiego w Królestwie Polskim.* G. Ehrenberg i «Świętokrzyszcu». Wrocław, 1978, s. IX.
- ⁵⁴ *Дьяков В. А.* Состояние и задачи изучения русско-польского революционного сотрудничества.— В кн.: Связи революционеров России и Польши XIX—начала XX в. М., 1968, с. 35—36.
- ⁵⁵ *Миллер И. С.* О толковании ленинского термина «шляхетское освободительное движение».— В кн.: Ленин и Польша: Проблемы, контакты, отклики. М., 1970, с. 60—66.
- ⁵⁶ История южных и западных славян. М., 1969, с. 162.
- ⁵⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 490.
- ⁵⁸ *Костошко И. И.* Крестьянская реформа 1864 г. в Царстве Польском. М., 1962. 494 с.
- ⁵⁹ *Дьяков В. А., Зайцев В. М., Обушенкова Л. А.* Социальный состав участников восстания 1830—1831 гг. (По материалам зап. губерний Российской империи).— В кн.: Историко-социологические исследования. М., 1970, с. 19—168.
- ⁶⁰ *Снытко Т. Г.* Русское народничество и польское общественное движение, 1865—1881 гг. М., 1969. 478 с.
- ⁶¹ *Орехов А. М.* Социал-демократическое движение в России и польские революционеры. М., 1973. 304 с.
- ⁶² *Фалькович С. М.* Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе, 1907—1912. М., 1975. 379 с.
- ⁶³ *Хренов И. А.* Лодзинское восстание. М., 1958. 166 с.

- 64 *Шевелев А. Г.* Братское сотрудничество польских социал-демократов с большевиками в 1903—1910 гг. Киев, 1966, с. 105.
- 65 *Пухлов Н. Н.* Из истории польской социал-демократической партии (1893—1904 гг.). М., 1968, с. 72.
- 66 *Яжборовская И. С.* Идейное развитие польского революционного рабочего движения (конец XIX — первая четверть XX в.). М., 1973. 415 с.
- 67 *Яжборовская И. С., Бухарин Н. И.* У истоков польского социалистического движения. М., 1976. 412 с.
- 68 *Орехов А. М.* Становление польского социалистического движения. М., 1979. 374 с.
- 69 *Очерки революционных связей народов России и Польши, 1815—1917.* М., 1976. 602 с.
- 70 Монография *Н. Н. Пухлова* «Польское рабочее движение, 1890—1904 гг.» (М., 1977. 352 с.) не исключает необходимости дальнейшего, более глубокого изучения сложных проблем этого периода.
- 71 *Ермолаева Р. А., Манусевич А. Я.* Ленин и польское рабочее движение. М., 1971. 504 с.
- 72 Ленин и Польша: Проблемы, контакты, отклики. М., 1970. 418 с.; Интернаціональна сила лєнінських ідей: В. І. Лєнін и революційний рух у країнах Центр. і Півд.—Схід. Європи. Київ, 1970. 519 с.; *Петрович И. Л.* В. И. Ленин о задачах революционной борьбы пролетариата Польши. Минск, 1974. 237 с.
- 73 *Шустер У. А.* Великая Октябрьская социалистическая революция и Польша.—Вестн. ЛГУ, 1948, № 1, с. 64—73; *Миско М. В.* Из истории революционного движения в Польше в 1918—1919 годах.—Вопросы истории, 1948, № 10, с. 39—60; *Юзефович И.* Великая Октябрьская социалистическая революция и образование Польского государства в 1918 г.—Известия АН СССР. Сер. истории и философии, 1948, № 3, с. 249—260.
- 74 *Хренов И. А.* Из истории образования и первого периода деятельности Коммунистической рабочей партии Польши (1918—1923 гг.).—Вопросы истории, 1959, № 6, с. 79—97; *Яжборовская И. С.* К истории образования Коммунистической рабочей партии Польши.—В кн.: Из истории польского рабочего движения. М., 1962, с. 190—225.
- 75 *Стецкевич С. М.* Рабочее движение в Польше в 1918—1919 гг. Л., 1966. 264 с.
- 76 *Стецкевич С. М.* О характере событий в 1918—1919 гг. в Польше.—В кн.: Советское славяноведение: Материалы IV межвузов. науч. конференции историков-славистов (Минск, 31 янв.—3 февр. 1968 г.). Минск, 1969, с. 169—175.
- 77 *Калениченко П. М.* Великий Жовтень і революційний рух у Польщі: (Листопад 1917 — жовтень 1919 р.). Київ, 1971. 344 с.
- 78 *Белякевич И. И.* Революционное содружество польских и российских трудящихся в 1917 г.: Из истории участия польских рабочих и солдат в России в подготовке Великой Октябрьской социалистической революции. Львов, 1957. 111 с.; *Манусевич А. Я.* Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России (февр.—окт. 1917 г.). М., 1965. 412 с.; *Хацкевич А. Ф.* Польские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Белоруссии. Минск, 1967. 150 с.; *Калениченко П. М.* Брати по класу — брати по зброї. Участь польськ. інтернаціоналістів

у боротьбі за владу Рад на Україні, 1917—1920 рр. Київ, 1973. 198 с.; и др.

- ⁷⁹ *Хренов И.* Коммунистическая рабочая партия Польши на путях превращения в партию нового, ленинского типа (1918—1923 гг.).— В кн.: Из истории польского рабочего движения. М., 1962, с. 225—264; *Стецкевич С. М.* Образование Коммунистической партии Польши.— Вестн. ЛГУ, 1961, № 20, с. 48—59; *Неволина В. С., Яжборовская И. С.* Коминтерн и формирование стратегии и тактики Компартии Польши.— Вопросы истории КПСС, 1969, № 4, с. 68—77; *Неволина В. С.* К истории борьбы КРПП за осуществление ленинской тактики единого фронта (1921—1922 гг.).— В кн.: Ленин и Польша, с. 315—341; *Манусевич А. Я. В. И.* Ленин и идейно-политическое развитие КРПП.— В кн.: В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1973, с. 9—99.
- ⁸⁰ *Яжборовская И. С.* Коммунистическая партия Польши и идеи Октября, 1918—1923 гг. М., 1967. 300 с.
- ⁸¹ *Богуславский М. И.* VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в Польше (1934—1935 гг.).— Сов. славяноведение, 1966, № 2, с. 3—13; *Он же.* Коммунистическая партия Польши во главе рабочего движения в 1933—1934 гг.— В кн.: Из истории польского рабочего движения. М., 1962, с. 332—379; *Он же.* Коммунистическая партия Польши в борьбе за осуществление ленинской идеи единого фронта: /Авг. 1935 — февр. 1936 г./.— В кн.: Ленин и Польша, с. 342—370.
- ⁸² *Сёма А. П.* Борьба Коммунистической партии Польши за единый народный фронт против фашизма (1934—1935 гг.).— Новая и новейшая история, 1962, № 6, с. 80—96.
- ⁸³ *Михутина И. В.* Революционные и демократические силы Польши в борьбе за народный фронт.— В кн.: VII конгресс Коминтерна и борьба за создание народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 258—290.
- ⁸⁴ *Карпенко О. Ю.* Селянські повстання в Польщі в 1932—1933 рр. Київ, 1955. 130 с.; *Кравець М. М.* Нариси робітничого руху в Західній Україні в 1921—1929 рр. Київ, 1959. 235 с.; *Полуян В. А., Полуян И. В.* Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1920—1939 гг. Минск, 1962. 222 с.; *Мацко А. Н.* Борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против фашизма (1933—1939 гг.). Минск, 1963. 206 с.; *Он же.* Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков, 1918—1939 гг. Минск, 1972. 335 с.; *Герасименко М. П., Дудикевич Б. К.* Борьба трудящихся Західної України за возз'єднання с Радянською Україною. Київ, 1960. 224 с.; Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921—1939 гг.). Минск, 1966. 403 с.; и др.
- ⁸⁵ *Манусевич А. Я.* У истоков «санации».— Новая и новейшая история, 1974, № 3, с. 158.
- ⁸⁶ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1963—1976.
- ⁸⁷ *Ольшанский П. Н.* Рижский мир: Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 — март 1921). М., 1969. 260 с.; *Он же.* Рижский до-

- говор и развитие советско-польских отношений, 1921—1924. М., 1974. 205 с.
- ⁸⁸ *Михутина И. В.* Советско-польские отношения, 1931—1935. М., 1977, 287 с.; и др.
- ⁸⁹ *Богуславский М. И.* Политическая борьба в Польше в связи с наступлением фашистских агрессоров на Чехословакию.— Вопросы истории, 1948, № 5, с. 20—39; *Он же.* Политическая борьба в Польше по вопросам внешней политики накануне второй мировой войны.— Там же, 1949, № 10, с. 61—81; *Фомин В. Т.* Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. М., 1952. 180 с.; Провал империалистических планов в отношении Польши в годы второй мировой войны: Сборник статей. М., 1952. 208 с.; *Кундюба И. Д.* Исторические предпосылки краха панской Польши (1939 г.). Киев, 1959. 119 с.
- ⁹⁰ *Климовский Д. С.* Германия и Польша в Локарнской системе европейских отношений: Из истории зарождения второй мировой войны. Минск, 1975. 288 с.; *Он же.* Зловещий пакт: Из истории германо-польск. отношений межвоен. 20-летия. Минск, 1968. 175 с.; *Он же.* Антипольская политика германского империализма в преддверии Локарно: (В свете донесений польск. посланника в Берлине Ольшовского).— В кн.: Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974, с. 184—193; *Фарбман Н. В.* К вопросу об антипольской политике германского империализма в 1918—1922 гг.— Там же, с. 165—174; *Жигунов В. М.* Мюнхенский сговор и польская дипломатия.— Сов. славяноведение, 1969, № 5, с. 34—48; и др.
- ⁹¹ *Манусевич А. Я.* Польский народ в борьбе за независимую и свободную Польшу. М., 1945. 62 с.
- ⁹² *Зуев Ф. Г.* К истории образования Польской рабочей партии и развертывание национально-освободительной борьбы польского народа против гитлеровских захватчиков.— В кн.: Из истории польского рабочего движения. М., 1962, с. 459—476; *Новодран В. А.* Из истории борьбы Польской рабочей партии за создание антигитлеровского национального фронта (1942—1943 гг.).— В кн.: Вопросы новой и новейшей истории. М., 1958, с. 392—438; Борьба польского народа за социализм (1944—1954 гг.): Сборник статей. М., 1955. 340 с.
- ⁹³ *Носкова А. Ф.* Разорение экономики Польши гитлеровской Германией, 1939—1944. М., 1971. 255 с.; *Григорьянц Т. Ю.* Оккупационная политика фашистской Германии в Польше (1939—1945 гг.): Попытки германизации и колонизации «присоединен.» польск. земель. М., 1979. 222 с.
- ⁹⁴ *Лесневский С. А., Соколовский В. И.* Боевой союз: Братская дружба советских и польск. воинов. М., 1958. 52 с.; Братский союз. М., 1970. 424 с.; *Клоков В. И.* Борьба народов славянских стран против фашистских поработителей: (1939—1945 гг.). Киев, 1961. 430 с.; и др.
- ⁹⁵ *Завьялов А. С., Калядин Т. Е.* Восточно-Померанская наступательная операция советских войск (февр.— март 1945 г.) — М., 1960. 234 с.; *Данилов Ф. В.* Радом-Лодзинская операция. М., 1958. 230 с.; *Блинов С. И.* От Вислы до Одера: Боевые действия 60-й армии в Сандомирско-Силезской операции (янв. 1945 г.). М., 1962. 184 с.
- ⁹⁶ Боевое содружество советского и польского народов. М., 1973. 277 с.; Под знаменем боевой дружбы. М., 1977. 199 с.; Всемир-

но-историческая победа советского народа, 1941—1945. М., 1971. 646 с.

- ⁹⁷ *Калениченко П. М.* Польська прогресивна еміграція в СРСР в роки другої світової війни. Київ, 1957. 214 с.; *Славин Г. М.* Борьба Советского Союза за демократическое решение польского вопроса в начале 1945 г.— В кн.: Провал империалистических планов в отношении Польши в годы второй мировой войны. М., 1952, с. 100—127; *Он же.* Из истории советско-польских отношений (январь — май 1945 г.).— Вопросы истории, 1959, № 8, с. 79—95; *Он же.* Борьба Советского Союза за выполнение крымских решений о Польше (1945 г.).— Учен. зап./АН СССР. Ин-т славяноведения, 1961, т. 22, с. 3—24; *Зуев Ф. Г.* Польский народ в борьбе против фашизма. М., 1967. 136 с.; *Парсаданова В. С.* Влияние внешней политики ВКП(б) на национально-освободительную борьбу польского народа.— В кн.: СССР и Польша. М., 1978, т. 2, с. 105—135; *Калениченко П. М.* Деятельность Союза польских патриотов в СССР — славная страница в истории польской прогрессивной эмиграции.— В кн.: Очерки истории советско-польских отношений, 1917—1977. М., 1979, с. 277—292; *Кундюба И. Д.* Советско-польские отношения (1939—1945 гг.). Киев, 1963. 208 с.
- ⁹⁸ Книга украинского историка И. Д. Кундюбы «Советско-польские отношения (1939—1945 гг.)» вопреки своему названию охватывает лишь часть отношений между СССР и Польшей, почти полностью опуская историю отношений между польским эмигрантским правительством и правительством СССР в 1939—1943 гг.
- ⁹⁹ Очерки истории Народной Польши. М., 1965. 583 с.
- ¹⁰⁰ *Манусевич А. Я.* Революционно-демократические преобразования аграрных отношений в Польше в 1944—1946 гг.— Вопросы истории, 1954, № 7, с. 25—40; *Галенко П. В.* Социалистическая национализация основных средств производства в Польской Народной Республике. М., 1961. 344 с.; *Климко Н. Г.* Общественно-экономические преобразования в деревне Польской Народной Республики. Киев, 1959. Ч. 1. Аграрные отношения в старой Польше и их преобразования народно-демократической властью. 147 с.
- ¹⁰¹ *Парсаданова В. С.* Формирование национального фронта в Польше. М., 1972. 272 с.
- ¹⁰² *Яжборовская И. С.* Социально-политические аспекты национализации в Польше.— Сов. славяноведение, 1976, № 3, с. 19—38; *Она же.* Борьба ПНР за укрепление национального фронта в период существования Правительства национального единства.— Там же, 1967, № 6, с. 3—15; *Она же.* О характере и этапах революционного процесса в Польше в 1944—1948 годах.— Вопросы истории, 1973, № 12, с. 67—77.
- ¹⁰³ *Кривогуз И. М., Стецкевич С. М.* О характере и содержании революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: (Обзор сов. историографии).— Рабочий класс и современный мир, 1978, № 5, с. 170—178.
- ¹⁰⁴ *Яжборовская И. С.* Польская рабочая партия в борьбе за развитие революции (середина 1945 — начало 1947 г.).— В кн.: Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 164—229.

- ¹⁰⁵ Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Опыт сравнит. изучения соц.-экон. преобразований в революц. процессе. М., 1977. 541 с.
- ¹⁰⁶ 15 лет Народной Польши: [Сборник статей]. М., 1959. 234 с.; Новейшая история: Курс лекций, 1939—1975 гг. М., 1977. 622 с.; Новейшая история зарубежных стран. Европа и Америка, 1939—1975. 3-е изд., испр. и доп. М., 1978. 571 с.; *Стецкевич С. М.* Социалистические страны Европы. М., 1977. 222 с.; и др.
- ¹⁰⁷ Польская Народная Республика. М., 1974. 206 с.
- ¹⁰⁸ *Мирошников В. В.* Рабочий класс ПНР — движущая сила общественного прогресса страны.— В кн.: Рабочий класс и строительство социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977, с. 189—233; Польская Народная Республика.— В кн.: Социально-экономическое развитие стран социализма в 1971—1975 гг. М., 1978, с. 103—123; *Кавко А. Н.* Рабочий класс Польши.— Рабочий класс и совр. мир, 1973, № 6, с. 35—44; *Лойко Л. В.* Рост рядов польского рабочего класса в годы социалистической индустриализации страны (1950—1960).— Сов. славяноведение, 1974, № 5, с. 35—47.
- ¹⁰⁹ *Бухарин Н. И.* Интеллигенция Польской Народной Республики. М., 1977. 182 с.
- ¹¹⁰ *Евсеев И. Ф.* Сотрудничество Украинской ССР и Польской Народной Республики (1944—1960 гг.). Киев, 1962. 368 с.; *Толстой В. С.* Братское сотрудничество белорусского и польского народов. Минск, 1966. 140 с.
- ¹¹¹ СССР и Польша: Интернациональные связи — история и современность. М., 1977—1978. Т. 1. 549 с.; т. 2. 372 с.; Очерки истории советско-польских отношений, 1917—1977. М., 1979. 584 с.
- ¹¹² *Томашевский Д. Г.* Внешняя политика Польской Народной Республики. М., 1963. 88 с.
- ¹¹³ *Поклад Б. И.* Внешняя политика Народной Польши. М., 1978. 255 с.
- ¹¹⁴ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1973. Т. 14. XXXIII, 871 с.
- ¹¹⁵ *Ленин В. И.* Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.» М., 1959. XX, 451 с.
- ¹¹⁶ Кроме названных выше, см.: *Дьяков В. А.* Маркс, Энгельс и польское освободительное движение. М., 1968. 192 с.; *Левиова С. З., Синельникова Н. М.* Рукописное наследство Маркса в области истории. [Раздел: Исследования по истории Польши].— В кн.: Маркс — историк. М., 1968, с. 575—582; *Смирнов А. Ф.* Карл Маркс о польском вопросе.— Сов. славяноведение, 1968, № 2, с. 3—12; *Стецкевич С. М., Якубский В. А.* Фридрих Энгельс о внутренних причинах падения Речи Посполитой: (К вопросу об истоках марксист. концепции).— В кн.: Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974, с. 218—231; и др.

РУМЫНИСТИКА В РОССИИ И СССР *

В 1840 г. в России было издано «Начертание правил валахо-молдавской грамматики», составленное Яковом Гинкуловым. Приводимые в нем правила, исключения, отклонения («уклонения») преследовали практические цели — дать общее представление о языке и помочь овладеть им в случае необходимости. Пособие практического типа потребовало от автора, однако, известных размышлений, сопоставлений, выработки определенной позиции по ряду вопросов теоретического характера (выделение частей речи и их грамматических категорий, типов склонений и спряжений, видов синтаксической связи слов в предложении и т. п.). Последовательность разделов и расположение правил внутри каждого из них продуманы, материал тщательно отобран, систематизирован, в ряде случаев сведен в таблицы.

Первое требование, которому, по мнению Я. Гинкулова, должен отвечать предлагаемый им грамматический очерк: он должен быть объективным (автор «не законодатель») и осмысленным (он «толкователь» законов языка).

Второе требование — обзор должен быть по возможности полным, детальным и всесторонним. Следуя этому требованию, автор «Начертания» подробно излагает правила написания своего времени, а также чтения и произношения (часть I «Об основаниях чтения и письма», часть V «Словопроизношение»), описывает морфологию (он дает ее в части II под названием «Общая этимология»), синтаксис (часть IV), словообразование (по его терминологии «Частная этимология», часть III).

И, наконец, третье требование — это сопоставление с русским как родным для тех, кому это пособие предназначалось. Выражаясь современным языком, автор вводит элемент «контрастивной грамматики» (часть IV, глава II «О различии в согласовании валахо-молдавских и русских слов»; глава IV «О различии в употреблении слов, выпускаемых в валахо-молдавском и русском языках» и т. п.).

* В данной статье рассматривается языковедческий аспект темы.

Все три названных выше методических требования к пособиям такого типа до сих пор остаются в силе.

В «Начертании правил валахо-молдавской грамматики», составленном Я. Гинкуловым, можно найти много ценных наблюдений и «толкований», которые созвучны мнениям ученых и в наши дни. Так, он считает, что существительное в изучаемом им языке способно изменяться по падежам только в сопровождении артикля («члена»), что между синтаксической функцией и употреблением артикля существует зависимость (например: «Все склоняемые слова..., выражающие понятие подлежащего..., требуют определенных членов»¹, т. е. определенного артикля в одной из присущих ему форм), что глаголы можно разделить на четыре разряда или залога: действительный, страдательный, средний (типа *iarba creste*² 'трава растет') и общий (типа: *mă mir* 'удивляюсь'). В данном случае можно не согласиться с количеством или названиями выделяемых им залогов, однако мысль о том, что при выделении залогов, помимо действительного и страдательного, необходимо ввести дополнительное подразделение, нельзя не признать справедливой³. Ценным является наблюдение относительно предпочтительного использования прилагательного после определяемого им существительного, утверждение о том, что суфин сочетает в себе глагольные и именные характеристики и свойства, выделение особых предположительных («сомнительных») глагольных форм (по современной терминологии «презумтива») и ряд других.

Некоторые положения «Начертания», безусловно, устарели: например, рассмотрение окончаний вокатива как форм определенного артикля и включение этого падежа в парадигму склонения существительных с определенным артиклем, отказ от рассмотрения существительных обоюдного рода как самостоятельного класса слов и т. д. В большинстве случаев, однако, это сложные теоретические вопросы, по многим из которых и в наши дни не достигнуто единства мнений.

В предисловии к «Начертанию правил валахо-молдавской грамматики» Я. Гинкулов говорит о том, что румынский (он употребляет термин «ромынский») язык произошел из латинского в его разговорной форме и что в связи с этим необходимо различать книжную и разговорную латинскую речь. Он считает, что целесообразно было бы изучить диалекты и говоры разных роман-

ских языков в их отношении к общему источнику — разговорной латинской речи («В отношении к первобытному характеру популярного языка римлян любопытно было бы сравнить областные, *патуанские* наречия: итальянские, испанские и французские с ромынскими»; «Предисловие», с. VII).

Таким образом, опубликованный в середине XIX в. в России очерк «валахо-молдавского языка» давал представление об особенностях его грамматического строя, фонетики, орфографии, лексики, словообразования. Было обращено внимание на необходимость дальнейшего, в том числе сопоставительного его изучения, а также на вопросы, связанные с его происхождением. К сожалению, дело, начатое автором очерка, не было продолжено⁴.

Возрождение научного интереса к румынскому языку в дореволюционной России связано с именами двух видных славистов Полихрона Агапие Сырку (1855—1905) и Александра Ивановича Яцимирского (1873—1925). Румынский язык привлек их внимание прежде всего наличием в его словаре слов славянского происхождения, а также историческими контактами со славянскими народами. Первого заинтересовал, в частности, тот факт, что раннерумынские тексты в значительной своей части представляли переводы с древних языков, в том числе и нередко со старославянского. Путешествуя по странам Балканского полуострова и имея возможность посетить отдельные области Румынии, П. А. Сырку знакомился не только со славянскими, но и с румынскими рукописями⁵. На основании сопоставления славянских и румынских списков П. А. Сырку стремился определить своеобразие славянских оригиналов, легших в основу румынской редакции текстов, а в тех случаях, когда оригинал не дошел или дошел фрагментарно, восстановить наиболее существенные его особенности⁶.

Круг румынистических интересов А. И. Яцимирского довольно широк⁷ и связан с его основным занятием — славянской филологией. Издавая серию статей под общим названием «Румыно-славянские очерки», А. И. Яцимирский подробно изучает славянские книжные влияния в области «христианского культа и церковного быта в широком значении слова»⁸, показывает, каким образом славянские заимствования, попадая в румынские тексты, меняют свое значение или способствуют изменению значения слов латинского происхождения. Автор сопровож-

дает свои рассуждения многочисленными примерами из румынских переводных текстов XVI в.⁹

Предмет особого интереса ученого составил вопрос о родине румынского народа и румынского языка. А. И. Яцимирский изучил с точки зрения этимологии румынские слова, обозначающие 1) явления природы и 2) географические названия, 3) лексику, связанную с растительным и животным миром, и обнаружил следующее. В первой группе преобладает лексика латинского происхождения; слова же, имеющие славянский этимон, сравнительно немногочисленны. Во второй группе слов славянский слой дает многочисленные термины, обозначающие «местности с высокими горными цепями, обрывистыми скалами, огромными глыбами... покатосями, курганами и могилами, хребтами и водоразделами». В группе слов — названий растительного мира — к лексике славянского происхождения, по мнению А. И. Яцимирского, относятся в основном слова, обозначающие неприхотливые зерна, огородные и лесные растения, грибы, сорные травы, полевые и горные цветы. Славянский слой в лексике, обозначающей представителей животного мира, связан главным образом с охотой и рыбной ловлей¹⁰. Эти наблюдения дают А. И. Яцимирскому основание утверждать, что «предки румын в конце III века могли двинуться только на север и на запад, а именно — в Карпаты и отчасти за Карпаты, где встретились со славянами» (с. 3, 28), а следовательно, родиной «румынского племени» являются горные области Карпат.

Не все приводимые А. И. Яцимирским примеры убеждают. Однако концепция автора в целом заслуживает внимания специалистов, изучающих эту сложную проблему¹¹.

Следующий этап румынистических исследований в нашей стране, уже после победы Великой Октябрьской социалистической революции, приходится на 20—50-е годы.

В советский период историей румынского языка, вопросами, связанными с особенностями его фонетики, лексики, грамматики, заинтересовался М. В. Сергиевский. В статьях, опубликованных в 20—30-е годы, он изучает славяно-румынские словари XVII в., останавливается на вопросе о литературном языке и истории его формирования¹². Его внимание привлекают статьи и материалы дискуссий, публикуемые на страницах румынских перио-

дических журналов, таких, например, как «Arhiva» (Яссы), «Dacoomania» (Клуж), «Grai și suflet» (Бухарест)¹³. Первый из названных журналов, по его наблюдениям, специализируется на проблемах истории языка, второй особенно много места отводит изучению лексики, в том числе с точки зрения этимологии, третий публикует различного рода статьи по проблемам общего характера, фольклору, диалектологии. В число рецензируемых им статей М. В. Сергиевский включает исследования как румынских, так и зарубежных ученых (В. Мейер-Любке, Л. Шпитцера и др.). Давая обзор статей по истории румынского языка, М. В. Сергиевский особо останавливается на исследованиях, посвященных румынскому языку в его взаимоотношениях с другими языками: славянскими, албанским, германскими, греческим, итальянским (его южными диалектами). Он уделяет внимание также публикациям, рассматривающим автохтонные элементы в румынском языке. В румынистическом наследии М. В. Сергиевского мы находим словари, сопровождаемые краткими очерками грамматики румынского языка, а также более подробное описание строя этого языка, адресованное студентам-романистам¹⁴.

Лингвистическая деятельность М. В. Сергиевского в области изучения румынского языка свидетельствовала о становлении румынистики в СССР как самостоятельной отрасли языкознания¹⁵.

Разработке научных вопросов румынистики посвятил ряд трудов В. Ф. Шишмарев. Он приводит интересные данные относительно первых письменных свидетельств румынского языка, анализирует существующие точки зрения по самым разным вопросам румынской филологии (славяно-восточнороманские связи, проблема формирования румынского литературного языка и др.), развивает свои собственные взгляды, подкрепляя их соответствующей аргументацией¹⁶. Его особое внимание привлекает вопрос о так называемых «балканизмах» в структуре восточнороманских языков, в том числе румынского. С одной стороны, В. Ф. Шишмарев считает, что в объяснении балкано-румынских совпадений нужна большая осторожность и обязательный учет законов внутреннего развития языка¹⁷. С другой стороны, однако, поскольку проблема существует, ее необходимо разрабатывать, опираясь прежде всего на изучение культурных связей балканских стран, «билингвизм со всеми его последствиями,

интенсивность общения между народами балканских стран и т. п.»¹⁸. В. Ф. Шишмарев подчеркивает, что развитие разных сторон языка (фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики) происходит неравномерно и что не все оказывается «одинаково доступным или недоступным влияниям извне»¹⁹.

Предмет специального изучения В. Ф. Шишмарева — вопрос о путях проникновения в Россию носителей романских языков, в том числе румынского в допетровскую эпоху, во время правления Петра I и в последующие годы вплоть до конца XIX в.²⁰.

В 40—50-е годы публикует серию статей по румынской филологии Р. А. Будагов. Материалы этих статей нашли отражение в появившейся несколько позднее монографии Р. А. Будагова²¹ — первой в советском языкознании монографии, специально посвященной вопросам грамматики румынского языка. На основе анализа языковых фактов в книге высказывается ряд важных научных гипотез, предлагается новая интерпретация многих явлений грамматического строя румынского языка. Особого внимания заслуживает, например, аргументация в пользу признания в румынском языке лишь двух падежей: именительно-винительного и родительно-дательного. В настоящее время большинство румынистов разных стран, в том числе Румынии, разделяют именно эту точку зрения, хотя регулярно издающаяся в СРР новыми тиражами «Грамматика румынского языка» до сих пор следует латинской традиции, включая в парадигму пять падежей. Интересно и наглядно вскрыта «очень сложная и своеобразная тройная зависимость между морфологической формой падежа, различными его значениями и различными способами соединения данного падежа с другими словами в предложении»²². Ценными являются наблюдения над особенностями использования в румынском языке личных местоимений, конъюнктива, порядка слов в предложении. Подробно изучаются предикативные и аппозитивные словосочетания.

Наблюдения Р. А. Будагова над румынским языком разных периодов его истории нашли отражение и в более поздних исследованиях. Так, в монографии, посвященной разработке проблем сравнительной семасиологии²³, Р. А. Будагов изучает в сопоставительном плане около 200 румынских слов и словосочетаний, рассматривая их с точки зрения соотношения между моносемией

и полисемией, с учетом неравномерности смыслового развития отдельных элементов лексической системы, а также формирования промежуточного звена в смысловом развитии слова и т. д. Данные румынского языка используются автором и при анализе лексико-семантической дифференциации и интеграции родственных (романских) языков²⁴. Решая вопрос о хронологии возникновения румынского литературного языка, Р. А. Будагов считает, что датировка румынских «литературных памятников (в отличие от памятников «вообще») должна быть отнесена к XVII столетию»²⁵.

К одной из дискуссионных проблем истории румынского языка — истокам постпозитивного определённого артикля обратился в 50-х годах Р. Г. Пиотровский. Изучив данные балканской латыни, исторической фонетики румынского языка и экспериментальных фонетических наблюдений над современным языком, сопоставив собственные имена и топонимы, засвидетельствованные в различных средневековых документах, а также изучив ряд других материалов, Р. Г. Пиотровский пришел к выводу о том, что образование постпозиции артикля в румынском языке следует отнести «за счет того общего консервирующего влияния, которое оказывали синтаксические нормы старославянской речи на порядок сочетания элементов в новых балканороманских аналитических формах, в частности на синтаксис протоартикля»²⁶. Вопросы румынской филологии рассматриваются Р. Г. Пиотровским и в некоторых публикациях последующих лет²⁷.

К началу 60-х годов, таким образом, был накоплен значительный материал, касающийся истории румынского языка, его современного состояния, румыно-славянских исторических и языковых контактов²⁸. Значительно активизировалась разработка теоретических вопросов румынской филологии, румынистика пополнилась новыми кадрами, открылись большие, по сравнению с предыдущими годами, возможности подготовки специалистов через аспирантуру. В результате 60—70-е годы дают небывалое до этого число публикаций по самым различным вопросам румынской филологии.

В настоящее время довольно четко определились основные направления научного интереса в области румынистики, которые можно сформулировать следующим образом: 1) история румынского языка, его современное состояние; 2) румыно-славянская языковая интерферен-

ция; 3) румынский среди романских языков; 4) румынский среди балканских языков. Достижения русской и советской румынистики предшествующих периодов развития получают дальнейшую разработку в трудах ученых всех направлений.

Остановимся на рассмотрении названных направлений, иллюстрируя их некоторыми публикациями двух последних десятилетий.

Важный аспект изучения языка составляет его историческая фонетика. Вопросами, связанными с закономерностями формирования румынского вокализма, заинтересовался В. А. Лисицкий²⁹. Исследуя в диахронном плане систему румынских гласных и их позиционные характеристики, он попытался сформулировать закономерности, лежащие в основе как спонтанных (простых), так и комбинаторных (сложных) фонетических изменений. Внимание автора привлекли и социальные аспекты истории становления системы румынских гласных, такие, например, как соотношение общенародного языка и диалектов на разных этапах их развития, распространенность отдельных языковых явлений и др. Он устанавливает субординацию анализируемых им процессов, отделяет существенное от несущественного, обобщает и классифицирует специфические черты балкано-романского вокализма.

Предметом специального рассмотрения стали в этот период также вопросы, связанные с генезисом отдельных средств грамматического выражения, присущих румынскому языку³⁰. При изучении грамматических особенностей современного румынского языка внимание исследователей привлекла, в частности, такая известная его особенность, как постпозиция определенного артикля: *lupul, casa* и т. п. В соответствии с распространенным в румынской лингвистике мнением постпозитивный определенный артикль противостоит в системе румынских артиклей трем другим препозитивным: неопределенному (*un lup, o casă*), адъективному (*Lupul cel flămînd, casa cea mare*) и посессивному (*al meu, un fiu al fratelui*). Это традиционно переходящее из исследования в исследование (из пособия в пособие) мнение подверг критике В. Ш. Лебанидзе³¹. Он доказывает, что не только определенный артикль в румынском языке следует считать постпозитивным, но и два других — посессивный и адъективный, поскольку грамматически они зависят от пред-

шествующего им существительного, ср.: *un prieten al fratelui*, но *prietenul fratelui*, где решающим для употребления или неупотребления посессивного артикля является способ грамматического оформления определяемого им имени (*un prieten-prietenul*) и где согласование артикля в роде и числе производится также с предшествующим артиклю существительным. Адъективный артикль, использующийся только после определенной артикулированной формы имени, воспроизводит, как и прилагательное, соответствующие грамматические категории стоящего перед ним существительного (*omul cel bun, fata cea frumoasă, sorii cei mici* и т. п.). Получается, таким образом, что в системе румынских артиклей три члена, а не один, как это принято считать, постпозитивны и что, следовательно, «в артиклевой системе румынского языка постпозиция абсолютно преобладает над препозицией»³².

Вопросы румыно-славянской семантической интерференции разрабатывает С. В. Семчинский. Его внимание привлекли различного рода семантические преобразования восточнороманских слов, происходящие под влиянием контактов со славянскими языками. Он доказывает, что идентичность семантической структуры в сопоставляемых им языках «может объясняться не только параллельными независимыми ассоциациями, но и языковыми контактами»³³. Наряду с прямым заимствованием слов и их значений семантическая интерференция осуществляется также путем калькирования структуры иноязычных единиц. Семантическая интерференция, по мнению автора, проявляется иногда и в «отрицательном» плане, т. е. в утрате под влиянием иноязычных слов тех или иных исконных значений. Исследование лексики румынского языка в предложенном С. В. Семчинским плане открывает новые перспективы изучения проблемы румыно-славянского языкового взаимодействия³⁴.

Румынский язык принадлежит группе романских языков и составляет наряду с национальным языком Молдавской ССР (молдавским) и диалектами (языками) Балканского полуострова (арумынским, мегленитским, истриотским) ее восточную ветвь³⁵. Это один из наиболее своеобразных представителей данной языковой группы. Общие для романских языков направления исторического развития нашли на востоке Романии весьма специфическое воплощение. Характеристика группы ромац-

ских языков только тогда может считаться достаточно полной, когда в ней учтены языки, представляющие как западную, так и восточную зоны романского ареала. Стремление ученых составить максимально полное представление о группе романских языков привело к необходимости введения восточнороманского, в том числе румынского материала в сравнительно-сопоставительные и сравнительно-исторические исследования³⁶.

Сравнительно-исторический метод в его традиционном понимании предполагает возможность изучения аналогичных грамматических явлений, характеризующих единовременные синхронные срезы двух и более языков. Введение в сравнительно-исторические исследования типологического сопоставления позволяет расширить область наблюдения, рассмотреть в сопоставительном плане внешне отличные друг от друга черты грамматического строя родственных языков, обнаружить их структурную общность. Историко-типологическое изучение романских языков западной и восточной зоны, которое только начинается³⁷, представляет перспективный метод лингвистического анализа.

Румынский язык, являясь генетически языком романской группы, вместе с тем включается исследователями в другую языковую общность на основании территориальной близости и сходства отдельных черт в грамматике, лексике, фразеологии, культуре — в балканскую языковую общность, или балканский языковой союз.

В последние годы защищены несколько кандидатских диссертаций (научный руководитель А. В. Десницкая), в которых албанский язык сопоставляется с румынским и другими балканскими языками. В одной из них доказывается, что в системе будущих времен албанского и румынского языков имеется лишь одна типологически общая модель: алб.: *do tō këndoj* — рум.: *o să cînt*, которую можно рассматривать как «балканизм» с точки зрения аналогии построения, степени грамматизации и стилистической принадлежности (литературный язык)³⁸. В другой диссертации³⁹ изучается в историческом плане (в ряду атрибутивных словосочетаний разных типов) артикль албанского языка (*i, e*), аналогичный румынскому посессивному артиклю, вскрывается типологическая общность албанской и румынской языковых систем. Изучив язык памятника албанского языка XVI в., автор обнаружил расхождения в использовании артикля, на-

званного ею синтагматическим по сравнению с современным языком. Эти наблюдения ценны и для румыниста: они позволяют предположить, что в ранние периоды своей истории албанский и румынский языки в отношении употребления аналогичного артикля отличались меньше, чем сейчас, и что, следовательно, их сходство было еще более очевидным. Длительные и оживленные дискуссии до сих пор ведутся в румынском языкознании по вопросу о существительных обоюдного рода (по терминологии большинства румынских исследователей — среднего рода). Изучение согласовательных классов в албанском языке⁴⁰ позволило выделить в нем четыре грамматических рода: мужской, женский, средний, обоюдный. Внимательно изучены и проанализированы существующие по этому вопросу точки зрения, рассмотрен обширный фактический материал. Исследователи румынского языка получили косвенный, но убедительный аргумент в пользу правомерности термина «обоюдный род» и признания самостоятельности существительных, принадлежащих этому грамматическому роду, в системе языка. Интересные для румыниста наблюдения можно найти и в других балканистических исследованиях⁴¹.

Детально разработана проблема вытеснения инфинитива конъюнктивом в балканских языках, в том числе в румынском⁴². Данный процесс рассматривается как результат действия факторов, экзогенных по отношению к собственной природе этих языков. Автор считает заслуживающими внимания обе теории относительно истоков рассматриваемого явления — субстратную и прогреческую. Он настаивает, однако, на том, что «и роль безинфинитивного автохтонного языка как субстрата других языков, и омонимизация инфинитива с какой-то другой формой, произошедшая по фонетическим причинам... являются событиями, случайными в истории инфинитивов разных языков данного района, т. е. событиями, которых могло и не произойти...»⁴³ М. А. Габинский убедительно показал, что как в албанском, так и в румынском языках идет интенсивный процесс образования вторичного инфинитива.

Завершая краткий обзор истории румынистических исследований в нашей стране, необходимо сказать о том, что в Советском Союзе румынский язык, его история и теория изучаются на специальных отделениях румынского языка и литературы при филологических факуль-

тетах Ленинградского, Московского и Киевского университетов⁴⁴. В соответствии с учебными планами студенты этих отделений слушают общие и специальные теоретические курсы по румынской филологии, пишут курсовые и дипломные сочинения.

Итак, за период времени, немногим превышающий столет, румынистика в нашей стране прошла большой путь, который условно можно разделить на четыре этапа: 1) середина XIX в.— теоретическое осмысление особенностей грамматического строя языка в целях создания пособий практического типа; 2) конец XIX — начало XX в.— изучение славяно-румынских исторических и языковых контактов; 3) 20—50-е годы XX в.— выделение румынского языка и его истории в качестве объектов самостоятельного научного изучения; 4) 60—70-е годы — разработка определенных научных направлений, введение типологического анализа в исследования как современного языка, так и предшествующих этапов его развития.

---

¹ Гинкулов Я. Д. Начертание правил валахо-молдавской грамматики. СПб., 1840, с. 476—477.

² В рассматриваемом труде Я. Гинкулова используется славянский алфавит (латинское написание официально было введено в 1860 г.). Для удобства в статье мы даем латинскую транскрипцию.

³ Вопрос до сих пор остается дискуссионным. См.: *Vasiliu L. Observații asupra diazezei.*— *Studii și cercetări lingvistice*, 1975, N 4, p. 433—446.

⁴ Хотя в Петербургском университете в течение ряда лет (начиная с 1839 г.) существовала специальная кафедра валахо-молдавского языка, возглавляемая Я. Д. Гинкуловым. О ней см.: *Касаткин А. А.* Вклад ученых Ленинградского университета в развитие романского языкознания.— *Вестн. ЛГУ*, 1969, № 2, серия истории, языка и литературы, вып. 1, с. 110; *Борщ А. Т.* Из истории отечественной романистики: Валахо-молдавская кафедра Петербургского университета.— В кн.: *Актуальные проблемы советской романистики: Науч. сессия, посвященная 100-летию со дня рождения акад. В. Ф. Шишмарева. Тезисы докл. Л.*, 1975, с. 18—19.

⁵ См.: *Сырку П. А.* Краткий отчет о занятиях за границей приват-доцента Санкт-Петербургского университета П. А. Сырку в летние месяцы 1893 и 1894 гг. СПб., 1895, с. 29—30.

⁶ *Сырку П. А.* К вопросу о подлиннике поучений валашского господаря Иоанна Нягое к своему сыну Феодосию.— *Известия Отд. ния русского яз. и словесности АН*, 1900, т. 5, кн. 4, с. 1—24. См. также: *Лавров П. А.* Научная деятельность П. А. Сырку.— *ЖМНП*, новая сер., 1906, № 2, отд. 4, с. 82.

⁷ См.: *Матковски А.* Документальные данные о жизни и деятель-

- ности А. И. Яцимирского. «Советское славяноведение», 1979, № 1, с. 89—99.
- ⁸ Яцимирский А. И. Румыно-славянские очерки: Книжное влияние славянского языка на румынский. Варшава, 1903. 16 с. (Отт. из «Русского филологического Вестника»).
- ⁹ Он же. Из славяно-румынских семасиологических наблюдений.— Известия Отд-ния русского яз. и словесности АН, 1904, т. 9, кн. 2, с. 1—22.
- ¹⁰ Он же. Славянские заимствования в румынском языке как данные для вопроса о родине румынского племени.— В кн.: Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности. СПб., 1908, ч. 2, с. 792—819.
- ¹¹ См.: Каракулаков В. В. Проблема образования румынского языка и народа в новых исследованиях румынских историков. Вестн. древней истории, 1962, № 1(79), с. 144—152.
- ¹² См.: Сергиевский М. В. К истории славяно-румынской письменности XVII в.— В кн.: Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения Академией наук... Л., 1928, с. 323—326; Он же. К истории создания литературного языка в Румынии.— Учен. зап./Ин-т языка и литературы, 1929, т. 3 (Лингвистическая секция), с. 114—132.
- ¹³ Он же. Библиографический обзор румынских журналов по филологии (1921—1930).— В кн.: Язык и мышление, М.—Л., 1936, сб. 6/7, с. 305—332.
- ¹⁴ См.: Румынско-русский словарь/Под ред. М. В. Сергиевского и К. А. Марцишевской. М., 1943, 454 с.; Русско-румынский словарь/Под ред. М. В. Сергиевского и К. А. Марцишевской. М., 1942. 488 с.; Сергиевский М. В. Введение в романское языкознание. М., 1952, с. 227—244 (2-е изд., 1954, с. 229—246); Он же. Молдавско-славянские этюды. М., 1959. 212 с. Вопросы истории румынского языка рассматриваются в этот период также в статье: Мустяца П. Про мову румун у ранній період їх історії.— Мовознавство, 1936, № 7, с. 81—105.
- ¹⁵ Ср. также: Бернштейн С. Б. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. М.—Л., 1948. Т. 1. Язык валахских грамот XIV—XV веков, где в специальной главе «Славянский язык в Валахии» (гл. 3, с. 80—127) автор ставит, а в ряде случаев и решает ряд сложных вопросов славяно-румынского языкового взаимодействия, в частности, детально изучает такой аспект проблемы, как разграничение результатов стихийного усвоения валахским населением славянского элемента и сознательного его заимствования.
- ¹⁶ Шишмарев В. Ф. Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР.— В кн.: Вопросы молдавского языкознания. М., 1953, с. 73—120. См. также: Рукописное наследие В. Ф. Шишмарева в Архиве Академии наук СССР. М.—Л., 1965, с. 53—54.
- ¹⁷ Шишмарев В. Ф. Романские языки юго-восточной Европы..., с. 76—84.
- ¹⁸ Шишмарев В. Ф. К вопросу о «балканском» характере романских языков Юго-Восточной Европы.— В кн.: Научная сессия 1951—1952 гг./Ленинградский ордена Ленина гос. университет им. А. А. Жданова, Тез. докл. по секции филол. наук. Л., 1952, с. 40.

- ¹⁹ Там же, с. 40—41.
- ²⁰ См.: *Шишмарев В. Ф.* Романские поселения на юге России (Ч. 1. Волохи).—Тр. Архива АН СССР, 1975, вып. 26, с. 12—75.
- ²¹ *Будагов Р. А.* Этюды по синтаксису румынского языка. М., 1958. 235 с.
- ²² Там же, с. 18.
- ²³ *Будагов Р. А.* Сравнительно-семаснологические исследования. Романские языки. М., 1963. 302 с.
- ²⁴ См. также: *Макаров В. В.* Проблемы лексико-семантической дифференциации романских языков. Минск, 1972. 383 с.
- ²⁵ *Будагов Р. А.* Литературные языки и языковые стили. М., 1967, с. 325.
- ²⁶ *Пиотровский Р. Г.* Формирование артикля в романских языках (Выбор формы). М.; Л., 1960. с. 142.
- ²⁷ *Пиотровский Р. Г.* Romano-slavica. Противопоставление твердых и мягких согласных в румынском языке.—В кн.: Всесоюзная конференция по славянской филологии. Программа и тез. докл. Л., 1962, с. 113—114; *Он же.* О палатализации балканороманских согласных. М., 1966, 22 с. Первый конгресс балканских исследований. София, 26 авг.—1 сент. 1966 г. Сообщения советской делегации) и др.
- ²⁸ В 50-е годы были защищены диссертации по румынистике на соискание ученой степени кандидата филологических наук: *Евдошенко А. П.* К истории артикля в ранних памятниках румынского языка (артикли al, a, ai, ale) (Институт языкознания АН СССР, 1953), *Семчинский С. В.* Лексические заимствования из русского и украинского языков в румынском языке (Киевский гос. ун-т, 1958) и др., а также опубликован ряд статей: *Дукельский Н. И.* Гласные современного румынского литературного языка в качественном отношении (монофтонги).—Вестн. ЛГУ, № 2, Сер. истории, языка и литературы, 1958, вып. 1, с. 109—131; *Он же.* О системе фонем современного румынского литературного языка.—Вестн. ЛГУ, № 2, Сер. ист., яз. и лит., 1959, вып. 1, с. 130—159; *Каракулаков В. В.* «Восточнолатинский» и диалекты румынского языка.—Учен. зап. Сталлинабадского гос. пед. института им. Т. Г. Шевченко, 1957, т. 19. Филологическая сер., вып. 9, с. 199—202 и др.
- ²⁹ *Лисицкий В. А.* Вопросы сравнительно-исторического изучения балкано-романского вокализма: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1961. 43 с.
- ³⁰ См., например: *Щепакина Г. А.* Сравнительно-историческое исследование личных местоимений румынского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1966. 18 с.
- ³¹ *Лебанидзе В. Ш.* Особенности артикля в румынском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1966. 41 с.
- ³² Там же, с. 29. По разным вопросам румынской филологии см. также: *Лухт Л. И.* Залог в современном румынском языке (Пассив). М., 1962. 82 с.; *Новак Л. А.* Частотный словарь молдавского и румынского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1962. 19 с. *Николаева С. П.* Процессы палатализации губных и губно-зубных согласных в балкано-романских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1968. 20 с. Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков. М., 1966. 383 с.; Проблемы диахронии и синхронии в изучении романских языков. Минск, 1970. Ч. 1. 289 с.; ч. 2. 349 с. и др.

- ³³ Семинский С. В. Семантическая интерференция языков (На материале славяно-восточнороманских языковых контактов): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1973, с. 23, *Он же*. Семантична інтерференція мов. Київ, 1974, 256 с.
- ³⁴ См. также: Андрианов Б. А. К вопросу о проникновении в словарный состав современного румынского языка русских заимствований советской эпохи.— В кн.: Вопросы языка и литературы, М., 1960, вып. 2, с. 63—76; Бережан С. Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц. Кишинев, 1973. 372 с.; Клепикова Г. П. Славянская пастушеская терминология: ее генезис и распространение в языках Карпатского ареала. М., 1974. 256 с.; Ваксман Б. И. Ископное и заимствованное в лексике восточнороманских языков.— В кн.: Вопросы романского языкознания: Межвуз. сборник. Калшин, 1975, вып. 2, с. 21—30; и др.
- ³⁵ Корляту Н. Г. Исследование пародной латыши и ее отношений с романскими языками. М., 1974, с. 101—103.
- ³⁶ См.: Лухт Л. И. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Румынский язык. М., 1970. 219 с.; Смирнов И. Е. Французские заимствования в лексической системе современного румынского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1970. 25 с. Лавникевич Н. С. Сравнительно-сопоставительное изучение аналитических глаголов в романских языках (На материале фр., итал., румын. яз.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1975. 33 с. Морозова О. П. Сопоставительное изучение аналитических предлогов во французском и румынском языках (пространственные и временные отношения): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1978. 22 с. Широкова А. В. Очерк сравнительного описания восточнороманской фонологической системы (на материале надписей). Минск, 1968. 106 с.; Андреева К. С. Лексико-семантическая вариантность именных и глагольных лексем румынского языка (в сравнении с латинским языком): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1976. 29 с.; и др.
- ³⁷ См.: Репина Т. А. Аналитизм романского имени (Склонение существительных на западе и востоке Романии). Л., 1974. 167 с. См. также статьи автора, опубликованные в журнале *Studii și cercetări lingvistice*, 1971, vol. 22, N 5, с. 459—470; 1972, vol. 23, N 6, с. 603—613 и др.
- ³⁸ Жугра А. В. К вопросу об общих типах будущего времени в румынском и албанском языках.— В кн.: Лингвистические исследования. Л., 1970, с. 28—52; *Она же*. Будущее время в албанском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971.
- ³⁹ Воронина И. И. Способы выражения атрибутивности в албанском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. 15 с.
- ⁴⁰ Шаранова Л. В. Согласовательные классы имен существительных в албанском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977. 20 с.
- ⁴¹ См.: Десницкая А. В. Албанский язык и его диалекты. Л., 1968. 380 с.; Цивьян Т. В. Имя существительное в балканских языках. М., 1965. 195 с.; Лопашов Ю. А. Местомненные повторы дополнения в балканских языках. Л., 1978. 127 с., а также статьи в сборниках: Грамматический строй балканских языков. Л., 1976. 318 с.; Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л., 1979. 265 с.; и др.

- ⁴² *Габинский М. А.* Появление и утрата первичного албанского инфинитива (К проблеме инфинитивности в балканских языках). Л., 1970. 336 с.; ср.: *Он же.* Возникновение инфинитива как вторичный балканский языковой процесс. Л., 1967. 280 с.
- ⁴³ *Он же.* Появление и утрата первичного албанского инфинитива, с. 308.
- ⁴⁴ За истекшие годы в Ленинградском и Московском университетах изданы учебные пособия: *Репина Т. А.* Румынский язык. М., 1968. 189 с.; *Она же.* Сборник упражнений по грамматике румынского языка. Л., 1971. 127 с.; *Заюнчковский Ю. П.* Хрестоматия румынской литературы XIX—XX вв. М., 1971. 382 с. К настоящему времени завершена совместная работа преподавателей Московского, Ленинградского и Бухарестского университетов над учебником румынского языка (авторы: Ю. П. Заюнчковский, Т. Н. Ни-колеску, Т. А. Репина).

А. В. ЖУГРА

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО АЛБАНОВЕДЕНИЯ

Советское албановедение, понимаемое сейчас как совокупность ряда гуманитарных дисциплин, предметом изучения которых являются различные стороны материальной и духовной культуры албанского народа (язык, литература, история, этнография и т. д.), возникло первоначально как лингвистическая дисциплина.

Интерес к изучению албанского языка возник в Советском Союзе в 20-е годы нашего века. В этот период албанский язык, не являясь пока предметом специальных исследований, привлекался в работах по общему языкознанию и славистике в связи с решенным более общих или смежных с албановедением проблем. В послевоенный период, и особенно с конца 50-х годов, когда в Ленинградском университете было открыто отделение албанского языка, албанистика становится самостоятельным разделом советского языкознания. Отдельным вопросам истории, диалектологии, грамматики албанского языка посвящаются статьи и целые монографии. Кроме того, албанский язык продолжает привлекать внимание исследователей, занимающихся разработкой проблем балканистики.

Краткий обзор истории изучения албанского языка в СССР за 50 лет (1917—1967 гг.) был сделан нами в статье «Албанский язык»¹. За прошедшее с тех пор время появился ряд новых интересных работ. Остановимся лишь на основных направлениях исследований в этой области.

Советские албанисты-лингвисты уделяют большое внимание изучению истории албанского языка, в частности, изучению его родственных связей в плане сравнительно-исторических изысканий. Этой проблеме посвящено несколько статей А. В. Десницкой, в одной из которых² рассматриваются доисторические германо-албанские языковые контакты. Учитывая задачи, стоящие перед ареальной индоевропеистикой, А. В. Десницкая выдвинула в качестве первоочередной проблемы реконструкцию морфологической модели древнеалбанского языка.

Важным шагом на пути решения этой проблемы является работа А. В. Десницкой «Категория собирательности и категория массы в истории грамматического строя албанского языка»³. Это исследование посвящено реконструкции процессов трансформации морфологической системы албанского имени, происходивших в дописьменные периоды начиная от эпохи фонетической редукции индоевропейских именных флексий. Автор, в частности, выдвигает и обосновывает свою гипотезу об имевшей место в древнеалбанском языке грамматической инновации, а именно: создании особой грамматической категории массы со специальным набором морфологических показателей. Индоевропейские связи албанского языка и вопросы реконструкции древнеалбанского языка исследуются также в работах О. С. Широкова и А. П. Сытова.

Отдельные вопросы исторической морфологии албанского языка в средний и новый периоды его истории рассматривались в работах М. А. Габинского (история инфинитива), А. В. Десницкой (имя), И. И. Ворониной (генетивные словосочетания), А. В. Жугры (тоскский тип футурума), Л. В. Шариповой (именное согласование). При этом каждое явление албанского языка исследуется, как правило, с учетом его балканских связей. Так, одно из исследований М. А. Габинского⁴ посвящено истории становления албанского инфинитива типа *te ba* и объяснению причин его исчезновения в тоск-

ском диалекте в связи с решением общебалканстической проблемы утраты старых инфинитивов.

История албанской лексики разрабатывается А. В. Десницкой. В работе «Славянские заимствования в албанском языке»⁵ А. В. Десницкая дала довольно большой новый материал, а также поставила теоретические вопросы албано-славянских языковых отношений.

В настоящее время для дальнейших албановедческих исследований особую значимость имеют данные диалектологии. Учитывая это, А. В. Десницкая в монографии «Албанский язык и его диалекты»⁶ впервые дала обобщенное изложение проблем и фактов албанской диалектологии и предложила свое осмысление диалектной структуры албанского языка. Характерной особенностью этого исследования является комплексный метод, основанный на учете не только языковых, но и этнографических и исторических данных. Диалектологические исследования на базе говора украинских албанцев ведут в Советском Союзе И. И. Воронина, Л. Я. Демко, Н. В. Котова, А. П. Сытов, Л. В. Шарапова, О. С. Широков.

В монографии «Албанский язык...» А. В. Десницкая предлагает также новое решение вопроса о путях создания общенационального языка и его литературных форм. В книге впервые подробно освещается вопрос о характере устных литературных койне и их роли в процессе языковой концентрации. Этот новый подход, развитый позднее тем же автором в книге «Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка»⁷, характеризуется привлечением к исследованию и учетом роли обобщенных типов устной речи, слагавшихся в народной среде в условиях отсутствия или ограниченного использования письменности. Источником суждения об этих типах речи является язык фольклора, исследованию которого А. В. Десницкая посвятила ряд статей.

Отдельным грамматическим проблемам современного албанского языка посвящены работы А. В. Десницкой (например, об образовании именных основ мн. числа), И. И. Ворониной (структура генетивных словосочетаний), Е. Г. Шигиной (значение и употребление форм аориста), Л. В. Шараповой (система именного согласования). Специальной разработке подверглась проблема инфинитивности в албанском языке. М. А. Габинский в монографии «Возникновение инфинитива как вторичный

балканский языковый процесс»⁸ показывает на большом языковом материале начавшийся полигенез инфинитива в албанском языке.

В заключении лингвистической части данного обзора следует отметить, что албанский, как один из балканских языков, привлекается советскими исследователями (М. А. Габинский, А. В. Десницкая, Ю. А. Лопашов, Т. В. Цивьян, О. С. Широков, В. И. Шишмарёв) при решении общих и частных проблем балканистики.

Албанская художественная литература становится предметом исследования советских литературоведов лишь в послевоенные годы. Появившиеся в этой области работы посвящены двум значительным для албанской литературы явлениям — поэзии итальянских арберешей (XIX в.) и творчеству классика албанской литературы Мидьени (начало XX в.).

Возникновение собственно художественной албанской литературы произошло в албанских колониях на территории Италии (Калабрии и Сицилии), в среде итальянских арберешей. Творчество поэтов-арберешей составило в албанской литературе целое направление, конкретно-исторический анализ которого дала Т. Ф. Серкова⁹. Показав социально-историческую обусловленность появления албанского романтизма и его прогрессивный характер, она анализирует идейную основу и художественные особенности творчества поэтов-арберешей, благодаря которому в албанской литературе впервые был поставлен широкий круг общественных проблем и получил развитие целый ряд поэтических жанров (поэма, ода, сонет, баллада, элегия).

Для албанских поэтов-романтиков (как и вообще для романтической литературы) было характерно обращение к фольклору, к освоению художественных ценностей народной поэзии. Своеобразный характер этой связи, обусловленный культурными традициями итало-албанской среды, был вскрыт А. В. Десницкой¹⁰.

Специальную монографию посвятила Г. И. Эйнтрей анализу идейной и творческой эволюции крупнейшего албанского писателя и поэта Мидьени¹¹. В монографии показано, как произошел переход Мидьени от увлечения философией Ницше и идеями абстрактного гуманизма к демократическим идеям так называемого молодого поколения, к сотрудничеству в журнале «Vota ege», который издавался в 1936—1937 гг. в г. Корча первой албан-

ской коммунистической группой. Автор показывает, что для творчества Мидьени характерна четкая гражданская позиция, что он впервые в истории албанской литературы сделал сатиру методом раскрытия противоречий действительности. В монографии раскрывается новаторство Мидьени в области поэзии, новеллистики и художественно-документальной прозы.

К проблеме развития национальной албанской культуры обращается в своих работах Г. Л. Маньковская, анализирующая первые переводы русской литературы на албанский язык и рассматривающая их как один из факторов, способствующих распространению культуры и просвещения среди народа¹².

В послевоенный период в нашей стране началось изучение истории Албании. Серьезной трудностью при этом было отсутствие необходимых материалов по многим вопросам периода нового и новейшего времени, по социально-экономической истории и др.

Тем не менее, главные вехи истории Албании получили достаточно глубокое отражение в советской исторической науке. Основное внимание историков-албановедов было направлено на разработку следующих тем: история Южной Албании в конце XVIII — начале XIX в.; национально-освободительное движение албанского народа от его начального периода до 1912 г., когда была провозглашена независимость первого албанского государства; национально-освободительная борьба в период второй мировой войны и т. д.

Интересным и важным для истории Албании периода турецкого господства является конец XVIII — начало XIX в. — время существования больших полунезависимых пашалыков Османской империи; Шкодерского и Янинского, созданных албанскими феодальными фамилиями. Исследованию истории этих пашалыков посвятил одну из своих монографий¹³ Г. Л. Арш. Для того чтобы дать всестороннюю оценку роли пашалыков в истории Албании, автор проводит анализ деятельности шкодерского и янинского правителей, социально-экономических и политических предпосылок, объективных последствий проводимой ими внешней и внутренней политики. Как показано в монографии, пашалыки сыграли прогрессивную роль в истории Албании, ибо они содействовали процессу политического и экономического объединения страны и показали возможность успешного сопротивле-

ния султанской власти при условии объединения различных политических сил. Автор отмечает, что сам факт существования в течение нескольких десятилетий больших полунезависимых пашалыков под эгидой албанских правителей способствовал росту самосознания албанского народа. Все это создавало определенные предпосылки для формирования национального движения в Албании¹⁴.

Период национально-освободительной борьбы албанского народа против турецкого господства с середины XIX в. до начала XX в. получил отражение в ряде работ И. Г. Сенкевич. Мы остановимся здесь на двух монографиях этого автора. Первая¹⁵ посвящена анализу социально-экономического развития и освободительной борьбы в Албании в период обострения так называемого Восточного вопроса (судьба турецкого наследия на Балканах). Значительное место в книге отводится анализу деятельности Албанской лиги — национальной организации, возникшей в 1878 г. Это сложное и многогранное явление рассматривается на фоне социально-экономических процессов, происходивших в Албании в середине XIX в. Автор показывает, что в этот период в Албании еще не сложилась экономическая общность в масштабе всей страны, необходимая для формирования сильной национальной буржуазии. Отправляясь от этого вывода, И. Г. Сенкевич анализирует особенности национально-освободительного движения и соотношение классовых сил в Албанской Лиге. Несмотря на непоследовательность и нерешительность Лиги, ее деятельность сыграла важную роль в политической жизни страны, а народное движение в поддержку Лиги приняло антисултанский характер.

Периоду подъема освободительного движения албанского народа в начале XX в., завершившемуся провозглашением независимости Албании в ноябре 1912 г., посвящена другая монография И. Г. Сенкевич¹⁶. В начале XX в. национально-освободительное движение в Албании приобрело антиимпериалистическую направленность, а революционные события в России в 1905 г. вызвали новый подъем борьбы за освобождение от турецкого ига. Автор рассматривает все этапы этого героического периода, показывает участие албанцев в младотурецкой революции 1908 г. и рост оппозиции против младотурок, анализирует внешние и внутренние причины поражения

массовых восстаний 1910—1912 гг., которые, однако, оказали большое влияние на ход событий, окончательно подорвав позиции Турции и подготовив завоевание Албанией политической независимости. Основное содержание работы составляет, таким образом, внутренняя история албанского национально-освободительного движения в рассматриваемый период.

История Албании в период от начала итальянской агрессии в 1939 г. до конца второй мировой войны, образование Народной Республики Албании в 1946 г., вопросы специфики народно-демократической революции и характера социально-экономических преобразований в процессе становления народно-демократического строя в стране явились предметом ряда исследований Н. Д. Смирновой¹⁷.

Своеобразным итогом результатов работы названных выше историков-албановедов является их коллективная монография, представляющая собой первую в нашей стране попытку дать систематическое изложение истории Албании с XV в. до начала второй мировой войны¹⁸. Опираясь на большой фактический материал и используя марксистско-ленинскую методологию, авторы показывают, что Албания стала независимой в результате длительной и упорной борьбы народных масс против чужеземных поработителей. Выводы подкрепляются анализом социально-экономических процессов, происходивших в Албании на разных этапах развития страны. В книге показан характер феодальных отношений в Албании в XIV—XV вв., рассмотрены генезис военно-ленной системы после турецкого завоевания и процесс замены ее в дальнейшем крупным чифликским землевладением, постепенное развитие в XIX в. капиталистических отношений.

В основном историки-албановеды в своих исследованиях опираются на неопубликованные архивные материалы, хранящиеся в Советском Союзе и за рубежом.

В частности, это характерно и для монографии Ю. В. Ивановой¹⁹, основанной, однако, не только на архивных материалах, но и на личных наблюдениях автора, этнографа по специальности, почерпнутых из поездок по Северной Албании. Книга посвящена интересному и уникальному для Европы XX в. явлению — общественному строю североалбанских горцев в переходный пе-

риод перерастания доклассового общинно-родового общества в раннеклассовое.

Исследуя родовое устройство на его последнем этапе, автор показывает зарождение и развитие элементов социального неравенства, прослеживает этапы развития частной собственности и феодальных отношений, анализирует влияние политических и экономических факторов на эволюцию общественных форм североалбанского населения. Большое место отведено в книге проблеме перехода от обычного права к государственному. В результате анализа правовых норм автор приходит к выводу, что социальное расслоение более явственно выступает в области имущественного права, чем в морально-этической стороне жизни. Можно назвать еще ряд вопросов, рассмотренных в монографии, — место североалбанских районов в социальной структуре Османской империи, принципы самоуправления родовых и территориальных объединений, эволюция органов военной демократии и т. п. Выводы автора, базирующиеся на детальном исследовании общественного строя североалбанских горцев, имеют значение как для этнографов, так и для историков. Как отмечалось в рецензии Н. Д. Смирновой, результаты исследования Ю. В. Ивановой дают ключ к пониманию многих явлений политической и экономической жизни Албании нового и новейшего времени²⁰.

Некоторые вопросы этнографии албанцев, в частности вопрос о характере поселений и жилища Северной Албании, рассматривается также в статьях О. Р. Будины.

¹ См.: Советское языкознание за 50 лет. М., 1967, с. 201—205.

² Десницкая А. В. Древние германо-албанские языковые связи в свете проблем индоевропейской ареальной лингвистики.— Вопросы языкознания, 1965, № 6, с. 24—43.

³ См.: Грамматический строй балканских языков. Л., 1976, с. 5—104.

⁴ Габинский М. А. Появление и утрата первичного албанского инфинитива. Л., 1970, с. 336.

⁵ Десницкая А. В. Славянские заимствования в албанском языке. М., 1963. 30 с.

⁶ Десницкая А. В. Албанский язык и его диалекты. Л., 1968. 380 с.

⁷ Десницкая А. В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970. 97 с.

⁸ Габинский М. А. Возникновение инфинитива как вторичный балканский языковый процесс. Л., 1967. 280 с.

⁹ Серкова Т. Ф. Поэзия итальянских арберешей и проблемы албанского романтизма. М., 1966. 20 с.

- ¹⁰ Десницкая А. В. Фольклоризм в итало-албанской литературе XIX века.—Известия АН СССР. Сер. лит. и яз., 1976, т. 35; № 1, с. 22—33.
- ¹¹ Эйнтрей Г. И. Творчество Мидьени. Л., 1973. 118 с.
- ¹² См., например: Маньковская Г. Л. Первые переводы русской литературы в Албании в 10—30-х годах XX в. М., 1966. 18 с.
- ¹³ Арш Г. Л. Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. М., 1963. 368 с.
- ¹⁴ История Янинского пашалыка тесно переплетена с историей Греции, прежде всего Эпира, являвшегося территориальным ядром Янинского пашалыка. Для Греции события этой эпохи явились непосредственным прологом к войне за независимость.
- ¹⁵ Сенкевич И. Г. Албания в период Восточного кризиса (1875—1881): М., 1965. 232 с.
- ¹⁶ Сенкевич И. Г. Освободительное движение албанского народа в 1905—1912 гг. М., 1959. 262 с.
- ¹⁷ См., например: Смирнова Н. Д. Образование Народной Республики Албании. М., 1960. 195 с.
- ¹⁸ Краткая история Албании. М., 1965. 263 с.
- ¹⁹ Иванова Ю. В. Северная Албания в XIX — начале XX вв.: Общественная жизнь. М., 1973. 256 с.
- ²⁰ Вопросы истории, 1974, № 2, с. 149—151.

З. С. НЕНАШЕВА

ИДЕЯ СЛАВЯНСКОЙ ОБЩНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ И ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (Некоторые терминологические и теоретические аспекты)

Изучение вопроса об исторической роли идеи славянской общности в жизни славянских народов занимает существенное место в славистических исследованиях. Практически нет ни одной работы, посвященной изучению общественной мысли славянских народов, ни одного труда по истории славистики, в которых бы не затрагивался тот или иной аспект этой проблемы, поскольку идея славянской общности прочно вошла в национальное самосознание большинства славянских народов и надолго стала его неотъемлемой частью¹.

Советские историки исследовали эту проблему, но не специально, а в связи с изучением отдельных национальных движений славянских народов², различных об-

щественных течений, их идеологий³, взглядов тех или иных общественно-политических деятелей и деятелей культуры⁴, истории становления и развития славяноведения и деятельности славистов⁵. В этих работах авторы употребляли понятия «идея славянской взаимности» или «идея славянского единства» (единения). В ряде работ в связи с критикой панславизма была отмечена как ошибочная тенденция буржуазных историков пользоваться в качестве синонимов понятиями «панславизм» и «славянская общность». Довольно подробно разработал этот вопрос В. К. Волков в специальной статье о происхождения терминов «пангерманизм» и «панславизм»⁶, в большей или меньшей степени касаются его В. А. Дьяков, В. Д. Королук, С. Д. Сказкин, И. В. Чуркина⁷ и другие советские историки.

Однако теоретическим и терминологическим аспектам этой проблемы более пристальное внимание стало уделяться лишь в 70-е годы. В работах, вышедших в это время, указывается на «неразборчивость и недифференцированность терминологического аппарата» исторической славистики, отмечается, что понятия «славянское сознание», «славянская взаимность», «славянофильские чувства» и другие употребляются в литературе нередко как тождественные, мешая осознанному осмыслению существа различных явлений⁸. Действительно, неопределенность терминологии привела к противоречиям в толковании термина «панславизм», к определенной нечеткости в отношении других терминов, что отражается, в частности, в закавычивании выражений типа «славянская взаимность», «славянский вопрос»⁹ и др.

В этой связи известный интерес представляет статья И. И. Лещиловской «Концепция славянской общности в конце XVIII — первой половине XIX века», в которой поставлен вопрос о необходимости разработки теоретического аспекта названной проблемы, предпринята попытка дать сравнительно-историческую характеристику «концепций славянской общности и программ славянского единения» в конце XVIII — первой половине XIX столетия¹⁰. Обратившись к исследованию методологических проблем истории славяноведения, В. А. Дьяков, Д. Ф. Марков, А. С. Мыльников в своем докладе на VIII конгрессе славистов в Загребе также констатировали, что ни в источниках рассматриваемой эпохи, ни в современной научной литературе нет точного определе-

ния термина «славянская взаимность». Практически наравне с ним употреблялись и употребляются термины «славянская общность», «славянское единство», «славянская солидарность», «всеславянство» и др.. Когда речь идет о соответствующей идеологии, то говорят также о «славизме», «идее всеславянства», «славянской идее»¹¹.

Для того чтобы избежать недоразумений и чисто семантических споров, В. А. Дьяков в своей статье «Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения (с конца XVIII в. до 1939 г.)» предлагает отделить конкретные формы проявления «славянской идеи» от реального первоисточника, связанного с осознанием славянскими народами определенной близости их происхождения, исторических судеб, языка и культуры. По мнению В. А. Дьякова, это понятие наиболее адекватно можно выразить определениями «идея славянской взаимности», «идея славянской солидарности» или «идея славянской общности», которые являются идентичными терминами с меняющимся во времени, но одинаковым по своей природе содержанием. Что же касается политических интерпретаций этой идеи, то, как подчеркивает автор, они различны по своей природе, нередко прямо противоположны друг другу по своей социальной направленности. Поэтому для их описания и анализа, по мнению В. А. Дьякова, необходима иная, более точная терминология¹².

Разработка многих теоретических вопросов и дальнейшее уточнение терминологии были продолжены в других статьях советских исследователей — Д. Ф. Маркова и В. И. Фрейдзона, опубликованных в книге «Методологические проблемы истории славистики».

В статье Д. Ф. Маркова, главным вопросом которой было определение содержания понятия славистики, подчеркнуто, что идея славянской взаимности оказала значительное влияние на понимание предмета славистики и на проблематику конкретных славистических исследований. В работе нашла отражение точка зрения большинства советских славистов, состоящая в том, что идея славянской взаимности «стала одним из важнейших элементов складывающейся национальной идеологии славянских народов, прежде всего тех, которые не имели своей государственности»¹³.

Эта мысль нашла отражение и в статье В. И. Фрейдзона. Осмысление исторического пути славянских народов привело автора к убеждению, что «идеи и теории славянских взаимностей не представляли собой самостоятельной и единой идейно-политической системы, они были связаны с конкретной национальной и социальной средой, являясь частью той или иной общественно-национальной идеологии со всеми вытекающими отсюда последствиями». Важнейшее методологическое значение имеет вывод, что на протяжении истории идея славянской общности играла различную роль в зависимости от того, какие социальные силы выступали под ее знаменем, поскольку ее использовали в своих интересах как консерваторы и реакционеры, так и представители либеральной буржуазии и сторонники революционной ломки существующих порядков¹⁴.

В. И. Фрейдзон, проанализировав в своей монографии и статьях огромный фактический материал, предпринял попытку решить ряд основополагающих методологических вопросов. Большое внимание он уделил разработке и систематизации терминов и понятий славистики, в частности поднял вопрос о славянском этническом сознании¹⁵ как сознании этнического родства и языковой близости славянских народов, о социальных истоках «идеологии славянской общности» как особой формы национальной идеологии, о философско-социологических и морально-этических основах концепций славянской общности, о многообразии концепций «славянского единства» (конкретизированных концепций славянской общности) и их общественной роли.

Результатом исследований В. И. Фрейдзона стал вывод о том, что «этническое родство славян, понимаемое не с расовой, а с исторической точки зрения, не только является объективной реальностью, но и оказывает немалое воздействие на развитие славянских народов особенно в период перехода от феодализма к капитализму»¹⁶.

Подробное освещение эта проблема получила в коллективной монографии «Освободительные движения народов Австрийской империи», в которой показывается, что в конце XVIII — начале XIX в. «в среде угнетенных славянских народов габсбургской монархии постепенно формировались концепции славянской общности (или единства) и славянской взаимности (т. е. идеи сотруд-

ничества, солидарности, взаимопомощи родственных народов)»¹⁷. В условиях национального возрождения, складывания наций, зарождения национальных движений эти концепции являлись, как показано в монографии, элементом идеологии буржуазного типа. В ней проблемно рассматриваются вопросы происхождения, общественно-политического содержания и исторической роли идеи славянской общности, обращено особое внимание на связь с общим социально-культурным развитием идейной жизни Европы¹⁸. При этом совершенно справедливо отмечено, что зарождение и развитие идеи славянской общности было обусловлено общественными потребностями каждой из славянских наций, и сами эти идеи содержали ответ на поставленные ходом исторического процесса вопросы¹⁹. Не вызывает сомнений тезис о том, что именно особенности национальных ситуаций обусловили многообразие концепций славянского единства, неравномерность их развития у отдельных формирующихся славянских наций, неравнозначность удельного веса славянского вопроса в идеологической системе однотипных общественных групп у разных народов²⁰.

Совершенно справедливо подчеркивается положение, практически общепринятое в марксистской славистике, что идеи славянской общности, являвшиеся элементом национального самосознания и идеологии национальных движений славянских народов, никогда не были самостоятельной системой и «должны поэтому рассматриваться и оцениваться в органической связи с социальными устремлениями и идеологическими построениями разных классов в соответствующую эпоху»²¹.

Однако при всем богатстве использованного материала, глубине выводов, широте обобщений в работе присутствует определенная несогласованность. Так, для характеристики идейно-политического развития славянских земель Австрийской монархии в годы революции 1848 г. используются понятия «всеславянство», «славизм»²², которые нуждаются в обосновании и раскрытии.

* * *

Исследование роли идеи славянской общности в национальной жизни чешского и словацкого народов занимает значительное место в трудах чехословацких историков-марксистов. За последние 30 лет в научный оборот введены новые источники, проделана большая работа по

изучению истории Австро-Венгрии, написан ряд обобщающих трудов. Чехословацкие ученые добились определенных успехов в разработке важных теоретических вопросов славяноведения, связанных с пониманием и оценкой роли идеи славянской общности. Становление и формирование марксистского направления было связано прежде всего с пересмотром тех концепций, которые, будучи сформулированы буржуазными историками, оказались теоретически ограниченными и практически бесперспективными. Многие положения буржуазной историографии были не только взяты под сомнение, но и отвергнуты, а ряд проблем был поставлен впервые и заново сформулирован. Серьезное внимание при этом было уделено разработке и систематизации научных терминов, понятийного аппарата славистики.

К числу наиболее распространенных понятий исторического славяноведения следует отнести такие, как «slovanství»²³, «славянская идея», «идея славянской взаимности», «идея славянской солидарности», получившие в работах чехословацких славистов достаточно определенное толкование.

Первой попыткой марксистской интерпретации «slovanství» была работа Я. Швермы «Славянская идея в чешской политике», написанная им в 1943 г. в период пребывания в Советском Союзе. Учитывая международную ситуацию, автор поставил перед собой цель определить историческую роль идеи славянской общности и ее перспективы. Глубоко убежденный в том, что «вера в славянство являлась главным источником моральной силы чешского народа», Я. Шверма отмечал, что «идея славянской взаимности» проходит красной нитью через всю современную чешскую политику²⁴.

В послевоенной Чехословакии в 1947 г. вышел сборник лекций профессоров Брненского университета, посвященных изучению «slovanství» в чешской национальной жизни²⁵. Это была одна из первых попыток дать общее представление о развитии представлений и идей славянской общности.

Большой интерес представляет работа Й. Мацурека «Славянская идея в чешской политической жизни», вошедшая в этот сборник, и ряд других²⁶. Й. Мацурек опровергал версию некоторых буржуазных ученых о том, что «slovanství» проявляется только в чешской литературе. В его трактовке «славянская идея» — это «чувство

и осознание этнического, языкового, культурного и политического родства всех славян»²⁷, «осознание необходимости межславянского сотрудничества, сплоченности, литературно-культурной, политической, экономической взаимности»²⁸. Й. Мацурек сделал попытку определить место и роль этой идеи. Он высказал мнение, что в жизни славянских народов отчетливо видно проявление двух сил — интеграционной, или центростремительной, и дезинтеграционной, или центробежной. При этом, с одной стороны, можно наблюдать «сознание и чувство славянского родства, сплоченности, солидарности, коллективности», а с другой — «усилия к сохранению племенных различий между славянскими народами»²⁹. Й. Мацурек пришел к выводу, что «славянская идея» оказала значительное влияние на чешскую политическую жизнь, играла важную, хотя и не всегда решающую, роль во многих политических событиях³⁰.

Следует заметить, что в этой работе «slovanství» стало одним из основных научных понятий и определено как известная система межславянских знаков³¹, «тенденция к взаимному сближению славян»³².

Франк Вольман в работе «Чешский славизм, его прошлое и программа» и других³³ считал целесообразным различать такие понятия, как «slavismus» и «slovanství», как наиболее общие категории славистики. В изложении Вольмана «slovanství» — это «все проявления славянской принадлежности или родства, от простого, иногда подсознательного чувства до осознанных выражений сплоченности, солидарности вплоть до намеренных совместных действий»³⁴. В истории славянских народов, по мнению Вольмана, проявлялось влияние двух доминант: национальной (индивидуализирующей, дифференцирующей) и славянской (интеграционной). «Slovanství» — это «славянская доминанта» в ее этнических и культурных корнях, ее диалектическом влиянии, иногда положительном, иногда отрицательном на доминанту национальную. «Славизм», по определению Вольмана, — это все то, что «становится движением, концепцией, идеологией, программой», и, таким образом, является осознанным проявлением славянской принадлежности, что нашло свое выражение, в частности, в совместных межславянских программах³⁵. В результате он считал возможным говорить о системе «славизмов», понимая под этим цепь отдельных идеологий, программ и концеп-

ций. Таким образом, Вольман предложил различать понятие «slovanství» от понятия «славизмы». Последним термином он обозначал различные политические интерпретации идеи славянской общности, иначе говоря, конкретные политические программы и концепции в разных странах и у разных течений. В данном случае можно говорить о попытке найти общее в уже сложившихся понятиях (романтический славизм, колларизм, австро-славизм, югославизм, панславизм, неославизм и т. д.).

Работы Й. Мацурека и Ф. Вольмана, так же как и труды других авторов славистических сборников Брненского университета и Славянского института в Праге³⁶, свидетельствуют о том, что уже в конце 40-х годов чехословацкие ученые предприняли попытку теоретически осмыслить вопрос о месте и роли идеи славянской общности. Следует подчеркнуть, что здесь указывалось и на необходимость рассматривать славяноведение как такую область науки, которую нельзя отождествлять с одной только филологией.

Однако работы Й. Мацурека и Ф. Вольмана при всей их значимости не раскрыли в полной мере существо проблемы. Так, понятие «slovanství» не было аргументировано в такой степени, чтобы могло стать основой для конкретных исторических исследований, убедительной точкой зрения для других авторов. Последовательное овладение с конца 40-х годов XX в. чехословацкими и другими историками социалистических стран материалистическим пониманием истории и все более широкое применение этого метода на практике привело к тому, что к концу 50-х годов был заложен фундамент марксистской концепции исследования данной проблемы.

Пристальное внимание к терминологии славяноведения было обращено в 60-е годы, когда были достигнуты значительные успехи в разработке многих других аспектов истории Австро-Венгрии XIX — начала XX в. Проблема «slovanství», его теоретическая и методологическая сторона оказалась стоящей в тесной связи с решением вопросов о предмете славистики и этнической общности славян³⁷.

Важное значение имела проведенная в октябре 1959 г. в Смоленицах конференция, посвященная обсуждению вопроса о «роли идеи славянской взаимности в национально-освободительной борьбе чешского и словацкого народов»³⁸. Исходной точкой научной дискуссии

стало не традиционное одностороннее и апологетическое понимание идеологии «slovanství» как классово-недифференцированного общественного сознания, а стремление проанализировать политическое содержание идеи славянской общности всесторонне, в том числе и ее реакционные стороны³⁹. Однако проблеме развития идеи славянской общности в конце XIX — начале XX в., по признанию участников конференции, было уделено недостаточное внимание. Вопрос об упорядочении терминологии был также только поставлен⁴⁰. По мнению М. Куделки, основной преградой, которая не позволила прийти к более весомой, общественно дифференцированной оценке, стало «несколько узкое понимание проблемы «slovanství» и недостаточное внимание к остальным конституирующим элементам идеологической структуры чешского и словацкого общества в различные периоды истории»⁴¹.

Развитие проблемы славянской общности было изучено Й. Колейкой⁴². Исторический подход позволил автору обрисовать, хотя и несколько схематично, картину развития политических интерпретаций идеи славянской общности в XIX—XX вв. В предисловии к книге подчеркнуто, что «идея „взаимности“ славянских народов возникла в период наступления капитализма как проявление этнического родства славян», как средство активизации усилий, направленных на их «возрождение». Постепенно эта идея стала и политической программой зарождающегося национально-политического движения славянских народов, стремящихся к национальному равноправию и позже к государственной независимости⁴³.

Й. Колейка, так же как и большинство чехословацких историков, считает, что отношение славянских народов к славянскому вопросу всегда носило политический характер. По мнению исследователя, идея славянской общности не являлась какой-то особой идеологией и главным содержанием политических программ славянской буржуазии. Речь шла о более или менее ясном и сильном национализме тех или иных политических групп буржуазии, которые «идеями славянства» выражали (или прикрывали) свои классовые интересы⁴⁴. В то же время эта идея, указывает автор, являлась реальностью, играла прогрессивную роль в переломные периоды развития большинства славянских народов. Так, на рубеже

XVIII—XIX вв. она являлась лозунгом, пробуждающим национальное самосознание славян Австрийской империи. Однако эта идея оставалась прогрессивной до тех пор, пока была лозунгом обороны против национального гнета или угрозы внешней агрессии, пока она помогала развитию национально-освободительного движения поработенных народов габсбургской монархии и Османской империи, пока уважала интересы неславянских народов или национальностей⁴⁵.

Относительно терминологии исторической славистики Колейка считает, что долголетняя практика наполнила некоторые ее главные понятия определенным конкретным содержанием. Так, термин «славянская взаимность», по мнению автора, применим к области культурных отношений в первой половине XIX в. Соглашаясь с мнением других славистов, Колейка под термином «идея славянской солидарности» понимал тенденции и программы сотрудничества славянских народов или отдельных политических группировок, направленные на достижение определенных национально-политических требований. При этом идея славянской солидарности «не была и не могла стать какой-то целостной „идеологией“, а являлась девизом в XIX в., способствующим развитию национально-освободительной борьбы угнетенных славянских народов, а с 30-х годов XX в. — пробуждающим народы славянских стран к обороне против фашизма, против опасности нацистской агрессии»⁴⁶. Следовательно, формулировка идеи славянской солидарности, исходя из определения Колейки и судя по содержанию его книги, относится прежде всего к XX в.

Вопрос о научной оценке идеи славянской общности был рассмотрен в ходе подготовки чехословацких историков к конгрессу славистов в Праге (1968). В оживленной дискуссии, проведенной в 1965—1966 гг. по инициативе журнала «Словански пршеглед», о предмете и задачах исторической славистики приняли участие ведущие чехословацкие специалисты по этой проблеме: М. Куделка⁴⁷, З. Сладек⁴⁸, Й. Колейка⁴⁹, Й. Грозичек⁵⁰, Й. Мацурек⁵¹, В. Прохазка⁵², О. Янечек⁵³, редакционная коллегия журнала⁵⁴.

Важным вопросом, затронутым в дискуссии, стало выяснение природы «slovanství». Обширную полемику вызвал тезис, выдвинутый М. Куделкой, о принципиальном противоречии между «slovanství» как своеобразной

вариацией буржуазно-национальной идеи и пролетарским интернационализмом⁵⁵. В то же время нашло поддержку его положение о том, что «славянская идея» как продукт определенной расстановки общественных сил в современных условиях уже не играет прежней исторической роли⁵⁶, перестав быть политической идеологией⁵⁷. Наиболее приемлемым стало предложение Куделки рассматривать «идеологию „slovanství“ как составную часть общественного сознания капиталистической общественной формации»⁵⁸. Это определение идеи и программы славянской общности в качестве существенной составной части общественного сознания славянских народов в период капитализма вошло в практику исторических исследований, стало вкладом в разработку понятийного аппарата славяноведения.

В ходе дискуссии был обсужден вопрос о соотношении представлений и идей славянской общности (т. е. slovanství. — З. Н.) и славистики XIX—XX вв. Так, по мнению З. Сладека, эти представления и идеи, являющиеся стержнем тогдашней славистики, стимулировали интерес отдельных научных дисциплин при изучении проблематики прошлого славян. Они вели к поиску элементов, объединяющих историю славянских народов, пронизывали единой концепцией исследования разных ученых⁵⁹.

Однако, если сопоставить материалы этой дискуссии и опубликованные в 1975 г. доклады на симпозиуме, организованном философским факультетом Карлова университета в Праге 20—22 октября 1971 г. по истории славянской филологии⁶⁰, и, наконец, статьи сборника «Методологические проблемы истории славистики», вышедшего в Москве в 1978 г., можно заметить, что до сих пор этот вопрос не решен.

В ходе дискуссии 60-х годов продолжалась разработка методологических вопросов славяноведения. «Славянская идея, — подчеркнул Й. Колейка, — была неким связующим звеном формирующейся славистики и постепенно сама стала предметом изучения»⁶¹. Особую часть проблематики исторической славистики, бесспорно, составляет «славянская идея», тенденция к взаимному сближению славянских народов, «slovanství», как одна из форм общественного сознания, отметил В. Прохазка⁶². Хотя предметом обсуждения в основном являлась «славянская идея» и ее интерпретации после первой ми-

ровой войны, принципиальное значение имеет замечание Колейки, что «slovanství» не является «своеобразной разновидностью буржуазно-национальной идеи». Оно уходит своими корнями в демократическое понимание славянского вопроса чешскими радикальными демократами, а в условиях нацистской оккупации было противопоставлено антиславянской политике оккупантов⁶³.

Мысль о том, что идея славянской общности как компонент национализма угнетенных народов, национализма, имеющего прогрессивную сторону, общедемократическое содержание⁶⁴, была важным идейно-теоретическим оружием национально-освободительных движений славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы, стала одним из главных результатов дискуссии. Правомерным является требование избегать односторонности при оценке исторической роли идеи славянской общности, учитывать сложность исторических явлений, их прогрессивность или реакционность в тех или иных конкретных условиях. В ходе дискуссии подчеркивалось, что нельзя говорить о прогрессивности идей славянской общности вообще. Было признано, что славянская идея принадлежит к прогрессивному наследию прошлого. Она сыграла прогрессивную роль в истории малых славянских народов, в их борьбе за достижение элементарных национальных свобод. Однако в определенные периоды истории идея славянской общности могла сдерживать активизацию национально-освободительного движения, побуждала полагаться на помощь извне⁶⁵.

Результаты дискуссии не вполне удовлетворили редакционную коллегию журнала. Тем не менее в заключительной статье было отмечено, что изучение идеи славянской общности как явления, которое наряду с языковым родством и в определенной степени культурной общностью является специфической особенностью политического и духовного развития славянских народов, должно занять одно из первых мест в славистических изысканиях⁶⁶.

Научное объяснение идеи славянской общности, анализ ее прогрессивных сторон, связанных с борьбой за углубление демократии и за воплощение гуманистических идеалов, а также ее реакционных черт, обусловленных, как правило, экспансионистскими стремлениями имущих классов славянских народов, были выдвинуты в качестве главных задач исторической секции конгресса славя-

стов в Праге в 1968 г. И, действительно, эта тема заняла там одно из ведущих мест в докладах чехословацких историков⁶⁷.

К. Герман и Й. Колейка в совместном докладе отметили, что между марксистскими и буржуазными историками существуют различия не только в понимании славянской общности, в общем подходе к материалу, но также в оценке ее конкретных проявлений и интерпретаций. По их мнению, под «slovanství» следует подразумевать «вспомогательное обобщающее понятие для обозначения отдельных проявлений славянской взаимности (славянского сотрудничества)»⁶⁸. Авторы доклада подчеркнули, что обобщающими понятиями являются также и «частичные» проявления или формы «slovanství», например австрославизм, неославизм и т. д., которые включают в себя многозначные, социально и политически противоречивые явления.

Герман и Колейка подчеркнули, что большинство «славянских» программ имели общедемократическое содержание, были выработаны самими угнетенными славянскими народами и отвечали их стремлению к урегулированию отношений между славянами на демократической основе. Они пришли к выводу, что в Чехии и Моравии главным носителем различных представлений о славянской общности вплоть до первой мировой войны была городская мелкая буржуазия, которая больше всего была втянута в языковую и культурно-политическую борьбу и широко использовала идеи «славянской солидарности» как вдохновляющий лозунг⁶⁹. При этом было отмечено, что, хотя часть буржуазии славянских наций габсбургской монархии с 70-х годов XIX в. вела политику, лояльную по отношению к Вене и Пешту (польская буржуазия в Царстве Польском с 80-х годов по отношению к Петербургу, в Королевстве Познаньском — к Берлину), с конца 90-х годов имел место процесс ее радикализации. Часть буржуазии, захваченная этим процессом, оценивает мелкобуржуазный радикализм, в том числе и его «славянскую идею» как орудие давления на правительство и способ борьбы против национальной дискриминации со стороны господствующих наций⁷⁰.

Помимо сборника докладов к VI съезду славистов в 1968 г., была издана одна из наиболее значительных обобщающих работ чехословацких историков по проблеме славянской общности⁷¹. В предисловии, написанном

М. Куделкой, была сделана попытка представить общую картину развития представлений о единстве и родстве славян, дать критическую оценку роли этих идей в историческом развитии чешского и словацкого народов⁷².

Авторы монографии поставили своей целью раскрыть исторические предпосылки возникновения и существования «slovanství» как составной части общественного сознания в различные периоды исторического развития, содержание этого понятия в теории и практике различных классов и слоев чешского и словацкого общества, показать его объективную роль и значение.

В этой работе о «slovanství» говорится как о наиболее общем фундаментальном понятии славяноведения. Оно определено как «исторически изменчивая совокупность всех проявлений и форм общественного сознания, в основе которых лежит сознание родства или единства славянских народов»⁷³. «Slovanství» в чешской политике было постоянным фактом (константой), который в разных видах неизменно сопутствовал стремлению чешского народа к освобождению⁷⁴. Здесь же был поставлен вопрос о славянской этнической общности, который получил развернутое толкование в статье М. Куделки.

Следует обратить внимание и на убедительные выводы, которые были сделаны авторами в результате анализа конкретных событий. К. Герман отметил, что в начале XX в. был сделан целый ряд «широко обоснованных попыток использовать идеи „slovanství“ и славянского сотрудничества в чешской политике». Автор обратил внимание на то, что «slovanství» этого периода проявилось не только в традиционных сферах — культуре и политике, но и в экономических отношениях. Это, по мнению Германа, является новой характерной чертой «славянской идеологии» XX в.⁷⁵ Разумеется, речь идет о стремлении чешской буржуазии обосновать свои экономические интересы с помощью идеи славянской общности и сотрудничества.

Новым толчком для разработки чехословацкими и советскими историками вопроса о происхождении, общественном содержании и исторической роли идеи славянской общности стала подготовка сборника «Методологические проблемы истории славистики». Среди работ, вошедших в сборник и раскрывающих специфику развития идеи славянской общности, следует отметить статьи чехословацких исследователей М. Куделки⁷⁶ и

С. Вольмана⁷⁷. Важное значение имеет постановка вопроса о славянской этнической общности, который еще недостаточно разработан как в теоретическом, так и в конкретно-историческом плане⁷⁸.

М. Куделка считает ошибочным рассматривать славянское этническое единство как инвариантную величину, как некую внеисторически существующую, неизменную в своей основе этническую субстанцию⁷⁹. Научный подход к изучению этого вопроса требует рассмотрения славянской этнической общности как категории исторической, т. е. как явления изменчивого в своей основе, и, с другой стороны, не отождествлять этническое единство славян с сознанием этого этнического единства. Характеризуя диалектику взаимоотношения славянской общности как проявления объективной реальности и ее общественного осознания, М. Куделка пишет: «Это сознание также может являться объектом славистического изучения... ибо является составной частью общественно-го сознания эпохи, существенным социально-психологическим явлением»⁸⁰.

Рассмотренный материал не исчерпывает всех работ, которые связаны с изучением идеи славянской общности в жизни чешского и словацкого народов в конце XIX — начале XX в. Существует, в частности, значительная историография, посвященная проблеме неославизма, которая будет предметом отдельного историографического обзора автора.

¹ Дьяков В. А., Марков Д. Ф., Мильников А. С. Некоторые узловые методологические вопросы мировой славистики.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VIII Международн. съезд славистов. Загреб-Любляна, сентябрь 1978 г. М., 1978, с. 474.

² См.: Лещиловская И. И. Иллиризм: К истории хорв. нац. возрождения. М., 1968, 338 с.; Никитин С. А. Славянские комитеты в России. М., 1960. 362 с.; Фрейдзон В. И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970, 366 с.; Хитрова Н. И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50—70-х годах XIX века. М., 1979, 336 с.; Чуркина И. В. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978. 391 с.; и др.

³ См.: Дмитриев С. С. Славянофилы и славянофильство.— Историк-марксист, 1941, кн. 1, с. 85—97; Дудзинская Е. А. Буржуазные тенденции в теории и практике славянофилов — Вопросы истории, 1972, № 1, с. 49—64; Она же. Идеино-теоретические позиции славянофилов накануне крестьянской реформы.— История СССР, 1972, № 5, с. 139—160; и др. Она же. Славянофилы и национальное

- Возрождение славян.— В кн.: Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв. М., 1978, с. 83—85; *Она же*. Русские славянофилы и зарубежное славянство.— В кн.: Методологические проблемы истории славистики. М., 1978, с. 261—281.
- ⁴ См.: *Гольдберг А. Л.* «Идея славянского единства» у Юрия Крижанича.— Тр. Отд. древнерус. литературы/АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушк. Дом), 1963, вып. 19, с. 373—391; *Дьяков В. А.* «Славянский вопрос» и политическая программа Н. Г. Чернышевского.— В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию акад. М. В. Нечкиной. М., 1976, с. 127—135; *Ровда К. И.* Славянская общность и проблемы культуры.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VII Междунар. съезд славистов. Варшава, август, 1973 г. М., 1973, с. 267—286; и др.
- ⁵ См.: *Марков Д. Ф.* Некоторые вопросы истории славистики.— In: *Práce z dějin slavistiky*. Praha, 1975, sv. 2, s. 13—17; *Он же*. Славистика как комплекс научных дисциплин.— В кн.: Методологические проблемы истории славистики. М., 1978, с. 7—18; и др.
- ⁶ См.: *Волков В. К.* К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм».— В кн.: Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969, с. 25—69.
- ⁷ См.: *Дьяков В. А.* «Славянский вопрос» и политическая программа Н. Г. Чернышевского, с. 127—135; *Королюк В. Д.* К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв.— В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов: VI Междунар. съезд славистов. (Прага, август 1968 г.). М., 1968, с. 98—113; *Сказкин С. Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974, с. 222; *Чуркина И. В.* Славянское национально-освободительное движение в XIX в. в Россия. М., 1978, с. 7—9.
- ⁸ *Лециловская И. И.* Концепция славянской общности в конце XVIII — первой половине XIX века.— Вопросы истории, 1976, № 12, с. 75.
- ⁹ Примером могут служить уже названные работы А. Л. Гольдберга и В. А. Дьякова, а также статья: *Кирилюк Е. П.* Роль идей «славянской взаимности» в становлении украинской культуры XIX в.— В кн.: Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв.: Материалы междунар. конференции ЮНЕСКО. М., 1978, с. 283—288.
- ¹⁰ Следует согласиться с высказанной в докладе В. А. Дьякова, Д. Ф. Маркова, А. С. Мильникова на конгрессе славистов в Загребе точкой зрения, что в этой статье «идея славянской общности слишком однозначно привязывается к буржуазной идеологии даже там, где в рассматриваемый период национальная буржуазия практически еще не существовала». (*Дьяков В. А., Марков Д. Ф., Мильников А. С.* Некоторые узловые методологические вопросы истории мировой славистики, с. 489).
- ¹¹ Там же, с. 473.
- ¹² *Дьяков В. А.* Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения (с конца XVIII в. до 1939 г.).— В кн.: Методологические проблемы истории славистики. М., 1978, с. 232.
- ¹³ См.: *Марков Д. Ф.* Славистика как комплекс научных дисциплин, с. 9.

- ¹⁴ *Фрейдзон В. И.* Национальное и интернациональное в истории славянских народов: (Диалектика взаимоотношений и отражение в общественной мысли XIX — начале XX в.).— В кн.: Методологические проблемы истории славистики. М., 1978, с. 194. См. также: *Фрейдзон В. И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970, с. 74—163; Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII в.— 1849 г. М., 1980, с. 319—339.
- ¹⁵ Об этом см. также: *Королюк В. Д.* К вопросу о славянском самознании Киевской Руси, с. 113. Здесь автор приходит к выводу, что славянское самосознание играло активную роль в национальном развитии восточных и западных славян в раннефеодальный период их истории.
- ¹⁶ *Фрейдзон В. И.* Национальное и интернациональное в истории славянских народов, с. 194.
- ¹⁷ Освободительные движения народов Австрийской империи, с. 320.
- ¹⁸ Там же, с. 320, 340.
- ¹⁹ Там же, с. 320, 321, 325, 329, 330, 335.
- ²⁰ Там же, с. 322—325, 330 и др.
- ²¹ Там же, с. 320.
- ²² Там же, с. 518 и др.
- ²³ Под «slovanství» автор понимает «исторически обусловленную совокупность всех проявлений и форм общественного сознания, основанных на представлении о родстве или единстве славянских народов» (так определяет это понятие М. Куделка в кн.: *Slovanství v národním životě Čechů a Slováků*. Praha, 1968, s. 9. На русский язык термин лучше всего переводить описательно, либо термином «всеславянство». «Slovanství» не тождественно русскому слову «славянство», имеющему вполне определенное значение «славянские народы» («славянство» по-чешски — «slovanstvo»). Во избежание недоразумений автор в данной статье в ряде случаев оставляет «slovanství» без перевода.
- ²⁴ *Sverma J.* Slovanská myšlenka v české politice. Praha, 1945, s. 12—13.
- ²⁵ *Slovanství v českém národním životě*. Brno, 1947. 249 s.
- ²⁶ *Macůrek J.* Slovanská myšlenka v českém životě politickém.— In: *Slovanství v českém národním životě*, s. 20—56; *Idem.* Slovanská idea a dnešní skutečnost. Brno, 1947. 39 s.; *Idem.* Dějiny Slovanstva. Vědecký postulat či fikce?— In: *Obrysy Slovanstva: Sborník přednášek Slovanského ústavu v Praze*. Praha, 1948.
- ²⁷ *Macůrek J.* Slovanská myšlenka v českém životě, s. 5.
- ²⁸ *Ibid.*, s. 6.
- ²⁹ *Ibid.*, s. 20.
- ³⁰ *Ibidem.*
- ³¹ *Ibid.*, s. 18, 20—21, 23.
- ³² *Ibid.*, s. 18—23.
- ³³ *Wollman F.* Český slavismus, jeho minulost a program.— In: *Slovanství v českém národním životě*, s. 224—241; *Idem.* Terminologie slovanské součinnosti.— *Slovanský přehled*, 1948, № 3/4, s. 126—140; *Idem.* Duch a celistvost slovanské slovesnosti.— In: *Obrysy Slovanstva*. Praha, 1948.
- ³⁴ *Wollman F.* Český slavismus..., s. 225.
- ³⁵ *Ibidem.*
- ³⁶ См. например: *Slovanství v českém národním životě*, s. 20—56, 224—241.
- ³⁷ См.: *Марков Д. Ф.* Славистика как комплекс научных дисциплин,

- с. 7—17; *Куделка М.* О славистике как сфере научного познания.— В кн.: Методологические проблемы истории славистики. М., 1978, с. 18—39.
- ³⁸ Материалы конференции опубликованы в журнале: *Historický časopis*, 1960, N 2/3, s. 193—467.
- ³⁹ *Hololík L.* Uvodné slovo.— *Historický časopis*, 1960, N 2/3, s. 194; *Gašparík M.* Negatívne prejavy myšlienky slovanskej vzájomnosti.— *Ibidem*, s. 415—416.
- ⁴⁰ *Cejchan V.* Nekolík otázek metodických a terminologických.— *Ibidem*, 398—399; *Herman K.* K úloze Ruska v otázce slovanské vzájemnosti a další metodické poznámky.— *Ibidem*, s. 420—428.
- ⁴¹ Slovanství v národním životě Čechů a Slováků, s. 7.
- ⁴² *Колейка И.* Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX—XX веках. Praha, 1964. 263 s.
- ⁴³ Там же, с. 12.
- ⁴⁴ Там же, с. 29. Имеется в виду «slovanství» как идея славянской общности и солидарности. Следует отметить, что при переводе работы Колейки на русский язык не всегда найдены адекватные выражения.
- ⁴⁵ Там же, с. 30.
- ⁴⁶ Там же, с. 31.
- ⁴⁷ *Kudělka M.* K diskusi o slavistice, slovanství a dnešku.— *Slovansky přehled*, 1966, N 4, s. 235—236; *Idem.* Slavistika, slovanství a dnešek.— *Ibidem*, 1965, N 1, s. 3—4.
- ⁴⁸ *Sládek Z.* Historie a současná slavistika.— *Ibidem*, 1965, N 2, s. 118—119.
- ⁴⁹ *Kolejka J.* K diskusi o úkolech «historické slavistiky».— *Ibidem*, 1965, N 4, s. 245—248.
- ⁵⁰ *Hrozičnik J.* Miesto «historickej slavistiky» v marxistickej historiografii.— *Ibidem*, 1966, N I, s. 33—36.
- ⁵¹ *Macúrek J.* Místo Slovanů a východní Evropy v obecných dějinách.— *Ibidem*, 1965, N 6, s. 349—354.
- ⁵² *Procházka V.* Historická slavistika o otázky dějin státu a práva.— *Ibidem*, 1965, N 5, s. 295—296.
- ⁵³ *Janeček O.* K Nejedlého koncepci historické slavistiky z r. 1939.— *Ibidem*, 1966, N 2, s. 103—109.
- ⁵⁴ Redakční rada. Závěr k diskusi o úkolech historické vědy ve slavistice.— *Ibidem*, 1966, N 4, s. 236—240.
- ⁵⁵ Этот тезис был подвергнут критике, хотя сам Куделка, подводя итоги дискуссии, заявил, что не отрицает тот факт, что «slovanství» не всегда было в противоречии с пролетарским интернационализмом. В определенные периоды исторического развития обе эти идеологии были в согласии, в основе их союза нередко было объективно прогрессивное общественное содержание. См.: *Kudělka M.* K diskusi o slavistice, s. 235—236.
- ⁵⁶ *Kudělka M.* Slavistika, slovanství a dnešek, s. 2.
- ⁵⁷ *Kolejka J.* K diskusi o úkolech..., s. 248.
- ⁵⁸ *Kudělka M.* K diskusi o slavistice..., s. 235.
- ⁵⁹ *Sládek Z.* Historie a současná slavistika, s. 118.
- ⁶⁰ *Марков Д. Ф.* Некоторые вопросы истории славистики.— In: *Práce z dějin slavistiky*.— Praha, 1975, sv. 2, s. 13—17; *Horálek K.* Aktuální otázky dějin slavistiky.— *Ibidem*, s. 19—25.
- ⁶¹ *Kolejka J.* K diskusi o úkolech..., s. 245.
- ⁶² *Procházka V.* Historická slavistika a otázky dějin státu a práva, s. 295.

- ⁶³ *Kolejka J.* K diskusi o úkolech..., s. 246.
- ⁶⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 275—276.
- ⁶⁵ *Hroziěňik J.* Miesto «historickej slavistiky»..., s. 34.
- ⁶⁶ *Závěr k diskusi...*, s. 237.
- ⁶⁷ Československé přednášky pro VI. mezinárodní sjezd slavistů v Praze. Praha, 1968, s. 397—499. Историческая секция VI съезда славистов целиком посвятила одно из своих заседаний проблеме «Развитие идей и программ славянской взаимности в XVIII—XX вв.» См.: *Лециловская И. И.* Идеино-политические аспекты славянской взаимности в XVIII—XX вв.—Сов. славяноведение, 1969, № 2, с. 125—129.
- ⁶⁸ *Herman K., Kolejka J.* Předpoklady vzniku a možnosti neoslavizmu.— In: Československé přednášky pro VI. mezinárodní sjezd slavistů v Praze. Praha, 1968, s. 485—491.
- ⁶⁹ *Ibidem*, s. 486.
- ⁷⁰ *Ibidem*.
- ⁷¹ Slovanství v národním životě Čechů a Slováků, 501 s.
- ⁷² *Ibid.*, s. 5.
- ⁷³ *Ibid.*, s. 9.
- ⁷⁴ *Ibid.*, s. 305.
- ⁷⁵ *Ibid.*, s. 323.
- ⁷⁶ См.: *Куделка М.* О славистике как сфере научного познания, с. 18—39.
- ⁷⁷ См.: *Вольман С.* Методологические вопросы сравнительного изучения славянских литератур на съездах славистов.— В кн.: Методологические проблемы истории славистики. М., 1978, с. 282—313.
- ⁷⁸ *Куделка М.* О славистике как сфере научного познания, с. 30.
- ⁷⁹ Там же, с. 32—33.
- ⁸⁰ Там же, с. 31.

В. Г. КАРАСЕВ, Л. И. УТКИНА

В. И. ПИЧЕТА
 В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
 (Из истории становления
 советского славяноведения)

Вклад В. И. Пичеты в становление советского исторического славяноведения и в подготовку кадров советских историков-славистов трудно переоценить. Основатель первой в Советском Союзе кафедры истории южных и западных славян, зачинатель марксистских историко-славистических исследований, ученый широкого профиля, одинаково успешно занимавшийся также изучением истории СССР, академик Пичета оставил неизгладимый след и как ученый, и как человек.

Владимир Иванович Пичета закончил историко-филологический факультет Московского университета в 1901 г. с дипломом первой степени¹. И по призванию, и по послужному списку он был прежде всего педагогом. Начав преподавательскую деятельность в дореволюционной России, В. И. Пичета не оставлял ее и в советское время. Вот основные вехи его педагогической деятельности. Сразу после окончания университета — преподавание истории в средней школе: до марта 1902 г. — в Московском лицее в память цесаревича Николая, затем в Учительской семинарии в местечке Коростышево Житомирской губ.; в 1903—1905 гг. — в средних учебных заведениях Екатеринослава (ныне Днепропетровск); с 1905 г. — снова в средних школах Москвы — Александровском коммерческом училище, Практической академии, гимназиях и других учебных заведениях. Учительство В. И. Пичета не оставил даже тогда, когда стал профессором Московского университета. После Великой Октябрьской социалистической революции он преподавал историю в московской 158-й единой трудовой школе².

Педагогическую и воспитательную деятельность В. И. Пичета успешно сочетал с научной работой. Очень важным моментом его биографии является подготовка к магистерским экзаменам. Пичета успешно сдал их, несмотря на то что практически у него не было свободного времени для занятий. В своих воспоминаниях «Моя жизнь до 1905 г.»³ Владимир Иванович перечисляет следующие 12 проблемных вопросов, которые ему пришлось готовить к экзамену по русской истории: «Состав и происхождение древнейшего летописного свода, Русская Правда, Новгород Великий, Судебник 1497 и 1550 гг., Социальный строй Великого княжества Литовского в XVI в., Литовско-русский сейм, Смутное время, Присоединение Малороссии к России, Реформы Петра Великого, Реформа губернских учреждений при Екатерине II, Реформа центральных учреждений при Александре I, Положение 19 февраля⁴». Экзамен по всеобщей истории В. И. Пичета сдавал Р. Ю. Вишперу. Ему пришлось отвечать на следующие вопросы: «1) Происхождение принципата; 2) Афинская Политика Аристотеля; 3) Крестьянство в Византии VII—VIII вв., 4) Происхождение английского парламента; 5) Социальная политка Кон-

ституанты и Лежислативы; 6) Реформы Штейна и Гарденберга в Пруссии»⁵.

Сдача экзаменов открыла Пичете путь в приват-доцентуру. 5 мая 1909 г. были закончены испытания на степень магистра русской истории при историко-филологическом факультете Московского университета, а 17 ноября и 1 декабря прочитаны (установленные правилами) две пробные лекции. Постановлением Совета историко-филологического факультета от 1 декабря 1909 г. В. И. Пичете было присвоено звание приват-доцента⁶; 5 мая 1910 г. решением Попечителя Московского учебного округа он был зачислен в число приват-доцентов Московского университета⁷. К сожалению, срок приват-доцентуры молодого ученого оказался недолгим. В феврале 1911 г. он покинул стены университета вместе с лучшей частью его профессоров и преподавателей в знак протеста против реакционной политики министра народного просвещения Кассо⁸.

После ухода из университета Владимир Иванович продолжал преподавать в средних учебных заведениях, на Высших женских курсах и на Историко-филологическом факультете Высших женских юридических курсов, учрежденных В. А. Полторацкой⁹. Хотя связь с университетом была прервана, он продолжал упорно трудиться над магистерской диссертацией, которая была напечатана в 1917 г.¹⁰.

Победа Февральской буржуазно-демократической революции позволила В. И. Пичете вернуться в Московский университет. 5 мая 1917 г. он подал заявление на имя ректора с просьбой восстановить его в звании приват-доцента университета¹¹. С сентября 1917 г. Пичета вернулся к преподаванию в Московском университете: Здесь на историко-филологическом факультете в феврале 1918 г. им была защищена магистерская диссертация «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве»¹². За вторую часть этой работы¹³ в марте 1918 г. он получил степень доктора русской истории. В 1919 г. Владимир Иванович стал профессором вновь созданного факультета общественных наук и оставался им до 1922 г.¹⁴

В. И. Пичета был широко образованным историком. Разносторонняя учебно-научная подготовка позволила ему занять пост первого ректора и ведущего профессора во вновь созданном в 1921 г. Белорусском государст-

венном университете. Здесь он проявил себя деятельным организатором, разносторонним ученым и талантливым педагогом¹⁵. В минский период жизни научно-исследовательская деятельность Владимира Ивановича почти исключительно была посвящена истории Белоруссии. Он одним из первых поставил вопрос о написании истории белорусского народа. Его многочисленные и весьма разнообразные работы по истории Белоруссии касаются социально-экономических и политических сюжетов, а также вопросов развития культуры белорусского народа¹⁶.

Но самая главная заслуга Владимира Ивановича на посту ректора Белорусского университета состояла в подготовке высококвалифицированных кадров для народного хозяйства и культуры Белоруссии. Он воспитал в Минске многих учеников, продолживших начатое им дело по изучению истории белорусского народа. За успешную и плодотворную педагогическую и научно-исследовательскую работу и в связи с 25-летием педагогической деятельности Владимиру Ивановичу было присвоено звание Заслуженного профессора Белорусской ССР¹⁷.

Круг научных интересов В. И. Пичеты формировался под непосредственным влиянием его учителя, профессора Московского университета М. К. Любавского. Начав заниматься в семинаре Любавского историей Великого княжества Литовского и Польши, Владимир Иванович, как он сам отмечал, «нашел самого себя»¹⁸. Постепенно Пичета преодолел традиции русской буржуазной науки и вырос в выдающегося историка-марксиста. Начав изучение Литвы с аграрной истории, он занимался в дальнейшем и другими вопросами истории Великого княжества Литовского: социально-экономическими, политическими, вопросами международных отношений.

Важное место в научно-исследовательской деятельности В. И. Пичеты занимают труды по истории Украины. В них много места отведено исследованию освободительной войны 1648—1654 гг., изучению этногенеза украинского народа.

Уже в дореволюционный период круг научных интересов Владимира Ивановича был очень широк. При этом с самого начала большое место в его творчестве занимали вопросы истории южных и западных славян. В. И. Пичета — один из первых советских историков,

фундаментальные труды которого посвящены истории зарубежных славянских народов и их связям с восточными славянами.

Чтобы глубже понять и объяснить интерес Пичеты к истории зарубежных славянских народов, необходимо учитывать происхождение Владимира Ивановича. Для сына серба из Мостара и украинки, жившего некоторое время на Украине и в Белоруссии, реальная историческая обстановка значила очень много. В нем никогда не угасал интерес к судьбам славянских народов. Не случайно для первого своего письменного сочинения студент третьего курса историко-филологического факультета Пичета выбрал тему о творчестве хорватского ученого Юрия Крижанича. Интерес к жизни и творчеству Ю. Крижанича В. И. Пичета пронес через всю жизнь. В разные годы, на разных этапах своей деятельности он вновь и вновь возвращается к творческому наследию выдающегося хорвата¹⁹.

Владимир Иванович живо откликался на все международные события, затрагивавшие так или иначе славянский вопрос. В годы первой мировой войны он обращается к истории славян, их международному положению. В 1914 г. появился его «Исторический очерк славянства», в котором рассмотрены исторические судьбы всех основных славянских народов. Кроме этого очерка, Владимир Иванович написал еще несколько небольших работ, в которых старался ответить на вопросы, возникавшие у его современников в связи с происходившими тогда международными событиями.²⁰ Хотя в те годы славянская проблематика еще не стала основной в его научных исследованиях, тем не менее штудии по истории Великого княжества Литовского, Украины, Белоруссии и России вовлекали В. И. Пичету в широкий круг вопросов межславянских отношений. Поэтому нет ничего удивительного в том, что когда был поставлен вопрос о возрождении в СССР историко-славистических исследований, он был избран на пост руководителя впервые созданной в 1939 г. кафедры истории южных и западных славян МГУ и одновременно возглавил созданный в Институте истории АН СССР сектор славяноведения.

Открытие первой в нашей стране кафедры истории зарубежного славянства в более чем 100-летней истории развития отечественного славяноведения имеет особое

значение. Как известно, в 1835 г. в Московском университете была впервые учреждена кафедра истории и литературы славянских наречий. С этой даты ведет свое летоисчисление славяноведение в России. Несмотря на неоднократные попытки историков-славистов в дооктябрьский период основать кафедру истории зарубежных славян, их усилия не увенчались успехом²¹. Такая кафедра была открыта только в советское время. Ее создание и становление связано с именами двух выдающихся ученых — Владимира Ивановича Пичеты и Зденека Романовича Неедлы. Трудно придумать более удачное сочетание, чем эти два корифея кафедры, которые, по общему признанию, оказали большое влияние на советское и мировое славяноведение в такой ответственный период его развития, каким была вторая мировая война. Если В. И. Пичета олицетворял собой связь русской дореволюционной славистики с советским славяноведением, то З. Р. Неедлы являлся представителем самой старой и наиболее развитой чешской школы мировой славистики. Все это вместе взятое в сочетании с огромными, поистине энциклопедическими знаниями каждого из них в немалой степени содействовало тому, что кафедра истории южных и западных славян в МГУ как учебно-научный центр, а Институт славяноведения АН СССР как центр научный заняли ведущее положение в мировом славяноведении в послевоенный период.

Вопрос о создании кафедры истории зарубежных славянских народов решался весной 1939 г. В мае В. И. Пичета представил декану исторического факультета И. Д. Удальцову докладную записку, в которой была рассмотрена организационная сторона вопроса и определены основные направления педагогической и научно-исследовательской работы создаваемой кафедры²². «Вновь созданная кафедра должна была не только повысить общий уровень преподавания истории славян, но и готовить всесторонне знающих историю славян специалистов»²³.

Еще в период организации перед кафедрой остро встала проблема кадров. Специалистов по истории славянских народов в стране было мало. Первыми преподавателями на кафедре были сам В. И. Пичета и З. Р. Неедлы. Для ведения занятий по истории южных славян предполагалось пригласить бывшего тогда доцентом ИФЛИ С. А. Никитина и академика Ю. В. Готье,

который еще в дореволюционное время читал в Московском университете курс истории южных славян²⁴. Большую помощь кафедре в период ее становления оказали выдающиеся советские историки Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Н. П. Грацианский. К работе на кафедре привлекались и другие ученые, которые в той или иной степени занимались историей зарубежных славян.

Учебный план кафедры на первые два года включал изучение четырех славянских языков, чтение факультативных курсов лекций по истории западных славян, ведение спецсеминаров, отбор кандидатов в аспирантуру, которые в будущем могли бы пополнить педагогический коллектив кафедры, подготовку к чтению курса по истории южных славян. Предусматривалось также, что коллектив кафедры будет заниматься научно-исследовательской работой. Первый шаг в этом направлении — чтение научных докладов и их коллективное обсуждение²⁵. Уже в период создания новой кафедры, стоя у ее колыбели, В. И. Пичета прекрасно понимал необходимость создания специального учебника по истории зарубежных славян. В качестве первого шага к решению этой проблемы намечалась подготовка краткого учебника по истории западного славянства²⁶. Владимир Иванович был уверен, что «на втором году кафедра будет в силах предложить студентам факультативные и спецкурсы как по истории южных, так и западных славян»²⁷.

Знаменательно, что В. И. Пичета предусматривал вести работу кафедры в тесном контакте с кафедрами истории СССР, средних веков и новой истории. В конце своей докладной записки Владимир Иванович писал: «Если намеченная программа работы кафедры будет выполнена, а она, разумеется, должна быть реализована, то кафедра славяноведения вступит в третий год своего существования, как вполне сложившаяся научная организация»²⁸.

Научная и политическая актуальность создания кафедры истории южных и западных славян подчеркивалась на заседаниях Ученого совета исторического факультета и Ученого совета МГУ. 11 мая 1939 г. на заседании Ученого совета исторического факультета было заслушано сообщение И. Д. Удальцова об образовании в 1939/40 учебном году новых кафедр: археологии, этнографии и истории западных и южных славян²⁹.

И. Д. Удальцов, докладывая Ученому совету университета 25 мая 1939 г. о работе Ученого совета исторического факультета по вопросу о пересмотре учебного плана и о создании на факультете новых специальностей, начал освещение этого вопроса с кафедры истории южных и западных славян, «которая имеет особое политическое значение»³⁰.

В плане научно-исследовательской работы МГУ на 1940 г. отмечалось, что «впервые за советский период ставится задача начать марксистскую разработку истории южных и западных славян», и далее перечисляются названия тем научных работ, над которыми должна была работать новая кафедра:

«95. Польша в конце XVIII в.— проф. Пичета В. И.— 4 п. л.

96. Пражский университет нач. XV в.— асп. Кубланова Б. М. (кандидатская диссертация) — 7 п. л.

97. Восстание Костка Наперского — лаборант Миллер — 3 п. л.

98. Экономическое положение Польши в 70-х гг. XIX в.— студ. Мясникова — 2 п. л.

99. Сербия в XIX в.— доц. Зинич — 4 п. л.

100. Чехия и польское восстание 1863 г.— лаборант Удальцов И. И.»³¹

Таким образом, к научной работе привлекались не только преподаватели и аспиранты, но и студенты и лаборанты кафедры.

В 1939/40 и 1940/41 учебных годах кафедрой были поставлены следующие курсы: введение в славяноведение, история Чехии в средние века, история Чехии в новое время, история средневековой Польши, история польского народа в XIX в., история южных славян в средние века. На базе этих основных предметов кафедра начала подготовку курсов по историографии и источниковедению. Кроме введенных с 1939 г. спецсеминаров для студентов IV курса, в 1940/41 учебном году были впервые проведены практикумы на II курсе по истории Чехии и Польши в средние века³². Подводя итоги первых двух лет существования кафедры, Владимир Иванович отмечал: «Двухлетний опыт работы первой и пока еще единственной кафедры истории западных и южных славян дает основания поставить вопрос о воссоздании кафедр славяноведения и в других университетах»³³.

Созданием кафедры истории западных и южных славян в Московском университете и сектора славяноведения в Институте истории АН СССР было положено начало возрождению научных и преподавательских традиций отечественного славяноведения, но на совершенно иных началах, чем прежде. В. И. Пичета поставил задачу воспитать советских историков-славистов, создать новую славяноведческую школу, основанную на марксистско-ленинской методологии.

Начавшаяся вторая мировая война, оккупация фашистскими захватчиками большинства славянских стран и развернувшаяся на их территории освободительная борьба славянских народов не могли не привлечь к себе внимание историков-славистов. В эти годы славянская проблематика становится преобладающей и в творчестве Владимира Ивановича.

Великая Отечественная война, разрушившая многие планы, многое изменила и перенаправила и в жизни молодой кафедры. Большинство студентов, аспирантов и преподавателей ушло на фронт, часть — эвакуировалась. Был эвакуирован в Ташкент и В. И. Пичета.

Занятия в университете были прерваны. Возобновились они с февраля 1942 г. Во время отсутствия заведующего кафедрой исполняющим его обязанности был З. Р. Неедлы, возвратившийся к тому времени в Москву. В 1942/43 учебном году на историческом факультете МГУ читался обязательный курс «Введение в историю западных и южных славян», который вел тогда З. Р. Неедлы³⁴. Этим было положено начало чтению обязательного для всех исторических факультетов университетов курса «История южных и западных славян».

Летом 1943 г. Владимир Иванович возвращается в Москву и вновь становится во главе кафедры³⁵. Тематика лекционных курсов и семинарских занятий в те дни была весьма разнообразна. Кроме общего курса, который стал читать В. И. Пичета, он читал и специальные курсы, в основном по польской тематике³⁶, на которой в те годы сосредоточил свою научно-исследовательскую работу. З. Р. Неедлы до отъезда на родину в 1945 г. вел преподавание по истории Чехословакии.

Вернувшись в Москву, Владимир Иванович начал собирать разбросанных войной учеников. Вот что он писал, например, аспирантке кафедры И. М. Белявской, находившейся в эвакуации в Медногорске Чкаловской

обл.: «Глубокоуважаемая и дорогая Ирина Михайловна! Из нашей столицы примите мой привет. Мы все хотим Вас скорее видеть среди нас. Так хочется вместе работать. Приезжайте, лишь только получите пропуск, и принимайтесь за диссертацию. Пусть из моего старого Университета выйдет квалифицированный славист»³⁷. Жажда, деятельности звучит в каждой строке этого письма: «Мой жизненный путь кончается, но не хочу подводить итоги. Это ведь старость, а я ее не ощущаю, хотя мне 65 лет. Хочу работать и дописать исследование о «Польском восстании 1830—31 гг.». Пусть это будет моей лебединой песней. Пусть другие, молодые, близкие мне, запоют новые научные песни, и пусть они будут услышаны и за пределами нашего Великого Союза...»³⁸.

Непоколебимой верой в своих молодых учеников полны эти слова Владимира Ивановича, который очень любил молодежь, был ее заботливым, умным и строгим наставником, был для своих учеников не только строгим судьей, но и самым добрым другом. У всех его бывших аспирантов из университета и сектора славяноведения Института истории АН СССР сохранились в памяти воспоминания о семинарах на квартире В. И. Пичеты — так называемых «пичетниках», которые сыграли большую роль в подготовке и формировании кадров историков-славистов. На семинарах обсуждались главы кандидатских диссертаций, вопросы кандидатского минимума по специальности, публикации и доклады. Эти обсуждения обычно выливались в творческие дискуссии и научные споры. Умудренный опытом учитель, смотрел на своих учеников как на равноправных коллег. Вот как вспоминает об этом работавшая под руководством В. И. Пичеты аспирантка кафедры Ц. С. Бобиньская, ныне профессор Краковского университета: «Будучи требовательным учителем, он одновременно серьезно воспринимал наши первые научные попытки, был полон любопытства к нашим мыслям, любил давать полную самостоятельность в работе, щедро оделял своим доверием и, полный умной снисходительности, больше хвалил, чем критиковал»³⁹.

Первые итоги своей деятельности кафедра подвела на научной сессии по вопросам западных и южных славян, которая состоялась в конце ноября 1944 г. З. Р. Недлы выступил с докладом об истории государства

Само, Н. П. Грацианский затронул проблему отношений Карла Великого и славян, доклад А. В. Арциховского был посвящен их средневековому культурному единству, М. Н. Тихомиров сообщил о своих исследованиях отношений России с южными славянами с древнейших времен до конца XVIII в., С. А. Никитин остановился на истории возникновения Московского славянского комитета, В. И. Пичета сделал доклад о польском восстании 1830 г. и европейской дипломатии⁴⁰.

С 11 декабря по 20 декабря 1944 г. проходила работа исторической секции научной конференции Московского университета, посвященной современным проблемам истории⁴¹. На третьем заседании секции, 15 декабря, с докладом «Русское славяноведение и текущие задачи» выступил В. И. Пичета. Он изложил историю изучения славянских народов в России, отметил необходимость связи изучения истории западных и южных славян с историей других народов СССР и всемирной историей, показал вклад советского славяноведения в борьбу с фашистской агрессией. В. И. Пичета поставил также ряд новых научных проблем. Он предложил пересмотреть вопрос о становлении и развитии у славян феодализма, исследовать вопросы национально-политического и культурного возрождения славянских народов в XIX в., вопрос о причинах, помешавших образоваться абсолютной монархии в Чехии и Польше, изучать историю Чехословакии, Польши, Югославии в годы, предшествовавшие второй мировой войне⁴². В заключенном докладе он выразил уверенность, что Московский университет сыграет подобающую роль в изучении истории южных и западных славян, в подготовке высококвалифицированных специалистов по истории зарубежных славянских стран⁴³.

Организованный в 1939 г. сектор славяноведения Института истории АН СССР был с самого начала тесно связан с университетской кафедрой. Он пополнялся молодыми специалистами, подготовленными на кафедре истории зарубежных славян Московского университета. Постепенно сектор креп и расширялся. На его базе выросла самостоятельная научная организация — Институт славяноведения (ныне Институт славяноведения и балканистики) АН СССР, открытый в январе 1947 г. и ставший вскоре одним из крупнейших центров мировой славистики. Первым директором этого института был

Б. Д. Греков. Его заместителем стал В. И. Пичета. При непосредственном участии Владимира Ивановича формировались основные направления историко-славистических исследований, над которыми институт продолжает работать и в наши дни⁴⁴.

Разнообразны ныне контакты и связи кафедры с Институтом славяноведения и балканистики. Это и проведение совместных научных конференций, и приглашение сотрудников Института для чтения студентам кафедры спецкурсов, для руководства дипломниками и аспирантами; это и взаимное рецензирование научных работ, совместное написание учебников по истории южных и западных славян. Такие тесные связи, несомненно, способствуют расширению и углублению научной и педагогической работы кафедры.

Владимир Иванович, размышляя о направлениях научной деятельности кафедры истории южных и западных славян в первые послевоенные годы, сознавал необходимость создания обобщающих монографических исследований по истории зарубежных славянских стран. Это нашло свое отражение в плане научно-исследовательской работы кафедры на 1946—1950 гг.⁴⁵ Проблематика плана довольно широка и многообразна. Это и вопросы аграрных отношений, и проблемы развития капитализма и формирования рабочего класса, и история развития межславянских связей и отношений, и проблема формирования независимых славянских государств. Первой среди 15 проблем, указанных в плане, названа проблема изучения истории славянских народов в русской дореволюционной и советской историографии. Разрабатывать эту проблему предполагалось, осуществляя: «а) составление общего очерка истории развития славяноведения в России и СССР; б) монографии по отдельным вопросам славяноведения; в) монографии об отдельных историках-славистах»⁴⁶.

Таким образом были сформулированы задачи на длительную перспективу, которые продолжает решать кафедра истории южных и западных славян и в настоящее время.

* * *

Ниже публикуется документ из личного архива академика В. И. Пичеты, в котором отразились основные направления его исследовательской и педагогической деятельности.

Для биографического словаря профессоров и преподавателей Московского университета ⁴⁷

Специализировался по истории СССР, главным образом по истории Литвы, Белоруссии и Украины, и по истории славянских народов, главным образом по истории Польши и Сербии.

После окончания университета преподавал в средних школах Екатеринослава и Москвы (1901—1923 гг.), в высшей школе (Высшие женские курсы) (1906—1918), в Московском университете (1918—1923) ⁴⁸, в Белорусском университете (профессор и ректор) с 1921 по 1930 г., в Воронежском педагогическом институте (1934—1935), в Московском институте хлебопекарной промышленности (1935—1937), в Московском пединституте (1937—1939) ⁴⁹, в Институте истории АН СССР с 1938 г. и Московском университете с 1938 г.

Я читал курсы по истории славянских народов, по истории Литвы, Белоруссии и Украины. В 1918 г. получил магистра русской истории (февраль) и доктора — март. В 1938 г. ВКВШ утвержден в степени доктора исторических наук без защиты диссертации ⁵⁰.

Моя научная исследовательская работа началась с 1901 г. Мои работы посвящены: а) архивоведению, б) историографии русской, белорусской и украинской, в) истории Литвы, г) истории Белоруссии, д) истории Украины, е) польско-литовской интервенции начала XVII в., ж) истории крестьян в России в XVI—XIX вв., и) аграрно-крестьянской реформе 1861 г., к) истории славян, л) истории вековой борьбы славянских народов с немецкой агрессией, м) Юрию Крижаничу.

Полный список работ находится в отделе кадров университета. Всего свыше 280 работ. В настоящее время работаю над историей Польши (написал два тома) и «Польский вопрос в международных отношениях», «Историей культуры белорусского народа» и «Историей белорусского народа». Подготавливаю учебное пособие по истории Сербии. Отзывы о моих диссертациях находятся в Архиве Московского университета по историко-филологическому факультету. Имею статьи в английских, французских и немецких изданиях.

Работа с аспирантами началась с 1925 г. в Белорусском университете. Моими учениками были — тов. Дудков ⁵¹. проф. Белорусского университета, кандидат ис-

торических наук, ныне в армии; К. Кернажицкий⁵², кандидат, автор нескольких монографий, научный сотрудник института истории АН БССР, Ф. Забелло⁵³ — автор двух монографий по истории белорусского города Бреста и истории крестьян в XVIII в.; А. Бурдзейка⁵⁴, автор нескольких небольших монографий по истории Белоруссии; Ф. Новикова, подготовившая диссертацию «Могилевская губерния в 1905 году»; Барковский⁵⁵, автор работы «1 мая в Белоруссии» и ряда статей; Шаповалов⁵⁶, автор работы о Скорине (армия); Раков, канд. исторических наук, автор ряда работ по экономике БССР (армия) и ряд других.

Из Педагогического института вышли: А. Н. Галах⁵⁷, кандидат исторических наук (1940, Пед. инст. в Таганроге); М. Егоров, кандидат исторических наук 1941 г. (армия); Н. Амелин, кандидат исторических наук (армия).

В Московском университете моими аспирантами были: Ц. С. Телицина⁵⁸, И. М. Тышкевич-Белявская⁵⁹ (обе работают над диссертациями), К. Клецкин — Институт истории АН СССР, кандидат исторических наук (армия), адъюнкты Военно-политической академии тов. Емельянов, Раткович, Тарасов (армия). В Институте истории АН СССР подготавливаю пять специалистов по истории славянских народов. В течение 1939—1943 гг. принимал участие в кандидатских и докторских диспутах (свыше 46) в Москве, Киеве, Харькове, Одессе.

В настоящее время рекомендую в аспирантуру И. Б. Грекова⁶⁰, работающего над историей магдебургского права в Польше и Литве. Тов. Греков — одаренный юноша, знает языки (польский, английский, немецкий), имеет печатные работы и хорошо владеет техникой научного исследования. Поддерживаю кандидатуру Козыриной⁶¹, ученицу З. Р. Неедлы, автора прекрасного курсового сочинения о Петре Хельчицком, видимо, вполне подготовленной к научно-исследовательской работе.

Кафедра славяноведения⁶² была учреждена в 1939 г. Она не вполне обеспечена преподавателями. В работе кафедры принимают участие В. И. Пичета, З. Р. Неедлы, С. А. Никитин. Кафедра наметила следующие научные работы: а) История русского славяноведения (совместно со студентами); б) история славянских народов (Пичета, Никитин, Тихомиров); в) издание источников: 1) Законник Стефана Душана, 2) Сербские кон-

ституции, 3) источники по польской истории (шляхетские привилеи, привилеи на магдебургские права и другие⁶³. По кафедре были прочтены доклады В. И. Пичетой, З. Р. Нееды, С. А. Никитиным, М. Н. Тихомировым и студентами...⁶⁴

Студенты выступили с докладами на заседании кафедры по случаю 10-летия исторического факультета.

В. И. Пичета

- ¹ ЦГИАМ, ф. 418 (Моск. ун-т), оп. 311, д. 740, л. 7; оп. 70, д. 396, л. 15 об.
- ² *Пичета К. В.* Владимир Иванович Пичета: (Из воспоминаний дочери).— В кн.: Славяне в эпоху феодализма: К 100-летию акад. В. И. Пичеты. М., 1978, с. 113—114.
- ³ *Пичета В. И.* Моя жизнь до 1905 г.— Архив АН СССР, ф. акад. В. И. Пичеты.
- ⁴ Там же, с. 137.
- ⁵ Там же.
- ⁶ ЦГИАМ, ф. 418, оп. 88, д. 394, л. 1об., 2.
- ⁷ Там же, л. 8, 9, 10.
- ⁸ Там же, л. 14 об.; оп. 89, д. 787, л. 20, 114 а.
- ⁹ Там же, оп. 88, д. 394, л. 12, 13; ф. 459, оп. 5, д. 2172, л. 59; д. 3979, л. 45, 53, 54, 56, 60; д. 4632, л. 5, 23, 25.
- ¹⁰ *Пичета В. И.* Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М. 1917. Ч. 1. 330 с.
- ¹¹ На заявлении есть резолюция: «Внести в списки и сообщить» (ЦГИАМ, ф. 418, оп. 88, д. 394, л. 15).
- ¹² ЦГИАМ, ф. 418, оп. 88, д. 394, л. 16.
- ¹³ *Пичета В. И.* Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1917. Ч. 2, 302, 11 с.
- ¹⁴ ЦГИАМ, ф. 418, оп. 88, д. 394, л. 17, 18.
- ¹⁵ *Улащик Н. Н.* В. И. Пичета в первые годы существования Белорусского государственного университета.— В кн.: Славяне в эпоху феодализма..., с. 66—72.
- ¹⁶ См.: Владимир Иванович Пичета: Библиограф. указатель. Минск, 1978, с. 37—51.
- ¹⁷ Архив МГУ, ф. 1, оп. 34 «л», д. 7031, л. 11.
- ¹⁸ *Пичета В. И.* Моя жизнь..., с. 87.
- ¹⁹ *Пичета В. И.* Записка Юрия Крижанича о Малороссии.— Летопись Екатеринослав. ученой арх. комис. 1904, вып. 1, с. 1—17; *Он же.* Политико-экономические взгляды Юрия Крижанича в связи с состоянием Московского государства во второй половине XVII в.— Там же, 1905, вып. 2, с. 47—68 (паг. 2-я); *Он же.* Юрий Крижанич.— В кн.: Юрий Крижанич: Экон. и полит. его взгляды [Извлечения из соч.]. СПб., 1914, с. 1—16; *Он же.* Юрий Крижанич и его отношение к Русскому государству.— В кн.: Славянский сборник. М., 1947, с. 202—240.
- ²⁰ *Пичета В. И.* Драма болгарского народа: Борьба за нац. объединение Болгарии. М., 1915. VI, 28 с.; Исторические судьбы Сербии.— Экскурсион. вестник, 1915, кн. 4, с. 3—33; Сербия. Пг.; М., 1917. 14 с.; и др.

- 21 *Лаптева Л. П.* Изучение истории славян в Московском университете в конце XIX — начале XX в. (до 1917 г.).— В кн.: Славяне в эпоху феодализма..., с. 286—293. Последняя попытка такого рода была предпринята в 1903 г. (См. дело «Об обсуждении историко-филологическим факультетом вопроса о том, к какой кафедре должно быть отнесено чтение лекций по истории славян».— ЦГИАМ, ф. 459, оп. 2, д. 5572, л. 1—4 об.).
- 22 Архив МГУ, ф. 1, оп. 4 и 4 «л» (21), д. 209, л. 20—21 об.
- 23 *Пичета В. И., Миллер И. С.* Работа кафедры истории западных и южных славян Московского государственного университета.— Ист. журнал, 1941, № 12, с. 148.
- 24 Архив МГУ, ф. 1, оп. 4 и 4 «л» (21), д. 209, л. 20 об.
- 25 Там же, л. 21.
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 Там же.
- 29 Там же, л. 14.
- 30 Там же, д. 200, л. 22.
- 31 Там же, оп. 10, д. 997, л. 6.
- 32 *Пичета В. И., Миллер И. С.* Работа кафедры..., с. 148.
- 33 Там же, с. 149.
- 34 *Руколь Б. М.* Славяноведение в Московском университете.— В кн.: Очерки по истории советской науки и культуры. М., 1968, с. 212.
- 35 Архив МГУ, ф. 1, оп. 34 «л», д. 7031, л. 14.
- 36 *Белявская И. М., Воронков И. А.* Советское славяноведение в Московском университете.— Вестн. МГУ. Сер. IX. История, 1968, № 1, с. 4.
- 37 *Белявский М. Т.* Учитель и ученики: (Из архива И. М. Белявской).— В кн.: Славяне в эпоху феодализма..., с. 122—123.
- 38 Там же, с. 123.
- 39 *Бобиньская Ц. С.* Воспоминания об учителе.— Там же, с. 98.
- 40 Доклады и сообщения. МГУ. Ист. ф-т, 1945, вып. 3, с. 50—52.
- 41 Там же, с. 53—59.
- 42 Там же, с. 57.
- 43 Там же, с. 58.
- 44 См.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1947—1977: (Справочно-информ. обзор). М., 1977. 116 с.
- 45 Архив МГУ, ф. 9, оп. 8, д. 81, л. 1—6.
- 46 Там же, л. 3.
- 47 Работа по составлению этого словаря была предпринята по инициативе тогдашнего ректора университета, затем (до 1979 г.) заведующего кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ И. С. Галкина. В 1944—1945 гг. велась подготовка материалов для словаря, но, к сожалению, он не был издан.
- 48 В. И. Пичета был профессором Московского университета с 1918 по 1922 г., кроме того — приват-доцентом университета с мая 1910 по февраль 1911 г.
- 49 В листке по учету кадров, заполненному В. И. Пичетой, указаны 1937—1940 гг. См.: Архив МГУ, ф. 1, оп. 34 «л», д. 7031, л. 15 об.
- 50 В. И. Пичета был утвержден в степени доктора в 1940 г. См.: Архив МГУ, ф. 1, оп. 34 «л», д. 7031, л. 12.
- 51 *Денис Александрович Дудков* (1904—1946) — белорусский советский историк. В 1928 окончил Белорусский университет. В 1931—1941 гг. работал в Институте истории партии при ЦК КП(б)Б, Институте истории АН БССР, Белорусском университете и Минском

- пединституте. Участник Великой Отечественной войны. С 1945 г.— доцент Белорусского университета и Минского пединститута, научный сотрудник Института истории АН БССР. Изучал развитие социально-экономических отношений в Белоруссии, рабочее и крестьянское движение в Белоруссии второй половины XIX — начала XX в.
- ⁵² Константин Иванович Кернажицкий (1902—1942) — белорусский советский историк. Окончил Белорусский университет в 1926 г., работал в Институте истории АН БССР, до 1937 г. был доцентом Белорусского университета. Исследовал вопросы разложения феодализма и формирования капиталистических отношений в Белоруссии.
- ⁵³ Федор Иванович Забелло (1896 — год смерти неизвестен) — белорусский советский историк. Окончил педфак Белорусского университета в 1925 г. С 1921 г. преподавал в Минске, с осени 1929 г. до июля 1930 работал в Могилевском архиве. В начале 30-х годов был научным сотрудником АН БССР. Занимался исследованием истории крестьянства и сельского хозяйства Белоруссии во второй половине XVIII в. Впервые в советской исторической литературе обратил внимание на быт белорусского крестьянства.
- ⁵⁴ Андрей Викентьевич Бурдзейка (1899—1941) — белорусский советский историк. Окончил Белорусский университет в 1925 г. Занимался преимущественно исследованием земельного права и правового положения крестьян в феодальную эпоху. Автор ряда работ по социально-экономической истории Белоруссии.
- ⁵⁵ Степан Андреевич Барковский (1905—1967).
- ⁵⁶ Николай Иванович Шаповалов — кандидат философских наук, работал на кафедре диалектического материализма философского факультета Белорусского университета, ныне живет в Москве.
- ⁵⁷ А. Н. Галах и ее муж погибли в годы Великой Отечественной войны.
- ⁵⁸ Целина Станиславовна Бобинская — профессор Краковского университета.
- ⁵⁹ Ирина Михайловна Белявская (1913—1975) — профессор кафедры истории южных и западных славян МГУ.
- ⁶⁰ Игорь Борисович Греков — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР.
- ⁶¹ Капитолина Ивановна Козырина — аспирантка кафедры истории южных и западных славян (1944—1946), училась сначала у З. Р. Неедлы, а после его отъезда на родину — у В. И. Пичеты, ныне работает в Институте научной информации по общественным наукам АН СССР.
- ⁶² Кафедра истории южных и западных славян МГУ.
- ⁶³ Эти наброски нашли отражение в пятилетнем перспективном плане научно-исследовательской работы кафедры истории южных и западных славян на 1946—1950 гг., о котором говорилось выше.
- ⁶⁴ Здесь перечислены фамилии ряда студентов, в том числе таких известных в будущем историков-славистов, как старшие научные сотрудники Института славяноведения и балканистики Академии наук СССР, доктора исторических наук В. Д. Королюк и И. С. Достян.

ИЗУЧЕНИЕ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

А. С. МЫЛЬНИКОВ

СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В РОССИИ

Процесс возникновения и развития историографии славяноведения в нашей стране до сих пор мало изучен. Едва ли не первым, кто, правда, бегло и далеко не полно перечислил имена авторов отечественных работ по истории славяноведения (А. А. Котляревского, А. А. Кочубинского, А. Н. Пыпина, П. А. Лавровского и В. А. Францева), был К. Я. Грот; отдельные сведения об этом приводит И. В. Ягич¹. Однако подобные краткие упоминания носили скорее справочный характер и отнюдь не претендовали на историографическое обобщение. В работах Н. С. Державина, В. И. Пичеты и других советских ученых, заложивших основы нового, базирующегося на принципах исторического материализма понимания славяноведения, указанный вопрос также не получил специальной разработки². В тексте наиболее полного (к настоящему времени) очерка развития исторической славистики, написанного С. А. Никитиным, имя А. А. Кочубинского отсутствует, не упомянуты и выступления по истории славянских изучений А. Н. Пыпина³. Хотя в последующие годы и появился ряд полезных историографических работ, они носят преимущественно биографический характер и не затрагивают общих проблем методологии изучения историографии славяноведения⁴. В этом, может быть, заключается одна из причин того, что сама история науки как составная часть славистического комплекса обычно выпадает из контекста истории славяноведения либо лишь вскользь упоминается⁵.

Между тем ее изучение представляет несомненный конкретно-исторический и методологический интерес.

* * *

Прежде всего остановимся на определении предмета исследования. Если славистика есть исторически сложившийся комплекс общественных наук о славянских народах⁶, то предмет ее историографии составляет изучение истории научного осмысления эволюции славяноведения. Ближайшими аналогами могут быть названы работы по истории отечественной фольклористики или труды по истории русской науки о литературе⁷. В. Е. Гусев, внесший заметный вклад в разработку методологии исследования истории фольклористики, справедливо писал, что «история науки — это не только история тех или иных фактических приобретений и открытий, но и история идей, история методологических исканий. Поэтому историографическое изучение... способствует выработке правильной научной методологии, раскрывает историю идейной борьбы в науке»⁸. К этому можно было бы добавить, что история любой науки представляет собой не только обобщение и критическую оценку накопленного опыта, но и важнейший элемент ее самосознания⁹.

Как свидетельствует история гуманитарных, естественных и точных наук, само по себе возникновение устойчивого интереса к их историографии является одним из важнейших объективных критериев степени оформленности и зрелости соответствующей отрасли знания¹⁰. Под этим углом зрения следует рассматривать и вопрос о становлении историографии славяноведения в России, теснейшим образом связанного с генезисом самих славянских изучений¹¹.

* * *

Интерес к историографии проблемы был уже у М. В. Ломоносова и В. Н. Татищева — первых русских ученых, которые ввели изучение отечественной истории и филологии в общеславянский культурный контекст¹². Конечно, то, что мы встречаем в их трудах, — это еще не история славистики как таковая. То была скорее подспудная тенденция, которая со всей очевидностью прослеживается в научном наследии А. Х. Востокова, великого ученого, которого наряду с И. Добровским с полным

основанием можно отнести к зачинателям славистики как особой области знания. Для Востокова — и в этом отношении он продолжал традиции М. В. Ломоносова — славяноведение представлялось комплексом наук, охватывающих историю, культуру и язык всех славянских народов. Язык — в особенности. Его знаменитое «Рассуждение о славянском языке» (1820) демонстрировало не только блестящее знание памятников славянской письменности, но и прекрасную осведомленность в современной ему русской и зарубежной специальной литературе.

Широкий подход А. Х. Востокова к пониманию предмета славистики оказал влияние не только на развитие ее в России, но и на укрепление русско-славянского научного сотрудничества. Наиболее ярким примером сказанному может служить журнал П. И. Кеппена «Библиографические листы» (1825, № 1—43). Совершив в 1821—1824 гг. путешествие по славянским землям, Кеппен установил контакты с рядом ведущих польских, чешских, словацких и южнославянских ученых. Статьи, рецензии и другие материалы, опубликованные в журнале и касавшиеся разных сторон истории и культуры славянских народов, в сумме своей могут рассматриваться как ценный источник по историографии славянских изучений в России и в славянских землях¹³.

В целом «востоковский» период в истории русского славяноведения во многом подготовил следующий этап, связанный с основанием по университетскому уставу 1835 г. кафедр истории и литературы славянских наречий при Петербургском, Московском, Харьковском и Казанском университетах. Этот акт, оказав в целом позитивное воздействие на организационное оформление отечественного славяноведения, неизбежно повлек за собой выработку методики преподавания славистики, а, следовательно, и необходимое в этой связи обращение к некоторым аспектам ее истории.

Хотя до сих пор в таком контексте вопрос этот в сущности не ставился, в правомерности его выдвижения убеждает анализ программ и лекций, принадлежавших первым университетским славистам: П. И. Прейсу, И. И. Срезневскому, О. М. Бодянскому, В. И. Григоровичу и их ближайшим преемникам. Так, в «Наброске программы университетских чтений по славистике» (1840) П. И. Прейс выделял историю вопроса. Он пи-

сал: «Историческое развитие филологии: греки, римляне, восток, германская и новолатинская филология. Начало и историческое развитие славянской филологии. Причины позднего явления; познания, необходимые филологу славянскому. Добровский и его школа»¹⁴. И. И. Срезневский также обращал внимание на этот вопрос. В «Программе по истории языка и литературы славянских наречий» на 1853/54 учебный год он, не ограничиваясь перечнем основополагающей учебной литературы, произвел ее систематизацию: «Пособия для изучения истории языка и литературы славянских наречий: 1. По истории образованности вообще, 2. По истории языка, 3. По истории народной словесности, 4. По истории книжной словесности»¹⁵. Краткие сведения о развитии славянской филологии в Европе Срезневский включал обычно в состав своих курсов, в частности в «Энциклопедическое введение в славянскую филологию»¹⁶. Приблизительно так же поступали и другие коллеги Срезневского¹⁷. Позднее это превратилось в прочную академическую традицию.

Однако внимание к истории славистики со стороны университетских преподавателей имело все же служебный характер, подчиненный практическим целям обучения студентов. Как ни парадоксально, именно этот служебный, на первый взгляд даже побочный, характер делал обращение к историографической проблематике не только неизбежным, но и совершенно необходимым. В этом заключался один из важнейших факторов постепенного усиления интереса к историографии славяноведения. Но фактор этот не был единственным.

По мере развития самой науки о славянах возникала потребность в определенной ее документации. Причины были разные. С одной стороны, они диктовались чисто формальными требованиями аттестации научных кадров. В связи с присвоениями ученых степеней и избранием русских славистов в состав Академии наук И. И. Срезневский составлял записки о научной деятельности А. Ф. Гильфердинга, П. А. Лавровского, В. И. Ламанского и т. д.¹⁸ С другой стороны, уход из жизни славистов старшего поколения побуждал обращаться к ретроспективной оценке их заслуг в деле развития славистических исследований в России. Традиционные некрологи, которые все чаще встречаются в периодической печати с 1860—1870-х годов, нередко перерас-

тали в более широкие биографические очерки, а описания жизни и деятельности славистов старшего поколения постепенно сливались с общим фоном истории отечественной славистики. Значительный вклад в утверждение такого подхода был внесен Срезневским, который уже в 1864 г. представил очерк о трудах А. Х. Востокова, а в 1873 г. опубликовал его переписку¹⁹.

Особое место в занятиях И. И. Срезневского историей отечественного славяноведения принадлежит, бесспорно, написанному им в 1878 г. очерку о Прейсе, Григоровиче и Бодянском²⁰.

Не останавливаясь на характеристике этой работы подробнее, отметим, что И. И. Срезневский стремился сочетать здесь личные воспоминания о своих товарищах — первых университетских славистах — с раскрытием их места в общей истории славистических исследований в России. Он специально подчеркивал место, которое занимали в этом процессе кафедры истории и литературы славянских наречий: «Те, которые понимали нужды русской науки, не могли не сознавать важности этой кафедры, тем более, что несколько замечательных русских деятелей своим личным усердием в разработке некоторых важных задач славянской филологии в связи с задачами собственно русской филологии и археологии уже успели доказать необходимость сравнительного исследования всего народно-русского с народно-славянским западным, а вместе с тем и указать на кое-что очень занимательное в западном славянстве по словесности, народной и письменной, по научной деятельности и проч.»²¹. Мы привели эту цитату, так как она важна по ряду причин.

Во-первых, И. И. Срезневский в краткой форме охарактеризовал в ней эволюцию самого предмета русской славистики, что имело принципиальное значение в последующей разработке ее истории. До возникновения университетских кафедр в круг славянских интересов ученых — от М. В. Ломоносова и Х. А. Чеботарева до А. Х. Востокова, К. Ф. Калайдовича и М. Т. Каченовского, как свидетельствовали их труды, включались данные о всех славянских народах, тесно увязывавшиеся ими с занятием отечествоведением²². Но такой подход, которого придерживались в своей научной деятельности и Бодянский и Срезневский, не мог не претерпеть

некоторых перемен после того, как славистика сделалась не только научной, но и учебной дисциплиной. Это был сложный процесс, волновавший умы первых университетских славистов. Сохранилась записка И. И. Срезневского «Мысли о преподавании в университетах славяноведения», относившаяся к 1841—1842 гг., т. е. почти к тому же времени, что и приведенный выше «Набросок» Прейса. Размышляя о новизне и малой разработанности предмета, Срезневский писал: «О преподавании систематическом, вполне отчетливом, таком, какое требовать можно от профессора литературы латинской или греческой, в наше время и думать нельзя. Материалов множество, критически рассмотрены слишком немногие, а для здания и плана еще нет»²³. Подобные сомнения тем более понятны, что даже Шафарик, чей авторитет в области славяноведения был необычайно высок, впервые содержание и задачи преподавания славистики сформулировал лишь в начале 1840-х годов, т. е. опять-таки в то же время²⁴.

Одним из практически значимых был вопрос о соотношении славяноведения с отечествоведением, поскольку преподавание русской истории и словесности задолго до введения славистики осуществлялось, как известно, другими кафедрами. Прейс, касаясь своего курса, следующим образом определял его объем: «Славяне за исключением русских»²⁵. Спустя несколько лет Срезневский со всей определенностью писал: «Кафедра истории и литературы славянских наречий, заключающая в себе два предмета: 1. Историю и 2. Литературу дает преподающему возможность представить как умственную, так и политическую ткань славянских народов»²⁶. Такой, отличный от востоковедского, подход диктовался, однако, не только организационно-методическими соображениями. За ним лежал объективный процесс специализации самих славянских исследований по мере их дифференциации в рамках складывавшегося славистического комплекса. Отчасти это нашло закрепление в новом университетском уставе 1863 г., которым дополнительно к курсам славянских языков, литератур и древностей было введено преподавание на юридических факультетах истории славянских законодательств²⁷. Таким образом, приблизительно в 40—60-е годы XIX в. в России наряду с сохранением широкого, т. е. включающего все славянские народы (за это, по крайней мере

теоретически, ратовал, например, А. С. Будилович²⁸), понимания предмета славяноведения берет начало понимании более узкое, специальное, охватывающее в основном южных и западных славян. Сходное положение в соотношении славяноведения и отечествоведения постепенно складывалось и в других славянских землях. Следует, впрочем, подчеркнуть, что русские ученые, в особенности языковеды, не абсолютизировали, как правило, а тем более не противопоставляли их. На такой позиции, как можно было видеть, стоял и Срезневский. В этом заключался важный методологический аспект цитированного выше отрывка из его очерка.

Во-вторых, приведенные выше мысли Срезневского, живого участника введения славистики в университетские программы, являлись убедительным свидетельством очевидца в пользу того, что создание славянских кафедр было не началом, а естественным продолжением и углублением развивавшихся в России славянских исследований. Это наблюдение он иллюстрировал на примере В. И. Григоровича, а особенно П. И. Прейса, подчеркивая, что до поездки с ознакомительными целями в славянские земли тот прошел предварительно годичную практику в Петербурге под руководством А. Х. Востокова. Поэтому автор именовал Прейса одним «из первых, если не по времени, то по достоинству учеников Востокова»²⁹. В показе органической связи кафедр истории и литературы славянских наречий с развитием отечественной науки о славянах заключался важный историографический аспект очерка Срезневского.

Наконец, И. И. Срезневский высоко оценивал вклад первых университетских преподавателей в отечественную славистику. Он настоятельно подчеркивал важность сохранения их архивов и необходимость максимального использования находящихся в них творческих рукописей. Это был третий, практический аспект, непосредственно относившийся к источникововедению истории отечественной славистики.

И примечательно, что именно в рассматриваемые годы и позднее собирание и публикация документов по истории славянских исследований в России становится одной из устойчивых традиций. Об этом со всей убедительностью свидетельствуют работы не только Срезневского и Бодянского³⁰, но и таких авторов, как Н. П. Барсуков, П. П. Пекарский, Н. А. Попов, М. И. Сухомлинов и др.,

в чьих трудах собраны обширные материалы к истории славянских изучений в России и по русско-славянским научным и культурным контактам³¹.

С именем Срезневского связаны и первые опыты истории славистики в славянских землях. В частности, эта тема была освещена в его очерке «Воспоминания о В. В. Ганке» (СПб., 1861). В последующие годы этот аспект истории славистики в России получил развитие. Первым серьезным трудом в этой области являлась монография И. М. Снегирева о И. Добровском³².

* * *

Две стороны процесса (собственно научного и более широкого общественного осмысления истории славистики), идущие на первых порах в значительной мере параллельно, очень скоро стали все более сближаться и приобретать органически связанный, двуединый характер. Уже в 1860-е годы стали предприниматься попытки концепционного толкования итогов славянских изучений в России одновременно в научном и в общественно-культурном контекстах. Они были представлены в первую очередь именами А. А. Котляревского, В. И. Ламанского и А. А. Майкова.

Приступая к чтению лекций в Петербургском университете, Ламанский говорил в 1865 г., что занимает место на кафедре, которую занимал П. И. Прейс, а ныне возглавляет И. И. Срезневский. «Их имена,— продолжал он,— навсегда записаны в летописях славянской науки наряду со славными именами Добровского и Суровецкого, Востокова и Калайдовича, Шафарика, Палацкого и Мацеёвского, Копитара и Миклошича, Бодянского, Григоровича, Горского...». Если исключить из этого перечня имена зарубежных славянских ученых, то, как видно, основоположниками славяноведения в России В. И. Ламанский считал А. Х. Востокова и К. Ф. Калайдовича. В соответствии со своими славянофильскими научными и политическими симпатиями В. И. Ламанский счел нужным отметить вклад в развитие отечественной славистики М. П. Погодина и «той московской школы, которая у нас известна под именем славянофилов». Развивая эту мысль, он отмечал: «Хомяков, Киреевские, К. Аксаков и другие сами не оставили никаких строго ученых трудов в области славистики, но они имели огромное влияние на ее успехи своими

изданиями... своими смелыми обличениями жалкого умственного бессилия, на которое добровольно обрекло себя русское общество»³³. В связи с этим Ламанский основную часть лекции посвятил подробному изложению идейных концепций по славянскому вопросу.

Принимая во внимание реакционность и тенденциозность автора, нельзя не отметить понимание им тесного сопряжения в славистике собственно научных и общественно-политических факторов. Сходные мысли были изложены А. А. Майковым во время приема в московском Обществе любителей российской словесности представителей зарубежных славян, прибывших для участия в Этнографической выставке 1867 г.

Отметив, что Общество «выражало в своих трудах и действиях потребность историко-сравнительного способа изучения, господствующего теперь во всей современной науке», Майков заявил: «Я хочу сказать несколько слов о водворении у нас славяноведения». Поэтому его выступление приобретает особый интерес в рамках интересующей нас темы как один из наиболее ранних общих обзоров истории отечественной славистики. А. А. Майков связывал ее возникновение и развитие с разработкой «славянской идеи», а первыми «сеятелями» ее считал М. Т. Каченовского и А. С. Хомякова. Остановился он и на выяснении начальной даты сложения в России славяноведения: «30-е годы,— утверждал он,— замечательны тем, что в это время окончательно совершилась у нас подготовка в деле славяноведения». Конечно, Майков вспоминал имена Востокова, Калайдовича, Кеппена и других ученых предшествующего периода. Но в отличие от Срезневского и даже Ламанского он решительно заключал: «До открытия славянских кафедр славяноведение проявлялось у нас только отрывками и не имело своей самостоятельной разработки». Подчеркивая, подобно Ламанскому, научные и идейно-культурные аспекты генезиса славянских исследований, Майков недвусмысленно отдавал предпочтение последним. И поэтому задачу кафедр он видел не столько в научной разработке славистики, сколько в распространении «славяноведения как новой образовательной стихии в народе»³⁴.

В целом Майкова и Ламанского объединяло славянофильское представление о миссии России нести человечеству новую мировую «славянскую» идею. Такая, в

основе своей националистическая, трактовка истории и задач отечественной славистики уже прежде встречала резкие возражения со стороны представителей прогрессивных кругов русского общества. Против односторонней трактовки славянских изучений выступала как революционно-демократическая критика (особенно Н. Г. Чернышевский в 1850-х годах в «Современнике»), так и А. Н. Пыпин.

Со сходных во многом с Пыпиным позиций подходил к этому вопросу А. А. Котляревский в серии статей, опубликованных в «Филологических записках» в 1863—1864 гг. Рассматривая генезис сравнительно-исторического языкознания в России от М. В. Ломоносова до Ф. И. Буслаева, он давал высокую оценку трудам Востокова и ставил их в один ряд с работами Добровского. «Мы потому распространились о заслугах Востокова,— писал Котляревский,— что его грамматические сочинения, можно сказать, создали славянскую филологию»³⁵. Касаясь дальнейшего развития сравнительных исследований русского и славянских языков, он весьма критически отзывался о выступлениях в этой области А. С. Шишкова и представителей славянофильского направления. «Пример патриота Шишкова,— отмечал А. А. Котляревский,— нашел себе подражателей и в наше время: мы говорим о школе панславистов, которым принадлежит честь возведения в систему детских гаданий наших историков и языковедов прошлого столетия, гаданий, происхождение которых скрывается в идее невзвзданного патриотизма»³⁶.

Таким образом, уже первые опыты концепционного осмысления истории отечественного славяноведения продемонстрировали не только их тесную связь с общественно-политическим развитием русского общества, но и острую идейную борьбу за то или иное истолкование славистики и славянского вопроса в целом. И эта неразрывная связь между оценкой истории науки о славянах и ее социальной квалификацией становится существенной чертой последующей историографии истории отечественного славяноведения, новую страницу, в развитии которой открывали труды А. А. Кочубинского и А. Н. Пыпина, посвященные уже не отдельным вопросам, а систематическому осмыслению истории славянских изучений в России.

А. А. Кочубинский был первым, кто целенаправленно и широко приступил к исследованию целого периода складывания отечественного славяноведения. И хотя сам факт его обращения к этой проблеме был подготовлен всем ходом славянских изучений и их общественной значимостью, в данной конкретной теме предшественников он по существу не имел. Тем более интересно познакомиться с авторским замыслом и его реализацией.

Работу над монографией, которую он рассматривал как «опыт по истории отечественного славяноведения», А. А. Кочубинский начал в 1886 г. Он ставил перед собой задачи «уяснить историю возникновения славянских студий в России, обрисовать главных и вторых действующих лиц в этом деле, с их славянскими стремлениями, заботами и работами». Подобный замысел, принимая во внимание состояние изученности вопроса, был сложным. Сознвая это, автор сам указывал на недостатки своего труда: «его белые страницы, неровность, местами отрывочность изложения и проч.»³⁷.

Обращает на себя внимание не только широта проблематики, но и обширность привлеченных источников. Как видно уже из полного названия монографии, А. А. Кочубинский трактовал начальный период славистики в России как некую дихотомию «А. С. Шишков — Н. П. Румянцев». Такой подход нашел отражение не только в концепции труда, но и в его архитектонике.

А. А. Кочубинский рассматривал время от конца XVIII в. до 1830-х годов, ограничиваясь учреждением при университетах славянских кафедр. Эти десятилетия он делил на четыре этапа, которым соответствуют названия глав: «Этимологическая эпоха»; «Кружок Румянцева»; «Национализация жизни»; «Призвание славян». Автор связывал начало славянских изучений в России с деятельностью, основанной в 1783 г. Российской академии, специально касаясь подготовленного ею сравнительного словаря. Он отмечал вклад в разработку истории и языков славянских народов Х. А. Чеботарева, епископа Дамаскина, академиков П. И. Лепехина и С. Я. Румовского.

Будучи сторонником культурного единения славян, Кочубинский стремился раскрыть место в этом процессе России. Он подробно останавливался на контактах

между русскими и славянскими учеными, начиная от И. Добровского и И. Юнгмана. Впервые он изложил историю неудавшегося приглашения в Петербург П. И. Шафарика, Ф. Л. Челаковского и В. Ганки в 1820-х годах для организации славянской библиотеки. На фоне научного и культурного движения первых десятилетий XIX в. Кочубинский подробно касался деятельности А. С. Шишкова, отношение к которой у него в целом отрицательное. «Эпоха забавной этимологии Шишкова, — считал А. А. Кочубинский, — сменилась незаметно эпохой науки, эпохой Румянцева»³⁸. Высоко оценивая значение так называемого «Румянцевского кружка» в истории формирования отечественного славяноведения, автор вместе с тем обращал внимание на рост общественного интереса к славянскому вопросу, в частности, в кругах декабристов (так, Кочубинский ссылался на план федерации, выдвинутый Обществом соединенных славян).

Написанная с прогрессивных позиций, монография А. А. Кочубинского сыграла позитивную роль в разработке истории отечественной славистики. Автор был далек от формального, проникнутого славянофильскими симпатиями подхода Майкова, игнорировавшего по существу опыт развития славянских исследований до основания университетских кафедр. Наоборот, позиция Кочубинского заключалась в том, что само возникновение этих кафедр он вслед за Срезневским оценивал как следствие научного и общественного интереса к славянской теме. Важна заслуга А. А. Кочубинского и в многоплановом анализе общественно-культурной жизни России конца XVIII — первой трети XIX в., явившейся питательной почвой для превращения славистики в науку, в показе значения русско-славянских научных связей. В монографии А. А. Кочубинского, таким образом, впервые была обоснована проблематика истории славяноведения на этапе его формирования.

При несомненных достоинствах, тем более поразительных, что в разработке данной темы А. А. Кочубинский являлся новатором, общая концепция труда страдала рядом существенных недостатков. Автор не сумел исторически верно раскрыть сложной диалектики складывания славяноведения. Отсюда его надуманное противопоставление Петербурга Москве, а Шишкова Румянцеву. «Если Москва была средоточием научного

изучения родной старины, ее университет — приютом и первоизвестником будущих славянских кафедр, — утверждал А. А. Кочубинский, — то Петербург, седалище Российской академии, главная квартира Шишковской этимологии, и в университете хранил ту же духоморную этимологическую атмосферу»⁴⁹. Такой вывод не отражал, конечно, многообразия процесса становления славяноведения как науки. При всей ретроградности взглядов Шишкова он внес, например, определенный вклад в развитие межславянских культурных контактов и способствовал пропаганде культуры ряда зарубежных славянских народов, в частности чехов, в России. Да и в работах возглавлявшейся Шишковым Российской академии наряду с реакционными фигурами участвовали А. С. Пушкин, Н. М. Карамзин, А. Х. Востоков и другие деятели русской культуры. Поэтому общая концепция труда Кочубинского не только страдала метафизичностью, но и противоречила собранным им же фактическим данным.

Не случайно, что И. В. Ягич тогда же, отмечая заслуги А. А. Кочубинского в разработке темы, специально обратил внимание на неверность положенной в ее основу дихотомии. Ягич подчеркивал, что Румянцев и участники его кружка с неменьшим почтением, чем Шишков и Российская академия, относились к Добровскому, а Востоков был одновременно и членом Российской академии и состоял на службе у Румянцева⁴⁰. К этому можно было бы добавить, что формирование отечественного славяноведения происходило в обстановке острой идейной борьбы.

Этот аспект истории утверждения славянских исследований в России нашел несравненно более глубокое понимание в статьях А. Н. Пыпина 1889 г. «Обзор русских исследований славянства» и «Русское славяноведение в XIX столетии». Обе эти работы и хронологически, и тематически были между собой тесно связаны.

В «Обзоре» А. Н. Пыпин стремился ответить на вопрос: «Насколько мы знаем славянский мир?» Он соотносил «Обзор» со своей серией статей «Панславизм в прошлом и настоящем», опубликованных в «Вестнике Европы» 1878—1879 гг.⁴¹

Переиздавая эти статьи А. Н. Пыпина о панславизме в 1913 г., видный публицист и общественный деятель В. В. Водовозов отмечал их направленность против сла-

вянофилов: «Не менее горячо, чем они, Пыпин любил славян и дорожил их культурным развитием, но ему был совершенно чужд тот шовинизм, который неизменно окрашивал все славянофильские стремления»⁴². Разумеется, в исторических очерках проявились не только сильные, но и слабые стороны, непоследовательность мировоззрения А. Н. Пыпина, его колебания между буржуазно-демократическим просветительством и либерализмом. Но в целом позиция А. Н. Пыпина имела для своего времени прогрессивный характер⁴³.

«Обзор русских изучений славянства» как по авторскому замыслу, так и по существу был своего рода историческим обоснованием его антиславянофильской публицистики. Но и сам «Обзор», отразивший взгляды А. Н. Пыпина как крупнейшего в России представителя культурно-исторической, или, точнее, общественно-исторической, школы⁴⁴ имел отчетливо выраженный публицистический характер. «В настоящем случае,— пояснял автор,— мы хотели бы сделать краткое обозрение того, что знал русский народ о славянстве в прошедшие века и как шло в нашем обществе изучение славянства в два последние столетия»⁴⁵.

В соответствии с авторским замыслом «Обзор» состоял из трех разделов: «Время допетровское»; «До конца XVIII в.»; «Конец XVIII в.» Охарактеризовав знания древнерусского общества о зарубежном славянстве, А. Н. Пыпин обращался к возникновению практического и научного интереса к нему, начиная с эпохи Петра I. Он особенно отмечал вклад в изучение славянских народов В. Н. Татищева (его «Российскую историю» он считал «едва ли не самым замечательным произведением русской историографии прошлого века»), М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского, М. М. Щербатова и И. Н. Болтина. Вместе с тем А. Н. Пыпин указывал на отсутствие научного подхода к проблеме, приводил примеры наивного этимологизирования (М. М. Сумароков и др.). «Древнее славянство,— писал он,— все еще оставалось слишком смутным и об нем считалось возможным делать самые нелепые предположения»⁴⁶.

С конца XVIII в., отмечал А. Н. Пыпин, положение в этом вопросе стало постепенно меняться. Он связывал изменения и с общей международной обстановкой (особенно с турецкими войнами Екатерины II и Иосифа II) и с воздействием на русскую науку А. Л. Шлецера.

«XIX столетие,— писал он в заключении «Обзора»,— начинается еще неуверенно, идет ощупью, несвободно от грубых ошибок XVIII в., но уже вскоре наступает нечто иное. В первой четверти XIX в. полагаются первые прочные основы истинно научного исследования славянской древности и языка; во второй четверти возникает настоящее славяноведение: то и другое совершается русскими силами, занимающим высокое место в истории целой русской науки»⁴⁷.

Конкретизируя свой вывод в следующей работе, посвященной русскому славяноведению XIX в., Пыпин связывал «поворот к истинно-научному исследованию» с историческими работами Н. М. Карамзина, анализом памятников древнеславянской письменности участниками кружка Румянцева, установлением устойчивых контактов с зарубежными славянскими учеными и накоплением фактических знаний о западных и южных славянах, начиная с эпохи Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов⁴⁸. Высоко оценивая вклад в развитие славистики А. Х. Востокова, Пыпин вместе с тем отмечал роль славянских кафедр. «С конца 30-х годов,— писал он,— в этом деле наступает поворот, и русская славистика установлена была «туземными» силами молодого ученого поколения. Обращает Пыпин внимание и на подъем общественного интереса к славянам, в частности среди декабристов. Значительная часть статьи посвящена характеристике современного А. Н. Пыпину русского славяноведения. Эта часть примечательна и тем, что автор фактически формулирует в ней свое понимание предмета славистики — изучение «славянской древности, истории, языка и этнографии»⁴⁹.

Позиция А. Н. Пыпина, как можно заключить, отличалась широтой постановки проблемы и ее прогрессивной в целом трактовкой. Пыпин увидел тесную связь возникновения и развития славянских изучений в России с общественным движением. Он предпринял попытку наметить периодизацию истории отечественной славистики и провести грань между ее предысторией и научной фазой развития. При этом он не оставался только в сфере собственно славянской филологии, а стремился охватить всю сумму наук о славянах в том объеме, который, по его мнению, к ней относился. Фактически Пыпин явился создателем первой по времени и по глубине постановки общей концепции истории отечественной

славистики. Однако эта концепция была во многом уязвимой. И это происходило не только из методологии культурно-исторической школы, к которой принадлежал автор, но и из недостаточно точной интерпретации им ряда уже известных к тому времени фактических данных.

Как и А. А. Кочубинский, А. Н. Пыпин не смог разобраться в характере эволюции славистических исследований в России. То, что оба они не увидели лежавших в основе такой эволюции социальных факторов, не вызывает удивления, поскольку отражает идеалистически-позитивистские основы мировоззрения обоих ученых. Но, верно ставя вопрос о необходимости отделения донаучного этапа от научного или, как он выражался, «настоящего славяноведения», А. Н. Пыпин думал, что предистория славянских исследований не подготавливала его, а противостояла ему. «На том пути,— писал он, оценивая искания авторов XVIII в.,— каким шли до сих пор даже умнейшие русские писатели, нельзя было сделать ничего»⁵⁰. Недостаточно четко решал А. Н. Пыпин и вопрос о времени «установления» в России «настоящего» славяноведения. Вопреки приводимым фактам и даже собственным наблюдениям, он полагал, что это произошло лишь после открытия университетских кафедр. Напомним, что это заключение означало шаг назад по сравнению с выводами таких авторитетных предшественников Пыпина, каким, например, был И. И. Срезневский. В этой части А. Н. Пыпин, пусть и в смягченной форме, повторял сходный тезис Майкова.

Однако при всех своих недостатках труды Кочубинского и Пыпина имели большое значение уже потому, что подводили научный итог предшествующему накоплению отдельных элементов историографического опыта отечественного славяноведения, открывая тем самым новый этап в исследовании его истории. Важно, что авторы этих работ не только не разделяли панславистские и славянофильские доктрины, но, наоборот, выступали против них. Поэтому истоки монографической разработки историографии истории славистики в России восходили к прогрессивным и гуманистическим идеям, получившим распространение среди передовых кругов русской интеллигенции пореформенного периода.

Итак, становление историографии истории славистики в России было тесно связано с развитием самой науки о славянах, по отношению к которой оно носило, так сказать, вторичный характер. Для того чтобы могли появиться специальные работы по истории отечественного славяноведения, кроме определенного накопления фактических материалов, должны были созреть и необходимые теоретические предпосылки — утвердиться то или иное понимание целей, задач и содержания науки, сложиться то или иное представление относительно ее общественной значимости. Иными словами, возникновение историографической интерпретации славистики представляло собой не однократный акт, а длительный и многоплановый процесс. Здесь уместно напомнить совет К. Маркса не верить «во внезапно появившиеся, резко отделенные друг от друга периоды»⁵¹. Следуя этому совету, постараемся наметить основные вехи периодизации процесса становления отечественной историографии истории славистики.

Начальный этап, продолжавшийся приблизительно до исхода 1830-х годов, носил в целом подготовительный характер. Обращение русских ученых этого периода к оценке трудов своих предшественников и современников представляло собой еще не историю науки, а то, что принято именовать историографией проблемы. Наибольший интерес с этой точки зрения имели труды А. Х. Востокова, П. И. Кеппена и других авторов, связывавших разработку славянской тематики с изучением России.

Следующий этап приходился примерно на 40—70-е годы XIX в. Он протекал на фоне дальнейшего развития и специализации славянских изучений, постепенного складывания комплекса славистических наук и повышения общественного внимания к ним. К этим десятилетиям относились попытки фиксации фактических материалов по истории славистики и отдельные, во многом еще разрозненные усилия по их концепционному осмыслению. Одним из первых к этому приступили И. И. Срезневский и другие университетские слависты. Их интерес к истории своей науки вначале проистекал из чисто практических соображений. Но объективно он отразил процесс организационно-методического закрепления

славяноведения не только как научной, но и как учебной дисциплины. Это свидетельствовало о том, что зарождение отечественной историографии истории славистики было продиктовано не простой любознательностью, а настоятельной необходимостью самосознания науки. Поэтому указанный процесс сочетал в себе аспекты собственно научные и идейно-культурные. О последнем говорит интерес к славянским изучениям со стороны более широких общественных кругов в рамках того или иного отношения их к славянскому вопросу.

Неоднократные усилия объединить и гносеологически осмыслить обе отмеченные тенденции, учащающиеся в 1860—1870-х годах, привели к появлению в следующем десятилетии трудов А. А. Кочубинского и А. Н. Пыпина, непосредственно посвященных истории славянских изучений в России и по существу подытоживших предшествующий процесс становления их историографии.

Обращает на себя внимание, что это относилось к десятилетиям, когда в рамках утвердившегося славистического комплекса происходила дальнейшая дифференциация составлявших его компонентов. Едва ли такое совпадение было случайным. В условиях все более усиливавшейся специализации и отпочкования новых славистических дисциплин (это в той или иной мере ощущалось многими современниками) необходимо было сохранить понимание славяноведения как некоего целого. И обращение к истории науки о славянах в значительной степени отвечало решению такой задачи.

Оно способствовало не только целостному осмыслению путей развития славистики, но и ее своеобразной логической интеграции как суммы дисциплин, связанных общим предметом исследования. Труды А. А. Кочубинского и А. Н. Пыпина со всей определенностью отразили подобный подход. Вместе с тем они способствовали окончательному утверждению взгляда на сам предмет славяноведения, а следовательно, и на его историю, и на соотношение с отечествоведением. Примечательно, что именно на втором этапе развития славистической историографии получили уточнение термины «славяноведение», «славистика» и «славянские изучения», которые с тех пор стали пониматься как синонимы⁵².

С конца XIX в. в отечественной историографии истории славистики начался следующий, третий, этап развития, продолжавшийся до Великой Октябрьской социа-

листической революции. Кратко обозревая эти десятилетия, нельзя не отметить крайней сложности и противоречивости этого процесса, обусловленного состоянием самой науки о славянах.

С одной стороны, происходило расширение проблематики и ареала исследований. Наряду с традиционным вниманием к прошлому отечественной славистики появляются работы, посвященные развитию славяноведения за рубежом, главным образом в славянских землях. Конечно, интерес к этому, как отмечалось выше, существовал и прежде. Но теперь он превратился в одно из заметных историографических направлений. В ряду статей об отдельных представителях славистики за рубежом (например, о П. Й. Шафарике) выделяются работы В. А. Францева о чешском и польском славяноведении XVIII—XIX вв.⁵³ К. Я. Грот обратился к изучению связей между развитием славяноведения и ростом национального самосознания⁵⁴. Одним из важных следствий историографических работ этих десятилетий (к ним можно отнести и капитальную «Историю славянской филологии И. В. Ягича, изданную при поддержке Академии наук) было введение истории русского славяноведения в более широкий общеславянский и европейский контекст.

Но, с другой стороны, именно в рассматриваемые десятилетия осмысление истории славистики все более испытывало на себе результаты того кризиса методологии, который переживало буржуазное славяноведение в целом. Разного рода неославянофильские, националистические и неославистские идеи, как об этом, например, свидетельствовало творчество Ламанского, Флоринского и ряда близко стоявших к ним авторов, проникали в трактовку вопросов истории славистики. Показательно, что в письме к А. А. Шахматову из Вены Ягич писал в 1907 г., что ученики Ламанского отмечены «известной славянофильской окраской» и «тем же некритическим отношением к делу», как и их учитель⁵⁵. Но и научные позиции самого Ягича и таких добросовестных русских буржуазных историков славистики, каким был, например, Францев, были проникнуты воздействием идеалистической методологии. Насущной необходимостью славистической историографии, как и всего славяноведения в целом, все более становится поэтому решительный отказ от старой методологии. Это чувствовали отдельные

учёные, которые, как это, в частности, сделал М. П. Петровский, критически оценивая «Историю» Ягича, выступали против формализации истории славяноведения и отрыва ее от общественной и культурной жизни своего времени.⁵⁶ Однако то были во многом стихийные поиски, на которых лежал отпечаток народнической идеологии и отдельных, зачастую поверхностно, неверно трактуемых, положений марксизма.

Качественно иной, основанный на принципах исторического материализма подход открывали труды В. И. Ленина, в которых содержался глубокий анализ многих ключевых проблем прошлого и настоящего славянских народов.

В своей теоретической деятельности В. И. Ленин обращался и к некоторым отечественным работам по славяноведению и славянскому вопросу. Например, в «Тетрадах по империализму» он упоминал монографию Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» со ссылкой на помещенную там записку «об „освобождении“ австрийских славян», трактат Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» и др. Среди вопросов, заслуживающих разработки, В. И. Ленин отметил такие, как «О политике Московского славянского благотворительного общества» и «„Неославизм“ 1908 года и около этого времени»⁵⁷. Как можно судить по материалам кремлевской библиотеки В. И. Ленина, в поле его зрения находилась также литература по славянской лексикологии, литературе и истории⁵⁸. Интерес к этим вопросам отразился и в переписке. Так, с восхищением отзываясь в письме 1901 г. к М. А. Ульяновой о Праге и ее «славянском характере», В. И. Ленин замечал относительно чешского языка: «Интересно, очень близко к польскому, масса старинных русских слов»⁵⁹.

Этот аспект научного наследия В. И. Ленина настоятельно требует специального изучения, поскольку отсюда берет истоки принципиально новое направление в историографии славяноведения, получившее разработку и дальнейшее развитие после Великой Октябрьской социалистической революции в трудах советских ученых и славистов других стран социалистического содружества.

* * *

Поскольку история науки вообще представляет собой не случайное дополнение, а органическую часть любой

фундаментальной отрасли знания, критическое рассмотрение ее историографии приобретает особое значение. Авторы, обращающиеся к истории своей науки, не только подводят итоги опыта ее развития за предшествующий период, но и отражают в той или иной мере, субъективно или объективно, методологические, социальные и идейные представления и требования своего времени. Тем самым историографические труды оказываются вехами в истории самосознания науки.

Эта особенность историографии в полной мере прослеживается и на примере истории славянских изучений, особенно в части выявления основных тенденций развития славистики, эволюции ее концепционных основ и методологических принципов, включая историю осмысления ее предмета. А это существенно не только для понимания прошлого славяноведения, но в определенной степени и для прогнозирования его будущего.

Поэтому историографию истории славянских изучений следует рассматривать как одну из дисциплин славистического комплекса, а дальнейшую ее систематическую разработку считать в числе актуальных задач советского славяноведения.

-
- ¹ Грот К. Я. К истории славянского самосознания и славянских сочувствий в русском обществе: Из 40-х годов XIX в.— Правительств. вестник, 1904, № 195, с. 1; Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910, с. 796—797.
  - ² Державин Н. С. Славянская филология в Петербургском-Ленинградском университете.— В кн.: Труды юбилейной научной сессии/ЛГУ. Секция филологических наук. Л., 1946, с. 99—100; Пичета В. И. К истории славяноведения в СССР.— Историк-марксист, 1941, № 3, с. 36—62; Пичета В. И. Академия наук и славяноведение.— Вестн. АН СССР, 1945. № 5/6, с. 157—175.
  - ³ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960, т. 2, с. 507.
  - ⁴ Например: Лаптева Л. П. В. А. Францев как историк славянства.— В кн.: Славянская историография. М., 1966, с. 204—246. Перечень других работ Л. П. Лаптевой по этому вопросу см. в кн.: *Syllaba T. V. A. Francev: Bibliografický soupis*. Praha, 1977, s. 111—112.
  - ⁵ Лаптева Л. П. Основные линии развития научного славяноведения в России в XIX—начале XX в.— Вестн. МГУ. Сер. IX. История, 1977, № 2, с. 53; Лаптева Л. П. Русское славяноведение в конце XIX—начале XX в.: (Проблемы истории).— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VIII Междунар. съезд славистов. Загреб—Люблина, сентябрь 1978 г. М., 1978, с. 503—504.
  - ⁶ Марков Д. Ф. Славистика как комплекс научных дисциплин.— В кн.: Методологические проблемы истории славистики. М., 1978, с. 7—17; Марков Д. Ф., Дьяков В. А., Мыльников А. С. Некоторые

- узловые методологические вопросы истории мировой славистики.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов, с. 465—490.
- 7 *Азадовский М. К.* О построении истории русской фольклористики.— Тр. Восточно-Сибирского ун-та, Иркутск, 1944, т. 22, вып. 4, с. 113—135; Возникновение русской науки о литературе. М., 1975; Академические школы в русском литературоведении. М., 1976.
  - 8 *Гусев В. Е.* Об изучении истории русской фольклористики.— Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз., 1956, т. 15, вып. 3, с. 239.
  - 9 Возникновение русской науки о литературе, с. 3.
  - 10 *Бернал Д.* Наука в истории общества. М., 1956, с. 15; Социологические проблемы науки/Под ред. В. Ж. Келле, С. Р. Микулинского. М., 1974; *Микулинский С. Р.* Мнимые контрверсы и реальные проблемы теории развития науки.— Вопр. философии, 1977, № 11, с. 88; *Майзель И. А.* Культура, цивилизация и наука.— Тр. Ленингр. гос. ин-та культуры, 1978, т. 37, с. 64—82 и др.
  - 11 Подробнее см.: *Дьяков В. А., Мильников А. С.* Об основных этапах развития славяноведения в дореволюционной России.— В кн.: Славяноведения в дореволюционной России: Библиогр. словарь. М., 1978, с. 11—46; *Мильников А. С.* К вопросу о путях и особенностях формирования славяноведения в России.— В кн.: *Stúdie z dějin světové slavistiky do polovice 19. storočia.* Bratislava, 1978, s. 289—316.
  - 12 *Берков П. Н.* Славяноведческие интересы М. В. Ломоносова.— Науч. бюллетень ЛГУ, 1946, № 11/12, с. 40—44; *Мильников А. С.* В. Н. Татищев и «Чешская хроника» В. Гаека.— Сов. славяноведение, 1977, № 2, с. 59—66; *Он же.* Ломоносов и чешская культура XVIII в.— В кн.: *Ost-West-Begegnung in Österreich.* Wien; Köln; Graz, 1976, S. 211—213.
  - 13 См.: *Кеппен П. И.* Материалы для истории просвещения в России. СПб., 1826, № 2, 725 с.
  - 14 ЛО ААН, ф. 106, оп. 1, д. 5, л. 1.
  - 15 Там же, ф. 216, оп. 1, д. 798, л. 2.
  - 16 Там же, д. 753, л. 15—16.
  - 17 Так, рассматривая свой курс в качестве энциклопедического обзора теории языков и литературы славянских народов, В. И. Григорович широко включал в него труды И. Добровского, А. Х. Востокова, П. И. Шафарика, А. Мацеёвского и других славистов. См.: *Григорович В. И.* Программа преподавания теории словенских языков и литературы словен в ее главнейших эпохах. Казань, 1843, с. 3.
  - 18 ЛО ААН, ф. 216, оп. 1, д. 910, 911, 930, 932.
  - 19 *Срезневский И. И.* Обзорение научных трудов А. Х. Востокова, между прочим и неизданных.— В кн.: Торжественное собрание имп. Академии наук 29 декабря 1864 года. СПб., 1865, с. 86—138, 113—114; Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского. СПб., 1873, XL, 504 с.
  - 20 *Срезневский И. И.* На память о первых преподавателях славянской филологии О. М. Бодянском, В. И. Григоровиче и П. И. Прейсе.— Записки имп. Академии наук, 1878, т. 31, кн. 1, с. 82—83.
  - 21 Там же, с. 83.
  - 22 Под термином «отечествоведение» автор понимает совокупность научных дисциплин, которые изучали язык, историю и культуру русского народа.
  - 23 ЛО ААН, ф. 216, оп. 1, д. 727, л. 1.

- ²⁴ *Мыльников А. С.* Павел Шафарик, выдающийся ученый славист. М.; Л., 1963, с. 67—69; *Куделка М.* О славистике как сфере научного познания.— В кн.: *Методологические проблемы истории славистики*, с. 19.
- ²⁵ ЛО ААН, ф. 106, оп. 1, д. 5, л. 1, об.
- ²⁶ Там же, ф. 216, оп. 1, д. 798, л. 7.
- ²⁷ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1866, собр. 2, т. 38, отд. 1, с. 623. В годы реакционных контрреформ преподавание истории славянского права не было предусмотрено. См.: *Щетинина Г. И.* Университеты в России и устав 1884 г. М., 1976, с. 156.
- ²⁸ *Будилович А. С.* Несколько замечаний об изучении славянского мира. СПб., 1878, с. 52—53.
- ²⁹ *Срезневский И. И.* На память об О. М. Бодянском, В. И. Григоровиче и П. И. Прейсе, с. 88.
- ³⁰ *Алексашикина Л. Н.* О. М. Бодянский и его роль в развитии русско-чешских связей (40—70-е годы XIX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. 24 с. *Досталь М. Ю.* И. И. Срезневский и его роль в развитии русско-чешских научных и культурных связей в 40—70-е годы XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. 22 с.
- ³¹ Достаточно сослаться в качестве примера на документальную биографию Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» (СПб., 1888—1910, вышли кн. 1—22, неопубл. части хранятся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), на исследование П. П. Пекарского «Наука и литература в России при Петре Великом» (СПб., 1862, т. 1—2), на публикацию Н. А. Поповым переписки между русскими и славянскими учеными, на фундаментальную «Историю Российской Академии» М. И. Сухомлинова (СПб., 1874—1888, т. 1—8) и др.
- ³² *Снегирев И. М.* Иосиф Добровский. Его жизнь, учено-литературные труды и заслуги для славяноведения. Казань, 1884.
- ³³ *Ламанский В. И.* Вступительное чтение.— День, 1865, № 50, с. 1—2.
- ³⁴ *Майков А. А.* О славяноведении в России.— Беседы в О-ве любителей российской словесности при имп. Московском университете, 1868, вып. 2, прилож., с. 13, 15.
- ³⁵ *Котляревский А. А.* Опоздалые листки из истории языка и литературы: Из филологических записок 1863—1864 гг. Воронеж, 1870, с. 67.
- ³⁶ Там же, с. 57.
- ³⁷ *Кочубинский А. А.* Начальные годы русского славяноведения: Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев. Одесса, 1887—1888, с. 1.
- ³⁸ Там же, с. 36.
- ³⁹ Там же, с. 157.
- ⁴⁰ *Ягич И. В.* О сочинении проф. А. А. Кочубинского «Начальные годы русского славяноведения». СПб., 1890, с. 6—7.
- ⁴¹ Вестн. Европы, 1889, кн. 4, с. 589.
- ⁴² *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем/Предисл. и примеч. В. В. Водовозова. СПб., 1913, с. III.
- ⁴³ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960, т. 2, с. 507; *Ровда К. И.* Россия и Чехия: Взаимосвязи литератур. 1870—1890. Л., 1978, с. 146.
- ⁴⁴ Академические школы в русском литературоведении, с. 128.
- ⁴⁵ Вестн. Европы, 1889, кн. 4, с. 585—586.
- ⁴⁶ Там же, кн. 5, с. 204.

- ⁴⁷ Там же, кн. 6, с. 664.
⁴⁸ Там же, кн. 7, с. 272.
⁴⁹ Там же, кн. 9, с. 264.
⁵⁰ Там же, кн. 7, с. 272.
⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 47, с. 460.
⁵² Кроме упомянутых работ Кочубинского и Пыпина, см.: Будилович А. С. Несколько замечаний об изучении славянского мира, с. 1; Флоринский Т. Д. Вступительная лекция [к курсу славяноведения]. Произнесена 9 марта 1882 г. Киев, 1882. 10 с. (Отг. из Университетских известий) и др.
⁵³ Францев В. А. Главнейшие моменты в развитии чешского славяноведения. Варшава, 1901. 45 с.; *Он же*. Очерки по истории чешского Возрождения: Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX ст. Варшава, 1902. 473 с.; *Он же*. Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага, 1906. 692 с.; и др.
⁵⁴ Грот К. Я. Об изучении славянства. Варшава, 1901. 26 с.; *Он же*. К истории славянского самосознания и славянских сочувствий в русском обществе. (Из 40-х годов XIX столетия). СПб., 1904. 14 с.; Петровский Н. М. Рец. на кн.: Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910.—ЖМНП. Нов. серия, 1910, т. 30, № 11, отд. 2, с. 183—184.
⁵⁵ Документы к истории славяноведения в России, 1850—1912. М.; Л., 1948, с. 273.
⁵⁶ Петровский Н. М. Указ. рец., с. 183—184.
⁵⁷ Ленин В. И. Тетради по империализму.— Полн. собр. соч., т. 28, с. 506.
⁵⁸ Библиотека В. И. Ленина в Кремле: Каталог. М., 1961. 763 с.
⁵⁹ Ленин В. И. Письма к родным 1893—1922.— Полн. собр. соч., т. 55, с. 205.

М. В. НИКУЛИНА

СЛАВЯНСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в. (На материале русских периодических изданий)

Процесс развития славяноведения в последние годы все чаще становится предметом исследования советских ученых и привлекает внимание зарубежных исследователей¹. Одним из недостаточно изученных периодов истории русского славяноведения является первая треть XIX в.² — время, важное по своей идеологической и поли-

тической значимости не только для формирования русской национальной культуры, но и других стран. Национально-освободительные и революционные движения в Европе, Америке, славянских странах, изменившиеся социально-экономические и политические условия в России в начале XIX в., рост общественного сознания и национального самосознания, обострение процесса разложения феодализма — все это дало мощный толчок в развитии ряда отраслей отечественной науки. Славянская проблематика как составная часть входит в общую проблему формирования русской национальной культуры. Развитие славяноведения в эти годы тесно связано с повышенным интересом к проблемам формирования русского литературного языка, истории, фольклора, как результат роста национального самосознания и кризиса феодально-крепостнических отношений.

Несмотря на цензурные строгости, прямое вмешательство полиции в журнальные дела, журналы на протяжении первых десятилетий XIX в. были средоточием умственной и литературной жизни общества, чутко откликались на все новые веяния как за рубежом, так и в самой России. Недаром министр народного просвещения, монархист А. С. Шишков в своем донесении Николаю I называл их «главнейшими источниками распространения у нас между образованнейшею частью народа так называемого общественного мнения»³. Журнальная полемика велась по самым важным вопросам науки, литературы и политики, способствовала идеологическому воспитанию общества и являлась отражением политической борьбы в стране (например, дискуссии о классицизме и романтизме, о происхождении власти и государства). Все это свидетельствовало о глубоких сдвигах, происходящих в феодально-крепостнической структуре общества, о появлении новых сил, борющихся за национальную культуру, основанную на принципах демократизма и самобытности.

Декабристы, продолжившие традиции А. Н. Радищева, борьбу за развитие национальной культуры соединяли с критикой монархизма и крепостничества. Для декабристов и деятелей, близких к декабристскому движению, характерно свое понимание истории и исторического процесса, задач и перспектив культурного развития страны. Деятели реакционного лагеря противопоставили им программу сохранения и укрепления основ феодаль-

ной монархии и сословной культуры. В этот же период происходит зарождение буржуазно-демократических концепций русской национальной культуры, связанное с появлением на общественной арене нового класса буржуазии. Наиболее ярким проявлением буржуазных тенденций в русской журналистике первой трети XIX в. были выступления Н. А. Полевого.

Народные движения, связанные с падением абсолютизма в Англии и Франции, революционными событиями и крестьянскими волнениями, роль народных масс в Отечественной войне 1812 г. обратили пристальное внимание различных кругов русского общества на осмысление понятий народ, народность, самобытность, на изучение национальных особенностей отдельных народов. Эти вопросы тесно связывались с проблемой своеобразия (самобытности) национальной культуры (в первую очередь русской), выдвинутой в России еще в XVIII в. русскими историками и просветителями (В. Н. Татищев, И. Н. Болтин, М. В. Ломоносов, Н. И. Новиков). В XIX в. вопросы национальной самобытности, народного духа и его проявлений стали в центре разного рода романтических теорий. Возникнув как общественно-культурное движение в переломную эпоху конца XVIII — начала XIX в., романтизм охватил славянские страны, воодушевленные идеями национального возрождения. В России романтизм отчасти развивался в рамках первого (дворянского) этапа освободительного движения. У декабристов находят живое сочувствие такие черты романтизма в славянских литературах, как интерес к героическим моментам в истории славянских народов, к фольклору, мобилизирующему народные массы и активизирующему их борьбу против национальных и классовых угнетателей, идея славянского единства⁴. В славянском романтизме русские прогрессивные круги привлекала его насыщенность социально-политической проблематикой. Другие идеологические течения также брали на вооружение те или иные аспекты романтических теорий.

После разгрома буржуазной Франции начался период общеевропейской реакции. В России реакционная политика приобрела особенно острые формы в 20-е годы (увольнение профессоров Петербургского, Казанского, Харьковского университетов; закрытие ряда кафедр, требование отказа от свободного исследования и подчинения научного знания религиозной вере, ужесточение цен-

зуры и др.). В этой обстановке оформляется общество «любомудров», которое впоследствии стало предтечей будущего славянофильства (В. Ф. Одоевский, А. И. Кошелёв, И. В. и П. В. Киреевские и др.). Народность рассматривалась ими не с точки зрения исторической борьбы народа за свое освобождение (как у декабристов), а в аспекте идеализации патриархальной старины. Увлечение идеалистической философией Шеллинга (особенно учением об особом назначении каждой нации в мировом историческом процессе и о ее специфических качествах, идеями религиозного преобразования жизни) привело их к пониманию народности как религиозного начала в его православной специфике.

К лозунгам народности и национальности обратились и реакционные круги, в результате чего возникла и к концу 30-х годов окончательно оформилась уваровская триада — самодержавие, православие и народность, где провозглашалась «народность» крепостного права, идеализировались самые мрачные стороны патриархального уклада.

Все эти вопросы нашли отражение в журнальной полемике 1800—1830-х годов. Вопросы русской и древнеславянской истории, языка, русских и славянских обрядов, обычаев, песен, современного положения славянских народов выносятся на страницы журналов и газет и становятся предметом горячего обсуждения.

Однако нужно отметить, что этот период был и периодом развития самой русской журналистики, поисками места и значения журналистики в общественной жизни и литературе. В журналах начинают появляться рассуждения о пользе журналистики, о роли критики в журнале и т. п. Содержание журнала часто всецело зависело от степени образованности, интересов, политических взглядов его редактора-издателя.

Большую роль в распространении знаний о славянстве, в пропаганде проблем языка и истории сыграли «Вестник Европы» (особенно в период издания его М. Т. Каченовским) и «Московский телеграф» Н. А. и К. А. Полевых. «Вестник Европы» (изд. М. Т. Каченовского) поддерживал монархизм и крепостничество, однако на его страницах освещалась борьба (хотя и слабо) греков, сербов, черногорцев за свою свободу, осуждался деспотизм, научный обскурантизм. Журнал принимал участие в дискуссии по вопросам языка и ис-

тории, причем давал свое решение проблем, отличное от официозного. Одним из первых он обращает внимание читателей на необходимость славянских изучений, а в объявлении об издании журнала на 1816 г. М. Т. Каченовский пишет: «Внимание его устремлено будет на историю отечественного и родственных ему языков, на деяния и обычаи народов славянского происхождения...»⁵ Принципы и методы так называемой «скептической школы», возглавляемой Каченовским, нашли отражение на страницах журнала и оказали воздействие на формирование славистической проблематики.

К концу 1820-х годов «скептическая школа» исчерпала себя, она не смогла предложить ни положительной программы изучения истории, ни новой методики. За это взялся журнал Полевых «Московский телеграф», провозвестник идей буржуазной оппозиции⁶.

Охарактеризовав в самых общих чертах основные общественные силы, воздействовавшие на формирование русской национальной культуры в первые десятилетия XIX в.⁷, остановимся на главных проблемах, находящихся в центре идеологической борьбы и на роли в этой борьбе славянской проблематики.

Много споров велось в первой трети XIX в. вокруг проблемы образования древнерусского государства и происхождения государственной власти, которые естественно связывались с проблемой генезиса государственности у славян⁸. Особенную остроту дискуссия приобрела с выходом в свет «Истории государства российского» Н. М. Карамзина (1818—1826 гг., т. 1—12).

В «Истории» Карамзин развил свои взгляды, высказанные им еще в «Записке о древней и новой России» (1811 г.), в которой он выступал защитником самодержавия и крепостничества. Выдвигая на первый план идею норманского призвания, Карамзин основывает свою концепцию образования русской государственности на известных ранее сведениях о славянах, обобщенных в работах А.-Л. Шлецера, И. Тунмана, И.-К. Гаттерера, и на сообщениях, почерпнутых у Геродота, Плиния, Тацита, Прокопия Кесарийского, Иордана, Маврикия и других античных и средневековых историков. Говоря о прародине славян и о появлении славян на территории России, Карамзин следует Повести временных лет. В 3 гл. 1 т. в своей «Истории» Карамзин впервые в русской историографии пытается дать общую характеристику культу-

ры восточных славян («российских») VI—IX вв., их обычаев, обрядов, верований, языка и т. д. и славян «дунайских», т. е. западных и южных (к ним он относит богемских, сербских, кроатских, далматинских, лужицких, польских, болгарских, каринтийских славян). Здесь он опирается не только на сообщения византийцев и теорию общей дунайской прародины славян (Нестор), но и на теорию влияния физико-географических условий на формирование общих черт физического и нравственного облика славян. Подчеркивая общее, Карамзин останавливается и на нескольких моментах, отличающих «российских» славян от западных и южных (к числу их он относит и добровольное призвание варяжских князей). В начальных главах «Истории» Карамзина обозначены основные проблемы, которые во второй половине XIX в. оказались в центре внимания славистов: общность происхождения и прародины славян, объясняющие общие черты духовной и материальной культуры славян; древнее славянское право и государственность; здесь же касается Карамзин и происхождения общеславянского языка и письменности, классификации славянских языков.

Несмотря на значительность труда Карамзина, как обобщающего и завершающего собой целый период разработки русской истории, в печати обнаружили резкие расхождения в оценке концепции и метода Карамзина. С одной стороны, «История» Карамзина провозглашалась «краеугольным камнем для православия, народного воспитания и монархического управления»⁹ (в число защитников норманизма и исторической концепции Карамзина входили такие реакционные и консервативные деятели, как С. С. Уваров, М. П. Погодин, П. Бутков); с другой стороны, критике подверглись все узловые моменты «Истории», начиная с ее названия.

Резко отрицательным было отношение к «Истории» Карамзина декабристов, которые указывали на реакционность всей концепции Карамзина. Они возражали против такого изложения событий русской истории, которое поставило ход русской истории только в зависимость от действий и воли князей, они отвергали утверждение Карамзина о превосходстве норманской культуры. Декабристы требовали правильного освещения дорюриковского периода русской истории, утверждали народное правление в качестве исконно русской формы государст-

венности; основные особенности национальной жизни славян они видели в общине и в стремлении к общественной свободе, обосновывали высокий уровень славянской культуры. Критика «Истории» Карамзина декабристами не только имела целью решение такой политической задачи, как борьба со взглядами апологетов самодержавия и крепостничества, но и содействовала пересмотру основных положений, касающихся древней истории славян¹⁰.

В 1822—1824 гг. с критикой «Истории» Карамзина выступил на страницах «Северного архива» польский историк И. Лелевель. В своих взглядах на славянскую историю он во многом солидаризируется с декабристами. М. Т. Каченовский, профессор Московского университета и глава скептической школы, отмечая, что «История» Карамзина это «настолярная книга», которая «годится и для справок и как чтение усладительное», говорит о несоответствии замысла и исполнения, так как в лучшем случае Карамзин дал историю российских государей, а не историю государства. Для написания истории русского государства необходимо иное отношение к источникам, иной их отбор и интерпретация¹¹.

Сторонник французской буржуазной романтической историографии Н. А. Полевой критикует Карамзина на страницах своего журнала «Московский телеграф»¹², утверждая, что для правильного понимания роли и места каждого народа во всемирно-историческом процессе необходимо уяснение «нравственного своеобразия» каждого народа, его гражданского и политического состояния, обычаев и нравов¹³.

Все большее значение для истории приобретает этнография. Об этом пишет в своих статьях в русских журналах («Сын отечества», «Вестник Европы», «Северный архив», 1819, 1820, 1822 гг.) польский историк и этнограф З. Доленга-Ходаковский (А. Черноцкий)¹⁴. Основные его интересы были сосредоточены на изучении жизни и быта славян в древнейший, дохристианский период. Он обращает внимание историков на то, что в изучении истории упущено «самое важнейшее, а именно: писали историю, не познавши народа»¹⁵. Ходаковский указывает на несколько важнейших источников, ранее не используемых историками, которые могли дать сведения о древних славянах и их представлениях об окружающем мире: это народная терминология, географическая номенклатура.

диалекты. К числу памятников славянского язычества Ходаковский относит и городища. Его программа изучения древнего славянства в целом (Ходаковский предполагал сам объехать Европейскую Россию, Польшу, Чехию, Моравию, Силезию, Венгрию и везде по своей программе собирать материал) показывала новые перспективы в изучении славянства.

Идеологическая борьба, которая велась вокруг дальнейших путей развития русского литературного языка, способствовала научной разработке ряда проблем, среди них проблемы происхождения русского языка и его генетических связей со всей славянской семьей языков. Начало научного изучения этой проблемы относится к XVIII в.

Для работ по языкознанию и истории XVIII в. было характерным смешение понятий церковнославянский (старославянский) — древнерусский — коренной славянский (праславянский) язык. Так, например, В. К. Тредьяковский в своих работах отождествляет русский и старославянский языки, В. П. Светов — древнерусский и старославянский. Наиболее распространенным для этого периода является взгляд на происхождение русского языка, как и польского, болгарского, сербского, хорватского (кроатского) и других славянских языков, от церковнославянского. В этом отношении выгодно отличались работы М. В. Ломоносова, который не только отделял древнерусский от старославянского (опираясь в своих исследованиях на ряд древнерусских памятников — Русскую правду, тексты договоров русских князей с греками и др.), но и дал одну из первых классификаций славянских языков (на юго-восточную группу и северо-западную). Во многих работах проводится мысль о том, что чем ближе язык к своей первооснове — языку, тем он богаче, выразительнее, а поскольку русский язык ближе всего к праславянскому (или совпадает с ним), делается вывод о его богатстве и красоте (в работах А. П. Сумарокова, В. Н. Татищева и др.)

В XVIII в. противники и сторонники норманской теории обращаются к филологическим доказательствам для определения этнической принадлежности варягов (М. В. Ломоносов относил варягов вместе с пруссами к славянам, отделившимся от «своего корня»: Пруссия — Поруссия, т. е. пограничная с Русью страна).

Отсутствие ясного представления об индоевропейской языковой семье и месте в ней славянских языков, правильного исторического понимания развития языка, увлечение этимологизированием, основанным на звуковом сходстве, приводило к таким, например, теориям, как у А. Барсова («О древности и превосходстве славянского языка и способе возвысить оный до первоначального его величия»), который считал славянский язык одним из древнейших и «первоначальных языков», распространившихся по всей Европе, и даже находил его следы в Африке и Турции. Во взглядах исследователей не было единства на происхождение праславянского языка. Одни считали его ветвью сарматского (например, И. Н. Болтин к сарматским народам относил русов, венгров, шведов, финнов), другие (А. П. Сумароков) отождествляли с кельтским. Главным достижением славянского языкознания XVIII в. можно считать четко сформулированную задачу о необходимости собирания лингвистического материала для сравнительного изучения всех славянских языков для восстановления праславянского языка.

В первой трети XIX в. в результате широкого изучения языковой проблематики (не столько в Академии, а главным образом в различных литературных, художественных и научных обществах, кружках) были достигнуты большие успехи. Об этих успехах и об интересе к проблемам русского и славянских языков, их истории свидетельствовал ряд дискуссий, нашедших отражение в журналах тех лет.

Одной из первых крупных журнальных дискуссий, развернувшихся в первое десятилетие XIX в., была полемика о так называемом «старом» и «новом слоге». Poleмику вызвало появление в печати книги А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (СПб., 1803 г., 2 изд. 1818 г.)¹⁰. Это была не просто критика принципов нового литературного направления — сентиментализма, с его требованиями отказа от устаревших норм литературного языка, сближения с нормами разговорной (салонной) речи, а политическая и социальная платформа наиболее реакционных монархических кругов. В своих сочинениях Шишков вопрос о литературном языке тесно связывал с вопросом о влиянии западной культуры в целом. Он указывал, что «новый слог», европеизированный, обновленный новыми понятиями, является проводником идей «безверия», «пагубной фило-

софии», «якобинской заразы» и оказывает развращающее влияние на общество. Этой стихии он противопоставляет церковнославянский язык как язык библии и церковной письменности, хранящий в неприкосновенности «отечественные обычаи и веру отцов». Эта мысль была поддержана сторонниками А. С. Шишкова (И. С. Рижским, Е. Станевичем, С. Н. Глинкой и др.). Их отношение к книге Шишкова нашло отражение в «Письме из города N в столицу», где автор пишет: «У нас много было говорено о критике и о самой книге. Почтенный сочинитель «Рассуждения о слоге» имел намерение показать и показал своим соотечественникам, какие следствия для нашего языка, даже для нравов, произошли от нерадения о чтении книг славянских, от модного воспитания и от слепой привязанности к языку и обычаям чужеземным...» «От сего-то между прочими вещами родилось в нас и презрение к славенскому языку»¹⁷.

Мысль о том, что «древний славянский язык есть корень и начало российского языка» — основа литературно-лингвистической концепции Шишкова, развитой им в позднейших трудах. Он исходит из утверждения о едином древнейшем источнике происхождения языка путем звукоподражания: «Все языки всех бывших и ныне существующих народов суть наречия один другого и, следовательно, по непрерывности сцепления их суть многоразличные наречия первобытного языка, сколь ни отдаленные от одного, но долженствующие непременно сохранить в себе коренные его начала»¹⁸.

Различие языков он объясняет только фонетическими изменениями. Главное в определении языкового родства для Шишкова — отыскание исходного значения слова сопоставлением слов одного корня на основании семантических связей. Разветвление коренного значения в различных языках дает определенный семантический ряд понятий, объединенных некоей первобытной общностью. Примером может служить его исследование корня мал: малый, мал, молоть, молоток, мелкий, мель, молния, малина, меньше, male (лат.), mill (англ.), molinago (итал.) и еще 28 подобных, не имеющих никаких научных оснований для сближений¹⁹.

Опираясь на свою концепцию языка, Шишков стремится доказать превосходство «славенского» перед другими языками (главным образом противопоставляя его французскому). «Богатство, обилие, красоту и силу»

славянского „коренного“ языка» он видит в «семейственности», в большом числе семантических связей, что позволяет сохранить в наибольшей чистоте первоначальное понятие. Слово, в его понимании, это «светильник, озаряющий те таинства, которые без того останутся скрытыми во всегдашнем мраке. Тогда во всяком слове будем мы видеть мысль, а не простой звук с привязанным к нему неизвестно почему и откуда значением»²⁰.

На этом же основываются его доказательства тождества русского и «славянского»: «Собственно под именем языка разумеются корни слов и ветви от них происшедшие. Когда оные в двух языках различны, тогда и языки различны между собою; но когда знаменования слов и ветвей оных находятся в самом языке, тогда оные всякому наречию общи, выключая разве такое, которое совсем от корней языка своего удалилось: тогда уже оное не есть более наречие, но совсем иной язык». Под именем «славянского языка» он понимает «наречие священного писания», а «под именем русского языка наречие светских книг». Разница состоит лишь «в некотором токмо изменении слов, а не в разделении оных на словенские и русские»²¹; так как корни и «ветви» у них одинаковы, то это один язык, различны в нем лишь наречия — особые стили языка — высокого, среднего и простого (к простому слогу он относил народные песни и сказки).

Так сформировалась шишковская теория трех стилей, в которой он дал свою интерпретацию ломоносовской теории трех стилей. Если реформаторская теория Ломоносова освобождала литературный язык от оков церковнославянской книжности, то Шишков борется за утверждение церковнославянского как нормы современного литературного языка: Провозглашая превосходство церковнославянского языка (высокого слога), резко отделяя его от языка фольклора, он призывал бороться со средним слогом в литературе, в основе которого, по его мнению, лежит заимствованность, т. е. тот канал, по которому проникают чуждые влияния. Продолжая развивать свою излюбленную теорию о едином всеобщем первобытном языке, он приходит к доказательствам глубочайшей древности славянского языка, который «есть отец бесчисленного множества наречий и языков»²².

Против шишковской теории выступили П. И. Макаров (издатель журнала «Московский Меркурий»), Д. В. Дашков, Е. А. Болховитинов, М. Т. Каченовский, Н. Брусилов²³ и др.

Одной из значительных статей, появившихся в русской периодике в начале XIX в., была статья М. Т. Каченовского: «Об источниках для русской истории»²⁴. Обращая внимание читателей на значение летописей, разрядных, родословных, степенных книг для изучения истории, он говорит и об языке летописей: «Все летописи наши писаны на древнем славянском языке или на том самом, на который переведены церковные книги и на котором до нынешнего времени отправляется богослужение во всех странах, обитаемых племенами, употребляющими наречия славянского языка...»²⁵

Каченовский четко различает языки древнерусский и церковнославянский, но допускает ошибку, отождествляя церковнославянский с праславянским (на этой точке зрения стояли А.-Л. Шлецер, Г. Бандтке и некоторые другие западноевропейские ученые): «Славянский язык есть отец всех сих наречий, из коих каждое особливо более имеет сходства с ним, нежели взаимно между собою... Некогда он один был в употреблении»²⁶. Потом этот язык разделился на отдельные наречия, но вопросы о том, когда и как это произошло, когда из древнего славянского образовался нынешний русский, остаются нерешенными. Представляет интерес и замечание Каченовского, что церковнославянский язык, язык библии, был общенародным не в России, а в Моравии и Болгарии. В 1811 г. Каченовский прямо обращается к А. С. Шишкову²⁷ («О сочинении Шишкова «Разговоры о словесности»: СПб., 1811 г.); он отмечает путаницу в понятиях Шишкова о языке и наречии, безосновательность его утверждения, что русский язык — это наречие²⁸.

Каченовский опровергает рассуждения Шишкова, опираясь на Ломоносова. Он выступает против бесплодного этимологизирования типа *высь око — высоко* и пр., против утверждения Шишкова, что главными источниками и образцами для стихотворства и красноречия должны быть: «1. Священные или духовные книги; 2. Летописи и все подобные им предания; 3. Простонародный язык, то есть сказки и песни»²⁹. Он пишет, что прежде, чем восхищаться красотами летописей и хронографов, которые много раз исправлялись и дополнялись различными переписчиками, вносившими в них события, «вовсе не принадлежащие до России», нужно исправить и очис-

тить текст, «до тех пор едва ли можно приводить из него (текста.— М. Н.) выписки в пример красноречия»³⁰.

Окончательно сложились взгляды Каченовского на происхождение церковнославянского и русского языков к 1816 г. В статье «О славянском языке вообще и в особенности о церковном»³¹ он различает праславянский, давший начало всем славянским языкам, и церковнославянский, сделавшийся «книжным или письменным в IX столетии уже из наречия, а не из коренного, не из первобытного языка славянского, от которого произошли все нынешние его наречия: русский язык, польский, богемский, сербский, кроатский, боснийский и проч.»³². Церковнославянский язык — это язык богослужебных книг, переведенных Кириллом и Мефодием на сербское наречие³³; свое мнение Каченовский подкрепляет ссылками на работы И. Добровского, Й. Раича и другие источники. Таким образом, здесь впервые рассуждения о церковнославянском и русском языках были поставлены на реальную почву научного анализа — рассмотрения соотношения церковнославянского языка с конкретными славянскими языками. Его требование исторического подхода к фактам церковнославянского и русского языков давало перспективу научной разработке этих проблем.

Вопрос о происхождении церковнославянского языка, его особенностях и отношении к русскому, польскому и сербскому был решен после выхода в свет статьи А. Х. Востокова (доклад, прочитанный в Московском Обществе любителей российской словесности в 1820 г.) «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам». В «Вестнике Европы» он был опубликован в извлечении. Эта статья стала рубежом в изучении вопросов, касающихся происхождения церковнославянского языка, и свидетельствовала о сформировавшемся в русском языкознании методе сравнительно-исторического изучения. Занятия этимологией и работа над этимологическим сравнительным словарем рано привлекли внимание Востокова к проблемам сравнительного языкознания; он познакомился с трудами И. Добровского, А.-Л. Шлецера, «об этом свидетельствует его перевод примечаний Добровского на рассуждения Шлецера о старославянском языке, снабженный собственными примечаниями переводчика и читанный в де-

кабре 1810 г. (вероятно, в Обществе любителей словесности, наук и художеств)»³⁴. Здесь он «не только подтверждает мнение Добровского о различии древнерусского и церковнославянского (основанное на фактах языка Русской Правды), но и показывает отличие языка „Слова о полку Игореве“ от церковнославянского языка, сравнивает особенности языка Повести временных лет и Поучения Владимира Мономаха»³⁵.

В «Рассуждении о славянском языке...» Востоков рассматривает большой круг вопросов: 1) определяет анализом языка рукописи болгарское происхождение церковнославянского (старославянского) языка; 2) устанавливает определенные различия в старославянском языке различных эпох и подразделяет его на три периода; 3) устанавливает три периода в истории русского языка — древний (IX—XIII вв.), средний (XIV—XV вв.) и новый (с XVI в.); 4) определяет отношение древнерусского к церковнославянскому языку разных периодов, а также к польскому и сербскому; 5) определяет звуковое значение юсов (по Остромирову евангелию); 6) излагает главнейшие фонетические и морфологические особенности старославянского языка древнейшего периода и дает первые образцы применения сравнительно-исторического метода к языковому материалу, т. е. показывает закономерность изменений в звуковом строе родственных славянских языков.

Заканчивает свое «Рассуждение...» Востоков кратким разбором мнения Каченовского о тождестве церковнославянского и сербского. Несмотря на важность сделанных Востоковым открытий, на новый научный метод, применяемый им в работе, его выводы не сразу получили признание в ученых кругах. Даже К. Ф. Калайдович, один из лучших палеографов и знатоков церковнославянских памятников в России, первый обративший внимание на памятники болгарской литературы IX—X вв. (труды Иоанна Экзарха, Григория Цамблака и др.), повторяет в 1822 г. ошибочное мнение, что церковнославянский — это «церковный моравский язык», так как болгары заимствовали церковный язык у моравов³⁶. Того же мнения придерживался Е. А. Болховитинов, который называл его «болгаро-моравским»³⁷.

Об интенсивности интереса к проблемам происхождения русского и церковнославянского языков и путей их развития в прошедшие века, к задачам формирования

литературного русского языка как «орудия словесности» свидетельствует целый ряд конкурсных заданий, выдвинутых различными научно-литературными обществами. Среди них, например, такие: показать причины изменения русского языка и влияние, полученное им от иностранных языков, как-то: польского, латинского, немецкого и французского; на каком языке написано «Слово о полку Игореве»: на древнем ли славенском, существовавшем в России до перевода книг св. писания, или на каком-нибудь областном наречии; показать изменения российского языка от древнейших времен до восемнадцатого столетия; существует ли еще подлинный словенский-коренной язык и где существует оный и др.³⁸

Ряд статей в «Трудах» московского Общества любителей российской словесности свидетельствует о разработке этой тематики членами общества (например, статьи В. В. Капниста, К. Ф. Калайдовича, Н. А. Полевого). Представляет интерес статья Н. А. Полевого «О древнем языке словенском» (1823 г.)³⁹, в которой он проводит идею о необходимости исторического подхода к изучению языка. Полевой верно указывает, что историческое изучение русского языка невозможно без правильного понимания законов праславянского. Однако его представления о праславянском языке еще очень сбивчивы. Он считает, что в V и VI вв. все славяне, будучи кочевниками, еще пользовались общеславянским языком. В IX в. произошло разделение на племена, перешедшие к оседлому образу жизни, и «коренной» язык также разделился на отдельные наречия и перестал существовать как единое целое.

Н. А. Полевой высказывает предположение, что «не первобытный, общий язык словенский, но какое-нибудь из наречий тех племен, которые произошли от первобытного народа словенского и имели в то время свои особенные названия», лег в основу церковнославянского языка, а именно древнесербское наречие. Однако он считает, что это язык искусственный, книжный, а не тот, которым пользовались в общегитии и тем более не праславянский. Более важной задачей он считает не составление грамматики только церковнославянского языка, а сравнительной грамматики «коренного славянского языка», на котором говорили наши предки, основываясь не только на изучении языка древних книг церковных, но и привлекая более широкий круг источников. «Не в книжном

языке, который сотворен Кириллом и Мефодием, заключаются для нас основные законы коренного славянского языка, но в древнейших народных памятниках, которых недостаток может подкрепить ученое соображение нынешних отраслей языка славянского, то есть языков сербского, богемского и проч.» К таким памятникам, в которых можно найти «следы языка народного», относятся летописи, грамоты, старинные песни, пословицы, поговорки, географическая номенклатура и т. д.⁴⁰

К проблеме происхождения церковнославянского языка обратился журнал «Библиографические листы», который начал выходить в 1825 г. Журнал издавался П. И. Кеппеном, прогрессивным общественным деятелем, одним из первых русских славистов. Целью его журнала было «знакомить соотечичей моих с литературою других словенских народов (1825, № 1, с. II). Так, в своей статье он знакомит читателей с вышедшей в 1823 г. книгой И. Добровского «Кирилл и Мефодий, первые веропроповедники у словен» (на нем. яз.), где изложено мнение Добровского о том, «каким же языком писали Кирилл и Мефодий? Сопоставляя вкратце разные мнения, он, наконец, останавливается на том, что язык древнейшего перевода славянской библии есть старинное сербско-болгарско-македонское наречие. Моравский же язык принадлежит к наречиям западных словен, весьма отличающихся от восточных»⁴¹. Кеппен замечает по этому поводу: «Мы уверены, что и в противоположных мнениях недостатка не будет, и охотно принимаем на себя обязанность доводить до сведения наших читателей то, что и впредь по сему предмету покажется нам достойным их внимания»⁴². Сам П. И. Кеппен, хорошо знакомый и с мнением А. Х. Востокова, которое он разделял, и с мнением И. Добровского (с самим Добровским он познакомился во время своего длительного путешествия по славянским странам в 1821—1824 гг.), считает нужным пояснить его точку зрения: «Если г-н Добровский именует оный сербско-болгаро-македонским, то он понимает язык всех вообще юго-восточных задунайских словен, чистый, без примеси еще иноплеменных речений».⁴³ В дальнейшем, с открытием ряда новых памятников старославянской письменности, с палеографическим и лингвистическим их изучением возник целый комплекс проблем, получивших в науке название кирилло-мефодиевской проблематики.

Развитие русского славяноведения сдерживалось отсутствием необходимых научных пособий по изучению славянских языков, грамматик, словарей⁴⁴. Словарь польского языка С.-Б. Линде, словарь и грамматика сербского языка В. С. Караджича (1814, 1818, 1824 гг.), словацкий словарь и грамматика А. Бернолака (1817, 1825—1827 гг.) были в России редкостью. «Грамматика церковнославянского языка» (Institutiones linguae slavicae dialecti veteris, 1822) И. Добровского в 1825 г. появилась в переработке И. Пенинского (к этому времени в результате открытий А. Х. Востокова она уже в значительной мере устарела)⁴⁵. П. И. Кеппен, специально знакомящийся во время своего путешествия по славянским странам с различными славянскими грамматиками и словарями⁴⁶, предполагал в своем журнале после опубликования «Списка первопечатным словенским книгам» (т. е. того, что, по его мнению, предшествует созданию словарей и грамматик) дать подробную «ропись существующих поныне грамматик и словарей разных славянских наречий», но этому помешало закрытие журнала. В «Библиографических листах» он помещал в разделе «Иностранная литература» известия о появлении всех наиболее значительных изданий по славянским языкам (о работах С.-Б. Линде, В. Караджича, Х. К. Мронговиуса, Мучковского и др.). Краткий обзор грамматической литературы по русскому, польскому и чешскому языкам был дан в статье М. Т. Каченовского «Исторический взгляд на грамматику славянских наречий» (1817 г.)⁴⁷. С польской словесностью и языком знакомил читателей журнал В. Г. Анастасевича «Улей» (СПб., 1811—1812 гг.).

Однако практическое знакомство со славянскими языками было также весьма слабым. В статьях, касавшихся некоторых современных славянских языков, затрагивались в основном вопросы истории славянских литератур, различных литературных направлений или отношения этих языков к церковнославянскому.

В большинстве случаев о живых славянских языках говорилось очень мало, в основном в работах статистико-этнографического характера. Намного шире были знания о сербском языке. Внимание к сербскому языку в значительной степени определяли не только споры о сербской основе церковнославянского языка, сколько деятельность замечательного сербского филолога и ис-

торика В. С. Караджича. Еще в период работы над «Опытом о русском стихосложении» (1812 г., доп. изд. 1817 г.) А. Х. Востоков познакомился с сборниками сербских песен Караджича (1814—1815 гг.). В 1818 г. В. Караджич выпустил первое издание своего словаря «Српски рјечник, истолкован њемачким и латинским ријечма» с приложением к нему вступительного очерка и краткой грамматики. Во вступлении он призывает сербов употреблять в «сербских книгах сербский язык». Стремясь привести в соответствие сербскую графику и правописание с народным сербским языком, он вводит новые знаки для обозначения специфических сербских звуков ђ, ћ, џ, њ, љ, ј (Первое обоснование своей орфографии Караджич дал еще в 1814 г. в «Писменице сербского языка») ⁴⁸.

Эта борьба В. С. Караджича за реформу сербского литературного языка на народной основе нашла отклик в русском обществе, которое также волновали вопросы формирования русского литературного языка. Приезд В. С. Караджича в Россию в 1818—1819 гг., его знакомство с такими писателями и учеными, как М. Т. Каченовский, Н. М. Карамзин, Н. И. Тургенев, Ф. Н. Глинка, А. Х. Востоков, П. И. Кеппен и др., также способствовало усилению внимания к сербской литературе и языку. В ряде журналов появляются статьи, рассматривающие работы В. С. Караджича и значение его языковой реформы ⁴⁹. Одной из первых была статья в журнале Вольного общества любителей российской словесности в 1819 г. ⁵⁰, в которой с большим пониманием и одобрением говорится об основных работах Караджича и высказывается пожелание, чтобы его работа послужила толчком к изучению народного языка и памятников письменности сербского народа. Автор статьи разделяет убеждение Караджича, что основой литературного сербского языка должен стать живой народный язык, вместо непонятного и искусственного славяносербского.

В 1819 г. положительная рецензия появилась в журнале «Благонамеренный», где в числе достоинств словаря указывается отражение в нем живой народной речи ⁵¹. Полную поддержку реформе Караджича оказал П. И. Кеппен в своем журнале «Библиографические листы» ⁵². Благоприятное освещение деятельности В. С. Караджича получила в «Вестнике Европы» М. Т. Каченовского (1819—1820 гг.), в «Московском телеграфе»

Н. Полевого (1827 г.)⁵³. Отрицательно отнесся к языковой реформе Караджича Н. Греч. В журнале «Сын отечества» (1824) появилась рецензия на вышедшие в 1823 г. в Лейпциге три тома «Сербских народных песен»⁵⁴, в которой излагалась положительная оценка, данная этому изданию «Геттингенскими учеными ведомостями» (1823, № 177—178). В основном присоединяясь к этому отзыву, Н. Греч резко выступает против новой орфографии В. С. Караджича, называя ее «чуждой и дикой для славян», способствующей разобщению русского и сербского народов. Греч в своей рецензии использовал аргументацию наиболее реакционной части сербского духовенства из окружения С. Стратимировича, которая всячески мешала осуществлению реформы Караджича и добивалась запрещения нового правописания.

Почти совсем не известен был в России болгарский язык. Первым дал положительные сведения о новоболгарском языке В. С. Караджич в словаре «Додатък към Санктпетербургским сравнительним рјечницима свију језика и нарјечија, с особитим огледама бугарског језика (Виена, 1822 г.)». «В. С. Караджичу мы обязаны первым небольшим собранием (285-ти) болгарских слов и (27-ми) народных песен, первыми опытами перевода св. писания и грамматическими о языке сем замечаниями», — пишет в «Библиографических листах» И. П. Кеппен (1825, № 40, с. 598—599), который и сам интересовался болгарским языком и его диалектами, понимая важность их изучения при решении вопроса о диалектной основе старославянского языка.

В России только с появлением трудов Ю. И. Венелина начинается научная разработка вопросов болгарского языка (события русско-турецкой войны 1828—1829 гг. поддерживали интерес русского общества к болгарскому народу, его истории и языку). Книга Ю. И. Венелина «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном и религиозном их отношении к россиянам...» (т. 1, М., 1829 г.) вызвала оживленную полемику в журналах 1829—1830-х годов. Несмотря на ошибочность предпосылок и выводов (о славянизме праболгар, о новоболгарском языке как наречии русского языка), книга Венелина сыграла положительную роль в привлечении внимания русских ученых к проблеме этногенеза болгар и широкому кругу других вопросов болгаристики.

Декабристы, основные пропагандисты и носители революционных и прогрессивных идей в русском романтизме, также обращались к вопросам языка. Лингвистические интересы их достаточно широки. Среди них вопросы происхождения русского языка, изучение русской грамматики, словарного состава и заимствований, проблемы национальной самобытности и связи языка с национальной историей и др.⁵⁵ А. А. Бестужев принимал участие в полемике с А. А. Шишковым (критика им речи Шишкова «О древности и превосходстве русского языка перед другими в звукоподражательном и логическом отношениях», 1821 г.). Отрицая тезис о тождестве церковнославянского и русского языков, Бестужев выступает и против метафизической и реакционной сущности самой концепции Шишкова⁵⁶. В. К. Кюхельбекер занимался вопросами русской фонетики, грамматики, проблемой происхождения русского языка. Наиболее ясно его взгляды по этим вопросам из дошедших до нас материалов изложены в его рецензии на грамматику церковнославянского языка И. Пенинского (1825 г.)⁵⁷ и в лекции о русской литературе и русском языке, прочитанной им в Париже в 1821 г.⁵⁸ В. К. Кюхельбекер основывается на характерной для декабристов романтической концепции происхождения государства у древних славян (идеализация республиканских начал древней общинной организации славян) и отражения в стихии национального языка национального духа, национальных черт народа (теория, выдвинутая Гердером и впоследствии развитая романтиками). Он говорит: «Рассматривая народ как существо духовного порядка, мы можем назвать язык, на котором он говорит, его душой, и тогда история этого языка будет значительнее, чем даже история политических изменений этого народа, с которыми, однако же, история его языка тесно связана. История русского языка, быть может, раскроет перед вами характер народа, говорящего на нем. Свободный, сильный, богатый, он возник раньше, чем установилось крепостное рабство и деспотизм, и впоследствии представлял собою постоянное противоядие пагубному действию угнетения и феодализма»⁵⁹.

Общим у декабристов было убеждение в том, что «дух свободы живуч в народах, которых он когда-либо одушевлял»⁶⁰. Идея «национального характера» как единой неизменяемой категории, идеалистическая в

своей сущности, интересовала декабристов в связи с разрабатывавшимися ими вопросами русской истории, происхождения и родства славянской семьи народов, общего в обычаях, обрядах, фольклорных традициях (учитывая главным образом политический аспект изучения этих вопросов). Оригинальной лингвистической концепции декабристы не создали, основной их вклад был сделан в области литературы и истории. Однако в целом изучение ими славянской проблематики носило прогрессивный характер, вовлекало в круг научных исследований новые источники (фольклор, топонимику, народные говоры), что свидетельствовало о наступлении нового этапа в развитии славянских изучений и стало характерным для следующего периода в развитии славяноведения.

Углубление интереса к изучению языка славян было связано также с потребностями исторической науки, которая искала в фактах языка подтверждения идеи общности исторических судеб славянства в целом. Все это нашло отражение и в новой постановке задач славистических исследований. Для дальнейшего развития славяноведения становится необходимым установление более точных генетических связей праславянского, старославянского, древнерусского, русского и всей славянской семьи народов, классификация и определение границ распространения живых славянских языков, определение родства славянской семьи языков с индоевропейскими и др.

Из сказанного видно, что русское славяноведение первой трети XIX в. развивалось в сложной зависимости от потребностей национальной культуры. Отражением потребностей и тенденций развивающейся национальной культуры в значительной мере служили и периодические издания, которые направляли и активизировали как научную мысль, так и общественное мнение. Отсюда следует, что журнальная полемика являлась важным фактором развития славяноведения и потому ее изучение имеет большое историографическое значение.

---

¹ См., например: Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. 339 с.; Славяноведение в дореволюционной России: Библиогр. словарь. М., 1979. 426 с.; *Смирнов С. В.* Русское и славянское языкознание в России (1-я половина XIX в.): Автореф. дис. ... д-ра фил. наук. Л., 1977. 35 с.; *Моисеева Г. Н.* Славистика в Рос-

- сии XVIII в.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов: VIII Междунар. съезд славистов. Загреб-Люблина, сентябрь 1978 г. М., 1978, с. 511—516; *Stúdie z dějin světové slavistiky do polovice 19. storočia*. Bratislava, 1978. 510 s.
- ² Библиографию основных работ по этому периоду см. в кн.: Славяноведение в дореволюционной России, с. 393—394.
- ³ *Здобнов Н. В.* История русской библиографии до начала XX в. 3-е изд. М., 1955, с. 257.
- ⁴ *Кравцов Н. И.* Романтизм в славянских литературах и фольклор.— В кн.: Проблемы сравнительного изучения славянских литератур. М., 1973, с. 166—172.
- ⁵ Вестн. Европы, 1815, № 24, с. 315—316.
- ⁶ *Татарнинова Л. Е.* Журнал «Московский телеграф» (1825—1834). М., 1959. 31 с.
- ⁷ *Познанский В. В.* Очерк формирования русской национальной культуры (1-я половина XIX в.). М., 1975. 223 с.
- ⁸ Эта тема требует специального исследования.
- ⁹ *Пугачев В. В.* Из истории русской общественно-политической мысли начала XIX в. (от А. Н. Радищева к декабристам).— Учен. зап. Горьк. ун-та. Сер. ист.-филол., 1962, вып. 57, с. 48.
- ¹⁰ *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958. 461 с.
- ¹¹ Вестн. Европы, 1829, № 17, с. 3—15; № 18, с. 94—121.
- ¹² Моск. телеграф, 1825, № 15, с. 234—243; 1827, № 23, с. 207—220; 1829, № 12, с. 467—500.
- ¹³ Там же, 1829, № 19, прилож.
- ¹⁴ Вестн. Европы, 1819, № 20, с. 277—302; 1820, № 17, с. 30—37; № 18, с. 99—118.
- ¹⁵ Там же, 1820, № 17, с. 32.
- ¹⁶ Об этой полемике см.: *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959, с. 77—98.
- ¹⁷ Вестн. Европы, 1807, № 8, с. 285—287.
- ¹⁸ *Шишков А. С.* Опыт рассуждения о первоначалии, единстве и разности языков, основанный на исследовании оных.— Изв. Российской академии, 1817, № 5, с. 4.
- ¹⁹ *Шишков А. С.* Продолжение исследований корней: корень мал и корень пин.— Изв. Российской академии, 1818, № 6, с. 33—34. Ср.: *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, т. 1, с. 675—678.
- ²⁰ См.: *Виноградов В. В.* Язык Пушкина: (Пушкин и история рус. лит. яз.). М.; Л., 1935, с. 60—75.
- ²¹ *Шишков А. С.* Рассуждение о красноречии священного писания, и о том, в чем состоит богатство, обилие, красота и сила российского языка, и какими средствами оный еще более распространить, обогатить и усовершенствовать можно. СПб., 1811, с. 44—49.
- ²² *Шишков А. С.* Опыт рассуждения о первоначалии, единстве и разности языков, основанный на исследовании оных.— Изв. Российской академии, 1822, № 10, с. 174.
- ²³ См.: *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, с. 195—201; *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России, т. 1, с. 689—715.
- ²⁴ Вестн. Европы, 1809, № 3, с. 193—210; № 5, с. 3—19; № 6, с. 98—119.
- ²⁵ Там же, 1809, № 6, с. 108.
- ²⁶ Там же, с. 109.
- ²⁷ Там же, 1811, № 12, с. 285—305; № 13, с. 34—57; 1812, № 6, с. 117—130; № 7, с. 195—217.

- 28 Там же, 1812, № 6, с. 121—122.
- 29 Там же, 1811, № 13, с. 34.
- 30 Там же, с. 54.
- 31 Там же, 1816, № 19/20, с. 241—263. В конце текста крипт.: К.
- 32 Там же, 1816, № 19/20, с. 248—249.
- 33 О сербском происхождении церковнославянского языка говорится в ряде статей, помещенных в «Вестнике Европы». Укажем некоторые из них: *Каченовский М. Т.* Исторический взгляд на грамматику славянских наречий (1817, № 11, с. 186—208); Известие о словаре немецко-сербском (1817, № 21, с. 42—49); О сербских народных песнях, (1820, № 14, с. 112—129; № 15, с. 208—216); *Фатер И.* О происхождении русского языка и о бывших с ним переменах (1823, № 2, с. 113—128; № 3—4, с. 252—261; № 5, с. 29—51; № 7, с. 195—203, 237—239; № 9, с. 14—23, 77—79); В последней статье дается краткая сводка всех мнений о происхождении церковнославянского языка.
- 34 *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России, с. 726.
- 35 *Срезневский И. И.* Обзорение научных трудов А. Х. Востокова, между прочим и неизданных.— В кн.: Востоков А. Х. Филологические наблюдения. СПб., 1865, с. XVIII—XIX.
- 36 *Калайдович К. Ф.* О древнем церковном языке славянском.— Тр. О-ва любителей рос. словесности, 1822, ч. 2, с. 57—71.
- 37 *Караджич В. С.* Письмо от сербского литератора Вука Стефановича к Дмитрию Фрушичу, доктору медицины.— Вестн. Европы, 1823, № 10, с. 103; *Симони П. К.* Мнение митроп. Евгения (Болховитинова) о русских наречиях, изложенное в частном письме к акад. П. И. Кеппену. 1 окт. 1820 г.— Известия Отд-ния русского яз. и словесности АН, 1896, т. 1, кн. 2, с. 396—399.
- 38 *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России, с. 745—746.
- 39 *Полевой Н. А.* О древнем языке словенском.— Тр. О-ва любителей рос. словесности, 1824, ч. 4, с. 34—39; ср.: *Булич С. К.* Очерк истории языкознания в России, с. 797—802. М. П. Погодин выступил с критикой этих взглядов Н. А. Полевого в журнале «Московский вестник» (1828, № 5, с. 77—79).
- 40 *Полевой Н. А.* О древнем языке словенском, с. 39.
- 41 Библиогр. листы, 1825, № 8, стб. 116.
- 42 Там же.
- 43 Там же, № 10, стб. 145. Сам Кеппен назвал этот язык «словено-болгарским».
- 44 Библиографический обзор статей, появившихся в печати в первую треть XIX в., см. в ст.: *Калоева И. А.* Изучение южных славян в России в конце XVIII — начале XIX в.— Тр. 6-ки АН СССР и Фундамент. 6-ки обществ. наук АН СССР, 1963, т. 7, с. 170—210.
- 45 Подробную рецензию на эту работу дал А. Х. Востоков в «Библиографических листах» (1825, № 25, стб. 349—359).
- 46 См. об этом его дневниковые записи, хранящиеся в ЛО ААН (ф. 30, оп. 1, д. 137—140).
- 47 Тр. О-ва любителей рос. словесности, 1817, ч. 9, с. 17—46.
- 48 См.: *Ивић П. О* Вуковом Рјечнику из 1818 године: Посебан отисак. Београд, 1966. 21 с.
- 49 См.: *Гольберг М. Я.* Труды Караджича в оценке деятелей русской культуры первой половины XIX в.— Прилози за книжевност, језик, историју и фолклор, 1964, кн. 30, св. 3—4, с. 191—209; *Дмитриев П. А., Сафронов Г. И.* Из истории русско-югославянских литературных и научных связей. Л., 1975, с. 113—139.

- ⁵⁰ Тр. О-ва любителей рос. словесности, 1819, ч. 6, с. 226—228.
В. Н. Зыкин считает автором этой статьи П. И. Кеппена. См.: *Зыкин В. Н.* Вук Караджич и русская наука. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1949, с. 171—176.
- ⁵¹ Благонамеренный, 1819, № 6, март, с. 381—382.
- ⁵² Библиогр. листы, 1825, № 18, стб. 259—260.
- ⁵³ Моск. телеграф, 1827, ч. 13, с. 137—150.
- ⁵⁴ Сын отечества, 1824, № 26, с. 241—249.
- ⁵⁵ *Азадовский М. К.* Затерянные и утраченные произведения декабристов.— Литературное наследство, 1954, т. 59, с. 728.
- ⁵⁶ *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX в., с. 330—332.
- ⁵⁷ *Кюхельбекер В. К.* Разбор «Славянской грамматики» г. Пенинского и «Истории древней» г. Арсеньева.— Благонамеренный, 1825, № 37/38, с. 335—336.
- ⁵⁸ Литературное наследство, 1954, т. 59, с. 374—380.
- ⁵⁹ Там же, с. 374.
- ⁶⁰ *Фонвизин М. А.* Обзорение проявлений политической жизни в России. М., 1907, с. 6.

И. В. ЧУРКИНА

РУССКО-СЛОВЕНСКИЕ НАУЧНЫЕ СВЯЗИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Русско-словенские научные связи не были еще специальным предметом исследования, хотя в той или иной степени они затрагивались в некоторых работах. Главным образом исследователи касались взаимоотношений между первыми русскими славистами и замечательным словенским ученым Ернеем Копитаром. Об этом писал русский А. А. Кочубинский и хорват Ватрослав (по-русски Игнатий Викентьевич) Ягич¹. Кочубинский делал акцент на личных взаимоотношениях между Копитаром и русскими учеными, всячески подчеркивая его двойственное, внешне любезное, а втайне неблагожелательное отношение к славистам из России. Объективные плоды их сотрудничества Кочубинский характеризовал мимоходом, хотя именно они и являлись главным. В том же ракурсе рассматривал русско-словенские научные связи И. В. Ягич.

Не случайно оба ученых основное внимание уделяли Копитару. Е. Копитар в первой половине XIX в., несом-

ненно, стоит в центре русско-словенских научных связей. Блестящий ученый с острым критическим умом, он совместно с великим чешским ученым Й. Добровским находился у истоков славяноведения. Большое научное значение имела «Грамматика славянского языка в Крайне, Каринтии и Штирии», издана Копитаром в 1808 г. По словам видного русского слависта Т. Д. Флоринского, труд этот составил эпоху в изучении словенского языка и оказал значительное влияние на выработку словенского литературного языка². Кроме грамматики, Копитар издал ряд важных для славистики документов. Наконец, важной заслугой Копитара перед славяноведением явилась оценка им с позиций строго научной критики работ по славянскому языкознанию, казавшаяся многим его современникам предвзятой.

Развитию славистики Копитар способствовал не только своими научными изысканиями, но и той поддержкой, которую он оказывал другим славистам, например Ф. Миклошичу, В. Караджичу.

Многие крупные ученые Европы вели переписку с Копитаром: чехи Й. Добровский и Ф. Палацкий, словаки П. Й. Шафарик и Я. Коллар, поляки С. Б. Линде и Л. Мушицкий, русские П. И. Кеппен и А. Х. Востоков, немцы В. Гумбольд, Я. Гримм, Л. Ранке.

Политические взгляды Копитара отличались консервативностью³. Он недоброжелательно относился не только к представителям прогрессивного направления в словенском национальном движении, но и к тем деятелям славянских народов Австрии, которые в борьбе за национальные права своих народов ориентировались на Россию.

Общая неприязнь Копитара к России не могла не сказаться на его отношении к русским ученым. И все же именно Копитар стал тем словенским ученым, который сумел установить первые связи с русскими славистами. Еще в 1811 г. он познакомился с президентом Российской Академии наук графом Н. Н. Новосильцевым и вместе с ним осматривал библиотеку графа Оссолинского. Как сообщал Копитар в письме к Й. Добровскому в июле 1812 г.⁴, Новосильцев вел с ним разговоры об обмене книгами, которые, однако, остались без последствий.

В 1822 г. встреча Копитара с П. И. Кеппеном положила начало его постоянным связям с русскими учеными, прежде всего с самим Кеппеном и А. Х. Востоковым.

И тот и другой являлись членами кружка Н. П. Румянцева, много сделавшего для собирания и издания памятников древнерусской и старославянской письменности. П. И. Кеппен был очень энергичный и любознательный человек, вклад которого в русскую славистику заключался прежде всего в активной организаторской деятельности. Он стал издателем и редактором первого органа русского славяноведения — «Библиографических листов», объединивших вокруг себя лучших славистов Европы, содействовал публикации важного памятника древнеславянского языка — «Фрейзингенских отрывков».

Научные основы русской славистики заложил А. Х. Востоков. Серьезный и вдумчивый ученый, он в условиях крепостнической России первой половины XIX в. не только стоял на уровне лучших достижений европейской славистики, но в ряде вопросов даже превзошел их.

Результаты сотрудничества Е. Копитара с П. И. Кеппеном и А. Х. Востоковым были достаточно плодотворны. К ним относится и ряд научных материалов по словенскому языку, помещенных в «Библиографических листах», и издание старейших памятников славянского языка («Фрейзингенские отрывки», «Глаголита Клоцианус», «Супрасльская рукопись») ⁵.

Е. Копитар не одинаково относился к обоим своим русским корреспондентам. С П. И. Кеппеном, научные познания которого он ставил невысоко, он вел сугубо деловую переписку, касавшуюся большей частью книгообмена. В то же время А. Х. Востокова Копитар очень ценил и уважал как ученого, и переписка с ним, продолжавшаяся до смерти Копитара, носила значительно более разнообразный характер.

Важным рубежом в развитии русско-словенских научных связей явились поездки по славянским землям в конце 1840 — первой половине 1841 г. русских славистов П. И. Прейса, И. И. Срезневского и Н. И. Надеждина.

П. И. Прейс был одаренным славистом. Перед отъездом за границу он в течение года занимался с А. Х. Востоковым. Ему удалось просмотреть словари и грамматики многих славянских народов, в том числе и словенские, У. Ярника, А. Мурко, Ф. Метелко. Согласно плану путешествия по землям зарубежных славян, одобренному Востоковым, Прейс должен был посетить Вену, а затем Штирию, Каринтию, Крайну, Кроацию, Славонию и Италию. «Страны, где господствует наречие хорутанское,

должны особенно обратить на себя внимание путешественного, — отмечалось в плане. — Труды Копитара и других сделали это наречие чрезвычайно важным в отношении историческом и филологическом». В Вене предполагались не только встречи с Копитаром. В плане говорилось о намерении Прейса «воспользоваться руководством Копитара». Прейс думал также посоветоваться с Копитаром относительно своего путешествия по Италии⁶.

В плане отразилось уважение Востокова и Прейса к Копитару. Отрицательные высказывания чешских ученых о Копитаре поколебали одно время восторженное отношение Прейса к словенскому ученому. Однако личная встреча с Копитаром развеяла предубеждения Прейса. «К счастью моему, в Вене еще Вук и Надеждин и Копитар, — писал Прейс Срезневскому 22 марта 1841 г. — В обществе их мне очень приятно... Каждый день вижу с Вуком (и Копитаром)». Немного погодя Прейс с сожалением отмечал в письмах Срезневскому, что из-за болезни Копитара всего два-три раза виделся с ним и не мог с ним «говорить столько, сколько душа требовала»⁷.

Из словенских ученых, кроме Копитара, Прейса интересовал Урбан Ярник. По дороге из Вены в Триест русский славист предполагал завернуть в Целовец (нем. Клагенфурт), «чтобы познакомиться с Ярником, которому столько обязан»⁸. Прейсу удалось побывать в словенских землях, но, как сообщал он Куторге 19 мая 1841 г., «как мне ни было тяжело, но должно было спешить»⁹. От этого я не успел в этих странах (Штирии и Крайне. — И. Ч.) воспользоваться всем, чем бы можно было располагать»¹⁰. В словенских землях Прейс встречался с Метелко, о чем свидетельствует И. С. Аксаков, побывавший у последнего 20 лет спустя. Метелко показал Аксакову автограф Прейса, гласивший: «Вперед, чада Кирилла и Мефодия»¹¹.

Прейсу так и не удалось ничего написать о словенских землях, ибо спустя немного времени после возвращения из-за границы, в 1846 г., он умер.

Одновременно с Прейсом по словенским землям путешествовал и Н. И. Надеждин, одаренный человек, выступавший и как историк, и как филолог, и как этнограф, и как журналист. В 1831—1836 гг. он издавал журнал «Телескоп», закрытый после публикации «Философических писем» Чаадаева. В этом журнале Надеждин помещал свои обширные критические статьи о русской лите-

ратуре, явившиеся крупным шагом вперед в развитии русской литературной критики. В этом отношении, по мнению Н. Г. Чернышевского, он был непосредственным предшественником и учителем В. Г. Белинского¹². Будучи монархистом, Надеждин тем не менее относился критически к российским порядкам, ратовал за просвещение¹³.

Славянская тематика давно интересовала Надеждина, в «Телескопе» он не раз публиковал статьи о славянских делах. В 1836 г. Надеждин перепечатал в «Телескопе» из «Часописа чешского музея» за 1833 г. работу П. Й. Шафарика «Обозрение новейшей литературы иллирийских славян», в которой значительное внимание было уделено словенской литературе.

С сентября 1840 г. по сентябрь 1841 г. Надеждин путешествовал по южнославянским землям. Зиму он провел в Вене, где особенно близко сошелся с Копитаром и Караджичем. «Богатые сокровища Императорской библиотеки были отворены мне радушием известного Копитара,— вспоминал позднее Надеждин.— Поучительные беседы этого маститого Нестора славянской филологии и палеографии я причисляю к лучшим приобретениям моего странствования»¹⁴. Весной Надеждин выехал из Вены в Триест через Штирию и Крайну. Обе эти провинции приятно удивили его. Надеждин отмечал, что в них, особенно в Крайне, «славянская жизнь не только звучит в народном слове, но, можно сказать, осязаема во всех мелочах домашнего быта. Особенно вокруг Лейбаха, по славянски Любляны, можно позабыть и подумать, что находишься на нашей родной Руси: так поразительно сходство крайнской ветви великого славянского семейства с русскою!»¹⁵. Это же Надеждин подчеркивал и в своем отчете, в котором с удивлением указывал на совершенно идентичное строительство изб у краинцев и русских¹⁶. Надеждина интересовал прежде всего сербский язык. Словацкий и краинский (словенский) языки занимали его, по его же словам, «преимущественно в их отношении к нашему отечественному языку, к языку русскому»¹⁷.

Изучение славянских языков, сравнение их с русским привело Надеждина к новым выводам о месте, которое русский язык занимает в общей системе славянских языков, и о его особенностях по отношению к другим славянским языкам. Эти наблюдения Надеждин сообщил Ко-

питару, а тот попросил Надеждина написать статью. Статья была написана русским ученым в виде рецензии на издание Копитара «Гезихиев эпиглоссист», вышедшее в свет в 1839 г. «Я написал эту рецензию по вызову самого г. Копитара,— указывал Надеждин,— однако этот патриарх славянского языкознания нашел ее столь любопытною, что взял у меня для препровождения в один из немецких ученых журналов»¹⁸. Статья была опубликована в 1841 г. в 95-м томе издания «Wiener Jahrbücher für Literatur». Копитар высоко оценил труд Надеждина. В письме к Ганке от 31 октября 1841 г. он советовал ему прочесть статью Надеждина. «Его введение о Ш,— отмечал словенский ученый,— как и все другое, я имел право найти поверхностным, но его выводы о русском диалекте являются новыми и оригинальными. Он очень ученый русский»¹⁹. Такое высокое мнение Копитар имел, пожалуй, из русских ученых только о А. Х. Востокове.

Надеждин считал, что Закарпатская Украина (Закарпатская Русь, как он ее называл), существовала еще до прихода венгров, т. е. до X в. н. э. В этом мнении его поддерживал безоговорочно Шафарик и с оговоркой — Копитар. Надеждин и позднее отзывался о Копитаре с большим почтением, считая его наряду с Шафариком и Добровским одним «из неутомимых исследователей и глубоких знатоков славянской палеографии»²⁰. Но, высоко ставя Копитара, Надеждин видел и его слабые стороны. Он говорил об односторонности исторического верования Копитара²¹, несомненно имея в виду прежде всего его паннонскую теорию²².

Однако больше всего внимания словенским землям из русских ученых, путешествовавших в Австрийской монархии в 1840—1841 гг., уделил И. И. Срезневский (1812—1880). В 30-е годы он с увлечением занимался украинской этнографией, ознакомился с несколькими славянскими языками: кроме русского и украинского, он читал по-польски, по-словацки, по-чешски и по-сербски. При посылке за границу ему была дана Министерством народного просвещения инструкция зимой изучать славянские книги и рукописи в библиотеках городов, а летом совершать пешеходные путешествия по славянским землям. И Срезневскому удалось выполнить предъявленные ему весьма сложные требования «благодаря природным дарованиям, опытности, приобретенной в работах по украинской этнографии и сохранившемуся до последних

лет его жизни уменню легко и попросту сходиться со всяким без различия его общественного положения»²³.

Срезневский составил обширную программу путешествия по славянским землям, которую благодаря своей замечательной энергии и настойчивости сумел выполнить. Он посетил Прагу, Брно, Силезию, земли лужицких сербов, несколько раз побывал в Вене, а затем отправился в словенские земли. Как и все русские слависты, в Вене Срезневский познакомился с Копитаром и Караджичем. И если с последним Срезневский очень подружился, то с Копитаром у него сложились холодные, даже неприязненные отношения²⁴. Однако Срезневский старался исполнять его просьбы. Так, в письме от 29 апреля 1841 г. Копитар просил Востокова поблагодарить Срезневского за присылку ему каталога славяно-русских рукописей Захарова из Клагенфурта²⁵.

По возвращении из словенских земель Срезневский снова встретился с Копитаром. Его рассказ о Резьи вызвал скептическое недоверие словенского ученого. В письме к Ганке от 31 октября Копитар отмечал, что из всех русских Срезневский понравился ему менее всего. «Ваш Измаил порядочный лгун,— писал он...— так, он видит в долине Резьи родину первых переселенцев из России»²⁶.

Спустя много лет после смерти Копитара, когда сам Срезневский стал уже известным ученым-славистом, он дал довольно объективную оценку словенскому ученому. «Копитар бесспорно принадлежит к числу самых заслуженных филологов славянских,— писал Срезневский в 1857 г. по поводу издания его произведений Миклошичем.— Несмотря на небольшое количество капитальных трудов, Копитар опубликовал много статей и статей, произведений неподдельной учености и вместе такого вечно живого остроумия, что очень многим из них нельзя не дорожить и теперь». И не потому, что в них нет ошибок, но потому, что «он всегда открывал для ученых соображений что-нибудь новое, достойное соображений и расследования, понимал нужды науки». Срезневский высказал небезынтересное предположение, что Копитар не брался за большие труды, а исследовал только частные вопросы, так как понимал слабость своих средств (т. е. источниковедческой базы.— *И. Ч.*) «Жизнь его прошла не даром,— заключал Срезневский,— он вызывал других на труды, возбуждал к исследованию, помогал в работах и словом и делом»²⁷.

Путешествие Срезневского по словенским землям, предпринятое весной 1841 г., столкнуло его со многими словенскими учеными и национальными деятелями. Круг знакомств Срезневского среди словенцев был значительно шире, чем у других русских ученых, как правило, ограничивавшихся встречами с Копитаром, иногда с У. Ярником или Ф. Метелко. Уже в Граце (словен. — Градец) Срезневский искал встречи с профессором словенского языка в Грацком университете К. Квасом. И хотя Срезневский и писал матери, что ему не удалось его увидеть²⁸, свидание с Квасом все же состоялось, ибо в архиве Срезневского имеется автограф Кваса от 3 марта 1841 г.: «Смелой, счастливой, долгой жизни, многих друзей, славу Вашим трудам на пользу славянского народа, Вам, благородный господин Срезневский»²⁹. В своих неопубликованных путевых заметках Срезневский так отзывался о Квасе: «Квас предобрый человек, понимает по-русски, по-польски, желал бы посвятить себя ...своему предмету, но не может, времени не имеет»³⁰. Квас обещал познакомить Срезневского со своими друзьями Мурко и Дайнко. Антон Янез Мурко, штирийский словенец, близкий в 30-е годы к иллирам, издал словенскую грамматику, а также словенско-немецкий и немецко-словенский словари. Граматику Мурко одобрили Копитар и Прешерн. Срезневский встретился с Мурко 4 марта, как указывает датировка на автографе Мурко Срезневскому³¹. В разговоре с русским ученым он высказал желание вновь издать свою грамматику³².

В Мариборе Срезневский встретился с пламенным славянским патриотом д-ром Пуффом. Вместе с Пуффом он ездил к пастору Цветку и записывал от его служанки словенские песни. Уже при первых встречах со словенцами Срезневский отметил близость русского языка словенскому. Это замечали и словенцы. Так, служанка Цветка, по словам Срезневского, хохотала от удовольствия, «что понимает человека, приехавшего сюда из-за 300 миль»³³. Позднее, путешествуя с Вразом по Крайне в районе Метлики, Срезневский удивился легкости, с которой местные жители понимали его русскую речь³⁴.

После Марибора Срезневский побывал в Великой недели у автора словенской грамматики священника Дайнка. «Принят я был по-славянски, и собираю, что можно, в свой портфель». По-видимому, уже из бесед с К. Квасом, другом Дайнко, Срезневский узнал о трагедии этого

словенского филолога. По словам русского ученого, Дайнко мечтал посвятить себя словенской литературе, но не мог, так как его азбука и грамматика были запрещены властями (не без содействия Копитара). «А от Дайнко можно было ожидать многое: он любит народ, изучает его, знает, и все еще продолжает изучать... Грамматика его известна. Издание народных песен тоже стоит внимания»³⁵. Дайнко дал Срезневскому рекомендательное письмо к Людовиту Гаю³⁶. Очень гостеприимно приняли Срезневского словенские духовные лица в Птуе.

Из Штирии Срезневский отправился в Вараджин, затем в Загреб, а оттуда вместе с Вразом в Крайну и Горицу. Язык краинцев, особенно у Любляны, показался ему менее приятным, чем в Штирии. «Одна досада,— писал он,— когда я читаю краинскую книгу, понимаю почти все, разве какое-нибудь слово заставит задуматься, а слушаю, когда говорят, как ни слушаю, как ни вслушиваюсь, так разве десятое слово разберу. Ударение дивное, бо́льшая половина гласных проглочены, другие изменены... А язык, особенно когда говорит им хорошенькая Мицка, очень приятен для слуха»³⁷.

Срезневский все время работал, старался как можно больше общаться с народом. У Метлики он с Вразом слушал в небольшой кофейне песни девушек, старинные предания от стариков. «От 4 до 9,— отмечал он,— то и дело было, что записывать и рисовать»³⁸. В Любляне Срезневский и Враз бродили по люблянскому базару, в местечке возле Краля они заглянули в сельский кабачок, угостили крестьян вином, записывали от них народные песни и сказки. Срезневский слушал словенскую народную речь, улавливал ее изменения в разных районах. Все это помогло ему в дальнейшем сделать удачную классификацию словенских наречий.

В Любляне Срезневский попробовал основательно заняться словенским языком под руководством Ф. Метелко. Расписание его было очень уплотнено. «Время провожу тут вот каким порядком: одевшись, отправляемся пить кофе в кофейню к императору Австрийскому; оттуда в библиотеку, потом домой обедать,— писал он матери 9 апреля,— после обеда я иду к профессору Метелко и занимаюсь с ним краинским наречием,— потом опять в библиотеку, а вечер... каждый вечер проходит в том или другом кабаке, где собираются наши знакомые пить вино. Знакомые наши: д-р Прешерн (он лучший из живых

поэтов краинских), д-р Хорват — адвокат, библиотекарь, несколько профессоров»³⁹. Судя по автографам, сохранившимся в архиве Срезневского, кроме Прешерна, Хорвата и Метелко он был знаком в Любляне с одним из горячих люблянских иллиров А. Жакелем, с издателем «Краинской пчелки» Кастелицом⁴⁰. Кастелиц пожелал русскому ученому: «Здоровый, веселый, путешествуй кругом! От Урала до Триглава пусть несется твоя слава!». В автографе Срезневскому Прешерн писал: «Когда вернешься домой, сын неумирающей славы, вспомни братьев возле Савы»⁴¹.

Из Любляны через Крань Срезневский отправился в словенскую Каринтию, прежде всего в Целовец. Здесь его ждала встреча с Я. Зупаном⁴², одним из деятелей кружка «Краинской пчелки», сосланным в Каринтию за критику цензуры и полиции⁴³. «Толстый... веселый болтун, ученый, любящий поест и полакомиться сладким...— писал Срезневский о Зупане своей матери,— и, повторяю, очень ученый»⁴⁴. 8 апреля Срезневский прибыл в Мошбург, где жил в то время У. Ярник. У него русский ученый прогостил три дня. «Очень ученый и очень милый старик»,— отзывался о нем Срезневский⁴⁵. Ярник работал над сравнительной грамматикой славянских языков, именно поэтому Срезневский не пожалел времени для знакомства с ним и с его трудами. Позднее, спустя несколько лет после смерти Ярника, Срезневский сожалел, что этот труд Ярник взял на себя в старости и при том «без намерения удержаться в границах простого сведения фактов, а с надеждою высказать и свои собственные убеждения». «Ознакомясь лично с некоторыми частями этого труда,— писал Срезневский,— я могу свидетельствовать, что труд Ярника был очень замечательным явлением в области славянской филологии. В нем не было забыто ни одно из славянских наречий, сделавшихся достоянием литературы, не были забыты даже и некоторые из наречий народных. Так, между прочим, занимаясь им как хорутанин, Ярник обращал особое внимание на свое родное наречие, на его каринтийский оттенок, еще почти совсем неисследованный и очень замечательный, и с помощью его думал объяснить некоторые любопытные свойства славянской фонетики, этимологии и синтаксиса, в той мысли, что в этом наречии долин, отделенных от треволнений света грядями гор, сохранилось много остатков древнего языка. Кроме того,

имея случай пользоваться некоторыми редкими рукописями глаголическими, он надеялся с пользою для сравнительного изучения славянских наречий, представить в своем труде грамматические извлечения из них, еще более любопытные для изучающего древности языка»⁴⁶.

После посещения Ярника Срезневский вернулся в Целовец, а оттуда поехал в приход святого Михаила в Рожке (Зильская долина). Этот уголок словенской Каринтии интересовал Срезневского, во-первых, потому, что «жители сохранили там более народности, нежели в других местах Хорутании (Каринтии)», во-вторых, его интересовал местный священник М. Маяр, выдающийся словенский просветитель и собиратель фольклора. По-видимому, это путешествие было предпринято не без совета Ярника, ближайшего друга и учителя М. Маяра⁴⁷. «В фаре (приход.—И. Ч.) я познакомился с капелланом Майером (т. е. Маяром.—И. Ч.), любителем и знатоком народности хорутанской, и провел с ним в разговорах и прогулках по очаровательному Рожню 23 (апреля.—И. Ч.)»,— писал Срезневский матери⁴⁸.

Спустя несколько лет Маяр, беседа с Душаном Ламблом, прогрессивным деятелем чешского национального движения и близким другом замечательной чешской писательницы Божены Немцовой (он писал под псевдонимом Вилим Душан), отзывался о Срезневском как об одном из образованнейших людей, с которыми он встречался. Два других, попавших в их число, были Станко Враз и сам Душан Ламбл⁴⁹. Тот же Ламбл, передавая слова Маяра, свидетельствовал, что Срезневский был потрясен красотой Зильской долины⁵⁰. В архиве Срезневского сохранились его заметки о Зильской долине. В них он отзывался о долине с восторгом. «Окруженные со всех сторон немцами, распространившимися с давних времен по горам и за горами около Зильской долины, жители твердо сохранили до сих пор свою оригинальность, гордившись ею,— писал о зиянах Срезневский...— Народ вообще рослый, красивый, здоровый... Занимаясь сельскою промышленностью с прилежанием и умением, они отличаются от своих соседей и богатством, и нравственностью, и набожностью их вошла в пословицу»⁵¹.

Срезневский не только разговаривал и гулял с Маяром, но и записал с его слов ряд песен местных жителей. Спустя десять лет, Срезневский опубликовал статью «Хорутанские песни из Зильской долины», целиком бази-

ровавшуюся на материалах, полученных при встрече с Маяром⁵².

После Зильской долины Срезневский посетил Бистрицу, отметив в письме к матери ее словенский характер, несмотря на немецкое окружение⁵³. Отсюда он направился в земли Венецианской Словении — в Резью и к словинам — и пробыл там несколько дней. О венецианских словенцах Срезневскому рассказал Враз. Кроме того, Срезневский несомненно читал «Славина» И. Добровского, где чешский ученый приводил свидетельство о резьянах армейского священника Антонина Пишеля, побывавшего в Резьянской долине в 1801 г.⁵⁴

В землях венецианских словенцев Срезневский активно знакомился с их нравами, обычаями, языком. Руководителем его в этом был приходской священник в селении Равенца в Резьи Одорико Буттоло, старик 73 лет, воодушевленный патриот своего края⁵⁵. Именно Буттоло рассказал Срезневскому о приходе в Резью русских солдат и о посещении ее графом Потоцким⁵⁶. Срезневский с большой симпатией описал резьян и словинов, две ветви венецианских словенцев, живущих в соседних долинах, подмечая общее и различное между ними. Так, резьян он характеризовал как красивых, здоровых людей, «нраву большею частью веселого и доброго, без сильных страстей», очень религиозных и во всем слушающихся своего священника⁵⁷. В то же время, описывая словинов, Срезневский отмечал их смелость, самоуверенность, доброту и гостеприимство, наряду с осторожностью, недоверчивостью и злопамятством. У словинов, сохранивших больше пережитков общинно-родового строя, чем резьяне, существовали еще задруги и остатки кровной мести. «Живут большими семьями, — писал о них Срезневский, — по несколько женатых сыновей или незамужних дочерей»⁵⁸. При всей религиозности словинов они, по наблюдениям Срезневского, отличались недоверчивостью к своим священникам, у них более сохранились обычай и навыки языческих времен, чем у резьян, а именно — праздники (иванов день, юрьев день — встреча весны и др.), песни, пляски, знание народной медицины⁵⁹.

Срезневского особенно заинтересовали предания резьян о том, что они пришли из России. С вопросом о возможности этого он обращался к Копитару и к С. Вразу. Враз ответил ему письмом от 12 июня 1841 г., в котором замечал: «Что резьяне пришли из России, как мне

думается, нельзя доказать историей, хотя некоторые стороны языка их говорят за это. Если они пришли из России, то это могло случиться, по крайней мере, в столетии, когда русские еще не приняли крещения»⁶⁰. Шафарик же считал, что легенда о приходе резьян из России возникла в связи с походом войск А. В. Суворова через Альпы⁶¹.

Впоследствии Срезневский обработал свои заметки о венецианских словенцах и опубликовал их сначала в 1842 г. в «Журнале Министерства народного просвещения», а затем в 1878 г. в виде отдельной книги «Фриульские славяне».

После венецианских словенцев Срезневский посетил Горицу, отметив фурано-итальянский характер городского населения, — только крестьяне, приходившие на рынок, говорили в Горице по-словенски⁶².

Таким образом, Срезневский обошел все словенские земли — от Штирии до Венецианской Словении. Он посетил Градец Штирийский (Грац), Марибор, Лимбуш, Птуй, Великую Неделю, Ормож, Метлику, Ново Место, Люблян, Крань, Накло, Целовец, Зильскую долину, Резьянскую долину, Горицу, Триест⁶³. Все эти места Срезневский большей частью обошел пешком, собирая народные песни и обычаи, записывая различные словенские говоры. Его спутниками и руководителями в этом путешествии были известнейшие словенские просветители и ученые того времени: Е. Копитар, А. Мурко, П. Дайнко, С. Враз, Ф. Метелко, Ф. Прешерн, У. Ярник, А. Зупан, М. Маяр и др. Они не только давали ему советы, но и знакомили с результатами своих филологических и этнографических разысканий. Все это дало возможность молодому русскому ученому составить себе определенное мнение о словенском языке и его говорах.

В 1841 г. Срезневский опубликовал статью, в которой давалась характеристика словенским наречиям⁶⁴. Отмечая большое их количество, Срезневский указывал: «Почти каждый приход отличается от другого или выговором некоторых букв, или употреблением тех или других слов». Причину такой раздробленности на диалекты Срезневский видел в недостатке народонаселения и промышленности в словенских землях, и в связи с этим — в недостатке сближения между разными частями народа. Поэтому язык развивался в разных местах по-своему, «время укрепляло, узаконяло местные отличия и еще не ус-

пело вследствие распространения промышленности и торговли, стереть их, а только кое-где смешало»⁶⁵.

Крупнейшие словенские филологи Ф. Нахтигал и Ф. Рамовш высоко оценили мысли Срезневского о причинах большого разнообразия словенских говоров. «Срезневский прямо по современному,— писал Нахтигал,— рассматривал положение и развитие народной жизни»⁶⁶. А. Рамовш подчеркивал, что Срезневский «единственный мог хорошо и точно указать на причины, которые создали разнообразие»⁶⁷.

Отметив разнообразие словенских диалектов, Срезневский с грустью констатировал: «Общего литературного словенского языка нет и не было. Каждый писатель писал и пишет своим местным наречием... Так действовали не только писатели, но и самые лексикографы и грамматики: Гутсман и Ярник — корушцы, Копитар и Метелко — краинцы, Мурко и Дайнко — штирийцы; это заметно, сколько ни желали они стереть со своего языка, со своих понятий о языке словенском местный колорит. Они сходятся между собою более всего в некоторых условиях правописания, но никто из них и не думал выговаривать так, как писал»⁶⁸. В этой статье Срезневский делил все словенские говоры на 18 наречий.

В 1845 г. Срезневский дал новое деление словенского языка на диалектические группы, сузив их число до 8: 1) верхнекраинская; 2) нижнекраинская; 3) среднекраинская; 4) хорутанская (каринтийская); 5) штирийская; 6) венгерская; 7) резьянская; 8) белокраинская.

Систематизация, данная Срезневским в 40-х годах XIX в., была принята учеными⁶⁹. Она признается и современными словенскими исследователями, положена в основу классификации словенского диалектолога Ф. Рамовша, создателя карты распространения словенских наречий⁷⁰. «Лучше всех понимал расчленение словенского языка Измаил Срезневский», — писал Рамовш⁷¹. Он же указывал, что для словенской диалектологии Срезневский «сделал столько, сколько никто до него и после него»⁷².

Давая оценку путешествия Срезневского по славянским землям, надо принимать во внимание не только то, что дало оно самому Срезневскому и через него развитию славистики, но и то, что общение с ним дало многочисленным славянским ученым⁷³.

Н. И. Надеждин, П. И. Прейс, И. И. Срезневский были последними русскими учеными, видевшимися с Копитаром. В августе 1844 г. Е. Копитар умер.

Закончился целый период русско-словенских научных связей, способствовавший становлению и развитию славистики как науки. Именно благодаря научным связям между русскими и словенскими учеными были изданы древнейшие славянские письменные памятники: Фрейзингенские отрывки (латинский), Глаголита Клоцианус (глаголический), Супрасльская рукопись (кирилловский). Нельзя сбрасывать со счета и тот факт, что встречи и беседы с Копитаром русских ученых, посланных в славянские земли, составили важную часть их славистического образования, многое дали для их становления как ученых.

Уже в начале 40-х годов Копитар потерял то исключительное положение в русско-словенских связях, которое занимал в течение двадцати лет. Это было следствием того, что в словенских землях выросла плеяда серьезных ученых, часть из которых не уступала по знаниям и таланту Копитару (например, его ученик Ф. Миклошич). Поездки Н. И. Надеждина, П. И. Прейса и особенно И. И. Срезневского показали это. И если два первых слависта еще очень много времени уделяли общению с Копитаром, то для Срезневского встречи с маститым словенским ученым явились одним из эпизодов, в то время как знакомство с Вразом, Метелко, Маяром, Ярником оказало на него значительно большее влияние. При этом надо иметь в виду, что именно Срезневский по сравнению с другими русскими учеными проявил наибольший интерес к словенским землям. После смерти Копитара ни один другой словенский ученый не занимал такого большого места в русско-словенских научных связях.

¹ *Кочубинский А. А.* Начальные годы русского славяноведения: Адм. Шишков и канцлер гр. Румянцев. Одесса, 1887—1888. 492 с.; *Ягич И. В.* Письма Добровского и Копитара в повременном порядке. СПб., 1885. VII, 751 с.; *Он же.* Новые письма Добровского, Копитара и других юго-западных славян. СПб., 1897. 928 с.

² *Флоринский Т. Д.* Лекции по славянскому языкознанию. Киев, 1895, ч. 1, с. 383.

³ *Ягич И. В.* Новые письма..., с. XXVII.

⁴ *Кочубинский А. А.* Начальные годы русского славяноведения..., с. 229.

- ⁵ Подробнее о сотрудничестве Копитара с Кеппенем и Востоковым см.: *Чуркина И. В. Е. Копитар и первые русские слависты.*— *In: Štúdie z dejín svetovej slavistiky do polovice 19. storočia.* Bratislava, 1978, s. 371—393.
- ⁶ *Прейс П. И.* Письма П. И. Прейса М. С. Куторге, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарыку, Куршату и др. (1836—1846), СПб., 1892, с. 17—19.
- ⁷ Там же, с. 51, 56, 58.
- ⁸ Там же, с. 57.
- ⁹ 1 мая 1841 г. Прейс должен был встретиться в Триесте с Княжевичем, Надеждиным, Срезневским и Караджичем, чтобы вместе с ними отправиться путешествовать по сербским землям.
- ¹⁰ *Прейс П. И.* Письма..., с. 58.
- ¹¹ *Аксаков И. С.* Дневник.— В кн.: Аксаков И. С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892, [ч. 1], т. 3, с. 115.
- ¹² *Чернышевский Н. Г.* Очерки гоголевского периода русской литературы.— Полн. собр. соч., М., 1947, т. 3, с. 146.
- ¹³ *Манн Ю. Н. И.* Надеждин — предшественник Белинского.— *Вопр. литературы*, 1962, № 6, с. 157.
- ¹⁴ *Надеждин Н. И.* Записки о путешествии по южнославянским странам.— *Журнал Мин-ва нар. просвещения*, 1842, № 2, с. 90.
- ¹⁵ Там же, с. 91.
- ¹⁶ *Надеждин Н. И.* Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по южнославянским землям.— *Зап. Одес. о-ва истории и древностей*, 1844, т. 1, с. 546.
- ¹⁷ *Надеждин Н. И.* Записки о путешествии..., с. 100.
- ¹⁸ Там же, с. 101.
- ¹⁹ *Ягич И. В.* Новые письма..., с. XX.
- ²⁰ *Надеждин Н. И.* Русская литература.— *Сев. пчела*, 1842, 7 апр., № 77, с. 307.
- ²¹ *Надеждин Н. И.* Записки о путешествии..., с. 103—105.
- ²² Согласно этой теории старославянский язык возник на базе языка паннонских славян, считавшихся предками словенцев. Паннонская теория вызвала возражения со стороны многих русских ученых. Окончательно она была опровергнута словенским ученым В. Облаком.
- ²³ *Срезневский В. И.* Краткий очерк жизни и деятельности И. И. Срезневского.— В кн.: Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Пг., 1916, кн. 1, с. 16.
- ²⁴ *Срезневский И. И.* Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель, 1839—1842. СПб., 1895, с. 185; *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910, с. 322.
- ²⁵ *Востоков А. Х.* Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке. СПб., 1873, с. 349.
- ²⁶ *Ягич И. В.* Новые письма..., с. XX.
- ²⁷ *Срезневский И. И.* Библиографические записки.— *Изв. имп. АН по отд. рус. яз. и словесности*, 1857, т. 6, л. 17—21, с. 322.
- ²⁸ *Срезневский И. И.* Путевые письма..., с. 187.
- ²⁹ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, д. 139.
- ³⁰ Там же, д. 19, л. 4.
- ³¹ Там же, д. 180.
- ³² Там же, д. 19, л. 2.
- ³³ *Срезневский И. И.* Путевые письма..., с. 192.
- ³⁴ Там же, с. 199.
- ³⁵ ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, д. 19, л. 4, 4 об.

- 36 *Ilešič F., Deželjč V.* Pisma d-ru Ljudevitu Gaju in neki njegova sa-
stava (1828—1850).— Carniola, Ljubljana, 1910, N 1, s. 265.
- 37 *Срезневский И. И.* Путевые письма..., с. 201.
- 38 Там же, с. 199.
- 39 Там же, с. 203—204.
- 40 ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, д. 198, 123, 137, 175.
- 41 Там же, л. 137.
- 42 Там же, д. 198.
- 43 *Legiša L., Slodnjak A.* Zgodovina slovenskega slovstva. Ljubljana,
1959, zv. 2, s. 69.
- 44 *Срезневский И. И.* Путевые письма..., с. 207.
- 45 Там же.
- 46 *Срезневский И.* Библиографические записки.— Изв. имп. АН по
отд. русского яз. и словесности, 1852, т. 1, л. 3—5, с. 58—59.
- 47 См.: *Чуркина И. В.* Просветительная деятельность М. Маяра в
40-е годы XIX в.— В кн.: Развитие капитализма и национальные
движения в славянских странах. М., 1970, с. 121.
- 48 *Срезневский И. И.* Путевые письма..., с. 207.
- 49 *Lambt D.* Zpomínke na Korutaný.— Poutník, Praha, 1847, god. II,
s. 371.
- 50 *Ibid.*, p. 373.
- 51 ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, д. 779.
- 52 См. кн.: Памятники и образцы народного языка и словесности
русских и западных славян. СПб., 1852—1856, тетр. 1—4, с. 125—
128.
- 53 *Срезневский И. И.* Путевые письма..., с. 207.
- 54 См.: *Шафарик П.-И.* О резиянах и фурляньских словинах.— Ден-
ница, 1842, № 9, с. 110.
- 55 *Срезневский И. И.* Фриульские славяне. СПб., 1878, с. 4.
- 56 Там же, с. 5.
- 57 Там же, с. 8, 10.
- 58 Там же, с. 18—20.
- 59 Там же, с. 23—25.
- 60 ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, с. 692.
- 61 *Шафарик П.-И.* О резиянах и фурляньских словинах, с. 113.
- 62 *Срезневский И. И.* Путевые письма..., с. 211.
- 63 См.: *Толстой Н. И.* О работах И. А. Бодуэна де Куртенэ по словен-
скому языку.— В кн.: И. А. Бодуэн де Куртенэ: (К 30-летию со
дня смерти). М., 1960, с. 73.
- 64 *Срезневский И. И.* О наречиях славянских.— Журнал Мин-ва нар.
просвещения, 1841, № 9, с. 1—29.
- 65 Там же, с. 4—5.
- 66 *Nahtigal R.* Uvod v slovansko filologijo. Ljubljana, 1949, s. 23.
- 67 *Ibidem.*
- 68 *Срезневский И. И.* О наречиях славянских..., с. 5—6.
- 69 См., например: *Флоринский Т. Д.* Лекции по славянскому языко-
знанию..., ч. 2, с. 503.
- 70 *Толстой Н. И.* О работах И. А. Бодуэна де Куртенэ по словенско-
му языку, с. 67.
- 71 *Ratovš F.* Karta slovenskih narečij v prigrlični izdaji. Ljubljana,
1957, s. 11.
- 72 См.: *Nahtigal R.* Uvod v slovansko filologijo..., s. 23.
- 73 *Францев В. А. И. И.* Срезневский и славянство.— В кн.: Памяти
Измаила Ивановича Срезневского. Пг., 1916, кн. 1, с. 165, 166.

ПЕРВЫЕ ОТЗЫВЫ О «ГРАММАТИКЕ
НЫНЕШНЕГО БОЛГАРСКОГО НАРЕЧИЯ»
Ю. И. ВЕНЕЛИНА

Жизнь и ученая деятельность Ю. И. Венелина, вписавшего свою страницу в начальную историю славяноведения в России, привлекает внимание исследователей и в наши дни. Из работ последнего времени следует выделить прежде всего обширную монографию «Ю. И. Венелин», которую Т. Байцура в 1968 г. опубликовала на украинском языке в Братиславе¹. В ней на основе данных, содержащихся в богатой литературе о Венелине, с привлечением сведений из многих еще не изданных архивных материалов подробно освещен жизненный путь ученого-слависта, охарактеризованы его труды и вклад в славяноведение. Однако некоторые важные факты, относящиеся к научной биографии Венелина, нуждаются в дальнейшем изучении. В существующей литературе о них имеются неполные и неточные сведения. К их числу относятся и первые отзывы на его «Граматику нынешнего болгарского наречия», о которых и пойдет речь в настоящей статье.

Венелин был первым русским ученым, совершившим в 1830 г. непродолжительное путешествие по болгарским землям. Одной из задач, которые ставились перед ним президентом командировавшей его Российской Академии, было «исследовать нынешний болгарский язык в синтетическом и аналитическом отношении, т. е., обозреть его грамматику, свойства слов, связь и отношения его к малорусскому, карпаторусскому и великорусскому наречиям»². Практическим результатом выполнения этой задачи должно было быть составление грамматики болгарского языка. Сам Венелин, касаясь впоследствии своего путешествия в Болгарию, писал, что ему «было поручено изучить болгарское наречие и составить его грамматику, так как на этом только наречии ее еще не было»³.

К поручению Российской Академии Венелин отнесся весьма серьезно и по возвращении в Москву осенью 1831 г. в течение нескольких лет трудился над составлением «Граматики нынешнего болгарского наречия». Он

хорошо сознавал важность своего труда и понимал, какое большое значение для развития науки и культурного возрождения болгар имел бы выход в свет его «Грамматики». «Труд этот (т. е. „Грамматика“.— Г. В.),— писал он,— был тем важнее и необходимее, что из всех славянских наречий одно болгарское не имело своей грамматики, о необходимости которой уже Шлецер давным-давно вопиял (см. Nordische Geschichte, с. 334)⁴, где утверждает, что „словарь и грамматика этого наречия должны заключать в себе много важного для решения исторических вопросов“. Можно бы еще прибавить, для решения вопроса относительно нашего церковного языка, о котором доселе носятся разные мнения. Но еще необходимее этот труд был потому, что бедная нация именно крайне нуждалась в грамматике своего наречия»⁵.

Нужно иметь в виду, что когда Венелин писал свою «Грамматику», у болгар еще не было своего описания родного языка, и ученые в начале 30-х годов могли судить о современном болгарском языке только по краткому очерку болгарской грамматики и текстам, содержащимся в книге Вука Караджича «Додатак к Санкт-петербургским сравнительным рјечницима» (Вена, 1822). Первая же грамматика болгарского языка — «Болгарска грамматика сега перво сочинена», составленная болгаринем Неофитом Рильским, увидела свет только в 1835 г., когда Венелин свою «Грамматику» уже написал и с нетерпением ждал решения ее судьбы в Петербурге. Но, как известно, этот труд Ю. И. Венелина так и остался в рукописи⁶.

«Грамматика нынешнего болгарского наречия» Венелина привлекала внимание многих ученых, которые по-разному оценивали ее место в истории славянского языкознания в России и ее роль (скорее возможную, поскольку она не была издана) в формировании болгарского литературного языка в эпоху национального возрождения болгар. Однако долгое время о «Грамматике» судили главным образом по тому, что писал о ней сам Венелин в брошюре «О зародыше новой болгарской литературы»⁷, а также в письмах к А. А. Краевскому и В. Априлову, опубликованных в самом конце XIX в.⁸ Впервые же на основе ознакомления с «Грамматикой» конкретные сведения о ней, ее содержании и другом сообщил в конце прошлого века И. Шишманов⁹, а подроб-

ную характеристику ее содержания по отдельным главам 30 лет назад дала М. В. Лунина¹⁰.

В настоящее время исследователи научной деятельности Венелина располагают достаточно подробными сведениями о содержании его работы и могут более основательно, чем прежде, судить о ее достоинствах и недостатках. Однако обстоятельства, касающиеся судьбы «Грамматики» при жизни ее автора, освещены в существующей литературе неполно. Имеется и немало фактических неточностей и неверных утверждений, относящихся, в частности, к рецензированию этого труда и его не состоявшемуся изданию. Ниже мы подробнее, с привлечением не публиковавшихся архивных материалов, рассмотрим обстоятельства появления первых двух отзывов на «Грамматику» и охарактеризуем отношение к ним самого Венелина.

В работах, касающихся «Грамматики нынешнего болгарского наречия» Венелина, до недавнего времени, как правило, упоминается только отзыв на нее акад. А. Х. Востокова, характеризующийся как единственный написанный при жизни Венелина отзыв. И. Шишманов писал, например, что «единственный, кто мог высказаться авторитетно и непосредственно о Грамматике, был Востоков»¹¹. Что касается авторитетности суждения, то Шишманов был прав: в России в 30-е годы XIX в. едва ли кто-нибудь другой из ученых мог оценить достоинства и недостатки труда Венелина лучше, чем Востоков. Однако в том, что Востоков был единственным ученым, который мог ознакомиться непосредственно с самой рукописью, Шишманов ошибался. Впрочем, эту ошибку допускают исследователи научной деятельности Венелина и в наши дни, когда пишут, что Востоков при жизни Венелина и Шишманов в конце XIX в. были единственными учеными, составившими отзывы о «Грамматике» на основании «личного ознакомления с рукописью»¹², или, что Востоков был «первым официальным рецензентом» этого труда¹³. При этом отзыв Востокова до публикации статьи Луниной был известен лишь по упомянутым выше брошюре и письмам Венелина. Луниной же дано только краткое изложение замечаний Востокова¹⁴.

В действительности «Грамматику» при жизни Венелина читали и оставили о ней отзывы и другие его современники. В сущности в обширной литературе о Венелине уже давно указывалось, что его труд, кроме Востокова,

рецензировали также в Московском университете и в так называемом Рассмотрительном комитете Российской Академии, однако сведения об этом не привлекли должного внимания исследователей, специально занимавшихся «Грамматикой». Показательно, что им остался неизвестным даже текст отзыва Рассмотрительного комитета, который был опубликован М. И. Сухомлиновым еще в 1887 г.¹⁵ Этот отзыв не указывает В. Н. Перетц в списке работ об отдельных трудах Венелина, опубликованном в 1897 г.¹⁶ Не знал о нем и Шишманов. И только в 1961 г. на публикацию отзыва Рассмотрительного комитета обратила внимание П. Филкова, которая кратко изложила и его содержание в статье о Востокове¹⁷.

Существующее мнение о Востокове как о первом рецензенте рукописи «Грамматики» Венелина также ошибочно. Это вытекает и из известных уже давно фактов. Так, Т. Байцура, назвав Востокова «первым официальным рецензентом» рукописи «Грамматики», в другом месте своей монографии пишет, что законченная в 1834 г. «Грамматика» была «послана на *рецензирование* (курсив наш.— Г. В.) в Московский университет в связи с вакансиями, открывшимися там на кафедре славистики»¹⁸. К Востокову же «Грамматика» поступила только в следующем (1835) году. О том, что «Грамматика» Венелина якобы рассматривалась историко-филологическим факультетом Московского университета, в литературе известно давно. Уже Бессонов писал, что «факультет отозвался о ней с одобрением»¹⁹. Давно также известно, что автором этого одобрительного отзыва, рассмотренного в университете, был И. И. Давыдов. Еще в 1896-г. А. А. Кочубинский писал, что Венелин в 1834 г. «представил в факультет свою рукописную грамматику болгарского языка, которая найдена «заслуживающею внимания», но — кем? — Профессором Давыдовым»²⁰. Через два года П. А. Лавров опубликовал официальное письмо секретаря Совета Московского университета Н. И. Надеждина к Венелину от 21 мая 1834 г., в котором говорилось, в частности, что Венелину возвращается «Грамматика нынешнего болгарского наречия с присовокуплением, что она найдена г. профессором Давыдовым заслуживающею внимания»²¹. Это же письмо полностью цитирует, со ссылкой на Лаврова, и Байцура²².

Сохранившиеся архивные документы позволяют осветить вопрос об отзыве Давыдова полнее, чем это известно в настоящее время.

В 1835 г. в Московском университете, как известно, должна была открыться кафедра «истории и литературы славянских наречий». Автор ряда научных трудов по истории славян, совершивший к тому же ученое путешествие по Болгарии, Венелин рассматривался некоторыми профессорами Московского университета (прежде всего М. П. Погодиным²³) как возможный претендент на занятие открывавшейся вакансии. По их совету, Венелин 14 марта 1834 г. обратился в Совет Университета с предложением «своих услуг по части славянских наречий», а в подтверждение того, что обладает необходимой научной подготовкой в этой области, представил Совету свою «Грамматику». Сам Венелин в черновом письме конца 1837 г. указывает, что его труд было «поручено рассмотреть факультету»²⁴. В действительности, однако, Совет университета в тот же день, 14 марта 1834 г., поручил составить отзыв о «Грамматике» не факультету, а лично И. И. Давыдову «как профессору российского языка», с тем, чтобы по получении его «приступить к рассуждению о возможности и средстве поручить преподавание славянского языка г. Венелину»²⁵.

Во исполнение этого решения Давыдов рассмотрел «Грамматику» и 2 мая 1834 г. представил Совету университета отзыв. Совет, рассмотрев в тот же день отзыв, признал, что «Грамматика» Венелина «показывает основательные познания в сочинителе», и предложил ему «составить конспект преподавания истории славянского языка и литературы вообще»²⁶. Секретарь Совета Надеждин письмом от 21 мая 1834 г., как уже отмечалось выше, уведомил Венелина о решении Совета. Возвращая вместе с этим письмом «Грамматику», он сообщал Венелину, что «она найдена г. профессором Давыдовым заслуживающею внимания».

Отзыв Давыдова²⁷ по существу не содержит, как это признавал и сам его автор, анализа «Грамматики» и ее должной оценки. Правда, Давыдов отметил «основательные филологические познания» Венелина в «теоретической части грамматики» и полезность его труда как учебного пособия при изучении русского и других славянских языков и при «грамматических исследованиях». По мнению Давыдова, особенно удачна в «Грамматике» Венелина «глава о словопроизводных формах». К недостаткам ее он отнес выделение Венелиным из грамматики синтаксиса как особой науки, неопределенность в распре-

делении глаголов и то, что церковнославянский язык Венелин считает языком древнеболгарским. Он обратил внимание также и на чисто языковые погрешности в изложении материала. Примечательно также, что Давыдов считал нецелесообразным преподавание болгарского языка как отдельного предмета на Словесном отделении Московского университета, мотивируя это отсутствием у студентов необходимого для этого времени.

О том, что Давыдов рецензировал «Граматику», Венелин мог узнать от кого-либо из членов Совета университета (в частности, М. П. Погодина) и до получения официального письма Надеждина. Однако самого отзыва, оказавшегося в делах Совета университета, Венелин, надо полагать, не знал. Он, как это видно из его чернового письма конца 1837 г. неизвестному адресату, был удовлетворен заключением отзыва Давыдова и решением Совета университета, хотя ни имени рецензента, ни Совета он и не называет, а говорит о мнении факультета. «Факультет, — писал он, — отозвался (о «Грамматике». — Г. В.) с полным одобрением, замечая, однако, что в некоторых местах нужно исправить русский слог. Того же мнения и я сам был прежде, нежели представил «Граматику». Впрочем факультет понял, что недостатки слога не могут вредить внутреннему достоинству «Граматики»²⁸.

Приведенные выше данные позволяют уточнить ряд фактов, касающихся первого рецензирования «Граматики» Венелина.

Во-первых, совершенно ясно, что первым официальным отзывом на «Граматику» Венелина был отзыв профессора Московского университета Давыдова, а не члена Российской Академии Востокова.

Во-вторых, «Грамматика» Венелина, вопреки словам самого Венелина и мнению Бессонова, факультетом не рассматривалась. Отзыв Давыдова был написан по предписанию Совета университета и был представлен в Совет университета, а не на факультет.

В-третьих, нет оснований утверждать, что Венелин «занимался подготовкой грамматики болгарского языка с надеждой получить кафедру славянских языков в Московском университете»²⁹. В действительности «Граматику» Венелин составлял по поручению Российской Академии, и к тому времени, когда возник вопрос о Венелине как о претенденте на занятие кафедры, работа над

«Грамматикой» была уже в основном завершена. Сам Венелин писал, что он «принужден был представить ее Совету» в доказательство «своего трудолюбия» в изучении славянских наречий³⁰.

Благоприятный в целом отзыв Давыдова был, очевидно, одной из причин того, что Совет университета поручил Венелину составить конспект программы преподавания славянских языков и литературы. Венелин, как известно, такой конспект составил³¹, но кафедра, занять которую он надеялся, досталась не ему, а ректору университета М. Т. Каченовскому.

Упомянутый во многих работах отзыв Востокова на «Грамматику» Венелина написан позже отзыва Давыдова, и о нем известно гораздо больше. Впервые о нем сообщил сам Венелин. Он писал: «Несколько времени спустя (после того как Венелин в 1835 г. отправил «Грамматику» в Петербург.— Г. В.), я имел честь получить от 20 сентября того же 1835 года весьма лестное для меня извещение, что моя «Грамматика» нынешнего болгарского наречия рассмотрена известным нашим знатоком разных славянских наречий, членом Российской Академии Александром Христофоровичем Востоковым. Сей заслуженный филолог сделал на некоторые статьи «Грамматики» свои замечания, которые заключает следующими словами: «Несмотря, однакож, на сие и на другие места, в которых я не могу согласиться с г. Венелиным, нахожу я в «Грамматике» его весьма много дельного и полагаю, что издание ее в свет принесет большую пользу языкознанию славянскому»³². Позднее об отзыве Востокова без каких-либо подробностей сообщали Бессонов³³ и Шишманов, причем последний выражал сожаление, что, когда писал о Венелине, не располагал «столь важными критическими замечаниями» Востокова³⁴. Сказанное об отзыве Востокова Венелиным кратко изложил и В. Златарский³⁵.

Из названных исследователей только Бессонов, занимавшийся бумагами Венелина, мог видеть отзыв Востокова. Впервые же более подробные сведения о содержании отзыва Востокова были приведены только в 1951 г. М. В. Луниной, которая свела «немногие замечания» Востокова к трем пунктам: 1) возражение Востокова против признания болгарского языка наречием русского; 2) возражения против данной Венелиным характеристики отдельных форм имени и глагола [в связи с этим

Лунина отметила, что «недостаточное знание им (Востоковым.— Г. В.) самим болгарского языка помешало ему доказать неправильность предложенной Венелиным системы склонений и спряжений, не свойственной болгарскому языку, а изобретенной ее составителем»]; 3) возражение против утверждения Венелина о том, что славянский алфавит заимствован болгарскими греками, а не был изобретен Кириллом и Мефодием³⁶ (заметим, что Востоков в своем отзыве Мефодия не упоминает).

Сказанным в сущности исчерпывается все, что нам известно сейчас об отзыве Востокова. Показательно, что Байцура в своей большой монографии о Венелине отзыв Востокова излагает по статье Луниной, а заключительную фразу отзыва цитирует по статье Шишманова³⁷, хотя она, изучая архив Венелина, вероятно, ознакомилась и с хранящейся в нем копией отзыва Востокова³⁸.

Сохранившиеся архивные документы позволяют внести ясность в важный вопрос о том, каким образом «Грамматика» Венелина оказалась на рецензировании у Востокова. В литературе этот вопрос освещается неверно. Распространено мнение, что Венелин сам послал «Грамматику» в Российскую Академию, которая и поручила Востокову рассмотреть этот труд. Уже в 1841 г. И. Мольнар, издавший после смерти Венелина некоторые его труды, писал, что «Грамматика» «была кончена в 1835 г. и отправлена в Русскую (т. е. Российскую.— Г. В.) Академию»³⁹, а в другом месте указывал, что результатом ученого путешествия Венелина была «между прочим, Болгарская Грамматика, посланная им (Венелиным.— Г. В.) в Санктпетербургскую Академию и возвращенная с замечаниями Востокова уже в 1835 г.»⁴⁰. Бессонов писал, что это сочинение Венелина «в 1835 г. ...было закончено и для сбережения трат пересылки доставлено в Академию с молодым ученым К.» (т. е. А. А. Краевским)⁴¹. Позднее в другой работе он указывал, что в 1835 г. «Грамматика» была доставлена в Академию и что в том же году Венелин «получил отзыв Востокова, которому труд отдан был Академией на рассмотрение»⁴². Златарский тоже писал, что в 1835 г. «Грамматику» свою Венелин «послал в Академию»⁴³. Недавно Байцура указала, что в 1835 г. через Краевского Венелин передал грамматику в Академию, а та «послала ее на отзыв А. Х. Востокову»⁴⁴.

Таким образом, утверждается, что Венелин в 1835 г. через Краевского направил свой труд именно в Российскую Академию. Между тем прямых данных для такого заключения в опубликованных материалах нет. В брошюре «О зародыше новой болгарской литературы» Венелин пишет, что в 1835 г. он «Грамматику» послал «в Петербург» и что она была рассмотрена Востоковым, но из этого еще не вытекает, что он направил свой труд именно в Российскую Академию. В черновом письме к не указанному лицу (конец 1837 г.) Венелин сообщает: «В 1835 году я отправил свою „Грамматику“ в Петербург с одним молодым ученым (г. Краевским) с просьбою представить ее, куда следует»⁴⁵. Несколько ранее, 9 октября 1837 г., в письме к В. Априлову Венелин написал более определенно: «Я ее («Грамматику». — Г. В.) уже года два тому назад представил в Академию»⁴⁶. По всей вероятности, именно на эти места писем Венелина и опираются Бессонов и Байцура, когда указывают, что Венелин направил свою «Грамматику» именно в Академию. Как же обстояло дело в действительности?

Полную ясность в этот вопрос вносит письмо управляющего департаментом Министерства народного просвещения П. А. Ширинского-Шихматова к Венелину от 20 сентября 1835 г., из которого видно, что Востоков рецензировал «Грамматику» Венелина по поручению министра народного просвещения С. С. Уварова, а не по поручению Российской Академии⁴⁷ и что отзыв Востокова Венелин получил в 1835 г. не из Российской Академии, как писал в свое время Бессонов⁴⁸, а из Министерства народного просвещения, как правильно отмечает Байцура⁴⁹. По исправлении и дополнении «Грамматики» в соответствии с замечаниями Востокова Венелин должен был ее вернуть Ширинскому-Шихматову, т. е. в Министерство народного просвещения⁵⁰. Из всего этого следует, что в 1835 г. «Грамматика» Венелина была доставлена Краевским в Министерство народного просвещения, а не в Российскую Академию⁵¹.

Указанное письмо Ширинского-Шихматова ставит важный вопрос: почему «Грамматика» Венелина в 1835 г. оказалась не в Российской Академии, которая ее требовала от автора и куда он сам намеревался ее послать⁵², а в Министерстве народного просвещения? Дело, как нам кажется, в следующем. Венелин не надеялся, что Российская Академия сможет в ближайшее время издать его

«Грамматику» за свой счет, поскольку ею еще не были опубликованы посланные им туда ранее (в январе 1833 г.) влахо-болгарские грамоты и снимки с этих грамот. Что причина могла быть в этом, видно из письма Венелина к Краевскому (1835 г.), где сказано: «Решится ли Академия издать мой труд? (т. е. грамоты.— Г. В.) Сергей Семенович (Уваров, министр народного просвещения.— Г. В.) в первую свою бытность в Москве⁵³ подтверждал мне так, чтобы издать. Если не захотят издавать грамоты и снимки, которые я доставил в Академию и которые, как мне сказывал М. П. Погодин, лежали у покойного П. И. Соколова (непременного секретаря Российской Академии.— Г. В.), не будучи доселе сообщенными Императорской Российской Академии, вопреки извещению П. И. Соколова (будто-де они поручены на рассмотрение А. Х. Востокову)⁵⁴, то не напечатают ли по крайней мере Болгарскую грамматику, которую вы видели»⁵⁵.

Полагая, очевидно, что Российская Академия сама вряд ли найдет необходимым издать его «Грамматику» за свой счет, Венелин согласился, чтобы Краевский обратился за содействием в этом деле к министру народного просвещения Уварову. Такое решение было отчасти продиктовано еще и тем, что Венелин, как это видно и из цитируемого отрывка письма, уже встречался с Уваровым, когда тот приезжал в Москву, и выразил Венелину мнение о целесообразности издания его труда. Венелин, вероятно, надеялся на то, что министр, в ведении которого Российская Академия находилась согласно ее уставу, может повлиять на нее таким образом, чтобы та приняла благоприятное для Венелина решение. Сама мысль обратиться за содействием к Уварову, возможно, была подсказана Венелину Краевским. Посылая «Грамматику» с Краевским, Венелин, как это видно из его письма к Ширинскому-Шихматову от 5 декабря 1835 г., министру ничего не писал и ни о чем его не просил. «Случайность,— писал он,— увлекла ее («Грамматику».— Г. В.) в Петербург без всякого письма и просьбы с моей стороны»⁵⁶.

Все хлопоты с доставлением «Грамматики» министру и с представлением ему сущности дела с готовностью взял на себя Краевский, который в начале 30-х г. служил в Министерстве народного просвещения, а затем был помощником редактора «Журнала Министерства народного просвещения» и, следовательно, имел возможность

похлопотать за Венелина в этом министерстве. Венелин же предоставил Краевскому в этом деле (возможно, по его настоянию) полную свободу действий⁵⁷.

Итак, свою «Граматику» Венелин в 1835 г. не послал в Российскую Академию. Она была доставлена Краевским министру народного просвещения. Министр Уваров поручил рассмотреть ее Востокову, который и написал отзыв. Российская Академия в том году «Граматику» не получала и ею не занималась. Не исключено, что официальное поручение Востокову было дано министром без предварительного согласования этого вопроса с президентом Академии Шишковым.

Посмотрим теперь, как отнесся Венелин к письму Ширинского-Шихматова и к отзыву Востокова.

Письмо Ширинского-Шихматова от 20 сентября 1835 г., которое давало ясно понять, что министр Уваров проявил интерес к «Грамматике», и по сути дела рекомендовало Венелину взять под свой надзор намечавшееся ее печатание, как и благоприятный в целом отзыв Востокова на этот труд, естественно, Венелина сильно обрадовали (см. его письмо к Ширинскому-Шихматову от 5 декабря 1835 г.). Он воспрянул духом, не без оснований сочтя, что делу с печатанием его «Грамматики» дан ход. Известно, что Венелин просил Краевского (письмо от 4 марта 1836 г.) при встрече поблагодарить Востокова за его «лестный отзыв... о Грамматике и за предложение ее напечатать»⁵⁸.

Свое отношение к замечаниям Востокова Венелин в общей форме изложил в упоминавшейся выше брошюре «О зародыше новой болгарской литературы». Он отметил, что Востоков «сделал на некоторые статьи «Грамматики» свои замечания», среди которых «есть и справедливые указания на недосмотры или недописки в слоге, происшедшие от поспешности в переписывании целого фолианта» (с. 24). Другие замечания, по его мнению, относятся «больше к высшей филологии, нежели к простому изложению грамматических форм» (с. 25). Допуская, что причиной этих замечаний могла быть сжатость изложения материала в «Грамматике», Венелин вместе с тем расценивал их как дискуссионные по своему характеру и не находил целесообразным давать «свои замечания» на них, чтобы не вступать «в ученый спор» и не расширять объема труда (с. 25). Письмо Венелина к Ширинскому-Шихматову от 5 декабря 1835 г. позволяет более

подробно судить о том, как отнесся Венелин к замечаниям Востокова сразу же после того, как он с ними ознакомился. Венелин принял с «должным уважением мнения» Востокова, был ему благодарен за возражения, которые заставляют его «выразить свое мнение убедительнее», хотя он с ними и не согласен, и чрезвычайно благодарен «за указания на недосмотры», которые он собирался непременно исправить⁵⁹.

Замечания Востокова, как это уже отмечала и Лунина⁶⁰, Венелин разделил на 1) «указания на недосмотры и на места не вполне развитые» и 2) «личные мнения». Примеров первой группы Венелин не приводил, а в качестве примера замечаний второй группы указал на «личные мнения» Востокова относительно слов *человѣкъ*, *Радулъ*, *Егоръ*, «скипетаризм македонцев», «глаголитизм» некоторых русских букв, частицы *си*, буквы *ы*. Отметим, что Венелин очень резко высказался здесь против принятой Вуком Караджичем орфографии сербского языка, которую он называет «сербским кривописанием Вука Стефановича» и о которой давно собирался написать «полную критическую статью»⁶¹. Ссылка Востокова, на мнение Караджича, в отношении слова *човекъ* и буквы *ы*, по мнению Венелина, не убедительна. Караджич не может служить авторитетом, указывал он, так как букву *ы* он изгнал из сербской азбуки, хотя звук *ы* в в сербском якобы сохранился, а *човекъ* — слово сербское, а не болгарское. Нельзя не отметить, что в обоих этих частных случаях прав был Востоков, а Венелин заблуждался. Неожиданным и неубедительным кажется замечание Венелина о том, что он «забыл (курсив наш.— Г. В.) приложить к своей грамматике статью о болгарском произношении и правописании».

Венелин соглашался, что учет замечаний Востокова пойдет на пользу его «Грамматике» («будет иметь свое благотворное следствие»). Он собирался было внести в нее «значительные пополнения», но в целях «сбережения времени и поспешения дела» решил вернуть рукопись без каких-либо исправлений и добавлений. Вероятно, такое решение Венелина было ошибкой, хотя он и воспользовался при этом предложением Ширинского-Шихматова устранить указанные Востоковым недосмотры и учесть другие его замечания в ходе печатания книги. Вместо того, чтобы внести хотя бы некоторые исправления в соответствии с замечаниями Востокова и дать необходимые

разъяснения по другим его замечаниям, Венелин возвратил «Грамматику» в Министерство народного просвещения в прежнем виде, «просто как материал». Такое решение Венелина вряд ли произвело благоприятное впечатление на Ширинского-Шихматова и на министра Уварова, тем более, что в своем письме Ширинский-Шихматов все же просил вернуть ему «Грамматику» после исправления и внесения дополнений («по совершении сего труда») «для доклада г. министру касательно издания ее на казенный счет». Едва ли к такому решению Венелина оказался безразличен и Востоков, когда позднее убедился, что Венелин ничего не исправил в «Грамматике» и оставил, таким образом, его замечания без всякого внимания. Возможно, это обстоятельство явилось одной из причин, побудивших Востокова изменить первоначальное благоприятное мнение о «Грамматике» и присоединиться позже к точке зрения других членов Рассмотрительного комитета Российской Академии, давших о ней отрицательное заключение⁶².

Учитывая несколько неприязненное отношение Российской Академии (во всяком случае, ее руководства) к Венелину и события, последовавшие за письмом Венелина к Ширинскому-Шихматову от 5 декабря 1835 г., нам сейчас трудно освободиться от мысли, что, поспешив вернуть в Петербург свою «Грамматику» без какой-либо переработки («просто как материал»), Венелин сам помог подписать ей приговор, которого он меньше всего хотел. В объяснение этого шага Венелина следует сказать, что, зная благоприятный отзыв Востокова о «Грамматике» и благосклонное отношение к ней министра Уварова, Венелин рассчитывал на желанный исход дела и, конечно, никак не ожидал повторного рецензирования его «Грамматики», на этот раз — в Рассмотрительном комитете Российской Академии. «Мнение» этого комитета было, таким образом, третьим и последним по счету отзывом, составленным на «Грамматику» Венелина при его жизни. Именно данный отзыв и закрыл дорогу труду Венелина к изданию.

Таковы обстоятельства, связанные с рецензированием «Грамматики нынешнего болгарского наречия» Венелина профессором Московского университета Давыдовым и членом Российской Академии Востоковым, и отношение к отзывам этих ученых самого Венелина. Хотя оба рецензента дали этому труду в целом положительную оценку,

их официальные отзывы не сыграли в дальнейшей судьбе русского слависта той роли, какую он сам с ним связывал. Венелину не удалось занять кафедру в Московском университете и издать «Грамматику» — результат ученого путешествия в Болгарию и плод нескольких лет напряженной работы.

- ¹ *Байцура Т.* Юрий Иванович Венелин. Братислава, 1968.
- ² ЛО ААН, ф. 101, оп. 1, д. 115, л. 6. Цит. по кн.: *Конев И.* Литературные взаимоотношения и литературен процес. София, 1974, с. 75.
- ³ *Венелин Ю.* О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838, с. 6. Ранее опубликована в журнале «Московский наблюдатель», 1837, ч. 14, с. 47—95.
- ⁴ Имеется в виду работа: *Schlözer A. L.* Allgemeine nordische Geschichte. Halle, 1771. 636 S.
- ⁵ *Венелин Ю.* Указ. соч., с. 23.
- ⁶ ОР ГБЛ, ф. 49, папка I, д. 1.
- ⁷ *Венелин Ю.* Указ. соч., с. 23—25.
- ⁸ См.: Отчет о деятельности императорской Публичной библиотеки за 1891 год. СПб., 1894, раздел «Приложения», с. 37—48; Два письма на Юрий Ивановича Венелина до Василия Априлов.— Сборник за народни умотворения, София, 1889, кн. 1, с. 176—190.
- ⁹ *Шишманов И.* Венелиновите книжа в Москва. II.— Български преглед, София, 1897, № 9, с. 36—70.
- ¹⁰ *Лунина М. В.* Грамматика нынешнего болгарского наречия Ю. И. Венелина.— В кн.: Славянская филология. Сб. статей. М., 1951, с. 108—123.
- ¹¹ *Шишманов И.* Указ. соч., с. 43.
- ¹² *Лунина М. В.* Указ. соч., с. 110.
- ¹³ *Байцура Т.* Указ. соч., с. 137; *Филкова П. А. Х.* Востоков и българский язык.— Български език, 1961, кн. 5—6, с. 559; *Христова-Филкова П.* Из историята на руско-българските езикови връзки. София, 1963, с. 28.
- ¹⁴ *Лунина М. В.* Указ. соч., с. 110.
- ¹⁵ *Сухомлинов М. И.* История Российской академии. Вып. 8. СПб., 1887, с. 293—307.
- ¹⁶ *Перетц В.* Венелин Ю. И.— В кн.: *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. 5. СПб., 1897, с. 232.
- ¹⁷ *Филкова П.* Указ. соч., с. 560—561.
- ¹⁸ *Байцура Т.* Указ. соч., с. 137.
- ¹⁹ *Бессонов П.* Юрий Иванович Венелин.— Журн. Мин-ва нар. просвещения, 1882, № 6, с. 187.
- ²⁰ *Кочубинский А.* Граф С. Г. Строганов. Из истории наших университетов 30-х годов.— Вестн. Европы, 1896, № 7, с. 176.
- ²¹ *Лавров П. А.* Конспект преподавания истории славянского языка и литературы, составленный по определению Совета императорского Московского университета от 2 мая 1834 г. Ю. И. Венелиным.— Древности. Труды Славянской комиссии императорского Московского археологического общества, 1898, т. 2, с. 121.
- ²² *Байцура Т.* Указ. соч., с. 212.
- ²³ *Кочубинский А.* Указ. соч., с. 175.

- 24 *Байцура Т.* Указ. соч., с. 211.
- 25 ЦГА г. Москвы, ф. 418, оп. 3, д. 84, л. 2.
- 26 Там же, л. 5 об.
- 27 Там же, л. 3—4.
- 28 *Байцура Т.* Указ. соч., с. 211.
- 29 *Булахов М. Г.* Восточнославянские языковеды. Минск, 1976, т. 1, с. 57.
- 30 ОР ГБЛ, ф. 49, папка V, д. 148, л. 22 об.
- 31 Текст этого конспекта см.: *Лавров П. А.* Указ. соч., с: 110—121.
- 32 *Венелин Ю.* Указ. соч., с. 24—25.
- 33 См. с. XLIV предисловия Бессонова к кн.: *Венелин Ю.* Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. 2-е изд. М., 1856, т. 1, а также: *Бессонов П. А.* Юрий Иванович Венелин.— Журн. Мин-ва нар. просвещения, 1882, № 6, с. 184.
- 34 *Шишманов И.* Указ. соч., с. 43.
- 35 *Златарски В.* Юрий Иванович Венелин и неговото значение за българите.— Летопис на Българското книжовно дружество. 1901/1902, София, 1903, т. 3, с. 115.
- 36 *Лунина М. В.* Указ. соч., с. 110.
- 37 *Байцура Т.* Указ. соч., с. 137—138.
- 38 ОР ГБЛ, ф. 49, папка I, д. 5, л. 3—8.
- 39 См. его предисловие к кн.: *Венелин Ю.* Древние и нынешние словене. М., 1841, т. 2, с. XXVI.
- 40 Там же, с. LXXVI. Здесь, конечно, также имеется в виду Российская Академия, находящаяся в Петербурге.
- 41 См. с. XLIII упомянутого в сноске 33 предисловия Бессонова к кн.: *Венелин Ю.* Древние и нынешние болгаре...
- 42 *Бессонов П. А.* Юрий Иванович Венелин, с. 184.
- 43 *Златарски В.* Указ. соч., с. 115; *Пенев Б.* История на новата българска литература. София, 1933, т. 3, с. 608.
- 44 *Байцура Т.* Указ. соч., с. 133.
- 45 ОР ГБЛ, ф. 49, папка V, д. 148, л. 23.
- 46 Цит. по: *Златарски В.* Указ. соч., с. 154.
- 47 ОР ГБЛ, ф. 49, папка I, д. 5, л. 1.
- 48 См. его предисловие к кн.: *Венелин Ю.* Древние и нынешние болгаре, с. XLIV.
- 49 *Байцура Т.* Указ. соч., с. 133. Здесь указано, между прочим, что это письмо Ширинского-Шихматова Венелин получил 20 сентября 1835 г. Это неточно, так как этим числом письмо датировано; поступило же оно к проживавшему в Москве Венелину позже.
- 50 Письмо Ширинского-Шихматова от 25 сентября 1835 г. упоминает в своей статье и Лунина, которая обращает внимание на его предложение внести в «Грамматику» изменения и дополнения и предложить ему «для доклада министру с тем, чтобы издать ее за счет Академии наук» (*Лунина М. В.* Указ. соч., с. 109). Из изложения Луниной, однако, неясно, какую должность занимал Ширинский-Шихматов и какому министру следовало доложить о «Грамматике» Венелина. Кроме того, в письме Ширинского-Шихматова говорится о возможности издания «Грамматики» Венелина «на казенный счет» вообще, а не «за счет Академии наук», как пишет Лунина (ошибочно называя к тому же Российскую академию Академией наук).
- 51 Отметим, что Ширинский-Шихматов просил Венелина доставить ему и копию письма Венелина к президенту Российской академии

- А. С. Шишкову, которое предназначалось в качестве предисловия к «Грамматике» (ОР ГБЛ, ф. 49, папка I, д. 5, л. 1 об.—2). Этот факт может быть истолкован в том смысле, что Министерство народного просвещения (и министр С. С. Уваров в том числе) в сентябре 1835 г. занималось «Грамматикой» Венелина минуя Российскую академию и ее президента.
- ⁵² В черновом письме Ширинскому-Шихматову от 5 декабря 1835 г. Венелин пишет, что он спешил окончить «Грамматику», чтобы «избавиться от бремени», и «приготовил Грамматику к отправлению в академию, однако, увидев некоторые слабые места, ... удержал ее до исправления и пополнения» (ОР ГБЛ, ф. 49, папка I, д. 5, л. 10 об.).
- ⁵³ В качестве министра народного просвещения Уваров впервые посетил Москву в 1832 г. (*Шевырев С. П.* История Московского университета. М., 1855, с. 509).
- ⁵⁴ Упоминаемые здесь влахо-болгарские грамоты и снимки с них были посланы Венелиным с письмом от 20 января 1833 г. на имя президента Российской академии А. С. Шишкова (ЛЮ ААН, ф. 8, оп. 1, д. 38, л. 14).
- ⁵⁵ Отчет о деятельности императорской Публичной библиотеки за 1891 г., с. 37—38.
- ⁵⁶ ОР ГБЛ, ф. 49, папка V, д. 5, л. 11.
- ⁵⁷ Письмо к Краевскому (1835 г.) Венелин заключал словами: «Делайте, что хотите: полагаюсь на вас, на благородного человека». (Отчет императорской Публичной библиотеки за 1891 г., с. 39).
- ⁵⁸ Там же, с. 43.
- ⁵⁹ ОР ГБЛ, ф. 49, папка V, д. 5, л. 10 об.
- ⁶⁰ *Лунина М. В.* Указ соч., с. 109.
- ⁶¹ Краткие критические замечания Венелина о графике и орфографии Вука Караджича см.: *Венелин Ю.* Древние и нынешние болгары... т. 2, с. 270, 272.
- ⁶² *Сухомлинов М. И.* Указ. соч., с. 306—307.

М. Ю. ДОСТАЛЬ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ И. И. СРЕЗНЕВСКОГО

Научная деятельность известного русского слависта XIX в. Измаила Ивановича Срезневского (1812—1880) привлекала и до сих пор привлекает внимание многих дореволюционных русских, советских и зарубежных исследователей¹. Существо научного мировоззрения любого ученого, различные мотивы его научного творчества нельзя понять, не создав себе целостного представления о его общественно-политической позиции.

Между тем этой важной стороне научной биографии И. И. Срезневского до сих пор уделялось мало внимания. Авторы же тех немногочисленных работ, в которых этот вопрос поднимался, значительно расходятся в оценке общественно-политических взглядов ученого.

Русские революционные демократы Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев, бывшие в свое время студентами Срезневского, высоко ценили его как талантливого ученого, но в то же время критиковали за консерватизм общественных убеждений². Традиция революционных демократов в оценке общественно-политических взглядов Срезневского была продолжена в конце XIX—начале XX в. в работах А. Н. Пыпина, Б. Б. Глинского, В. Е. Чешихина (Ветринского)³. В советской историографии 30-х годов украинский ученый А. Ф. Шамрай пошел еще дальше. Отмечая монархизм Срезневского и близких к нему украинских романтиков, он был склонен сближать их с апологетами теории «официальной народности»⁴.

Существует и совершенно противоположная оценка общественной позиции И. И. Срезневского. В дореволюционной историографии представить его как ученого, придерживавшегося демократических убеждений, стремились В. И. Срезневский и В. И. Ламанский⁵. Сходной точки зрения придерживаются и некоторые советские исследователи. Так, Г. С. Сухобрус, найдя определенные черты сходства в романтической обрисовке образа старых казаков-запорожцев у И. И. Срезневского и К. Ф. Рылеева, приходит к выводу, что мировоззрение ученого сформировалось под благотворным влиянием декабристских традиций и революционно-демократического движения⁶. Г. И. Липатникова, признавая в общем ограниченность исторических взглядов Срезневского и справедливо оценивая его позицию в 40-е годы как буржуазно-либеральную, все же находит возможным считать его основоположником «демократической традиции в развитии русского славяноведения»⁷.

Мало изучена позиция Срезневского по национальному вопросу. Она рассматривалась в основном применительно к 30—40-м годам XIX в. В. И. Ламанский называл его в харьковский период творчества «пламенным украинцем»⁸, В. И. Срезневский, напротив, подчеркивал его русский патриотизм⁹. Некоторые современные украинские исследователи склонны считать, что деятельность

Срезневского на Украине вносила вклад в сокровищницу только украинской культуры¹⁰.

Дореволюционные исследователи научного наследия Срезневского поставили вопрос о его отношении к славянофилам, причем близко знавшие ученого А. Н. Пыпин и И. В. Ягич отрицали его принадлежность к славянофильскому направлению русской общественной мысли¹¹. Однако в последнее время ряд авторов (Е. Кухарска, Л. А. Коваленко, Ф. М. Березин и др.) безоговорочно относят Срезневского к лагерю славянофилов¹².

Таким образом, крайняя противоречивость и недостаточная изученность общественно-политических взглядов И. И. Срезневского требуют их самостоятельного рассмотрения.

Детские и юношеские годы И. И. Срезневского прошли в Харькове. Его отец, Иван Евсеевич Срезневский, был профессором «российского красноречия, поэзии и славянского языка», а также одно время инспектором «казеннокоштных» студентов в Харьковском университете. И. Е. Срезневский был широко образованным для того времени человеком, активно участвовал в культурной жизни Харькова, сочинял стихи в духе классицизма, проникнутые патриотическими мотивами. Его общественно-политические взгляды отличались умеренным либерализмом и лояльностью к существующему режиму¹³. Большое значение он придавал воспитанию юношества, посвящая этому вопросу торжественные речи в университете¹⁴. Дом его всегда был полон студентов, не раз здесь происходили жаркие литературные и научные споры. О содержании некоторых из них И. И. Срезневский вспоминал на склоне жизни¹⁵.

После смерти отца в 1819 г. мать И. И. Срезневского, Елѣна Ивановна, умная и образованная женщина, разделявшая взгляды и увлечения мужа, всеми силами старалась сохранить в доме сложившуюся еще при нем атмосферу¹⁶. Вероятно, она знакомила сына с научными и литературными трудами отца, внушала необходимые жизненные правила.

В воспитании будущего ученого, кроме матери, деятельное участие принимал его дядя, Иосиф Евсеевич Срезневский, бывший тогда профессором Казанского университета. О назидательных советах в его письмах впоследствии вспоминал сам И. И. Срезневский¹⁷. Родные внушали ему мысли о почетности образования и

умственного труда, о необходимости служения на благо отчизны и т. д. И в то же время они учили его не вступать в конфликт с «сильными мира сего», с властями и существующими порядками, сторониться «легкомысленных» и «порочных» товарищей, которые шли на этот конфликт.

Семейное воспитание и традиции заложили нравственные основы личности ученого и фундамент его общественно-политических взглядов. Но несравненно большее влияние оказали на И. И. Срезневского окружающая среда, требования эпохи.

В условиях национального и социального гнета русского царизма, крайней слабости формирующейся украинской буржуазии, во главе возникшего на Украине общественного движения в 20-е годы XIX в. встала патриотически настроенная интеллигенция, которая вела борьбу за решение насущных задач общественного развития преимущественно в сфере культуры, где легче всего можно было выразить национальные и социальные требования¹⁸. В качестве одного из представителей этой интеллигенции и выступил И. И. Срезневский.

Научная и общественная деятельность И. И. Срезневского началась в Харькове, который в конце 20-х—30-е годы XIX в. был одним из центров общественного движения на Украине¹⁹. Именно здесь в 1826 г. возник, например, тайный политический кружок студентов и молодых офицеров, пропагандировавший идеи декабристов²⁰. В то же время в Харькове работали писатели, ученые, деятели культуры, придерживавшиеся более умеренных взглядов. Они внесли наибольший вклад в создание первых литературных альманахов и периодических изданий, публиковали многочисленные работы этнографического и фольклорного характера. Некоторые из них были одновременно и преподавателями университета²¹.

В 1826—1829 гг. И. И. Срезневский учился на этико-политическом (юридическом) факультете Харьковского университета. Именно в университетской среде он становится активным участником украинского национально-культурного движения.

Выделяясь среди своих сверстников эрудицией и энергией²², Срезневский возглавил литературно-научный кружок, объединивший его товарищей по пансиону, а потом по юридическому факультету: И. В. Росковшен-

ко, А. Г. Шпигольцкого, И. А. Джунковского, братьев О. С. и Ф. С. Евецких и др. Кружок не был какой-то сплоченной организацией с четкой программой действий. Принадлежащих к нему лиц объединяла увлеченность украинской и вообще народной стариной и фольклором. Каких-либо политических целей члены кружка перед собой не ставили, большинство из них отличались умеренно либеральными и даже монархическими взглядами, проявляли лояльность к существующему строю²³.

В этом русле формировались и общественно-политические взгляды молодого И. И. Срезневского.

Наиболее остро стоял в тот период в царской России вопрос о крепостном праве. И. И. Срезневский занял по этому вопросу определенную позицию, которой придерживался всю жизнь. В 1832—1833 гг., служа гувернером у помещиков Потоцких в с. Варваровка (у Днепровских порогов), он мог воочию наблюдать тяжелое положение крепостных крестьян. В письмах к матери этого времени Срезневский, с детства привыкший к интенсивному умственному труду, язвительно высмеивает скудость интересов, паразитический образ жизни помещиков, негодуя против их произвола по отношению к своим крепостным²⁴. Более того, он, используя свои знания юриста, выступает в суде в защиту беглых крестьян²⁵. Однако стихийный демократизм Срезневского, проявившийся также в горячем сочувствии к жизни простого народа во время его этнографических путешествий по Украине²⁶, был скорее личной, а не общественной позицией ученого. Он не пытался ответить на вопрос, как устранить общественное зло и несправедливость, хотя косвенные данные позволяют судить о предпочтительном для него пути преобразований. К самодержавному строю И. И. Срезневский относился в целом лояльно. Монархия представлялась ему единственно возможной, законной и незыблемой формой правления в России²⁷. В своих работах 30-х годов «Запорожская старина», «Историческое обозрение гражданского устройства Слободской Украины» он идеализирует политику русских царей, считая их защитниками украинского народа, томящегося под игмом польских панов²⁸. В качестве покровителя угнетенных славянских народов представлялся Срезневскому и Николай I. С «мудрой» поддержкой этого «просвещенного», по наивным представлениям Срезневского, монарха ученый связывал, в частности, вопрос о гаран-

тиях самостоятельного развития украинской литературы²⁹. По-видимому, он был введен в заблуждение декларациями русского самодержца о «покровительстве» просвещению в России в первые годы царствования³⁰.

Все эти факты свидетельствуют о том, что в надежде на изменение существующих порядков Срезневский наивно уповал только на царя, на справедливость высшей власти, т. е. на реформы сверху³¹.

В целом общественно-политические взгляды Срезневского с присущей им ограниченностью и консерватизмом были типичными для представителя умеренно-либерального крыла национально-культурного движения на Украине 30-х годов XIX в.

Идейная платформа членов кружка складывалась под влиянием романтизма. Как известно, романтизмом называют «идейное и художественное направление, возникшее в Европе на рубеже XVIII—XIX вв. и охватившее философию, право, политэкономия, филологию, историографию и особенно ярко проявившееся в литературе и искусстве³². Формирование этого направления было тесно связано с процессом складывания наций, протекавшим в странах Европы в переходный период от феодализма к капитализму. Ему было свойственно внимание к идее народности, национальности, выразившееся в увлечениях народным творчеством, этнографией, мифологией, древней историей, в стремлении на основании данных наук доказать высокий уровень культуры своего и родственных народов, отстаивать право на национальную самобытность. Идеи романтизма использовались как консервативными, реакционными, так и прогрессивными, революционными силами. В сочинениях членов харьковского кружка, в том числе и Срезневского, противоречиво сочетались обе эти тенденции³³.

Прогрессивное значение имели усилия харьковских литераторов-романтиков привлечь внимание образованного русского и украинского общества к украинской старине, песням и думам, показать красоты украинского языка и литературы и тем самым утвердить их право на самостоятельное существование. Эту общую идею кружковцев ясно выразил И. И. Срезневский в открытом письме известному русскому этнографу, профессору Московского университета И. М. Снегиреву: «Украинский язык, — писал Срезневский, — есть язык, а не наречие. — русского или польского, как доказывали некото-

рые... этот язык есть один из богатейших языков славянских...это язык, который, будучи еще необработанным, может уже сравниться с языками образованными, по гибкости богатству синтаксическому — язык поэтический, музыкальный, живописный»³⁴. Отметим, что, выступая в защиту украинского языка и литературы, Срезневский признавал себя русским человеком³⁵. Это является одним из многочисленных свидетельств близости науки и культуры России и Украины. С полным основанием можно считать, что деятельность Срезневского в Харькове в 30-е годы внесла определенный вклад в развитие как русской, так и украинской культуры.

Теоретическое обоснование необходимости борьбы за утверждение самобытной украинской литературы и языка И. И. Срезневский и его единомышленники находили прежде всего в работах немецких философов Гердера, Гегеля, Шеллинга и др., выдвигавших идеи об особом предназначении каждой национальности и ее специфической роли в мировой истории³⁶.

Близки Срезневскому были и новые веяния, идущие от французской романтической историографии с ее возвышением третьего сословия и народных масс. В работах 30-х годов он развивает главную идею романтической историографии — идею о значимости истории не только «высших сословий» и отдельных великих личностей, но и «народа»³⁷, не только больших, но и малых народов, «не получивших великого имени государственных»³⁸. Свои теоретические представления Срезневский последовательно проводит, например, в работе «Историческое обозрение гражданского устройства Слободской Украины со времени ее заселения до преобразования в Харьковскую губернию». Он впервые последовательно излагает историю украинского казачества, «народа, не имеющего государственности», а на начальном этапе и «высшего класса». Проследивая историю существования и борьбы украинского казачества, ученый четко показывает процесс его расслоения, характеризует все его «сословия», сочувственно относится к положению простого народа³⁹.

Проявляя разносторонний интерес к изучению древних и современных народов (прежде всего украинцев), ко всему тому, в чем выражается национальная самобытность⁴⁰, Срезневский не мог не обратить внимания на зарубежных славян. Пробуждению его славистичес-

ких устремлений способствовали и прочитанная им литература ⁴¹ и окружение. Срезневский чутко воспринял распространенные на Украине настроения общеславянского патриотизма. Вместе с другими членами кружка он увлекался произведениями польских поэтов-романтиков А. Мицкевича, А. Мальчевского, С. Гоциньского, Ю. Б. Залеского и др., славянские мотивы звучали в творчестве близкого ему украинского писателя А. Л. Метлинского ⁴² и т. п.

Еще более плодотворную почву для развития своего славянского самосознания Срезневский нашел в славянских землях, куда был послан Харьковским университетом на три года для получения славистического образования. Именно здесь Срезневский в полной мере стал приверженцем «идеи славянской взаимности», которая, возникнув в конце XVIII в. на основе осознания славянской этнической общности формирующейся национальной интеллигенцией разных славянских народов, получила широкое распространение в 20—40-е годы XIX в. Не имея еще в этот период четкой национально-политической направленности, она содержала достаточно неопределенный призыв к культурному и литературному сотрудничеству славян ⁴³ и уже тогда использовалась общественными деятелями славянских стран, придерживавшихся различных общественных взглядов.

Консервативная сторона «идеи славянской взаимности» в общераспространенной в то время трактовке одного из главных ее идеологов, словацкого поэта и общественного деятеля Я. Коллара заключалась в том, что в ней «принцип литературного сплочения славян сочетался... с призывами к славянам соблюдать верность своим монархам и правительствам, пропагандой незыблемости существующих политических порядков, с осуждением революционных действий» ⁴⁴. Однако она отражала объективную тенденцию к сближению славянских народов и имела большое прогрессивное значение как исходный пункт программы их культурного сотрудничества ⁴⁵.

В годы путешествия И. И. Срезневского по славянским землям (1839—1842) представители славянской интеллигенции самых различных общественно-политических направлений, с которыми он непосредственно общался, были проникнуты идеей славянской взаимности, хотя понимали ее по-разному. Молодому ученому постоянно оказывался радушный прием именно как русскому

и славянину⁴⁶. Оставленные ему на память автографы содержали выражение славянских чувств, цитаты из «Дочери Славы» Я. Коллара и т. п.⁴⁷

Как же понимал И. И. Срезневский содержание идеи славянской взаимности, пути ее воплощения в жизнь? Судя по его письмам и статьям, славянская взаимность представлялась ученому программой научного и культурного сотрудничества славян, основанного на взаимном уважении, сочувственном отношении к борьбе с «чуженародностью», любви и братской помощи, равноправии всех без исключения славянских народов⁴⁸. Осуществление этого сотрудничества не предусматривало каких-либо изменений в общественно-политическом строе государств, в которых жили славянские народы, и должно было происходить в рамках законности, лояльности к существующим порядкам, только мирными и культурными средствами⁴⁹, без «политики»⁵⁰.

Если в вопросе об осуществлении идеи славянской взаимности Срезневский не отличался от большинства умеренно либеральных представителей славянской интеллигенции (особенно чешской), то в понимании ее содержания русский ученый стоял по сравнению с ними на более прогрессивных позициях. В этот период ему не были присущи узость и ограниченность, характерные для национализма, негативные черты которого проявлялись у славян не только в подчеркивании преимуществ «славянского племени» перед «германским», но и в возвышении своей нации в ущерб другим славянским нациям (непризнание самостоятельности словацкого языка и литературы большинством чешских ученых⁵¹, украинского языка и литературы — представителями официальной науки в России⁵² и т. д.).

Срезневский в 40-е годы горячо ратует за развитие и признание самостоятельности и независимости каждого славянского языка, в том числе украинского и словацкого⁵³. В этом отношении он был близок к деятелям словацкого национального движения, возглавляемого Л. Штуром, которые выступали за признание права на «всестороннее и беспрепятственное развитие для всех без исключения славянских народов»⁵⁴. Гуманизм Срезневского проявился и в том, что ему была чужда в то время «племенная» славянская ограниченность. Так, он писал: «Изучая с любовью нашу народность, не забудем любовь к другим народам: всякая народность, как

и всякая религия, должна быть священной. Тем горячее должна быть в нас любовь к тем народам, с которыми Провидение соединило нас в один государственный союз: они наши ближние братья. С тем вместе любовь к отечеству. Таким путем придем мы к твердому самосознанию и признательности к услугам, оказанным нам другим народом, будем в готовности отблагодарить за услуги услугами... Боже, храни славян, боже, храни все народы»⁵⁵.

Приверженность к идее славянской взаимности стала в 40-е годы важной составной частью представлений ученого по национальному вопросу. Она не исключала его русский патриотизм, ибо конечной целью любой деятельности в пользу славян в представлении Срезневского было благо собственного народа. В своих работах 40-х годов он настойчиво доказывал необходимость изучения славянства для дальнейших успехов русской науки и культуры⁵⁶, писал о роли русского народа в возрождении славянства⁵⁷ и т. п.

Закономерен вопрос, как соотносилась указанная позиция Срезневского с такими идейными течениями русской общественной мысли 40—50-х годов, как «западничество», и «славянофильство». По своему составу они не были однородными, но все же объединяли деятелей, в основном придерживавшихся умеренно либеральных взглядов. Оба направления выступали за необходимость крестьянской реформы и активно содействовали ее осуществлению⁵⁸. Главным пунктом их противоречий был вопрос о путях внутри- и внешнеполитического развития России. Если западники считали, что русский народ не составляет исключения в развитии других народов Европы, развивается по тем же законам и для его блага необходимо перенять все положительное, что несет в себе европейская цивилизация, то славянофилы, наоборот, абсолютизировали национальную самобытность русского народа, искали доказательств ее в православии, якобы искони присущем русскому народу, в сохранении патриархальной крестьянской общины, в чертах славянского характера и т. п.⁵⁹ При этом неизбежно было их обращение к единомышленникам-славянам, преимущественно к южным, и противопоставление католического германского мира православному славянскому⁶⁰. В борьбе против европеизации заключалась консервативная сторона славянофильской идеологии⁶¹.

Мировоззрение ранних славянофилов сформировалось под влиянием немецкой идеалистической философии, и их взгляды представляли собой разновидность консервативного направления в романтизме⁶².

Приверженность доктринам романтизма, славянские симпатии, русский патриотизм, умеренно либеральные взгляды и монархизм, участие в общих научных журналах и сборниках, восхищение поэзией А. С. Хомякова⁶³ в какой-то мере сближали Срезневского с ранними славянофилами. Однако было бы ошибочно причислять его к этому направлению русской общественной мысли. Срезневский осуждал славянофилов за «беспредельное, необузданное пристрастие к своему отечественному», «печатное нападение на все, что вне славянского мира», за «злое недоверие к успехам европейской образованности»⁶⁴. Не принимал он и тезис славянофилов о православии, хотя считал заслугой славян «распространение святых истин» христианства на живом народном языке⁶⁵.

Причины непринятия, казалось бы, близкой мировоззрению Срезневского славянофильской идеологии, вероятно, крылись в том, что его взгляды сформировались в украинской среде и испытали затем влияние идеалов славянской взаимности в том виде, как ее понимали представители западнославянской интеллигенции (эти идеалы далеко не во всем разделялись славянофилами).

Срезневский никогда не вступал ни в какие славянофильские организации, в том числе в активно функционировавшие в 60—70-е годы Славянские комитеты⁶⁶. До конца своей жизни он всячески отмежевывался от славянофилов⁶⁷, высмеивал их крайности увлечения славянством⁶⁸. Возможно, Срезневский видел в славянофильстве определенное политическое направление. Существование же каких бы то ни было политических группировок и партий ученый всегда категорически осуждал; сам он, особенно в 50—70-е годы, всячески избегал касаться «политики»⁶⁹.

Еще более далек был Срезневский от западников, упрекая их в «буйном увлечении европеизмом», в недостатке русского и славянского патриотизма⁷⁰.

В вопросе о дальнейших путях развития России Срезневский выступал за необходимость диалектического сочетания национального (русского), а также славянского и общечеловеческого (западноевропейского).

Эти взгляды он публично выразил в статье «Литературное оживление западных славян» («Современник», 1846, ч. 42), а впоследствии в своих лекциях в Петербургском университете⁷¹. И он был не одинок в такой позиции. Взгляды Срезневского разделяли тогдашний редактор «Современника», П. А. Плетнев⁷², литератор А. В. Никитенко⁷³ и др. Сам Срезневский в письме к В. Ганке указывал на наличие в России в те годы партии «европейцев» и «славистов», отделившихся от западников и славянофилов, которым «не о чем спорить» между собой⁷⁴. Все это свидетельствует о многообразии течений русской общественной мысли 40-х годов XIX в., которые не ограничивались рамками славянофильской или западнической идеологии.

Следует отметить, что популяризация идеи славянской взаимности в России встречала значительные затруднения. Потерпела неудачу⁷⁵ попытка И. И. Срезневского совместно с О. М. Бодянским и П. И. Прейсом создать свой славистический журнал, который, по замыслу, должен был служить как бы связующим мостом для литературного и научного общения России с западным славянством⁷⁶. Долгие цензурные мытарства⁷⁷ выпали на долю статьи И. И. Срезневского «Публичные чтения о славянах» («Денница», 1843), где ученый высказал свои взгляды на культурную и научную славянскую взаимность и на необходимость для каждого русского изучать славянство. Все это было одним из проявлений общей политической линии николаевской эпохи. Царское правительство, пытаясь использовать в своих целях общественный интерес к славянству, хотя и дало разрешение на организацию кафедр славистики, но с большой настороженностью относилось к славянофилам и другим сторонникам славянской взаимности, так как боялось широкого сочувствия русской общественности национально-освободительной борьбе славян (в особенности поляков), а также осложнения своих отношений с союзной Австрийской монархией — «мачехой» большинства славянских народов Европы.

В конце 40-х годов в связи с развитием европейской революции 1848—1849 гг. подозрительное отношение царских властей к общественной славянской и славистической деятельности сменилось прямыми репрессиями: разгромом «Кирилло-Мефодиевского общества» (1847)⁷⁸, арестами некоторых славянофилов (Ф. В. Чижова,

Ю. Ф. Самарина и И. С. Аксакова), усилением цензурного гнета по отношению ко всем «славянским» изданиям и т. п.⁷⁹ В Министерстве народного просвещения был выработан циркуляр, которым преподавателям гуманитарных наук строго предписывалось «являть особое усердие в развитии просвещения из русского начала нашей народности»⁸⁰, которое должно было состоять «в беспредельной преданности самодержавию»⁸¹. Всякие «мечтания» о культурном и политическом сотрудничестве или объединении славян признавались вредными⁸².

В душевной атмосфере конца 40—50-х годов Срезневский начал преподавание в Петербургском университете и Главном педагогическом институте, был избран в Академию наук и стал активным членом ее Отделения русского языка и словесности. В курсах своих лекций он в сложившейся обстановке вынужден был отказаться от какой-либо интерпретации современных политических событий в славянских странах⁸³, за что его не раз упрекали студенты, придерживающиеся революционно-демократических убеждений. Но все же и в лекциях и особенно в редактируемых И. И. Срезневским в 1852—1863 гг. «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук» продолжал звучать мотив научной и культурной славянской взаимности⁸⁴, хотя и более приглушенно, чем в 40-е годы.

На рубеже 40—50-х годов происходит поворот в научной деятельности ученого. Его основные интересы сосредоточиваются в области русистики. Если в 40-е годы Срезневский подчеркивал важность для каждого русского ученого изучения славянских народов в целом, а изучение русского народа считал составной частью этого целого, то теперь главным он считал изучение русского народа, его языка и культуры, а славистика должна была дополнять это изучение⁸⁵. Такой переориентации способствовала и внутренняя эволюция научных воззрений Срезневского, а также его взглядов по национальному вопросу. В 50-е годы он активно выступает за развитие всего, в чем выражается русская народность. В «Мыслях об истории русского языка» (1849), в статьях и лекциях этого периода Срезневский ратовал за всестороннее развитие русской «народной» науки⁸⁶ и культуры, стремился поднять их престиж в русском обществе и за рубежом. Приверженность ко всему русскому проявилась и в общественной деятельности Срезнев-

ского. Так, принимая деятельное участие в конце 50-х годов в выработке нового устава Академии наук, он особенно активно отстаивал пункт устава, по которому ординарные академики должны были избираться из русских, а не из заграничных ученых, как это делалось ранее⁸⁷. В тех условиях это было важное прогрессивное требование.

60-е годы вошли в историю России как период реформ, на которые царизм вынужден был пойти под давлением развивающихся капиталистических отношений, общественного мнения и сложившейся революционной ситуации.

Позиция, занятая И. И. Срезневским в этот период, была крайне противоречивой. Во время студенческих волнений 1861 г. он, временно исполняя обязанности ректора, вместе с меньшинством профессоров университета принял сторону властей⁸⁸, хотя, насколько возможно, стремился облегчить участь арестованных студентов⁸⁹. Столь же непоследовательно было отношение Срезневского к тогдашним своим студентам — Н. Г. Чернышевскому и Н. А. Добролюбову. Осуждая их общественные взгляды⁹⁰, Срезневский вместе с тем не раз оказывал им моральную и другую поддержку в критических для них обстоятельствах. Известно, например, что он старался облегчить судьбу Н. А. Добролюбову, когда тому грозили репрессии в связи со стихотворным памфлетом на Н. И. Греча⁹¹. Впоследствии большой смелостью с его стороны были заявления (уже после ареста Чернышевского в 1862 г.) об «уме, даровании и образованности Чернышевского и Добролюбова», о которых «его сверстники — старики одних с ним — чинов и орденов... иначе не отзывались как с ненавистью и негодованием»⁹².

Как справедливо заметил В. П. Острогорский, Срезневский был представителем «университетского консерватизма, но консерватизма убежденного, не исключającego прогресса»⁹³. Действительно, как человек умный и критически мыслящий, он не мог не видеть вопиющих противоречий русской действительности. Он осуждал существование в стране крепостного права⁹⁴, казенный бюрократизм⁹⁵; отрицательно относился к фактам полицейского произвола в России и за границей⁹⁶ и даже по своему боролся с несправедливостью. Будучи, по отзывам современников, человеком порядочным, обладая

высокими моральными качествами, Срезневский не раз помогал людям, вступившим в конфликт с властями, например Н. И. Костомарову, А. А. Котляревскому, М. С. Куторге⁹⁷. Категорически отрицая революционный способ преобразования общества, Срезневский тем не менее видел необходимость «улучшения» его отдельных сторон. Панацеей освобождения от всех зол он идеалистически считал науку и образование, распространение которых в разных слоях общества, по мнению Срезневского, автоматически привело бы к установлению полной социальной гармонии. На склоне лет ученый строил проекты действенного распространения образования в обществе с помощью Министерства народного просвещения⁹⁸.

Все это позволяет заключить, что Срезневский по своим общественно-политическим взглядам не составлял исключения среди большинства профессоров и академиков, занимая правую, консервативную позицию сторонника «законности и порядка». Тем не менее его нельзя назвать безоговорочным апологетом существующего строя.

Рассмотрим, как проявлялись в 60—70-е годы взгляды Срезневского по национальному вопросу. В ноябре 1866 г. Русское географическое общество по поручению В. А. Дашковича (председателя распорядительного комитета Русской этнографической выставки в Москве) обратилось к члену-корреспонденту общества немецкому этнографу Г. Клемму с просьбой о присылке этнографических экспонатов, характеризующих сербо-лужицкую народность. Ответ был несколько неожиданным. Г. Клемм, 34 года изучавший лужицких сербов, безапелляционно заявил, что никаких особенных отличий между ними и немецким населением, «кроме языка и нескольких народных песен», не существует. На этом основании он отказывался прислать какие-либо экспонаты на выставку. И. И. Срезневский, будучи одним из лучших знатоков лужицких сербов в России, ознакомился с письмом Г. Клемма и не мог согласиться с националистической позицией немецкого этнографа. Он поместил в «Известиях Русского географического общества» перевод письма Клемма и свое опровержение, в котором убедительно доказал наличие богатого сербо-лужицкого фольклора, особенностей национального костюма лужицких сербов, объяснил причины физического

сходства немецкого и славянского населения Германии и т. п.⁹⁹ Тем самым замечания И. И. Срезневского явились еще одним редким заявлением в русской печати в поддержку национальной самобытности лужицких сербов против их убыстряющейся германизации¹⁰⁰.

Сочувствием к успехам науки и образования у зарубежных славянских народов проникнуты работы И. И. Срезневского «Труды югославянской Академии наук и художеств» (1868—1869) — отзыв на создание хорватской Академии наук в Загребе и на первый номер ее периодического издания; «Воспоминание о Чешском музее по поводу его пятидесятилетия» (1869), «Сведения о современной Сербии» (1877) и др. В последней из них Срезневский на примере развития народного образования в Сербском княжестве убедительно показал, каких успехов может добиться народ, освободившийся от чужеземного ига. С особенной «радостью и надеждою» он воспринял то, «что сделано и делается в Сербии для народного самосознания и познания земли Сербской»¹⁰¹. «Сведения о современной Сербии» вышли за рамки рецензии; в обстановке начавшейся русско-турецкой войны 1877—1878 гг. эта работа Срезневского имела особенно актуальное значение.

Сочувствуя успехам национального развития каждого из указанных выше славянских народов, Срезневский подошел к важному выводу, что наилучшие условия для такого развития имеют народы, освободившиеся от национального гнета. Разумеется, более радикальных выводов о необходимости и другим славянским народам сбросить чужеземное иго, ученый, поддерживающий существующие порядки и «законность», сделать не мог.

В письме к своему студенту чеху Й. Шебору от 20 марта 1873 г. Срезневский заявил: «Я до сих пор думаю только об одном: как бы так действовать, чтобы ни одна наша русская и западная славянская сила не погибла напрасно ни дома, ни в чуже»¹⁰². Это высказывание так же, как приведенные выше примеры отношения Срезневского к национальному и культурному развитию славянских народов, казалось бы, свидетельствуют о том, что и в 60—70-е годы он стоял в вопросах научной и культурной взаимности на позициях 40-х годов. Не противоречило идеалам славянской взаимности и широко известное стремление Срезневского всеми силами

поднять престиж русской науки и культуры и внутри страны и за рубежом.

Однако в действительности, примерно с конца 50-х годов, Срезневский постепенно отходит от своих прежних взглядов по национальному вопросу. Он начинает признавать исключительность одних славянских народов по сравнению с другими, что проявилось в его отношении к украинскому национальному движению, вновь заявившему о себе в конце 50-х—60-е годы. Русская правительственная пресса в лице М. Н. Каткова и других в штыки встретила украинское движение¹⁰³, выразившееся, в частности, в просветительской деятельности, в издании журнала «Основа» (1861—1862), в публицистике Н. И. Костомарова, М. П. Драгоманова и др.

Русские революционные демократы признавали справедливость борьбы украинских национально-буржуазных деятелей за национальную культуру, но в то же время подвергли критике их политический консерватизм, националистические тенденции¹⁰⁴ и т. п. В возникшей полемике И. И. Срезневский оказался на стороне русских шовинистов. Когда в Совете Петербургского университета встал вопрос о присуждении Н. И. Костомарову докторской степени, он как декан историко-филологического факультета решительно выступал против, обосновывая свою позицию тем, что «вовсе неудобно и неприлично признавать Костомарова доктором, когда патриотическая часть общества признает его сепаратистом и антипатриотической личностью, к чему Костомаров подал повод своими малороссийскими выходками в печати»¹⁰⁵.

Эта негативная позиция по отношению к украинскому национальному движению в конце 60-х годов нашла свое отражение в курсах лекций Срезневского по «истории славянского языка», проявившись в непризнании им права на самобытность за украинским языком и литературой¹⁰⁶. Однако он не видел «нужды уничтожать и прекращать» существующей письменности и литературы. Вместе с тем Срезневский не стоял и за их дальнейшее самостоятельное развитие как элементов культуры, принадлежащей «как бы отдельному народу»¹⁰⁷.

Не случайным кажется и изменение позиции Срезневского в отношении к словацкому языку и литературе, право на самостоятельность которых горячо под-

держивалось им в 40-е годы. В 70-е годы словацкий язык и литература признавались в университетских курсах Срезневского частью единого «чехославянского наречия»¹⁰⁸. Хотя аргументация этого положения была научная, Срезневский в данном случае, по-видимому, встал на сторону тех чешских либеральных и консервативных деятелей, которые, преследуя определенные национально-политические цели, не признавали самостоятельности словацкого национального движения, словацкого языка и литературы¹⁰⁹.

Таким образом, на практике взгляды Срезневского по вопросу о славянской взаимности были непоследовательными: в 60—70-е годы они распространялись уже не на все славянские народы, эволюционировав по пути, типичному для многих современных ему буржуазных правых либералов России и славянских стран¹¹⁰.

* * *

Подведем итоги. Общественно-политические взгляды И. И. Срезневского на протяжении его творческого пути значительно изменялись. В 30—50-е годы он довольно определенно проявил себя как умеренный либерал, категорически отрицавший необходимость революции и возможность ее в России, как монархист, видевший в Николае I «покровителя» русской науки и культуры. В то же время взгляды Срезневского данного периода содержали элементы демократизма, проявлявшиеся в выражении сочувствия положению простого народа, в возмущении против сохранения крепостной зависимости.

В вопросе о национальных отношениях Срезневский стоял на прогрессивных позициях. Он выступал за равноправие и свободное развитие всех, как славянских, так и неславянских, народов. Взаимоотношения между славянскими народами, по его представлению, должны были базироваться на началах научной и культурной славянской взаимности.

В 60—70-е годы на фоне демократизации общественной жизни в России И. И. Срезневский в своих общественно-политических взглядах эволюционирует вправо. В позиции, занятой им, противоречиво сочетались элементы умеренного либерализма и консерватизма.

Поворот вправо обозначился и во взглядах Срез-

невського по національному вопросу. Русский патриотизм ученого, проявившийся в 50-е годы в стремлении возвысить авторитет русской «народной» науки и культуры, в 60—70-е годы приобретает негативные черты великорусского национализма. Это выразилось в фактическом отрицании Срезневским возможности самостоятельного существования украинского, словацкого и других языков и литератур.

- ¹ Подробнее см.: Славяноведение в дореволюционной России: Библиогр. словарь. М., 1979, с. 320—321.
- ² Чернышевский Н. Г. Дневники.— Полн. собр. соч.: В 15-ти т. М., 1939, т. 1, с. 143, 272, 281, 353, 755, 817; *Он же*. Письма. 1838—1876.— Полн. собр. соч.: В 15-ти т. М., 1949, т. 14, с. 148, 221; Добролюбов Н. А. Дневники.— Собр. соч.: В 9-ти т. М.; Л., 1964, т. 8, с. 509, 513, 562, 565; *Он же*. Письма (1848—1861).— Собр. соч.: В 9-ти т. М.; Л., 1964, т. 9, с. 105, 247, 318; Писарев Д. И. Наша университетская наука.— Соч.: В 4-х т. М., 1955, т. 2, с. 170—171.
- ³ Пыпин А. Н. Измаил Иванович Срезневский (1812—1880).— Вестн. Европы, 1880, № 3, с. 447—456; *Он же*. Русское славяноведение в XIX столетии.— Вестн. Европы, 1889, № 7, с. 238—274; № 8, с. 683—728; № 9, с. 257—305; и др.; Глинский Б. Б. Семидесятилетие Петербургского университета.— Ист. вестник, 1894, № 2, с. 489—516; *Он же*. Виктор Петрович Острогорский.— Ист. вестник, 1902, № 6, с. 996—1029; Чешихин В. Е. Ранние годы Н. Г. Чернышевского: Из истории русского общества и литературы.— Вестн. Европы, 1908, № 7, с. 5—29; № 8, с. 494—528. В конце текста псевд.: В. Е. Ветринский.
- ⁴ Шамрай А. П. Харківські поети 30-40 років XIX століття: Харківська школа романтиків. Харків, 1930, с. 124.
- ⁵ Ламанский В. И. И. И. Срезневский.— В кн.: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. С.-Петербургского университета, 1869—1894. СПб., 1898, т. 2, с. 222—224; Срезневский В. И. Предисловие.— В кн.: Срезневский И. И. Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель, 1839—1842. СПб., 1895, с. VI—VII.
- ⁶ Сухобрус Г. С. Роль українських славістів першої половини XIX ст. у розвитку міжслов'янських фольклористичних зв'язків.— В кн.: Філологічний збірник. Київ, 1958, с. 296; *Она же*. Українсько-російські фольклорні зв'язки в освітленні вітчизняної науки першої половини XIX ст. Київ, 1963, с. 116, 118, 130.
- ⁷ Липатникова Г. И. К вопросу о взглядах И. И. Срезневского на историю и культуру славянских народов 30-40 годов XIX в.— Изв. Воронеж. гос. пед. ин-та, 1967, т. 76, с. 34—35.
- ⁸ Ламанский В. И. И. И. Срезневский, с. 216.
- ⁹ Срезневский В. И. Из переписки И. И. Срезневского 1829—1839 гг.— Киевская старина, 1901, т. 73, № 6, с. 325.
- ¹⁰ Ващенко В. С. Срезневський як дослідник української мови.— Українська мова в школі. Київ, 1958, № 3, с. 23—27 и др.
- ¹¹ Пыпин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур, СПб., 1881, т. 2, с. X; Ягич И. В. Мои воспоминания об И. И. Срез-

- Невском.— В кн.: Памяти И. И. Срезневского. Пг., 1916, кн. 1, с. 309.
- ¹² *Kucharska E., Nasz A., Rospond S.* *Wieś śląska w 1840 r.: Relacje z podróży naukowej I. I. Srezniewskiego po Śląsku.* Wrocław, 1973, s. 10. *Коваленко Л. А.* Питання історії зарубіжних слов'ян в українській історіографії першої половини XIX с.— Історіографічні дослідження в Українській РСР, Київ, 1973, вип. 6, с. 117; Хрестоматія по історії русського язуконнання/Сост. Ф. М. Березин. М., 1973, с. 104.
- ¹³ *Багалей Д. И.* Опыт истории Харьковского университета: (По неизданным материалам), 1815—1835. Харьков, 1904, т. 2, с. 428—429.
- ¹⁴ Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805—1905)/Под ред. М. Г. Халанского, Д. И. Багаля. Харьков, 1908, с. 56.
- ¹⁵ *Срезневский И. И.* Письмо к Г. Н. Геннади от 12 июля 1872 г.— РО ИРЛИ (ПД), ф. 357, оп. 3, л. 1 об. и 2.
- ¹⁶ *Срезневский В. И.* Предисловие, с. IX.
- ¹⁷ *Срезневский И. И.* [Письма племяннику священнику Запольскому, 1856 г. Сообщ. А. И. Маркевич].— Русская старина, 1881, кн. 12, с. 917.
- ¹⁸ История Украинской ССР/Гл. ред. К. К. Дубина. Киев, 1969, с. 376—379.
- ¹⁹ *Багалей Д. И., Миллер Д. П.* История города Харькова за 250 лет его существования (с 1655 по 1905). Харьков, 1912, т. 2, с. 3.
- ²⁰ *Сергієнко Г. Я.* Пропаганда ідей декабристів серед харківських студентів (1826—1827 рр.)—Український історичний журнал, 1970, № 8, с. 77—84.
- ²¹ *Багалей Д. И.* Опыт история харьковского университета..., т. 2, с. 784.
- ²² *Сокольский И. П.* Предисловие.— В кн.: *Срезневский И. И.* Историческое обозрение гражданского устройства Слободской Украины со времени ее заселения до преобразования в Харьковскую губернию. 2-е изд. Харьков, 1883, с. 4.
- ²³ *Волинський П. К.* Український романтизм у зв'язку з розвитком романтизму в слов'янських літературах. Київ, 1963, с. 20.
- ²⁴ *Срезневский В. И.* Из переписки И. И. Срезневского..., с. 341.
- ²⁵ Там же, с. 230—231.
- ²⁶ Там же, с. 222—223.
- ²⁷ Не случайно Срезневский записывает высказывание И. Джунковского, помеченное 25 января 1832 г.: «Рим погиб, сделавшись монархией. Россия погибнет, когда наденет республиканскую тогу». [*Срезневский И. И.* Выписки из книг и журналов начала XIX в., русских и иностранных (1829—1832).— ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, д. 1, л. 53; см. также: *Он же.* Вступительное чтение в курс статистики государств европейской системы просвещения в их современном состоянии.— ЖМНП, 1838, ч. 20, с. 243].
- ²⁸ См., например: *Срезневский И. И.* Историческое обозрение гражданского устройства Слободской Украины со времени ее заселения до преобразования в Харьковскую губернию. 2-е изд., Харьков, 1883, с. 23.
- ²⁹ *Срезневский И. И.* Взгляд на памятники украинской народной словесности: Письмо к профессору И. М. Снегиреву.— Учен. зап. Моск. ун-та, 1834, ч. 6, № 4, с. 135—136.
- ³⁰ *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Мини-

- стерства народного просвещения, 1802—1902. СПб., 1902, с. 179—183.
- ³¹ Это находило у Срезневского свое философское оправдание: «Вечность борения, вечность в той мере, в какой можем представлять себе вечность жизни, предполагает равновесие сил; равновесие сил предполагает постепенность развития борьбы, постепенность перемен и остановок; постепенность не допускает скоков, невозможность скоков — невозможность революций, необходимость эволюций (подчеркнуто нами.— М. Д.). С другой стороны, равновесие сил предполагает постепенность перемен и остановок, предполагает правильность в самих переменах и остановках, законность, необходимость; законность не допускает произвола; невозможность произвола — невозможность, предотвращение того, что должно быть» [*Срезневский И. И.* Мысли о преподавании в университете славяноведения (1841—1842).— ЛО ААН, ф. 216, оп. 1, д. 727, л. 13].
- ³² *Гутнова Е. В.* Романтизм.— СИЭ, т. 12, с. 133.
- ³³ *Волинський П. К.* Український романтизм..., с. 149—161.
- ³⁴ *Срезневский И. И.* Взгляд на памятники украинской народной словесности, с. 134.
- ³⁵ *Срезневский В. И.* Из переписки И. И. Срезневского..., с. 325.
- ³⁶ См.: *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1958, с. 17.
- ³⁷ *Срезневский И. И.* Выписки из книг и журналов начала XIX в., л. 53 (декабрь 1831 г.).
- ³⁸ *Срезневский И. И.* Опыт о сущности и содержании теории в науках политических. Харьков, 1837, с. 41.
- ³⁹ *Срезневский И. И.* Историческое обозрение гражданского устройства Слободской Украины..., с. 7—9.
- ⁴⁰ Судя по черновым тетрадам Срезневского 30-х годов, он читал книги по истории самых разных народов: древних (этруски, греки, римляне, египтяне, половцы, татары, норманны и др.) и современных (американцы, англичане, французы, немцы, североамериканские индейцы и др.). См.: *Срезневский И. И.* Записка о том, что мною читано или просмотрено в книгах и журналах с выписками.— ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, д. 3.
- ⁴¹ В черновых тетрадах И. И. Срезневского 30-х годов среди книг, которые он прочитал или собирался прочесть, значатся «История славянских литератур» П. И. Шафарика, «Чешская грамматика» В. Ганки, «История польского народа» А. Нарушевича и др. (Там же, д. 14, л. 44, 52 об.).
- ⁴² *Волинський П. К.* Український романтизм..., с. 13.
- ⁴³ *Колейка Й.* Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Прага, 1964, с. 36, 37, 154.
- ⁴⁴ *Лециловская И. И.* Концепция славянской общности в конце XVIII — первой половине XIX в.— Вопр. истории, 1976, № 12, с. 81.
- ⁴⁵ III. sjazd československých historikov. 16—19. IX 1960.— Historický časopis, 1960, N 1, s. 187.
- ⁴⁶ *Срезневский И. И.* Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель, 1839—1842. СПб., 1895, с. 109, 124, 287, 290, 305, 307.
- ⁴⁷ *Францев В. А.* Срезневский и славянство.— В кн.: Памяти И. И. Срезневского. Пг., 1916, кн. 1, с. 107, 113, 119, 128, 131, 137, 140, 145.

- 48 Срезневский И. И. Путевые письма..., с. 67.
- 49 Срезневский И. И. Публичные чтения о славянах.— Денница, 1843, ч. 2, с. 140—141.
- 50 Срезневский И. И. Взгляд на современное состояние литературы у западных славян.— В кн.: Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М., 1847, с. 683—684.
- 51 Novotný J. Češi a Slováci za národního obrození a do vzniku československého státu. Praha, 1968, s. 115.
- 52 Волинський П. К. Теоретична боротьба в українській літературі (перша половина ХІХ ст.). Київ, 1969, с. 141.
- 53 Кондрашов Н. А. Словацкие материалы в архиве И. И. Срезневского.— Науч. докл. высшей школы. Филол. науки, 1959, № 4, с. 168.
- 54 Матула В. Людовит Штур и формирование словацкой национальной идеологии.— В кн.: Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1970, с. 103.
- 55 Dostaľova M. J. Roz'účková reč I. I. Srezněvského pri odchode zo Slovenska r. 1842.— Historické štúdie, 1979, roč. 23, s. 200.
- 56 Срезневский И. И. Вступительная лекция И. И. Срезневского в Харьковском университете 16 октября 1842 г. [Публикация В. И. Срезневского].— ЖМНП, 1893, ч. 287, № 5, с. 128—133.
- 57 Срезневский И. И. Литературное оживление у западных славян.— Современник, 1846, ч. 42, с. 314—315.
- 58 Дудзинская Е. А. Буржуазные тенденции в теории и практике славянофилов.— Вопр. истории, 1972, № 1, с. 49—64.
- 59 Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Славянофильство, его национальные истоки и место в истории русской мысли.— Вопр. философии, 1966, № 6, с. 123, 126, 128.
- 60 Литературные взгляды и творчество славянофилов, 1830—1850 годы. М., 1978, с. 108; Лаптева Л. П. Русская историография гуситского движения, 40-е годы XIX в.— 1917 г. М., 1978, с. 28—29.
- 61 Дмитриев С. С. Славянофильство.— СИЭ, т. 13, с. 34.
- 62 Валицки А. Русское славянофильство и «славянская идея».— In: L'udovít Štúr und die slawische Wechelseitigkeit. Bratislava, 1969, s. 298, 299.
- 63 Срезневская О. И. Художественные произведения И. И. Срезневского и его отношение к поэзии вообще.— В кн.: Памяти И. И. Срезневского. Пг., 1916, кн. 1, с. 189—191.
- 64 Срезневский И. И. Первая лекция в С.-Петербургском университете с характеристикой П. И. Прейса как ученого (28.I.1847).— ЛО ААН, оп. 1, д. 729, л. 4 об.
- 65 Срезневский И. И. Вступительная лекция..., с. 132.
- 66 Тем не менее в 1878 г. И. И. Срезневский был избран почетным членом Петербургского комитета Славянского благотворительного общества. См.: протоколы общих собраний гг. членов С.-Петербургского славянского благотворительного общества (I.V 1877—14.X 1879).— ЛГИА, ф. 400, оп. 1, д. 179, л. 76 об.
- 67 Мартынов И. М. Письма И. И. Срезневскому.— ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, д. 1042, л. 8.
- 68 Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель (1835—1861). Варшава, 1905, с. 1061.
- 69 Augustínová V. Príspevky k česko-ruským stykům: Spisovatel V. Zelený na Rusy.— Ruský Čech, Kijev, 1907, N 41, s. 3.
- 70 Срезневский И. И. Первая лекция в С.-Петербургском университете..., л. 4 об., 5.

- 71 Там же.
- 72 См.: Современник, 1846, т. 44, с. 129—130.
- 73 Никитенко А. В. Дневник: В 3-х т. М., 1955, т. 1, с. 329.
- 74 Письма к Вячеславу Ганке..., с. 1060.
- 75 О. М. Бодянский в переписке с учеными: Письма И. И. Срезневского/Изд. А. Титов. Библиографические записки, 1892, кн. 2, с. 4.
- 76 Францев В. А. Очерки по истории чешского возрождения: Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX столетия. Варшава, 1902, с. 303.
- 77 Kucharska E. Działność slawistyczna P. Dubrowskiego w świetle listów do I. Sriezniewskiego.— Żeszyty naukowe WSP w Opolu. Seria V: Studia I, monografie. Wrocław, 1974, N 41, s. 59.
- 78 Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846—1847). М., 1959, с. 172.
- 79 Ламанский В. И. И. И. Срезневский, с. 238—239.
- 80 Никитенко А. В. Дневник, т. 1, с. 250.
- 81 Там же, с. 306.
- 82 Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802—1902. СПб., 1902, с. 224.
- 83 Пыпин А. Н. И. И. Срезневский.— Вестн. Европы, 1880, т. 2, № 3, с. 455.
- 84 Досталь М. Ю. Библиографические заметки о книгах чешских и словацких ученых в «Известиях» Отделения русского языка и словесности Академии наук.— Сов. славяноведение, 1975, № 2, с. 82—88.
- 85 Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. М., 1959, с. 16, 29, 34—35.
- 86 Там же, с. 16.
- 87 Добролюбов Н. А. Дневники, с. 514.
- 88 Спасович В. Д. Пятидесятилетие Петербургского университета [Рец. на кн.: Императорский Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка, составленная В. В. Григорьевым. СПб., 1870]— Соч.: В 4-х т. СПб., 1891, т. 4, с. 40—44.
- 89 Там же, с. 37.
- 90 Базанов В. Г. Русские революционные демократы и народознание. Л., 1974, с. 366.
- 91 Добролюбов Н. А. Письма (1848—1861), с. 667.
- 92 Ламанский В. И. И. И. Срезневский, с. 249.
- 93 Глинский Б. Б. Семидесятилетие Петербургского университета, с. 496.
- 94 Бычков А. Ф. Отчет о деятельности Второго отделения имп. Академии наук за 1880 год [Некролог И. И. Срезневского].— Сб. ОРИС, СПб., 1881, т. 22, № 6, с. 39—40.
- 95 Ламанский В. И. И. И. Срезневский, с. 240.
- 96 Досталь М. Ю. Чешские связи И. И. Срезневского в 60-е годы XIX в.— В кн.: Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974, с. 180.
- 97 Костомаров Н. И. Петербургский университет начала 60-х годов.— В кн.: 50. Юбилейный сборник литературного фонда 1859—1909. СПб., с. 119; Пыпин А. Н. Очерк биографии профессора А. А. Котляревского.— Котляревский А. А. Соч.: В 4-х т. СПб., 1895, т. 4, с. XXXVIII—XXXIX; Константинова А. Д. Жизнь и научная деятельность М. С. Куторги.— В кн.: Вопросы историографии всеобщей истории. Казань, 1967, вып. 2, с. 118.

- ⁹⁸ В своих заметках 1870-х годов «Кто не знает, как нужны всюду и везде люди нравственные...» И. И. Срезневский писал: «Один из высших блюстителей этих залогов общего благоденствия Министр народного просвещения: у него под рукою не только значительная часть воспитанников, но и большинство, главнейшая часть воспитателей, начиная от самых высших; у него под рукою почти все те профессора, которые образуют и профессоров, и учителей, и всякого рода наставников; у него под руками почти все важнейшие пружины, от которых зависит ход всех важнейших колес воспитания всех классов народа, всего гражданского, в значительной части военного, посредственно и духовного» (ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, д. 954).
- ⁹⁹ *Срезневский И. И.* Замечания к отзыву этнографа Клемма о лужичанах (вендах) саксонских.— Изв. имп. Русского географического о-ва, 1866, т. 2, с. 213—217.
- ¹⁰⁰ См.: *Лаптева Л. П.* История и этнография лужицких сербов в русской дореволюционной литературе.— В кн.: Общественно-политические движения в Центральной Европе в XIX — начале XX в. М., 1974, с. 364—386.
- ¹⁰¹ *Срезневский И. И.* Сведения о современной Сербии: По поводу книги М. Ю. Миличевича «Кнежевина Србија» [Белград, 1876]. СПб., 1877, с. 10.
- ¹⁰² *Срезневский И. И.* Письмо И. Шебору (1873).— ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, д. 1137.
- ¹⁰³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 43—44.
- ¹⁰⁴ *Сергієнко Г. Я.* «Основа».— Радянська енциклопедія історії України, т. 3, с. 299; *Чернышевский Н. Г.* Национальная бестактность.— Полн. собр. соч.: В 15-ти т. М., 1950, т. 7, с. 775—793; *Он же.* Народная бестолковость.— Полн. собр. соч. В 15-ти т. М., 1950, т. 7, с. 828—848.
- ¹⁰⁵ *Никитенко А. В.* Дневник: В 3-х т. М., 1955, т. 2, с. 418.
- ¹⁰⁶ *Срезневский И. И.* Чтения по истории славянского языка и его наречий./Сост. Беляев (начало 1870-х годов)— ЛО ААН, ф. 216, оп. 1, д. 785.
- ¹⁰⁷ *Срезневский В. И.* Краткий очерк жизни и деятельности И. И. Срезневского.— В кн.: Памяти И. И. Срезневского. Пг., 1916, кн. 1, с. 9.
- ¹⁰⁸ *Срезневский И. И.* Судьбы чешско-словенского наречия (вторая половина 1860-х гг.).— ЛО ААН, ф. 216, оп. 1, д. 429; *Поддубный.* Чехославянское наречие (начало 1870-х годов). Там же, оп. 3, д. 1477.
- ¹⁰⁹ *Novotný J.* Češi a Slováci za národného obrození..., s. 175—184.
- ¹¹⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 43—44.

Л. Ф. ЧАЩИНА

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ
РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
В 40—60-е ГОДЫ XIX в.

История старообрядчества в Австрии и Европейской Турции неотделима от истории старообрядческого движения в России. Только учитывая эту взаимосвязь, можно понять историческую роль и общественно-политическое содержание старообрядческого движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Эмиграция старообрядцев за границу, начавшаяся еще в XVII в., явилась одной из форм их протеста против преследований со стороны дворянско-крепостнического государства и господствующей в нем церкви. В Европейскую Турцию они переселялись с XVIII в. После поражения восстания Кондратия Булавина большая часть сторонников «старой веры», принимавших в нем участие, бежала с атаманом Игнатием Некрасовым на Кубань, а затем часть их ушла в пределы Османской империи. Старообрядцы-некрасовцы основали свои колонии в Добрудже, на Нижнем Дунае и в Малой Азии¹. Некоторые из них проложили по-видимому, в дальнейшем путь на территорию находящегося в вассальной зависимости от Османской империи Молдавского княжества. В недавно изданном румынскими археографами сборнике документов по аграрной истории княжества XVIII в. опубликован ряд соглашений об условиях поселения липован² на землях монастырских вотчин Южной Буковины, относящихся уже к 30—40-м годам XVIII в.³

В 1783 г. старообрядцы с разрешения австрийского правительства основали в Буковине село Белая Криница, а в 1846 г. стараниями русских и зарубежных старообрядцев-поповцев в Белой Кринице была учреждена старообрядческая митрополия, которая положила начало существованию самого крупного направления

в старообрядчестве — австрийского или белокриницкого согласия. Почти все старообрядцы придунайских районов Османской империи поддержали образование Белокриницкой иерархии и признали ее руководящее влияние⁴.

Во внутренней общественно-политической жизни Австрии и Турции старообрядчество не играло особенно заметной роли. Однако оно использовалось правительствами этих стран как в экономическом, так и во внешнеполитическом плане. С помощью старообрядцев власти пытались освоить и укрепить малонаселенные пограничные районы (учитывая, разумеется, при этом оппозиционные настроения русских беженцев в отношении царского правительства). Старообрядцы-некрасовцы, поселившиеся в районах по нижнему течению Дуная, были, например, обязаны во время войны по требованию турецкого правительства участвовать в военных операциях. Во время Крымской войны отряд казаков-некрасовцев участвовал в боевых действиях на стороне Турции⁵. Правительства Австрийской и Османской империй привлекали старообрядцев тем, что наделяли их особыми привилегиями: им гарантировали свободу вероисповедания, их освобождали от уплаты налогов, им предоставляли право собственного суда. Кроме того, в Австрии до 1869 г. старообрядцы были освобождены от воинской повинности⁶.

Середина XIX в. становится переломным периодом в истории русского и зарубежного старообрядчества. С одной стороны, старообрядческая церковь достигает в этот период высшей ступени организационного оформления, что нашло отражение в образовании в 1846 г. в Австрии Белокриницкой митрополии; с другой — именно в этот период старообрядчество начинает терять свой оппозиционный характер, что нашло, в частности, выражение в стремлении старообрядческой буржуазии к сближению с официальной православной церковью и государственной властью.

Весьма важной и интересной страницей истории старообрядчества в Центральной и Юго-Восточной Европе является проблема его взаимоотношений с русской революционно-демократической эмиграцией. Изучение этих взаимоотношений позволяет раскрыть социальное содержание тогдашнего старообрядчества и

глубже понять ряд проблем революционно-демократического движения.

В литературе 40—60-х годов XIX в. по истории старообрядчества в странах Центральной и Юго-Восточной Европы можно выделить ряд направлений.

К официальному направлению относятся работы, авторами которых были главным образом царские чиновники и представители господствующей православной церкви. Социальная принадлежность авторов определяла идейную направленность этой литературы. Главной ее задачей была борьба с расколом. Здесь использовались различные методы — от прямого словесного «обличения», теоретически оправдывающего проводимые на практике карательные меры правительства, до чрезвычайно осторожного миссионерского «слова», преследующего цель приобщения к официальной церкви как можно большего числа старообрядческой пасты. Иногда методы сочетались, а подчас литература официального направления внешне приобретала чисто богословский характер. В 40—50-е годы XIX в. карательная политика правительства в отношении старообрядцев и сектантов сопровождалась широким распространением «обличительной» литературы. С конца 50-х — начала 60-х годов во главу угла начинают ставиться миссионерские по своему характеру работы.

Этап 40—50-х годов был представлен работами И. П. Липранди, П. И. Мельникова (Печерского), Н. И. Надеждина и ряда других авторов.

Первым в России описал старообрядцев, проживавших в пределах Австрийской и Османской империй ученый и журналист, чиновник Министерства внутренних дел Н. И. Надеждин. В 1845 г. он посетил несколько старообрядческих селений в австрийской Буковине, Молдавском и Валашском княжествах, а также в ряде областей Европейской и Азиатской Турции. Экспедиция Надеждина к заграничным старообрядцам была предпринята по поручению Министерства внутренних дел. Результатом ее явилась представленная в министерство секретная записка «О заграничных раскольниках», опубликованная позднее в Лондоне русскими революционными демократами с целью разоблачения карательной политики царского правительства по отношению к старообрядцам⁷.

Надеждину было поручено изучить состояние заграничного старообрядчества и сектантства в связи с подготовкой новых репрессивных мер против раскольников. Это лишило его возможности всесторонне и объективно осветить историю и современное состояние австрийских и турецких старообрядцев.

Эмиграционное движение среди русских старообрядцев Надеждин объяснял не протестом низших слоев старообрядчества против эксплуатации, преследований феодально-крепостнического государства и церкви, а религиозным фанатизмом раскольников⁸. При этом, войдя фактически в противоречие со своей же оценкой, он указывал на неразрывность в старообрядческом движении религиозного и гражданского элементов⁹.

Впрочем, цель очерка Надеждина состояла не столько в том, чтобы выявить и показать исторические корни и социальное содержание старообрядческого движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, сколько в том, чтобы определить степень «опасности», которую представляло это движение для русского самодержавия. «Опасность» Надеждин усматривает прежде всего в существовании тесных контактов между заграничными и русскими старообрядцами, а также в возможности образования в Белой Кринице старообрядческой митрополии, что, по его мнению, может еще больше укрепить зарубежное и русское старообрядчество, активизировать его борьбу против России и русского православия (между последними Надеждин не делал различия). Надеждин призывал правительство обратить внимание на заграничных раскольников, особенно на их сношения с русскими старообрядцами. «Австро-турецкие поповщинцы,— заключает Надеждин,— тесно связаны между собою... Масса эта, непрерывно подновляемая свежими выходцами из отечества, вообще питает горячую любовь к земле русской, но исполнена неприязненных чувств к порядку вещей, существующих в России, а потому и к правительству, которым этот порядок введен и поддерживается»¹⁰.

Во введении к I выпуску «Сборника правительственных сведений о раскольниках» его составитель В. И. Кельсиев справедливо заметил: «Надеждину было нужно во что бы то ни стало стыкать в липова-

нах развратную жизнь и очернить их в глазах Николая»¹¹.

Донесение Надеждина достигло своей цели. Царское правительство учло предложения своего чиновника и предприняло ряд новых репрессивных мер против зарубежных старообрядцев. Так, 25 мая 1847 г. Министерство внутренних дел издало следующее секретное постановление: «Повелено наблюдать за сношениями наших раскольников с заграничными (буковинскими); прибывших же из-за границы раскольников брать под арест для секретного исследования их замыслов и поступления по существующим законам»¹². В этом же году от имени Николая I австрийскому правительству было предъявлено решительное требование о немедленном закрытии в Белой Кринице митрополии и монастыря, а также о высылке белокриницкого митрополита Амвросия¹³.

Таким образом, записка Надеждина — не только одна из первых страниц в историографии зарубежного старообрядчества, но и ценный источник для понимания политики, проводившейся правительством Николая I по отношению к русским и зарубежным старообрядцам. А поскольку эта политика выдвигала на первый план карательные методы борьбы с расколом, то и лейтмотив работы Надеждина как представителя официальных кругов в историографии носил «обличительный» характер, направленный на оправдание этих репрессий.

Второй этап развития официального направления в историографии старообрядчества связан с вызреванием революционной ситуации в России. С конца 50-х годов политика преследований старообрядцев сменяется новыми, более гибкими методами воздействия. На передний план выдвигается миссионерская и «просветительская» деятельность, направленная на привлечение раскольников к официальной церкви¹⁴. При этом изменяется и направленность соответствующей литературы.

Наиболее характерными для конца 50-х — начала 60-х годов были работы профессора московской духовной академии Н. И. Субботина. Среди его многочисленных работ по истории старообрядчества более двух десятков являются либо специальными исследованиями по истории старообрядчества в Австрии и Европейской

Турции, либо исследованиями, частично связанными с проблемами старообрядчества этих стран¹⁵.

Субботин известен как исследователь старообрядчества и как публицист, создавший и редактировавший специальный противораскольнический журнал «Братское слово». Он был преданным и деятельным сподвижником одного из наиболее активных проводников реакционной политики царского правительства в отношении старообрядцев — К. П. Победоносцева¹⁶, активно защищал интересы клерикальной верхушки официальной церкви.

Уже в первых статьях Субботина, опубликованных в 1865—1866 гг. в «Русском вестнике», отчетливо проявляется миссионерская направленность. Они были непосредственным откликом на важнейшее событие в истории старообрядчества — «Окружное послание», изданное в 1862 г. верхушкой московских старообрядцев австрийского согласия¹⁷.

Субботин правильно усматривал в факте издания старообрядцами «Окружного послания» «шаг к сближению с православной церковью». Он заметил также, что шаг этот был сделан не всеми старообрядцами, а главным образом ее верхушкой или, по выражению Субботина, «раскольничьей интеллигенцией»; большинство же простого народа — «фабричные из Гуслицы, коломенские и кожуховские огородники и другие темные люди» — выступали противниками «Окружного послания»¹⁸.

Однако в немногих справедливых замечаниях Субботина только констатируются факты, он не в состоянии вскрыть причины и сущность явлений. Шаг «примирения» старообрядческой верхушки с православной церковью и государственной властью, борьбу различных групп старообрядцев вокруг «Окружного послания» Субботин никак не связывал с социально-экономическими факторами, с углублением классовой дифференциации в старообрядчестве, объясняя их только борьбой за власть между сторонниками белокриницкого митрополита Кирилла и представителя интересов другой группировки — общины Рогожского кладбища.

В 1865 г. Субботин способствует переходу в лоно официальной церкви виднейших деятелей Белокриницкой иерархии, которые предоставили в его распоряжение архив Белокриницкой митрополии, содержавший

большое количество документов о старообрядцах, проживавших в Австрии и Турции¹⁹. На основе этих документов Субботин опубликовал ряд книг, статей и документальных сборников. Они содержат большой фактический материал, в них опубликовано много источников, весьма ценных для современного исследователя. Что касается общего подхода Субботина к тем или иным проблемам, то он полностью соответствует классовым позициям автора. Подробнее следует остановиться на книге «Раскол как орудие враждебных России партий», которая интересна как в плане изучения истории старообрядчества в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, так и для выяснения общей позиции автора по вопросам раскола.

Эта книга посвящена главным образом проблеме взаимоотношений старообрядцев, проживавших в Османской и Австрийской империях, с русскими революционерами-демократами. Субботин исходит из того, что все старообрядческие движения носили чисто религиозный характер. Он пишет: «Если невозможно отрицать, что строгие меры против раскольников вызывали в среде их громкий ропот на правительство и доводили их даже до открытых восстаний против законной власти, то, с другой стороны, не трудно в этих даже явлениях заметить основы чисто религиозные: ропот и самые восстания были вызываемы не гражданскими стеснениями, в перенесении которых старообрядцы могут показать не меньше терпеливости, как и весь русский народ, а именно стеснениями их религиозной свободы; искренние старообрядцы, когда и восставали против правительства, восставали во имя религии, на защиту своей старой веры²⁰».

Конечно, от Субботина нельзя ожидать объективного подхода при освещении деятельности русских революционеров-демократов, которых он именует представителями «враждебных России партий». Для него вся их деятельность носит «антирусский характер», а старообрядчество представители лондонского центра революционной демократии пытаются использовать как «орудие» в «антирусском» заговоре²¹.

К «враждебным» партиям Субботин относит не только революционных демократов, но и действовавшую среди старообрядцев придунайских районов Европейской Турции польскую политическую эмиграцию,

пытавшуюся использовать их в интересах национально-освободительной борьбы, а также правительства Австрии и Турции. Таким образом, он ставил знак равенства между абсолютно разными в политическом и классовом отношении силами, преследующими в своей деятельности различные цели. Получалось же это потому, что он отождествлял интересы русского народа, с одной стороны, и политическую линию самодержавного правительства и господствующей церкви, с другой, выдавая интересы царского самодержавия и официальной церкви за интересы всего русского народа²². Имея в виду взаимоотношения польских эмигрантов со старообрядцами придунайских областей Османской империи. Субботин употреблял термин «турецко-польско-раскольничий союз»²³. Этот союз, по мнению Субботина, приобрел особое значение в период Крымской войны, в которой отряды старообрядцев-некрасовцев, организованные главой польской аристократической эмиграции в Турции М. Чайковским, действовали в составе турецкой армии.

Обращение революционных демократов к «заграничным раскольникам», «поселившимся в австрийских и турецких пределах», Субботин объясняет тем, «что здесь сложилось гораздо больше элементов, враждебных русскому правительству, нежели во всех других местах, обитаемых раскольниками»²⁴. Истоки этой «враждебности» австрийских и турецких старообрядцев носят, согласно автору, «традиционный и наследственный характер»²⁵, ведущий свое начало еще с XVIII в.

В действительности австрийские и турецкие старообрядцы-поповцы XIX в., о которых пишет Субботин, по сравнению с русскими старообрядцами и старообрядцами других толков и согласий отличались как раз наибольшей общественно-политической пассивностью. Объяснялось это тем, что заграничные старообрядцы, особенно в придунайских областях Турции, представляли собой наиболее забитую, неграмотную, оторванную от общественных интересов своей родины массу. Правда, им не был знаком крепостной гнет, и это усиливало у них тягу к родине, способствовало наличию царистских иллюзий. Причины обращения революционных демократов к зарубежным старообрядцам Австрии и Турции были иными (о них будет сказано при рас-

смотрении революционно-демократической историографии по вопросам зарубежного старообрядчества).

В работах Субботина приводится довольно богатый фактический материал о старообрядцах придунайских областей Турции и особенно об австрийских липованах, освещающий, правда, преимущественно религиозные моменты в истории старообрядческого движения. Наиболее показательна в этом отношении монография «История Белокриницкой иерархии», имеющая фактологический характер.

Субботин боролся с оппозиционными религиозными движениями не только в печати. С 80-х годов он становится ближайшим помощником К. П. Победоносцева и принимает деятельное участие в разработке правительством новых противораскольнических мер.

В 1880 г. в связи с пересмотром действующих законов о старообрядцах и сектантах К. П. Победоносцев предложил Субботину написать краткую справку для ознакомления государственных чиновников с историей и современным состоянием старообрядческого движения. В напечатанной по распоряжению Победоносцева записке «О сущности и значении раскола в России»²⁶ нашла отражение истинная позиция Субботина по отношению к старообрядчеству. От лица представителей официальной церкви, которая, по убеждению Субботина, «составляет основную силу государства»²⁷, он призывал «оградить (т. е. ограничить.— Л. Ч.) законом полную свободу раскола во всех его религиозно-общественных отправлениях», что, по его словам, «значило бы оградить во всех ее проявлениях злейшую вражду против православия»²⁸.

Характерным для работ Субботина и типичным для всей дореволюционной литературы официального направления является стремление их авторов объяснить возникновение и развитие религиозно-общественных движений чисто религиозными побуждениями, не связывая эти движения с конкретными социально-экономическими условиями. Но эта литература имеет определенную ценность для современного исследователя, так как содержит богатый фактический материал и включает немало документальных текстов.

Совершенно иные черты имела та часть дореволюционной историографии старообрядчества, которая была связана с революционно-демократическим на-

правлением. Именно революционные демократы впервые подняли вопрос об общественно-политическом характере старообрядческого движения. Им первым принадлежит также попытка привлечь старообрядцев к освободительной борьбе.

А. И. Герцен указывал, что впервые мысль о привлечении раскольников к революционной борьбе возникла у декабриста Пестеля²⁹. Известно, что использовать старообрядцев в своей революционной деятельности думали и некоторые петрашевцы³⁰. Однако их взгляды не были разработаны теоретически и не получили практического воплощения.

В своих воспоминаниях об освободительном движении периода революционной ситуации 1859—1863 гг. революционер-шестидесятник Н. В. Шелгунов писал, что «вопрос о расколе... ведет свое начало с шестидесятих годов. Конечно, он существовал и ранее, да только не в таком виде... Теперь наступила пора, когда на раскол взглянули как на общественное явление и сделали первые попытки для его объяснения и идейного освещения. При тогдашнем преимущественно политическом настроении и объяснение расколу давалось тоже политическое»³¹.

Действительно, в период революционной ситуации 1859—1861 гг. вопрос о религиозно-общественных движениях приобретает для революционеров-демократов политическое звучание, становится одной из важных проблем освободительного движения. С начала 60-х годов в изданиях Вольной русской типографии активно ведется пропаганда, направленная на привлечение старообрядцев к участию во всеобщем военно-крестьянском восстании. Но попытки «объяснения и идейного освещения» религиозно-общественных движений, о которых писал Шелгунов, предпринимались революционными демократами задолго до начала революционной ситуации и непосредственной подготовки восстания.

Мнение некоторых исследователей, что мысль об общественном, народном характере старообрядческого движения впервые была высказана историком-демократом А. П. Щаповым, представляется нам неточным. В 1858 г. была опубликована магистерская диссертация Щапова «Русский раскол старообрядства...». В ней, правда, пока еще в очень неясной форме была вы-

сказана мысль о расколе как форме демократического протеста народных масс против абсолютистской, крепостнической политики царской власти. Этот взгляд был развит в следующей работе Шапова — «Земство и раскол»³². Однако, несомненно, формирование общественного и научного мировоззрения Шапова проходило под воздействием взглядов и деятельности революционных демократов, и прежде всего лондонского центра и журнала «Современник».

Еще в 1844 г. А. И. Герцен, записывая в дневнике свои впечатления о возмущении крестьян-молокан и отмечая их революционную активность, писал: «Итак, из раскольничьих скитов вырываются такие звуки среди общей немоты крестьян»³³. Интересно отметить, что уже в этой записи Герцен связывал раскольников³⁴ именно с крестьянской средой, выделяя их из крестьянской массы как более активный элемент.

В конце 40-х — начале 50-х годов Герцен приступает к разработке теории «русского социализма». В одной из программных статей этого периода — «Развитие революционных идей в России», написанной в 1850 и впервые опубликованной в 1851 г., он останавливается, в частности, на вопросах религиозно-общественного движения. Продолжая развивать уже высказанную ранее в статье «Россия» (1849 г.) точку зрения, что русская сельская община является тем «социалистическим элементом», который поможет России перейти к новому социалистическому устройству, Герцен отмечает, что у раскольников община «более развита, чем у православных крестьян»³⁵.

В статье «Русский народ и социализм» (1851), где Герцен говорит о сельской общине уже не только как о «социалистическом элементе», но и указывает на определяющую роль этого элемента в социалистическом будущем России, он повторяет высказанную ранее мысль о более развитых общинных институтах у раскольников: «еще теснее становится связь между крестьянами одной общины, когда они не православные, а раскольники»³⁶. Более того, он был убежден, что раскольничьи общины обладают значительным революционным потенциалом: «Вполне возможно, что от какого-нибудь скита (раскольничьей общины) начнется народное движение, конечно, национального и коммунистического характера; оно охватит затем целые области и пойдет

навстречу другому движению, источником которого являются революционные движения Европы»³⁷. В то же время Герцен отмечает неразвитость, стихийность и разрозненность религиозно-общественных движений³⁸. Поэтому он не исключает возможности, что раскольничье движение, не сознавая, как он пишет, своего родства с революционным, может вступить с ним в борьбу «к вящему удовольствию царя и его друзей»³⁹.

Политические задачи, интересы освободительного движения заставляли революционных демократов искать в религиозно-общественных движениях народные, социалистические элементы. В этом плане обращают на себя внимание слова М. А. Бакунина, который писал в 1862 г. в статье «Русским, польским и всем славянским друзьям»: «Сначала оно (слово «раскол».— Л. Ч.) выражало протест исключительно религиозный против насилия религиозного, против смещения власти духовной и светской, против притязания царей стоять во главе церкви. Впоследствии и очень скоро оно получило значение политическое и общественное. В нем выразилось разделение России на официальную и народную... Раскол двинул его (народа.— Л. Ч.) социальное воспитание, дал ему тайную, но тем не менее могущественную политическую организацию, сплотил его в силу. Раскол подымет его во имя свободы на спасение России»⁴⁰.

Справедливо, указывая, что по мере своего развития старообрядчество далеко выходит за рамки чисто религиозного движения и приобретает все большее общественно-политическое значение, русские революционные демократы все же не могли правильно раскрыть его содержание. Идеализация народности старообрядческого движения вела их к преувеличению и его революционных возможностей.

Считая сельскую общину главным элементом будущего социалистического устройства и находя у раскольников более ярко выраженные общинные институты, чем у крестьян, принадлежавших к официальной церкви, революционные демократы полагали, что именно из раскольничьих скитов начнется народное движение революционного характера. Они не видели, что в этот период внутри общины шел процесс нарастающей социальной дифференциации, что в ней происходили глубокие социально-экономические изменения буржуазного

характера. В старообрядческих же общинах буржуазные отношения развивались особенно быстро.

1861 год явился переломным в деятельности лондонского революционного центра. Надежды на такую крестьянскую реформу, которая без кровопролития решила бы крестьянский вопрос и сделала бы возможным мирное преобразование существующих общественных отношений в социалистические, не оправдались. Рост революционного движения, недовольство крестьян помогли окончательно преодолеть либеральные иллюзии и взяли курс на «повсюдное» крестьянское восстание. Начало его намечалось революционными демократами на весну 1863 г., когда истечет срок составления уставных грамот и крестьяне на опыте убедятся в половичатости и тяжести реформы.

Активную роль в предстоящем восстании лондонский центр отводил старообрядцам-крестьянам, живущим как в России, так и за рубежом. Учитывая удобство географического расположения австрийских и турецких старообрядцев, а также определенное влияние их на старообрядцев России через Белокриницкую митрополию и возлагая значительные надежды на их помощь в деле подготовки всероссийского крестьянского восстания, лондонский революционный центр (демократы) пытался установить с ними широкие контакты. Поэтому теоретические, публицистические, конспиративные и другие материалы, принадлежащие перу революционных демократов и связанные со старообрядческим движением, имели отношение не только к старообрядцам, жившим в России, но равно, а иногда и в первую очередь к старообрядцам Австрии и Европейской Турции.

В начале 60-х годов А. И. Герцен и Н. П. Огарев разрабатывали план подготовки восстания, который был изложен Огаревым в двух конспиративных документах — «Цель русского движения» и «Заграничные общества». «Цель русского движения: созвать земский собор... без различия сословий для всеобщего нового устройства России», — говорилось в первом документе⁴¹. При этом как средство давления на правительство и компрометации его перед народными массами перед началом восстания предполагалась подача адресов царю от всех сословий и групп с требованием созыва Земского собора. Герцен и Огарев ориентировались на восстание: «Если (или так как) государь не хочет созвать Земско-

го собора, то неурядица неизбежно доведет до восстания»⁴².

В документе «Заграничные общества» Огарев, характеризуя расстановку классовых сил перед восстанием и выдвигая план действий революционных обществ, делит Россию на районы, в которых действуют интересы «народные», «военные» и «образованного меньшинства». При этом в классификации народных центров Огарев специально выделяет раскол, считая центры, где присутствует «интерес раскола», более активными.

В пропаганде подачи адресов царю Огарев также особое внимание призывает уделять раскольничьим центрам: «Раскольники, у которых царствует действительная дисциплина,— подадут пример— у них адреса пойдут»⁴³.

Почему же Герцен и Огарев отводили старообрядчеству столь важное место во всероссийском восстании? Мы не отвергаем высказанную в современной научной литературе точку зрения о взгляде революционных демократов на старообрядчество как на оппозиционный, антиправительственный элемент. Но этот фактор, по нашему мнению, не был для них единственным и определяющим.

Революционные демократы смотрели на старообрядчество не просто как на подвергавшуюся политическим и религиозным гонениям массу, составляющую в силу этого оппозицию правительственной власти. Среди раскольников они выделяли прежде всего старообрядцев-крестьян, которых считали не только составной, но и наиболее активной частью русского крестьянства.

Революционные демократы были сторонниками общинного социализма, идеологами крестьянства и крестьянской революции. В этой революции они отводили старообрядцам-крестьянам активную роль, ибо считали, что «старообрядцы составляют самую энергичную, здоровую часть огромного земледельческого населения России»⁴⁴. Последние слова содержатся в письме Герцена к Гарибальди, опубликованном в январе 1864 г. в «Колоколе». В этом же письме (его Герцен считал своего рода итоговой статьей)⁴⁵ старообрядцы рассматриваются как выразители «народных стремлений». Герцен пишет: «Старообрядцы принесли бы на общий совет народную идею; народный гений, предание, быт и обычай; идея современная, наука была бы представлена другой средой»⁴⁶.

Возлагая основные надежды в проведении крестьянского восстания на старообрядцев-крестьян, революционные демократы в своей пропагандистской деятельности считали возможным использовать и руководителей старообрядческих согласий. С их помощью они пытались установить контакт со старообрядческими массами. Но не на них ориентировались революционные демократы в деле проведения восстания, в них они пытались найти поддержку лишь для распространения революционных идей среди старообрядцев-крестьян.

Для уяснения позиции революционных демократов в отношении старообрядчества в период революционной ситуации особенно важно то, что они определенно учитывали социальную неоднородность старообрядческой среды. Так, говоря о методе пропагандистской деятельности среди старообрядцев, Иван Кельсиев писал в своем первом письме к Герцену из Константинополя: «Секты нам нужно брать с двух сторон. Если мы с ними будем сношаться только при посредстве их глав, т. е. книжников, то мы приобретем в них союзника на первую только половину войны, а во второй нам придется сразиться с самими ими; тогда они бросятся в объятия своих старых врагов, и реакция выйдет на славу... Поэтому нужно начать дело не только сверху, но и снизу: нужно вступать в непосредственное сношение с массой сектантов»⁴⁷. И далее следует прямое подтверждение взгляда революционных демократов на старообрядцев-крестьян как на наиболее энергичную и активную часть всего крестьянского населения. «Пропаганда все равно должна идти между простым народом: нужно будет только предпочтительно на простолудинов-раскольников обращать внимание, чем на остальных простолудинов» — пишет И. Кельсиев⁴⁸.

Из сказанного видно, что, хотя революционные демократы не видели расслоения общины у раскольников, они все же выделяли старообрядческую клерикальную верхушку из их общей массы и считали возможным использовать эту верхушку лишь на начальном этапе борьбы. Идеализируя раскольничью общину, они тем не менее видели разницу между интересами рядовых раскольников, объединенных в общины, и интересами раскольничьей верхушки.

С 15 июля 1862 г. в течение двух лет в качестве приложения к «Колоколу» выходил листок «Общее вече».

Инициатором этого издания, адресованного главным образом старообрядцам, был Василий Кельсиев, однако он принял участие только в выпуске первого номера. Редактором всех последующих номеров и автором почти всех статей «Общего веча» был Н. П. Огарев. Огарев настоял, чтобы «Общее вече» имело политическое, революционно-пропагандистское, а не богословско-полемическое направление, как предлагал В. Кельсиев.

Пропагандистская деятельность «Общего веча» осуществлялась по широкой программе. В нее входила пропаганда идей русского социализма, которому Огарев посвятил специальную серию статей; разъяснение задач революционной борьбы; оценка событий международного освободительного движения и др. Но главной темой, пронизывающей почти все статьи «Общего веча», была подготовка к восстанию. При этом основное место в «Общем вече» уделялось пропаганде созыва старообрядческого собора. Созыв такого собора с требованием свободы веры мыслился революционными демократами как первый шаг к созыву бессословного Земского собора с требованием народного самоуправления. «Соединение всех старообрядческих согласий, — писал Огарев, обращаясь со страниц «Общего веча» к старообрядцам, — во имя требования свободы и полного равенства веры ляжет краеугольным камнем в основание внутренней земской свободы русского народа. Поэтому мы предполагаем на ваше усмотрение мысль о созывании собора из посланцев от всех старообрядческих согласий и обществ, внутри и вне России живущих, для определения способов истребования себе в России полной свободы веры и обрядоисполнения»⁴⁹.

После 1863 г. план созыва на единый собор всех старообрядческих согласий был заменен сначала идеей созыва собора всех заграничных, а затем только белокриницких и добруджанских старообрядцев. В письме к руководителю добруджанских старообрядцев О. С. Гончарову Огарев писал в марте 1864 г.: «Похлопочите о предварительном соборе заграничных старообрядцев; это — первый шаг; после примкнут и тамошние»⁵⁰.

Главной целью созыва собора белокриницких и добруджанских старообрядцев должно было стать составление «настойчивого» адреса царю с требованием свободы веры⁵¹. Прощение царю, составленное верхушкой добруджанского старообрядчества и поданное еще в

1862 г., носило почти верноподданнический характер. Герцен и Огарев настаивали на составлении нового адреса, в котором бы с большей резкостью было выражено требование свободы веры, а также старообрядческих согласий и обществ. Пропагандируя созыв старообрядческого собора, революционные демократы считали главным добиться сочувствия и поддержки рядовых старообрядцев⁵².

Проводя мысль о неразрывности интересов простых старообрядцев и всего крестьянства, Огарев писал в «Общем веча»: «Неужели вы думаете, что купечество спасет вас?.. Не дворянство чиновное и не купечество малосильное отстоят старообрядчество, т. е. свободу веры, а только народ, крестьянство». И далее: «Заключите же из этого, что старообрядчество и крестьянство, или народ, друг с другом тесно соединены и что их стремления и выгоды нераздельны. Требуйте свободы веры, и вы дойдете до требования народного самоуправления. Сзовите старообрядческий собор всех согласий, и вы дойдете до необходимости созвать Земский собор»⁵³.

Среди прокламаций, обращенных революционерами-демократами к различным сословным группам населения с пропагандой всероссийского военно-крестьянского восстания, была и написанная в Константинополе В. Кельсиевым прокламация «Слушная пора». Обращенная главным образом к старообрядцам-крестьянам, она призывала их подниматься на всеобщее восстание. Эту прокламацию В. Кельсиев распространял среди старообрядцев Европейской Турции, Австрии и России. Затем она была опубликована и в «Общем веча»⁵⁴.

Учитывая влияние духовенства на старообрядческие массы, революционные демократы обращались к нему с призывом поддержать народное восстание. В прокламации «Что надо делать духовенству», Огарев писал: «Смуты возобновятся в 1863 году... Надо, чтобы духовенство, по примеру за народ на кресте распятого, забыло страх. Когда придет войско против народа, пусть духовенство выйдет с крестом и дарами, пусть станет впереди народа и заслонит его своею грудью и орудиями святыми от орудий царской власти, от преступных выстрелов русских солдат по русскому народу»⁵⁵.

Обращение революционных демократов к старообрядческому духовенству, установление ими некоторых

связей с верхушкой зарубежных старообрядцев еще не значило, что они рассчитывали на «революционность» старообрядческих пастырей. Лондонские революционеры-демократы хорошо понимали, чьи социальные интересы представляло старообрядческое духовенство, и поэтому считали возможным использовать его лишь как временного союзника. Отводя активную роль в крестьянском восстании старообрядцам-крестьянам, они, однако, недостаточно учитывали то обстоятельство, что старообрядческая среда была политически неразвита и неоднородна. В. И. Ленин писал: «Что касается до демократических элементов в угнетенных народностях и в преследуемых вероучениях, то всякий знает и видит, что классовые противоречия внутри этих категорий населения гораздо глубже и сильнее, чем солидарность всех классов подобной категории против абсолютизма и за демократические учреждения»⁵⁶. Особенно политически неразвита и далека от революционных интересов была крестьянская масса заграничных старообрядцев. Она не испытывала на себе всей тяжести крепостничества, религиозный фанатизм и стремление вернуться на родину притупляли ее социальное самосознание.

Отдельные представители революционной демократии, столкнувшись непосредственно со старообрядческими «низами» и пытаясь проводить в их среде революционную пропаганду, убедились на деле, насколько далеки эти «низы» от понимания революционных интересов. Так, Иван Кельсиев в письме к Огареву из Тульчи отмечал, что старообрядческая масса неразвита, находится в религиозных цепях, и это не дает ей выхода в общественную деятельность, что, наконец, «гнет русского правительства для нее не существует» и в ней сильны царистские иллюзии⁵⁷.

Мы остановились далеко не на всем наследии революционных демократов, связанном с проблемами старообрядчества в Центральной и Юго-Восточной Европе. В статье сделана попытка осмыслить лишь тот материал, который дает возможность понять принципиально новый подход революционных демократов к проблемам религиозно-общественных движений.

Их новаторство в изучении религиозного сектантства и старообрядчества в общей форме охарактеризовано советским исследователем А. И. Клибановым, с мнением которого мы полностью солидаризируемся. Он пи-

шет, что революционным демократам «принадлежит приоритет в изучении религиозного сектантства и позитивный вклад в научное понимание его генезиса, внутренних противоречий и общественно-политической роли. Публицисты и ученые демократы потому сумели поднять наиболее радикальные проблемы в изучении религиозного сектантства, что для всех них, хотя и в неодинаковой степени, религиозно-общественные движения составляли политическую проблему и рассматривались в плане интересов последовательной борьбы против абсолютизма»⁵⁸.

* * *

В заключение следует отметить, что русская дореволюционная историография старообрядческого движения в Центральной и Юго-Восточной Европе в 40—60-е годы XIX в. поляризована и фактически представлена двумя направлениями: официальным и революционно-демократическим.

Для первого из них характерны различные акценты в литературе, менявшиеся с изменением правительственной политики по отношению к старообрядчеству. Для авторов этого направления типично обращение к религиозным и политическим аспектам движения, игнорирование его социально-экономической и общественной стороны.

Революционно-демократическое направление также не было однозначным, особенно в плане эволюции взглядов на старообрядческое движение. Развитие этих взглядов определялось и корректировалось непосредственными задачами революционной освободительной борьбы.

Наследие революционных демократов интересно не только с историографической точки зрения. Оно является ценнейшим источником по истории старообрядческого движения в целом и старообрядчества в Центральной и Юго-Восточной Европе периода 40—60-х годов в частности. Обращение к этому наследию и его тщательное изучение помогут не только наметить, но и расширить перспективы дальнейшей работы в этом направлении.

На основе марксистско-ленинской методологии советская историческая наука определила пути и методы подхода к изучению истории религиозно-общественных движений. В последние годы появился ряд ценных исследований по истории старообрядчества и сектантства,

которые имеют немаловажное методологическое значение при изучении интересующей нас темы⁵⁹.

Но если говорить о конкретно-историческом исследовании старообрядческого движения в Австрии и Европейской Турции, то в советской историографии еще нет ни специальных, ни более общих работ, где соответствующему кругу вопросов было бы уделено достаточное внимание. Об истории образования Белокриницкой иерархии, а также о взаимоотношениях революционеров-демократов со старообрядцами имеются лишь самые краткие сведения в исследованиях В. Ф. Миловидова и А. И. Клибанова⁶⁰.

Если в работах, посвященных старообрядчеству, проблема почти не нашла освещения, то в ряде исследований о революционерах-демократах ей отведено немало страниц. Здесь она рассматривается прежде всего в свете обращения революционной демократии к старообрядчеству как к оппозиционному, антиправительственному элементу с целью подготовки революционно-демократического натиска.

Именно с этих позиций подходят к освещению проблемы взаимоотношений революционной демократии со старообрядчеством, в том числе со старообрядцами Австрии и Европейской Турции, советские историки П. Г. Рындзюнский, Е. Л. Рудницкая и В. Я. Гросул⁶¹.

Советская историческая наука наметила некоторые важные вопросы изучения старообрядческого движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Однако тема в целом остается практически не освещенной и еще ждет своих исследователей.

---

¹ См.: *Надеждин Н. И.* О заграничных раскольниках.— В кн.: Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1860, вып. 1, с. 123; *Шапов А. П.* Земство и раскол. СПб., 1862, с. 122; *Субботин Н. И.* Учреждение архиерейской кафедры у турецких раскольников.— *Русский вестник*, 1869, т. 81, № 5, с. 169—173; Очерк истории старообрядцев в Добрудже.— В кн.: *Славянский сборник*. СПб., 1875, т. 1, с. 605—610; *Миловидов В. Ф.* Старообрядчество в прошлом и настоящем, М., 1969, с. 30—31.

² Липованами называли русских старообрядцев, живших в румынских княжествах, в придунайских районах Османской империи, в Австрии и Пруссии.

³ См.: *Documente privind relațiile agrare în veacul al XVIII —lea. București*, 1966, vol. 2, p. 255—256. В русской литературе проникновение старообрядцев в Буковину отмечалось только после 1775 г.

Правда, П. И. Мельников (Печерский) считал, что они поселились здесь раньше, но документальных свидетельств в пользу этого мнения привести не смог.

- ⁴ См.: *Надеждин Н. И.* О заграничных раскольниках, с. 85—86; *Субботин Н. И.* История Белокриницкой иерархии. М., 1874, т. 1, с. 75—277, 362—420; *Он же.* Раскол как орудие враждебных России партий. М., 1867, с. 10—17.
- ⁵ *Субботин Н. И.* Раскол как орудие враждебных России партий, с. 45—49; *Он же.* Учреждение архиерейской кафедры у турецких раскольников, с. 174.
- ⁶ См.: *Надеждин Н. И.* О заграничных раскольниках, с. 87, 123; Очерк истории старообрядцев в Добрудже, с. 608; *Субботин Н. И.* Раскол как орудие враждебных России партий, с. 32—40; Устав Белокриницкого монастыря.— В кн.: *Субботин Н. И.* История Белокриницкой иерархии, с. 55—56.
- ⁷ См.: Сборник правительственных сведений о раскольниках, вып. 1, с. 75—137.
- ⁸ *Надеждин Н. И.* О заграничных раскольниках, с. 6.
- ⁹ Там же, с. 96.
- ¹⁰ *Надеждин Н. И.* О заграничных раскольниках, с. 135—136.
- ¹¹ Сборник правительственных сведений о раскольниках, вып. 1, с. XXX.
- ¹² Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 год. СПб., 1903, с. 115.
- ¹³ Там же, с. 87.
- ¹⁴ Там же, с. 182—201.
- ¹⁵ Перечень сочинений и изданий Н. И. Субботина см. в журнале «Богословский вестник» (1902, № 12, с. 552—575).
- ¹⁶ О Субботине см.: *Марков С.* Празднование пятидесятилетия церковно-общественной деятельности профессора Н. И. Субботина.— Богословский вестник, 1902, № 12, с. 509—575; *Марков В. С.* К истории раскола-старообрядчества второй половины XIX столетия: Переписка проф. Н. И. Субботина. М., 1914. 943 с.
- ¹⁷ Первое отдельное издание «Окружного послания» вышло в Яссах в 1864 г.
- ¹⁸ Русский вестник, 1864, № 2, с. 775.
- ¹⁹ *Субботин Н. И.* История Белокриницкой иерархии, т. 1, с. IX—XIV.
- ²⁰ *Субботин Н. И.* Раскол как орудие враждебных России партий, с. 6.
- ²¹ Там же, с. 12.
- ²² Там же, с. 7, 20.
- ²³ Там же, с. 41.
- ²⁴ Там же, с. 7.
- ²⁵ Там же, с. 178.
- ²⁶ *Субботин Н. И.* О сущности и значении раскола в России. СПб., 1881.
- ²⁷ *Марков В. С.* К истории раскола старообрядчества второй половины XIX столетия, с. 270.
- ²⁸ *Субботин Н. И.* О сущности и значении раскола в России, с. 43.
- ²⁹ *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1956, т. 7, с. 200.
- ³⁰ См.: *Лейкина-Свирская В. Р.* Атеизм петрашевцев.— *Вопр. истории религии и атеизма*, 1955, т. 3, с. 234—235.
- ³¹ *Шелгунов Н. В.* Воспоминания. М.: Пг., 1923, с. 149.
- ³² *Щапов А. П.* Земство и раскол.— *Отеч. записки*, 1861, т. 139, № 12, с. 465—530.

- ³³ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1954, т. 2, с. 349.
- ³⁴ Следует заметить, что термином «раскольники» лондонские революционные демократы часто объединяли старообрядцев и сектантов. Однако в своей революционной практике они обращались главным образом к старообрядцам.
- ³⁵ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т., т. 7, с. 187.
- ³⁶ Там же, с. 322.
- ³⁷ Там же, с. 187.
- ³⁸ Там же, с. 212.
- ³⁹ Там же, с. 187.
- ⁴⁰ «Колокол»/Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева... Факсимильное изд. М., 1962, вып. 5, с. 1022.
- ⁴¹ Литературное наследство. М., 1953, т. 61, с. 501.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же, с. 511.
- ⁴⁴ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1959, т. 18, с. 25.
- ⁴⁵ Там же, М., 1963, т. 27, кн. 1, с. 380.
- ⁴⁶ Там же, т. 18, с. 18, 25.
- ⁴⁷ Кельсиев И. И. Герцену и Огареву/Публ. П. Г. Рындзюнского.— В кн.: Литературное наследство. М., 1955, т. 62, с. 234.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Огарев Н. Старообрядцу и его обществу.— Общее вече, 1863, 10 июля, № 19, с. 89.
- ⁵⁰ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1963, т. 27, кн. 2, с. 445—446.
- ⁵¹ Там же, с. 444—446, 489—490.
- ⁵² См.: Кельсиев И. И. Герцену и Огареву, с. 236.
- ⁵³ Огарев Н. П. Письмо к иноку.— Общее вече, 1863, 1 нояб. № 22, с. 103.
- ⁵⁴ См.: Общее вече, 1863, 8 марта, № 12, с. 61.
- ⁵⁵ Огарев Н. П. Что надо делать духовенству.— Общее вече, 1862, 22 окт., № 5, с. 35.
- ⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 454.
- ⁵⁷ Кельсиев И. И. Герцену и Огареву, с. 243.
- ⁵⁸ См.: Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России, (60-е годы XIX в.— 1917 г.). М., 1965, с. 20.
- ⁵⁹ См.: Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России, 348 с.; Миловидов В. Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем, 112 с.; Катунский А. Старообрядчество. М., 1972. 120 с.; Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России. XIX век. М., 1978. 342 с.
- ⁶⁰ См.: Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России, с. 20—22; Миловидов В. Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем, с. 30—31, 52, 57—58.
- ⁶¹ См.: Из переписки О. С. Гончарова с Герценом и Огаревым/Публ. П. Г. Рындзюнского.— В кн.: Литературное наследство, т. 62, с. 70—78; Кельсиев И. И. Герцену и Огареву/Публ. П. Г. Рындзюнского.— Там же, с. 159—258; Рудницкая Е. Л. Огарев в русском революционном движении. М., 1969. 424 с.; Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. Кишинев, 1973. 540 с.

ИСТОРИЯ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЖУРНАЛЕ «СОВРЕМЕННОК»

(1863—1866 гг.)

В советской научной литературе русская революционно-демократическая периодика послереформенного времени исследована достаточно широко, но главным образом лишь в плане истории журналистики. В настоящей статье, хронологически продолжающей опубликованную ранее работу¹, исследуется вопрос об освещении журналом «Современник» истории и современного положения народов Центральной и Юго-Восточной Европы в условиях спада революционной ситуации и усиления реакции в стране, причем рассматриваются материалы журнала с точки зрения истории славяноведения и балканистики.

В 1862 г. были временно приостановлены журналы революционной демократии «Современник» и «Русское слово», арестованы Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев; возобновленный в 1863 г., «Современник» вышел под редакцией Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. З. Елисеева и А. Н. Пыпина, проводивших в журнале ту же линию, что Чернышевский и Добролюбов. В связи с ростом национально-освободительного движения в Польше цензура еще более усилила контроль за периодическими изданиями, особенно демократического лагеря; и в первую очередь за «Современником»². Однако, несмотря на все трудности, журналам революционной демократии удавалось довести до читателей мысли и взгляды передовых людей России на самые важные внутренние общественно-политические вопросы, а также на наиболее значительные международные события.

Новая редакция журнала в рассматриваемый период старалась сохранить ту идейно-политическую направленность в подходе к славяно-балканской проблематике, которая была выработана при Чернышевском. В течение почти трех с половиной лет (журнал был закрыт в мае 1866 г.) в «Современнике» было опубликовано более 30 статей, рецензий, обзоров, целиком или частично посвященных славянским и балканским народам.

Важные политические события, происходившие в то время в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (польское восстание 1863 г., революция в Греции 1862 г., государственный переворот в Румынии 1866 г., борьба венгерского и славянских народов против Австрии и Турции и др.), гораздо шире освещались на страницах журнала, чем вопросы древней и средневековой истории славян, которые поднимались в основном в связи с полемикой со славянофилами. Но и при исследовании современного положения народов региона нередко были экскурсы в их недалекое историческое прошлое. Журнал писал обо всех этих народах, однако, естественно, в период польского восстания основное внимание было уделено его развитию, а также материалам по истории Польши.

В 1863—1866 гг. в «Современнике» сохраняется интерес к славянским народам. По-прежнему наряду с революционными демократами в журнале помещали свои исследования представители других направлений, имевшие в тот период прогрессивные демократические взгляды. Среди авторов в эти годы особенно выделяется А. Н. Пыпин, написавший целый ряд больших статей и, в частности, продолживший исследование проявлений панславизма не только в литературе, но и в политике. Е. П. Карнович опубликовал «Очерки старинного быта Польши», где в художественной форме рассказано об исторических событиях. Можно отметить также статьи Ю. Г. Жуковского и сербского демократа Ж. Жуевича³.

Значительное количество материалов о событиях в славянских, балканских и других странах помещено в разделе «Политика», который вел в это время Э. К. Ватсон. Польский вопрос неоднократно поднимался во «Внутреннем обозрении» Г. З. Елисеева, в хронике М. Е. Салтыкова-Щедрина «Наша общественная жизнь»⁴. Лишь десятая часть этих материалов была подписана, остальные публиковались анонимно или под псевдонимами (все псевдонимы в настоящее время расшифрованы).

По-прежнему материалы «Современника», затрагивающие славянскую и балканскую проблематику путем аналогий, подбора фактов и как бы «беспристрастного» их изложения, раскрывали политику русского самодержавия; в то же время они по-прежнему имели самостоятельное значение, освещая положение народов Центральной

и Юго-Восточной Европы и выражая взгляды революционной демократии на их историю. Редакция журнала и его сотрудники пользовались теми же методами обхода цензуры, которые были выработаны еще при Чернышевском и Добролюбове, так же боролись с либеральной и консервативной журналистикой, критиковали славянофильские позиции некоторых ученых.

Следует, однако, заметить, что в период спада революционной активности и усиления реакции в России, во внешнеполитических обзорах «Современника» факты и события все чаще приводятся без достаточно глубокого социального анализа; меньше стали слышны на страницах журнала и призывы к прямым, активным действиям в борьбе с национальным и социальным гнетом.

Вопросы древней истории славян нашли отражение во «Внутреннем обозрении» Г. З. Елисеева⁵. Иронизируя по поводу «большой поддержки», получаемой славянами в славянофильском «Дне» и «в основанном в Москве славянском комитете» против Австрии, у которой «не стпала охота германизировать славянские племена», он вспоминает о варягах, которым никто не мешал «норманизировать грубого сравнительно с ними и невежественного славянского племени». Далее Елисеев проводит мысль о том, что хотя в руках у варягов была власть, они «при всем своем могуществе не могли оставить в славянском племени никакого следа своей религии, законов, обычаев, языка; напротив, исчезли бесследно с лица земли, были всецело поглощены туземным элементом» (1863, 3, II, 38—39)*. Если учесть параллель, которую автор проводит между варяжской и австрийской политикой завоевания и подчинения других народов, то сам собой напрашивается вывод, сделанный в статье в очень завуалированной форме: государства, основанные на деспотизме и угнетении, нежизнеспособны.

Большое внимание вопросам древней и средневековой славянской истории уделил А. Н. Пыпин. В споре со славянофилами (статья «Вопрос о национальности и панславизм»), утверждавшими, что идея славянского единства (как и само единство) существовала издавна, он высказал точку зрения, согласно которой славянская история не предоставляет «какие-нибудь доказательств

* Здесь и далее ссылки на «Современник» даются в тексте статьи; в них указывается год, номер, отдел, страницы журнала.

ва в пользу славянского единства» (1864, 3, I, 93). Пыпин отмечает, что древние обычаи и понятия у славян были сходными, но даже в древнюю эпоху «славянский мир является уже сильно разделенным»: не было связей между славянскими народами, постепенно сложились их религиозные и политические различия, разное влияние оказывали на те или иные группы славян более сильные соседние государства. Несколько преувеличивая значение общинного начала у славянских народов, Пыпин говорит о влиянии Византии, которая внесла авторитет политической власти и разрушила демократическое устройство славянских общин. К западным славянам проникло римское католичество и немецко-латинское образование. В средние века славяне вели борьбу с разными врагами: татарами, турками, Византией, немцами. При этом турки, поработившие болгар и сербов, отняли у них всякую возможность развития; полабские славяне были полностью онемечены. Автор делает вывод о том, что шел исторический процесс разъединения славянских народов и языков, а идея славянской общности возникает гораздо позже, в конце XVIII в., с развитием национального самосознания и освободительной борьбы славян (там же, 81—84, 90).

На страницах «Современника» не раз разбирался вопрос о так называемых «народных началах», поднятый славянофилами и поддержанный «почвенниками», реакционными «Московскими ведомостями» и даже некоторыми учеными. А. Н. Пыпин в рецензии «Несколько слов о «народных началах» и о «цивилизации», написанной в ответ на книгу О. Ф. Миллера «Славянский вопрос в науке и жизни» (СПб., 1865), в которой в свою очередь критикуется «Обзор истории славянских литератур» Пыпина и В. Д. Спасовича, показывает, что Миллер «имеет немало общего славянофильского задора», но в то же время делает попытку «освободиться от слишком больших его крайностей». Пыпин, выдвигая свое общее положение о том, что «исторические явления жизни славян имели *относительно западной цивилизации* только пассивное значение», но в то же время могли «оказывать влияние на *политическую* сторону европейской жизни», приводит также факты, которые доказывают, что иногда «славянство само участвовало в развитии европейских идей... не пассивно, а активно», как это было в гуситском движении (1865, 6, II, 143—144, 146—147).

Но протест Гуса и гуситов, как справедливо замечает Пыпин, «можно назвать национально-чешским только в том смысле, что никто до того времени не выражал этого протеста с таким глубоким увлечением и нигде до того времени не участвовала так сильно в этом увлечении народная масса...». В противоположность О. Ф. Миллеру, который считал, что это движение — исключительно чешский или исключительно славянский протест против идей средневекового католицизма, Пыпин утверждал, что «самое содержание протеста было не новое и не исключительно национально чешское; а в то же время и до глубокой степени западноевропейское, и восстание гуситов тоже не было единственным народным движением этого рода...». Идеи реформации зрели и в Западной Европе, но «чешский народ под влиянием особых исторических условий в начале XVI в. стал наиболее энергичным ее защитником...». Пыпин выступает против того, чтобы приписывать это движение особым славянским «народным началам» потому, что оно не имело отклика у «ближайших славянских соседей: у лужичан, у хорватов и хорутан», которые «немного времени спустя с большой ревностью шли в лютеров протестантизм» (там же, 149, 150, 153).

Вопросы, связанные с гуситским движением, Пыпин рассматривает также в рецензии на книгу В. Надлера «Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и Западной Европе в конце XIV и начале XV века» (Харьков, 1864), которую он считает «приятным исключением из... бесполезных и рутинных диссертаций». Пыпин отмечает «толковое и связное» изложение и использование Надлером «исторического материала». Однако, по его мнению, ценность книги снижается из-за того, что автор излагает факты со славянофильской точки зрения и повторяет за «Русской беседой» и «Днем», что неудачи славян были следствием измены «преданьям отцов и народным началам» (к «народным началам» Надлер относит гуситское движение и считает, что ролью чешского народа по отношению ко всему славянству было «хранить в своей среде идею всеславянского единства...»).

Пыпин, говоря о сходстве гусизма с учением Виклефа, не без основания полагает, что зарождение подобных идей «имело другие, более широкие причины, чем

одно частное положение чешской народности». Разбирая и критикуя сочинение Надлера, он высказывает мысли, имеющие демократический характер. Именно с участием народных масс в движении он связывает появление у гуситов (в особенности таборитов) стремления «преобразовать общественное устройство», присоединить «к религиозному вопросу... вопрос социальный». Подводя итог своим рассуждениям, Пыпин восклицает: «Это была не реставрация, а полная религиозная и общественная революция...» (1864, 7, II, 41, 43, 45, 48—50)⁶.

Значительно больше места на страницах «Современника» по традиции отводилось проблемам национально-освободительной и революционной борьбы славянских, балканских и других народов. Некоторые из этих вопросов, важные в теоретическом отношении нашли отражение в статьях Ю. Г. Жуковского «О народности в политике» и А. Н. Пыпина «Вопрос о национальности и панславизм»⁷. Последняя статья также была вызвана распространением почвеннических и панславистских концепций «народных начал». Критикуя защитников «народности», которые в вопросе славянском... дошли до вражды к самим славянским народам» (1864, 1, I, 187), Пыпин обратил внимание на характерное историческое явление того времени: «Национальности зависимые обнаруживают стремление к самостоятельности; там, где нация была разбита на части, не составляя одного политического целого... она стремится к обобщению и объединению племени» (такую направленность имели: освобождение Сербии и Греции, события 1848 г. в Австрии, итальянская война и т. д.) (там же, 185).

Пыпин в развитии наций видит две тенденции. Одна заключается в стремлении «вместить отдельную национальность в отдельное государство или по крайней мере обеспечить ее существование в государстве другого племени» (это стремление характерно для народов, населяющих Австрию), другая — тенденция к сближению наций, так как «национальные особенности исчезают больше и больше, угловатости сглаживаются в постоянном столкновении народов» (имеется в виду культурное и политическое общение) (там же, 188—189). Развитию последней тенденции препятствуют теории национальной исключительности.

Пыпин отмечает также те «естественные и культурные условия», которые влияют на национальные призна-

ки и особенности. Это: язык, религия, обычаи, промышленная деятельность, война, государство (но он не абсолютизирует эти признаки) (там же, 194—196).

Говоря в завуалированной форме о том, что искусственно объединенные в рамках одного государства национальности (например, поляки и русские) не имеют прочной основы для развития, Пыпин имел в виду, в частности, стремления панславистов к конструированию из славянских племен единой национальности. Он сделал важный теоретический вывод, что «явления развития или упадка национальности» подчиняются «общему естественному закону истории» и «не зависят от воли отдельных людей» (там же, 199—200).

Национальные идеи, как показал Пыпин, могут быть прогрессивными, «когда в деле национальности заинтересовано освобождение народа от чужеземного гнета (Сербия, Дунайские княжества, Италия), или стремление общества к либеральным учреждениям (отчасти — славянские земли в Австрии)», но они могут быть и реакционными, «когда национальные стремления делаются орудием реакционных классов общества или реакционных правительств» (политика Венгрии по отношению к словакам) (там же, 211).

В статьях Пыпина и Жуковского обращается внимание на то, что тенденция к развитию наций связана прежде всего не с «народными началами», а с условиями политической и экономической жизни народов (там же, 210—211; 1863, 1/2, I, 233). Они отмечают также, что «девиз национальности» по своему содержанию буржуазный, что есть «закрытые сословия и касты, для которых сословное единство дороже, чем единство народное», т. е. интересы правящих классов не соответствуют народным (1863, 1/2, I, 233; 1864, 1, I, 191). Жуковский в заключение статьи делает вывод, что освобождение угнетенных народов, т. е. решение национальных проблем, возможно лишь «через общее обращение дел Европы к внутреннему вопросу», т. е. путем социальных преобразований (1863, 1/2, I, 234).

В статьях, о которых шла речь, не всегда четко сформулированы и разграничены понятия, связанные с национальным вопросом (в отличие от статей Чернышевского), но демократизм позиции авторов не вызывает сомнения. На таких же теоретических основах строились и другие статьи, которые на конкретном ма-

териале показывали положение отдельных славянских и балканских народов и освещали политические события, происходящие в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Интересны статьи сербского демократа Ж. Жуевича «Славянский юг» (1863, подписана «Ж. Склав») и «Сербское село» (1865, подписана «Ж.»)⁸. Автор сочувственно относится к угнетенным землякам и соплеменникам, но в то же время беспристрастно показывает истинное положение южнославянских народов в связи с поднятыми в европейской журналистике вопросами о возможности создания сербского и болгарского государств и о союзе южных славян с Россией. Говоря о положении болгарского народа под турецким игом, автор подчеркивает, что интересы имущих слоев часто расходятся с интересами дела освобождения: «Более богатые люди, будучи довольны своим положением... делают самыми надежными шпионами и доносчиками турецкими» (1863, 6, II, 262). Также характеризуются боснийские купцы, которые «за своими личными интересами... ничего не видят и видеть не хотят» (там же, 263). Жуевич пишет, что к восстанию южнославянские народы еще не готовы и идея революции недостаточно проникла в их сознание, что если бы «деспотизм немного смягчился, сербы были бы вполне довольны своим положением» (там же, 262). Он рассказывает не только о внешнем, но и о внутреннем гнете, например, об угнетенном положении черногорского народа, который, «несмотря на всю свою независимость от внешних врагов, есть раб своего домашнего деспота...» (там же, 265).

Показывая, что материальное положение всех южных славян очень плохое, что «у них нет почти ничего», Жуевич видит причины этого в действиях князей, чиновничества, интеллигенции, преувеличивая, однако, при этом роль личности. Он убедительно обосновывает преждевременность надежд южнославянских народов на Сербию в деле борьбы за освобождение, так как там не решены еще важные проблемы внутренней жизни; реформы, проводимые правительством, идут вразрез с интересами народа (в частности, имеются в виду посягательства на скупшину, которая, по мнению Жуевича, «есть единственное добро, какое только имеет Сербия в складе своей политической жизни») (там же, 271, 272, 274)⁹.

Подробно остановившись на условиях, необходимых для восстания, Жуевич делает вывод, что южные славяне еще не в состоянии вести решительные совместные действия против общего врага. В заключение он пишет, что славяне ждут помощи от России, «освобождения со стороны», в то время, как нужно самим бороться за свою свободу: «Как будто России и не о чем больше думать, как только о южных славянах?» (там же, 274). Эта мысль перекликается с аналогичными высказываниями Н. Г. Чернышевского.

В статье «Сербское село», рассказывая о жизни, быте, обычаях сербов, Жуевич пишет, что патриархальная форма жизни «становится противна народному сознанию» и должна уступить место союзу, основанному «на доброй воле человека, а не на допотопном родстве...» Этот переход является законом для «всех племен и наций» (1865, 5, I, 132) и служит делу прогресса.

Пыпин в «Заметке» по поводу записок о славянских землях В. И. Ламанского довольно подробно излагает славянофильскую точку зрения ученого на перспективы развития славянских народов, которая заключается в том, что южные (да и западные) славяне нуждаются в поддержке со стороны России и «не в состоянии без помощи этой нравственной силы существовать, как нация...» При этом они должны принять русский язык и русскую литературу (1864, 4, II, 190). Аргументированно высказываясь против подобной позиции, Пыпин делает вывод, что русский язык может тогда приобрести «всемирное» значение, когда идеи, выраженные на нем, будут иметь общечеловеческий интерес (там же, 198—199). Заметка в целом подтверждает передовые просветительские взгляды ее автора.

Немало материалов «Современника» посвящено политике Австрии в отношении Венгрии и славянских народов. Этому посвящены три статьи Пыпина под общим названием «Процессы о печати в Австрии» и некоторые политические обозрения Э. К. Ватсона. Эти публикации как бы продолжают тему, начатую журналом еще до его приостановки.

Статьи Пыпина звучали очень актуально в период подготовки цензурной реформы, так как освещали события в Австрии, в которых легко было усмотреть прямую связь с положением дел в России. Автор останавливается на законе о печати от 27 мая 1852 г., уничто-

жившем превентивную цензуру (реформа 1865 г. в России также заменила предупредительную цензуру карательной). Разгул реакции после поражения революции 1848 г. сказался и на славянских органах печати: «...славянские журналы были только официальные и, конечно, лишены были всякого общественного интереса». С 1861 г., с принятием конституции, «политическая журналистика снова появилась», «у чехов, поляков, мораван, словаков, хорватов, далматинцев явились свои национальные органы» (1863, 1/2, I, 415, 418). Главным вопросом этого времени был вопрос о федерации и гражданской свободе: «Для южных славян шло дело о распределении национальных территорий, у русинов — об отношениях с поляками, у чехов — с немцами; вместе с тем для всех более развитых людей общества шел в особенности вопрос о внутреннем положении общества, о действительности обещанной гражданской свободы, о последовательном проведении конституции и т. д.», — пишет Пыпин. При этом он критикует чешскую либеральную журналистику¹⁰, которая «довольствуется ближайшими вопросами», не ставит более обширных задач, выходящих за узконациональные рамки, не доискивается до корней социальных процессов. В такой журналистике, справедливо замечает автор, трудно найти «какие-нибудь наклонности к ниспровержению законного порядка» (там же, 416, 420).

Неоднократно отмечая централизаторские тенденции австрийского правительства и политику, направленную на разъединение народов, населяющих империю, Пыпин, в частности, приводит выдержку из чешской газеты «Народные листы», характеризующую эту политику: «Министерство выслушивает народы, здесь словаков, там сербов, здесь румунов, уничтожает Воеводину, хотя (а может быть, именно потому?) сербы этого не желают, прибавляет к Венгрии Междумурье (Меджимурье.— Е. А.), хотя (или, пожалуй, именно потому?) его желают хорваты: провозглашает единство далматско-хорватско-славонского королевства и оставляет в нем два сейма, хорватский и далматский, которые враждуют между собой... Река (Фиуме) (так в тексте.— Е. А.) до сих пор не принадлежит ни к Венгрии, ни к Хорватской земле, чехи вместе и не вместе с Моравой» (1863, 4, I, 597—598). Бросая упрек либеральной журналистике, восхваляющей конституцию, Пыпин справедливо замечает, что

славянские и другие народы Австрии «останутся в том же положении», «как бы ни были назначены официальные границы земель, как бы ни была даже расширена национальная равноправность», если «политическая литература» и общественные деятели не оставят конституционных иллюзий и не будут «искать более широких основ для устройства народов», для решения «вопроса о национальной свободе и гражданской свободе» (там же, 624—625). Это значит, что наряду с национальным освобождением Пыпин ставит вопрос о более важном, социальном переустройстве общества.

Венгрии посвящены некоторые материалы в обзорах внешней политики Э. К. Ватсона. Прежде всего, он очень метко определяет политику австрийского правительства за время, прошедшее с принятия конституции (1861 г.): «Уверить Европу и своих собственных подданных в том, что она вступила на новый, благотворный путь реформ, и в то же время вести у себя все на старый лад, — вот как можно в двух словах характеризовать историю Австрии за последние два года» (1863, 6, II, 355) ¹¹.

Ватсон приводит сведения о трех политических партиях в Венгрии, каждая из которых считала себя либеральной и имела свою программу: одна — выдвигала лозунг равноправия венгров с другими национальностями, другая выступала за централизацию и подчинение всех народов немцам, третья — занимала промежуточную позицию, не желая как равноправия венгров с румынами и славянами, так и подчинения немецкому влиянию (там же, 358—359). Он показывает, что отношения «Венгрии к центральному правительству оставались очень натянутыми» и через несколько лет после принятия конституции, так как «вся хваленая либерально-конституционная система есть ни что иное, как комедия». Поэтому Венгрия «упорно отказывалась присылать депутатов в рейхсрат; примеру ее следовали Кроация, Славония, Далмация и долгое время также Трансильвания...» (1865, 7, II, 131, 139—140).

В 1864 г. агенты венского правительства раскрыли в Венгрии «заговор», участники которого вели переговоры с Кошутом и венгерской эмиграцией в Италии. В Венгрии вновь звучат голоса в поддержку «полного самоуправления и отдельного парламента». Автор обзора отмечает первые шаги сближения Австрии и Венгрии: отменены военные суды, введенные в Венгрии в 1861 г. Одна-

ко это сближение проходит в основном при участии и в интересах старо-консервативной партии (один из влиятельных членов которой, Г. Майлат, был назначен канцлером Венгрии) и может привести к «прежней, феодально-абсолютистской системе». Либералы решили занять выжидательную позицию до открытия сейма (там же, 141, 144—146, 148).

«Современник» не прошел и мимо событий греческой революции 1862 г. В одном из обзоров 1863 г. в разделе «Политика» Ватсон приводит сведения о ходе революции, результаты которой он считает сходными с результатами других движений этого времени. Говоря о поражении революции, он отмечает не истинные его причины, а явления, лежащие на поверхности, хотя, безусловно, они тоже оказали некоторое влияние на ход событий. По мнению Ватсона, неудача произошла «от вручения народного дела людям недостойным и неисккусным и, наконец, от вмешательства в народное дело посторонних благодетелей... европейских, и в особенности английских, дипломатов» (1863, 8, II, 144).

Ватсон следующим образом показывает развитие греческой революции: после свержения короля Оттона было образовано временное правительство и объявлено о созыве в скором времени национального собрания, призванного решить вопрос о форме правления в Греции. Европейские державы хотели бы видеть там монархию, и по всей Европе стали появляться претенденты на греческий престол. Единство действий греков было нарушено, считал Ватсон, когда стали образовываться партии: республиканская, монархическая, национальная, английская, французская, русская и др. (там же, 145—146). Англия хотела провести своего претендента на греческий престол, тем самым установив негласный протекторат над всей Грецией, отказавшись при этом от протектората над Ионическими островами. Греки согласились на это и провозгласили королем ставленника Англии датского принца Вильгельма под именем Георга I. Таким образом, греческая революция, почти ничего не добившись, потерпела поражение, «ничтожные результаты куплены очень дорогою ценою». В заключение Ватсон пишет, что в октябре 1863 г. (предполагаемое время приезда короля) в Греции будет то же положение, что в октябре 1862 г., т. е. все останется по-старому (там же, 147, 151—152, 154).

В следующем обзоре международной политики Ватсон останавливается на событиях в Молдавии и Валахии, где происходило столкновение между правительством и народным представительством. Он справедливо замечает, что в соединенных княжествах «существует такая же бумажная конституция... которые существуют в большей части европейских государств», и правитель, князь Куза, «пользуется ею только тогда, когда этого требуют его выгоды», а в других случаях несколько с ней не считается, как и с государственным бюджетом («налоги, собираемые с жителей, возросли втрое без малейшей пользы для страны»). Автор критикует голословные протесты народных представителей, оппозиция которых правительству привела лишь к роспуску Палаты; они отказались от борьбы, и все пошло по-прежнему (1863, 9, II, 124—126).

Прошло два с половиной года, и вновь «Современник» обращает внимание читателей на события в Дунайских княжествах, где в феврале 1866 г. произошел «быстрый, бескровный государственный переворот» и князь Куза отрекся от румынского престола, который был предложен брату бельгийского короля, графу Фландрскому (1866, 2, II, 281). Ватсон в политическом обзоре возвращает читателей к событиям, предшествовавшим революции. Так как Порта согласилась признать княжества соединенными только на время правления Кузы (без передачи власти по наследству), то князь «заботился только о том, чтобы... утвердить наследственную династию и устранить посредством государственных переворотов и комедии всеобщей подачи голосов все, мешавшее его честолюбивым замыслам» (так, он хотел для установления единоличной власти избавиться от конституции 1858 г., и в мае 1864 г. произвел государственный переворот с целью «устранить по возможности участие в представительстве бояр») (там же, 282).

Ватсон показывает, что ради привлечения на свою сторону народа князь «объявлял безусловное освобождение крестьян без всякого вознаграждения», но отношение к народу резко изменилось, налоги сильно возросли, когда потребовались огромные средства на содержание армии и личные нужды. Злоупотребления местных чиновников также возбуждали народное недовольство. Летом 1865 г., после введения правительством табачной монополии, вспыхнуло народное восстание в Бухаресте

и Яссах, подавление которого еще больше возбудило ненависть народа к правительству, способствовало объединению против князя всех партий, войска, духовенства (там же, 283—287).

Сравнивая между собой перевороты в Румынии и Греции, Ватсон высказывает мнение, что и в Дунайских княжествах могут сыграть губительную роль те же причины, которые привели к поражению греческой революции. Он пишет, что «трудно ожидать скорого и согласного с желаниями румынов разрешения этого вопроса, так как, по-видимому, европейская дипломатия имеет сильное желание вмешаться в это дело» (там же, 290—291). Такое вмешательство неизбежно поведет к разъединению внутренних сил страны, интригам, волнениям, «чего бы, конечно, можно было избежать, — как считает Ватсон, — если бы населению княжеств предоставлена была возможность самому устроить судьбу свою» (1866, 3, II, 140). Говоря о позиции европейских держав в этом вопросе и начавшихся в Париже конференциях, в основу которых положена «неприкосновенность верховных прав Турции на княжества», автор с сожалением констатирует, что дипломатия «не допустила того разрешения вопроса, которого желало большинство нации» (там же, 141—142), т. е. не произошло никаких изменений ни в национальном, ни в социальном плане¹².

Самым ярким событием периода 1863—1866 гг. было, безусловно, восстание в Польше, и хотя, по цензурным соображениям, «Современник» не мог высказывать открыто свою точку зрения, он все же не молчал о польском восстании¹³. Событиям в Польше было посвящено довольно большое количество публикаций. В основном материалы о польском восстании помещались во внутреннем и внешнеполитическом обозрениях, но находили также отражение в хронике М. Е. Салтыкова-Щедрина «Наша общественная жизнь», в статьях и заметках других авторов. Публикация в 1863 г. «Очерков старинного быта Польши» Е. П. Карновича, хотя и была посвящена другому периоду польской истории, лишней раз обращала внимание читателей на проблемы этой страны и как бы устанавливала связь между разделами Польши и восстанием 1863 г., позволяла провести параллель между действиями европейских держав в тот и другой период, напоминала о славном герое польского народа Т. Костюшко.

Кроме материалов, в которых прямо говорилось о Польше, были и такие, в которых использовались приемы эзоповского языка, прозрачных намеков, замены названий и имен. В. Е. Евгеньев-Максимов, рассматривая статью Салтыкова-Щедрина «Драматурги-паразиты во Франции» (1863, 1/2, II, 63—80) заменил в тексте слова «Австрия, Венеция, Грангильйо» словами «Россия, Польша, Катков». При таком методе в статье ярко раскрывается образ реакционного русского публициста, который проводит мысль, что в Польше никогда не было «истинной свободы», что «только русское владычество положило предел такому вопиющему порядку вещей», причину восстания он видит в «интригах» одной партии, ожесточенно нападает на Польшу, зная, что она «не может отвечать и не ответит ему»¹⁴. Салтыков-Щедрин в своих статьях и рецензиях разоблачал шовинистические взгляды в польском вопросе реакционных «Московских ведомостей», славянофильского «Дня».

Необходимо помнить, что цензура систематически вымарывала наиболее острые и злободневные материалы¹⁵, в том числе и посвященные польским событиям (так, была запрещена рецензия М. Е. Салтыкова-Щедрина «Русская правда и польская кривда» и др.). Поэтому «Современнику» вместо четкого определения своей позиции по польскому вопросу часто приходилось довольствоваться лишь перепечатками без комментариев сообщений из русских официальных источников и иностранных газет; однако сам подбор фактов достаточно красноречиво говорил об отношении редакции к событиям в Польше. Э. К. Ватсон писал по этому поводу в одном из обзоров политики, что «иногда бывает гораздо лучше и удобнее заставлять говорить других, нежели говорить самому» (1863, 4, II, 308).

«Современник» использовал даже сатирический журнал «Свисток», чтобы иметь возможность лишний раз напомнить о Польше. Так, в № 9 «Свистка» в заметке «„Свисток“ и его время» М. А. Антонович¹⁶ пишет о кризисе, который поразил Россию, а во втором «Письме отца к сыну» он вкладывает в уста «отца» протест против русификаторских планов «сына» в отношении всего, что «соприкасается с русскими», а значит, и Польши (1863, 4, «Свисток», 27).

Э. К. Ватсон в политических обзорах 1863 г. подчеркивал, что внимание дипломатов, журналистов, обще-

ственного мнения Европы поглощено польским вопросом. Он не касается военных действий, отсылая читателей к «Русскому инвалиду», но приводит некоторые сведения из «недостовверных иностранных источников» о «главных деятелях революции, о действиях и распоряжениях революционного правительства... об организации восстания» (1863, 5, II, 126). Приведенные им факты о разногласиях в лагере восставших, хотя они и не анализируются, дают возможность для сопоставления различных программ социального и национального освобождения. Так, Ватсон пишет, что в воззвании М. Лангевича говорилось о предоставлении политической и гражданской свободы всем сынам Польши, земли — в собственность крестьянам (при вознаграждении помещиков из государственных средств), а анонимный Центральный комитет «объявляет, что не принимает заранее никаких социальных и политических решений, а ставит себе целью одно только освобождение Польши (там же, 129, 132) ¹⁷.

В «Современнике» лишь вскользь упоминалось о намерении царского правительства провести систему реформ в Польше, которая должна была привести «к административной автономии, на основании областных и городских учреждений» (там же, 148), но в то же время постоянно указывалось, что на реформы возлагают надежды в основном западноевропейские либеральные органы печати; тем самым журнал давал понять, что революционная демократия России и революционеры Польши не разделяют этих надежд.

В нескольких политических обзорах Ватсона рассматривается отношение европейской дипломатии к польскому вопросу. Автор показывает, как ввиду опасности революции западные державы готовы поддержать реакционную русскую политику или, по крайней мере, не мешать царизму проводить ее в Польше. Он пишет о том, что Австрия запретила вывоз оружия в Царство Польское, Волынскую и Подольскую губернии, что запрещен переход поляков из Галиции в Польшу (1863, 4, II, 311—312) и вообще принимаются все меры для «противодействия восстанию и для того, чтобы отнять у галицийских поляков возможность помогать восставшим полякам в Царстве Польском...» Он отмечает, что Пруссия заняла еще более определенную позицию и «с самого начала объявила, что ее интересы требуют совершенного и безусловного подавления восстания...» (1863, 11,

II, 135—136). Таким образом, правильно отмечает Ватсон, «ни одна из великих европейских держав и не думает серьезно принять сторону инсургентов» (1863, 4, II, 308).

В отличие от политических обзоров Чернышевского, где по возможности дается анализ событий и настойчиво проводятся мысли о революции, аналогичные материалы Ватсона чаще всего выглядят как краткие и лаконичные информационные сообщения. Вероятнее всего, такая форма подачи материала была обусловлена усиленной цензурной «опекой» «Современника»¹⁸. Ватсон неоднократно отмечал в своих обзорах, что решительно отказывается высказывать свои взгляды и предоставляет делать выводы по тому или иному вопросу самим читателям (1863, 11, II, 114). Однако, когда это было возможно, он высказывал и собственные суждения. Так, говоря о бесплодности упований на помощь Польше со стороны западных держав, Ватсон обоснованно заключает, что полякам нечего надеяться на Европу, и что если они хотят продолжать сопротивление законному правительству (определенного призыва к революции нет.— Е. А.), то им приходится рассчитывать только на свои собственные силы и средства» (там же, 136—137).

Польское восстание способствовало ускорению процесса перегруппировки общественных сил в России. Реакционные органы печати, рассматривавшие польский вопрос с шовинистических позиций, нашли в этот период союзников в славянофильской и либеральной журналистике. С лагерем реакции вели беспощадную борьбу на страницах «Современника» М. Е. Салтыков-Щедрин, М. А. Антонович, Г. З. Елисеев и др. В журнале напечатано немало критических материалов в связи со статьями в русской печати. Это объясняется, вероятно, тем, что определить свое отношение к польскому восстанию, показать симпатии к борющемуся народу было легче путем критики позиций некоторых периодических изданий, нежели непосредственным обращением к событиям в Польше. Наибольшая острота критики присуща публикациям 1863 г., но интересна также статья критика и историка литературы А. П. Пятковского «Очерк из истории русской журналистики тридцатых годов», опубликованная в 1865 г. Она показывает, что у реакционных органов печати 60-х годов в вопросе о Польше были свои предшественники: «Северная пчела» Ф. Булгарина (тон статьи которой о занятии австрийскими войсками Крако-

ва в 1836 г. «был вполне враждебен краковской независимости») и «Библиотека для чтения» (ее редактор О. Сенковский издал брошюру о происхождении польской шляхты, которая была «осуждена Лелевелем» и «произвела окончательный разрыв между Сенковским и польскою патриотическою партией») (1865, 3, I, 72—73, 89—90).

В 60-х годах основным объектом критики революционной демократии был редактор газеты «Московские ведомости» М. Н. Катков, который приобрел в это время большую популярность в реакционных кругах. Салтыков-Щедрин с сарказмом писал в одной из хроник общественной жизни, что «польский вопрос специально разрабатывается редакцией «Московских ведомостей», этой «благонамеренной корпорацией», «взявшей на себя скромную обязанность разговаривать от лица всего русского народа...» (1863, 5, II, 229).

Г. З. Елисеев в разделе «Внутреннее обозрение» писал, что во «*время общего молчания наших газет о польских делах*» (вызванного строгостями цензуры) «Московские ведомости» выражали «патриотические» чувства. Он намекает на то, что «молчание нашей прессы» (имеется в виду, прогрессивная пресса) можно рассматривать как «расположение» общественного мнения (передовых кругов) «в пользу Польши, но что ему препятствуют высказываться в этом направлении» (1863, 5, II, 205). Автор обозрения приводит целую систему взглядов редакции «Московских ведомостей» по польскому вопросу, которые в сжатой форме можно выразить так: для развития благосостояния России и сохранения ее величия нельзя отказаться от Польши (1863, 4, II, 352). Елисеев показывает, что польское восстание газета рассматривает не как народное движение, а как «шляхетскую интригу» и что она предлагает четкую программу будущих действий царизма: «Для успокоения Польши временного — необходимо быстрое подавление мятежа энергическими мерами, для успокоения окончательно — необходимо уничтожение в ней всякой автономии и полное слияние ее с Россией» (1863, 10, II, 364).

Наряду с «Московскими ведомостями» критике «Современника» подвергались и другие органы печати, в частности газета И. С. Аксакова «День». Если в издании Каткова были четкие и определенные формулировки, то в «Дне», как пишет Елисеев, преобладали расплывча-

тые, в славянофильском духе, положения о том, что события в Польше — «это не интрига, не народное восстание, а борьба полонизма со славянством», а под «полонизмом» понимается «олатиненное, в лице польской нации, славянство, употребляемое западом как орудие, как средство для подчинения латинству всего славянства» (там же, 364—365). Поэтому в качестве программы дальнейших действий «День» предлагает, чтобы Россия с ее «православно-славянской стихией» утвердила над Польшей свое «просветительное» превосходство (там же, 371). Если осуществится идеал, который славянофилы «начертывают для славянского мира», иронизирует Елисеев, то государства «будут жить во взаимном друг к другу доверии, любви и согласии», служа «взаимному духовному и материальному преуспеянию»; однако, справедливо замечает автор, «суровая действительность безжалостно подсмеивается над всеми подобными утопиями» (там же, 377). Не соглашаясь с приведенными выше точками зрения на польский вопрос, Елисеев осторожно высказывал свое мнение о том, «что чем более будет в решении его оказано любви, великодушия, терпения, тем прочнее будет его разрешение» (1863, 4, II, 357).

И в последующие годы «Современник» иногда возвращался к вопросу о Польше. Полемизуя со славянофилами, М. А. Антонович в статье «Суемудрие „Дня“», за которую журнал получил предупреждение, резко критиковал великодержавную позицию «Дня» в отношении «иноверцев-славян» (в частности поляков), призывы газеты к обрусению нерусских губерний. Он писал, что славянофилы «одобряют даже энергические внешние меры, употребляемые для наказания и вразумления еретиков и отступников от древлеславянских начал» (1865, 10, II, 196—197).

На страницах «Современника» не раз подчеркивалось принципиальное сходство (при незначительном различии) взглядов тех органов печати, которые сплотились вокруг реакции (особенно после польского восстания). Антонович в статье «Московские ведомости» и «Голос» справедливо подмечал, что «у «Московских ведомостей» и «Дня» мысль одна и-та же», а про «полемику» «Голоса» с «Московскими ведомостями» и «Русским инвалидом» можно сказать: «Ну, это милые бранятся...» (1864, 1, II, 54, 62).

Позиция «Современника» по польскому вопросу вырисовывается более ясно и определенно, если обратиться к материалам, не пропущенным цензурой. Особенно пострадали тексты, вышедшие из-под пера М. Е. Салтыкова-Щедрина. Он сам признавался: «...Я приучил себя писать как можно более слов, в том соображении, что из множества все хоть что-нибудь да останется (увы! нередко я и на этот счет очень горько заблуждался)»¹⁹. Не увидела свет очень важная часть сентябрьской (1863 г.) хроники «Наша общественная жизнь», в которой говорилось о той волне великодержавного национализма, которая поднялась в реакционных кругах в связи с польским восстанием. Высмеивая составленное в верноподданническом тоне «заявление» группы студентов Московского университета по поводу событий в Царстве Польском, Салтыков-Щедрин писал, что «со всех сторон стекались адреса с выражением пламеннейшей готовности и самых отборных чувств...»²⁰. В качестве примера такого «патриотизма» Салтыков-Щедрин приводит выдержку из статьи в газете «День», автор которой пишет, что «ежели на будущее время встретится надобность рекомендовать полякам посетить восточную Россию, то они будут размещаемы в тамошних крепостях отдельно от командированных туда же и для той же надобности русских, потому что в противном случае первые непременно заразят последних...»²¹.

Подобной позиции Салтыков-Щедрин противопоставляет свою точку зрения: хотя он, как и Герцен, сомневался в целесообразности восстания в данный исторический момент, но не отрицал права поляков на борьбу и старался поддержать в них и в русских революционерах веру в успех будущих революций, поэтому в тексте хроники он несколько раз обращает внимание на польскую фразу: «Надежда еще с нами!»²².

В гневном тоне написана и рецензия на брошюру «О русской правде и польской кривде», которая, по словам Салтыкова-Щедрина, действует «не на патриотизм» народа, а «на темное чувство исключительности и особенчества», пытается доказать, что «смуты, которые в настоящую минуту господствуют в Польше, имеют гнилой и зловредный корень», и преследует цель поселить «слепую ненависть и презрение» к полякам, «подстрекнуть народ к междоусобию». В заключение рецензии Салтыков-Щедрин выражает надежду, что брошюра «достиг-

нет цели совсем противоположной, нежели та, которую себе предположил» ее автор, т. е. пробудит в русском народе не вражду к полякам, а чувство солидарности с их борьбой²³.

Позиция «Современника» по польскому вопросу, не до конца высказанная по цензурным условиям, является отражением в легальной печати общих концепций русской революционной демократии, развившихся в бесцензурных изданиях А. И. Герцена и нелегальных прокламациях «Земли и воли» (среди сотрудников журнала были члены этой организации), где решительно звучали требования немедленного и полного освобождения Польши, признания ее права на независимость, призывы к совместной революционной борьбе против самодержавия. Такой подход к решению судьбы Польши резко отличает круги революционной демократии от представителей науки и публицистики реакционного лагеря.

В целом материалы «Современника» за 1863—1866 гг. о народах Центральной и Юго-Восточной Европы показывают, что отношение к проблемам, связанным с их историей и современным положением у редакции журнала и его сотрудников по сравнению с предшествующим временем не изменилось. В течение этих лет публиковались материалы по всем странам региона. Хронологически статьи, обзоры и информации отчасти касались периода древней и средневековой истории, но главным образом затрагивали события XIX в., особенно 40—60-х годов.

Продолжая традиции «Современника» Чернышевского и Добролюбова, журнал в 1863—1866 гг. рассматривал славяно-балканскую проблематику с революционно-демократических позиций, уделяя наибольшее внимание революционному и национально-освободительному движению народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Авторы славянских и балканских материалов с сочувствием относились к тяжелому положению угнетенных народов, к их освободительной борьбе. Однако, когда речь заходила о движениях конца 50-х — начала 60-х гг. и о перспективах революционной борьбы, авторы статей нередко выступали без оценок и анализа событий, не выдвигали прямого призыва к революционным действиям, что было присуще Чернышевскому и вообще журналу в его время. Это можно объяснить усилением реакции в стране в период спада революционного движения, ког-

да, с одной стороны, было затруднено проведение на страницах «Современника» революционно-демократических идей²⁴, а с другой стороны, у представителей демократических кругов появилось некоторое сомнение относительно возможности проведения в скором времени успешных и решительных революционных действий. Думается, что это было вызвано изменениями общей политической обстановки в стране, а не спадом теоретического уровня редакции журнала.

Так же, как и на предыдущем этапе, «Современник» вел активную борьбу со славянофильскими и панславистскими концепциями в публицистике и науке, продолжая критику их с тех принципиальных теоретических позиций, которые были выработаны Чернышевским. Самый решительный отпор журнала вызывала позиция реакционной журналистики по отношению к Польше. «Современник» вместе с герценовскими изданиями и нелегальной русской литературой проводил на своих страницах, насколько это было возможно в условиях строжайшей цензуры, взгляды революционной демократии по польскому вопросу.

В целом, «Современник» в 1863—1866 гг. продолжал традиции журнала до 1862 г. и в освещении проблем истории славянских, балканских и других народов стоял на революционно-демократических позициях.

---

¹ См.: *Аксенова Е. П.* Вопросы истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы на страницах «Современника» (1854—1862 гг.).— Сов. славяноведение, 1980, № 4, с. 43—56.

² См.: *Герасимова Ю. И.* Правительственная политика Александра II в области печати в годы первой революционной ситуации (конец 1850-х — начало 1860-х годов): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1974. 27 с.; *Лемке М. К.* Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904. 512 с.

³ См.: *Карасев В. Г.* Сербский демократ Живоин Жуевич: Публицистическая деятельность в России в 60-х годах XIX в. М., 1974. 334 с.

⁴ Об отношении М. Е. Салтыкова-Щедрина к польскому вопросу есть краткие сведения в работах: *Кирпотин В. Я.* Проблема революции и организации революционеров в публицистике М. Е. Салтыкова-Щедрина 1863—1864 годов.— Вопр. истории, 1954, № 11, с. 48—49; *Покусаев Е.* Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы. Саратов, 1957, с. 172.

⁵ О работе Елисеева в «Современнике» см.: *Лейкина-Свирская В. Р.* Публицистика Г. З. Елисеева в 60-х годах.— В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1965, с. 364—386.

⁶ Славянофильская концепция гуситского движения всесторонне рас-

- смотрена в монографии: *Лангева Л. П.* Русская историография гуситского движения. М., 1978. 399 с. В книге (см. с. 110—111) также анализируется позиция А. Н. Пыпина (которого автор относит к критическому направлению) в упомянутой рецензии на диссертацию Надлера.
- ⁷ Трудно согласиться с В. А. Алексеевым, который высказал в автореферате кандидатской диссертации «Вопросы национально-освободительного движения в русской демократической печати (1859—1863 гг.)» (Л., 1954, с. 10) мнение, что в возобновленном «Современнике» делались неверные выводы о враждебности прогрессу национальных движений и приписывал Жуковскому с Пыпиным взгляд на национальность и народность как на антагонистические начала. В действительности, несмотря на некоторые отступления от теоретических положений Н. Г. Чернышевского по национальному вопросу, Ю. Г. Жуковский и А. Н. Пыпин в условиях спада революционной ситуации в России рассматривали национально-освободительные движения в первую очередь с точки зрения их значения для осуществления социальных преобразований.
- ⁸ Более подробно содержание этих статей разбирает В. Г. Карасев. См.: *Карасев В. Г.* Сотрудничество Живоина Жуевича в «Современнике» (1863—1865).— Сов. славяноведение, 1971, № 1, с. 41—58.
- ⁹ Давая высокую оценку скупщине как форме народного представительства, Жуевич не закрывал глаз на ее реальное положение в Сербском княжестве. Так, в статье «Сербское село» он писал, что скупщина, не имеющая законодательных прав, является «формальным политическим учреждением, лишенным всякого политического содержания», а выборы в нее назвал пародией (1865, 5, I, 161—162).
- ¹⁰ Критика А. Н. Пыпиным государственных преобразований в Австрии, а также программы и тактики чешской оппозиции и ее органов печати подробно исследована Е. А. Москаленко в статье «Национальная борьба чехов в 60-е годы XIX в. в русской дореволюционной литературе» (Вестник МГУ, сер. История, 1979, № 2, с. 51—62).
- ¹¹ Оценка Ватсона находит подтверждение в современных исследованиях. См.: Ратнер Н. Д. Программа и тактика чешской буржуазии в 1860—1867 гг.— Учен. зап./АН СССР. Ин-т славяноведения, 1956, т. 14, с. 83—178.
- ¹² Ватсон отмечает в основном отрицательные стороны правления Кузы, хотя Куза был свергнут реакционными силами, а переворот 1864 г., произведенный против реакционного союза помещиков и крупной буржуазии, декрет о крестьянской реформе, отменявший крепостное право (правда, при сохранении многих крепостных пережитков) и другие реформы объективно были направлены на достижение независимости и самостоятельности Румынии. См.: История Румынии нового и новейшего времени./Виноградов В. Н., Карпешенко Е. Д., Лебедев Н. И., Язкова А. А. М., 1964. 406 с.; *Гросул В. Я., Чертан Е. Е.* Россия и формирование румынского независимого государства. М., 1969. 267 с.
- ¹³ В документе «О направлении и содержании главных периодических изданий в 1863 году» отмечалось «особенное внимание цензуры» к «Современнику», в результате чего «такие» предметы, как, например, польский вопрос и внутренние преобразования, были упоминаемы в «Современнике» ... как бы вскользь...» (Цит. по кн.:

Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественному движению. М., 1940, с. 386).

- ¹⁴ *Евгеньев-Максимов В. Е., Тизенгаузен Г. Ф.* Последние годы «Современника», 1863—1866. Л., 1939, с. 41.
- ¹⁵ Так, например, в 1864 г. цензурой было запрещено 58 печатных листов, предназначенных для «Современника». См.: *Сикорский Н. М.* «Современник» — журнал революционной демократии 60-х годов. М., 1962, с. 86.
- ¹⁶ А. Н. Пыпин ошибочно называл автором «Писем» М. Е. Салтыкова-Щедрина (см.: *Пыпин А. Н.* М. Е. Салтыков. СПб., 1899, с. 224); современные исследователи считают, что они принадлежали М. А. Антоновичу (см.: *Чубинский В. В.* Проблема реформы и революции в публицистике М. А. Антоновича 1860-х годов. — Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук, 1957, вып. 33, № 218, с. 108. *Боград В. Э.* Журнал «Современник», 1847—1866: Указ. содерж. М.; Л., 1959, с. 422).
- ¹⁷ Вопросы польского восстания и отношения к нему русской революционной демократии освещены в работах: *Белявская И. М.* А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века. М., 1954. 198 с.; *Ковальский Ю.* Русская революционная демократия и январское восстание 1863 года в Польше. М., 1953. 216 с.; и др.
- ¹⁸ Некоторые исследователи справедливо усматривают в журнальной деятельности Ватсона уступки реформизму, эклектизму, позитивизму (см.: *Евгеньев-Максимов В. Е., Тизенгаузен Г. Ф.* Последние годы «Современника», с. 260, 318; *Сикорский Н. М.* «Современник» — журнал революционной демократии 60-х годов, с. 85); однако в отношении к истории славянских и балканских народов эти уступки сказывались в меньшей степени.
- ¹⁹ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. собр. соч.: В 20-ти т. М., 1941, т. 6, с. 237.
- ²⁰ Там же, с. 146. См. также: *Покусаев Е.* Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы, с. 172.
- ²¹ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 147.
- ²² Там же. См. также: *Кирпотин В. Я.* Проблема революции и организация революционеров..., с. 49.
- ²³ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Полн. собр. соч.: В 20-ти т. М., 1937, т. 5, с. 343—346. В тексте рецензии не назван автор брошюры. В связи с этим представляет интерес одно из писем Н. С. Лескова к П. К. Щебальскому, желавшему издавать газету в Варшаве. В письме говорится, что поляки «должны иметь равное с Вами право возражать Вам свободно... Иначе всякая Ваша правда будет принята как кривда П. И. Мельникова». (Имеется в виду брошюра П. И. Мельникова-Печерского «О русской правде и польской кривде», изданная в 1863 г. тиражом 40 тыс. экз.). См.: Шестидесятые годы..., с. 334, 352.
- ²⁴ И все же даже в цензурных документах встречается признание, что во «всех почти статьях этого журнала и по всем отделам его пробивалось... нетерпеливое желание высказать больше того, что высказано, причем ясно видно, что этот характер недомолвок был постоянно последствием цензурного ограничения». (Цит. по кн.: Шестидесятые годы..., с. 387).

СЪЕЗД РУССКИХ СЛАВИСТОВ
1903 г.

В апреле 1903 г. в Петербурге состоялся съезд, называвшийся в документации и периодике «Предварительным съездом русских филологов», «Съездом русских филологов-славистов», «Съездом русских филологов и историков», — единое название не установилось, возможно, именно потому, что этот форум был задуман как предварительный, имевший целью подготовить другой, главный съезд. Работа «предварительного съезда» в свое время нашла отражение и в научных изданиях и в прессе. О нем писали «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества»¹, выходивший в Вене преимущественно на русском языке журнал «Славянский век»², газеты «Новое время»³, «Санкт-Петербургские ведомости»⁴ и др. В печати освещалась и работа отдельных секций съезда⁵. Однако затем бурные политические события начала XX в. отодвинули на задний план и сам съезд, и поднятые им проблемы, так что к настоящему моменту они уже основательно забыты.

Между тем съезд русских славистов 1903 г. был крупным научным событием, свидетельствовавшим о достаточно высоком уровне развития русского дореволюционного славяноведения, о зрелости научных кадров славистов. Съезд как бы подвел итог предшествующему развитию славистики в России и наметил ее дальнейшие задачи.

Настоящая статья написана в основном по материалам Ленинградского отделения Архива АН СССР (ЛО ААН). Часть этих материалов — бюллетени самого съезда, составлявшиеся в ходе заседаний, — была опубликована в 1903 г.⁶, но в статье использован их первоначальный (архивный) вариант, без сокращений, сделанных при подготовке к печати. Этот вариант был напечатан лишь в нескольких экземплярах, один из которых сохранился в Ленинграде, в ЛО ААН, второй — в Москве, в Отделе рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ОР ГБЛ). В статье использован экземпляр ОР ГБЛ.

Опубликованы также некоторые материалы, касающиеся подготовки съездом 1903 г. международного съезда славистов⁷ (его предполагалось провести в 1904 г.), но этот вопрос затрагивается нами лишь в самых общих чертах, что обусловлено объемом статьи.

В советское время о съезде славистов 1903 г. писали В. Р. Свирская и А. Н. Горяинов⁸. Две из трех статей В. Р. Свирской (1946 и 1948 гг) почти идентичны, отличаются краткостью и освещают далеко не все вопросы, затронутые съездом. В третьей ее статье (1949) рассматривается частная тема — об отношении съезда к украинскому языку. Работы А. Н. Горяинова касаются в основном обсуждения на съезде вопросов славянской библиографии. Цель предлагаемой статьи состоит в том, чтобы подробнее осветить работу съезда, его значение для развития славяноведения.

* * *

Подготовка к созыву международного съезда славянских филологов и историков началась на рубеже столетий не случайно. К концу XIX — началу XX в. славяноведение достигло значительных успехов. В славянских странах уже имелись серьезные научные исследования в области языка, литературы, истории, права, этнографии, культуры славян. У всех славянских народов сложились национальные кадры исследователей. Славяноведение стало предметом университетского преподавания в Праге, Вене, Белграде, Софии и т. д. В Берлине издавался специальный научный журнал «Archiv für slawische Philologie». Словом, по сравнению, например, с 70-ми годами XIX в. изучение славян проходило весьма интенсивно. С другой стороны, молодая еще наука о славянстве нуждалась в координации исследований, научном общении и обмене мнениями, чтобы соответствовать требованиям и запросам времени и выйти на один уровень с науками, изучающими жизнь неславянских народов.

Профессор Киевского университета Т. Д. Флоринский характеризовал трудности на пути развития славяноведения следующим образом: «Результаты деятельности местных ученых мало известны в других славянских странах... Сводные работы редки. Обмен мнениями обставлен трудностями... Ученые силы славян разъединены... Чувствуется отсутствие определен-

ных программ в разработке предмета, замечается недостаток строго выработанных научных методов, наблюдается внесение национального субъективизма в решение научных вопросов и отстаивание взглядов и теорий, не подкрепленных современным состоянием науки. Отсюда не удивительно, что литература по славяноведению очень бедна цельными и систематическими трудами, охватывающими целые отделы науки о славянстве. Так, у нас нет сравнительной грамматики славянских языков, нет ни полной славянской диалектологии, ни сравнительно-этнографического описания славянских народов, ни полной этнографической карты славянских племен, ни общего обзора политической и культурной жизни разновидностей славянского племени. Отсутствуют славянские ученые журналы по истории, этнографии, языкознанию»⁹.

Если отвлечься от типичной для буржуазного славяноведения начала XX в. фразеологии (например, выражение «славянское племя»), эта правильная в своей основе характеристика позволяет сделать вывод, что в славистике было еще много не только не решенных, но даже и не поставленных вопросов.

Славяноведением занимались почти исключительно университетские профессора. Лишь к концу XIX в. оживились славянские исследования в Отделении русского языка и словесности (ОРЯС) Академии наук. В Академию были избраны А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, А. Н. Пыпин, В. И. Ламанский, составившие вместе с И. В. Ягичем сильную группу ученых-славистов. ОРЯС предоставляло начинающим ученым средства для заграничных поездок, финансировало издание научных трудов, печатало их в своих сборниках. Субсидии предоставлялись и иностранным славистам. Таким образом, Академия наук в Петербурге (точнее — ее Второе отделение) решала вопросы, которые было не под силу решить другим славянским научным учреждениям. В составе Отделения было много крупных ученых-славистов, и постепенно Академия наук становилась центром объединения научных сил, организатором исследований по славяноведению. Но в русской славистике существовали и все те трудности, о которых говорил Т. Д. Флоринский.

В 1899 г. на археологическом съезде в Киеве, где собралось много ученых из славянских стран, возникла

идея созыва съезда славистов. Его предполагалось провести в Праге в 1901 г., но правительство Австро-Венгрии не дало на это разрешения¹⁰. Тогда инициативу созыва съезда славянских филологов и историков взяло на себя ОРЯС. 14 сентября 1902 г. член-корреспондент Академии наук, киевский профессор Т. Д. Флоринский обратился в ОРЯС с предложением созвать съезд русских и зарубежных славистов в Петербурге¹¹. 21 сентября Отделение обсудило это предложение, признало «мысль проф. Флоринского о съезде славистов вполне своевременною» и пришло к убеждению, что «такой съезд мог бы быть созван в будущем 1903 году». Вместе с этим было решено «в интересах наилучшей организации съезда» пригласить на «предварительное совещание» представителей кафедр славяноведения, а также русского языка и литературы всех университетов, т. е. Петербургского, Московского, Казанского, Харьковского, Киевского, Варшавского, Новороссийского, Юрьевского и Александровского, в г. Гельсингфорс, а также всех проживающих в Петербурге славистов и других заинтересованных в устройстве съезда лиц¹². Предварительное совещание должно было выработать программу будущего съезда русских и зарубежных ученых¹³. В качестве председателя совещания, которое вскоре стало именоваться «предварительным съездом», ОРЯС пригласило акад. И. В. Ягича, который и изъявил на это согласие¹⁴. Всего было приглашено 123 специалиста по славянской филологии и истории, и еще 20 приглашений было послано учреждениям¹⁵.

Предварительный съезд русских славяноведов проходил с 10 по 15 апреля 1903 г. Он открылся заседанием в большом конференц-зале Академии наук. Присутствовало около 100 человек — представители Министерства народного просвещения, Академии наук, всех университетов, некоторых ученых обществ и учреждений¹⁶.

Общее руководство съездом осуществлялось организационным бюро, председательство было поручено акад. И. В. Ягичу. Были избраны также «действительные председатели» — академики В. И. Ламанский и А. Н. Пыпин, и «почетные председатели» — профессора Т. Д. Флоринский, А. А. Кочубинский и др.¹⁷ Обязанности секретаря съезда выполнял Н. В. Ястребов.

На обсуждение съезда было поставлено шесть круп-

ных вопросов: об организации международного съезда славистов; о славянской энциклопедии; об издании церковнославянского словаря; о славянской библиографии; об издании церковнославянских памятников; о межславянском книжном обмене.

Вопрос об организации будущего съезда славистов обсуждался на заседании Первой секции уже 10 апреля¹⁸. Дискутировались вопросы о времени созыва, количестве участников, тематике заседаний и рабочих языках съезда. Особенно жаркое обсуждение вызвали первый и последний вопросы. Хотя руководители предварительного съезда и декларировали свою непричастность к политике, дебаты показали, что обойти политическую сторону вопроса не удастся.

Дело в том, что на 1905 г. планировалось открытие в Петербурге всеславянской выставки. Представитель ее организационного комитета Д. А. Клеменц, члены Петербургского славянского благотворительного общества А. С. Будилович и В. Н. Кораблев выступили за одновременное с выставкой проведение съезда. Однако уполномоченный группы польских ученых из Варшавы, известный славист В. Д. Спасович возражал против совпадения сроков съезда и выставки ввиду «политического характера» последней, а также потому, что в устройстве выставки деятельное участие принимало Петербургское славянское благотворительное общество, «не пользующееся, как известно, симпатиями» (выражение В. Д. Спасовича). Это последнее заявление вызвало протест участников съезда — членов упомянутого общества¹⁹. В результате было решено принять в качестве наиболее удобного срока конец августа — начало сентября 1904 г. Было также выражено пожелание устроить в России и в славянских землях предварительные местные совещания, в задачу которых входила бы подготовка докладов и материалов к съезду²⁰.

По вопросу о рабочих языках будущего съезда акад. И. В. Ягич выступил с предложением допустить для докладов на пленарных заседаниях только русский язык, а для докладов и прений в секциях — любой из славянских или романских и германских языков²¹. Акад. А. А. Шахматов предложил разрешить в общих собраниях съезда выступления немецких и французских ученых на их родных языках, поскольку славянские языки для них представляют определенные практические трудности,

а в то же время доклады этих ученых могут иметь общий для всех делегатов интерес. Принятое постановление гласило, что языком делопроизводства съезда будет русский, но что на пленарных и секционных заседаниях допускаются доклады на всех славянских языках, а также на французском, английском, немецком и итальянском.

Однако такое решение вызвало протест со стороны А. С. Будиловича, который несколько позднее послал в ОРЯС письмо²², где выступал против разрешения пользоваться на съезде любыми славянскими языками и «наречиями». Особенно резко отзывался он о «русько-украинском языке» галицких русинов²³. А. С. Будилович считал, что «руський язык» есть искусственный «русско-украинский жаргон, которым сочиняется ныне (так.— Л. Л.) во Львове и в Черновцах», что он создан на почве червоно-русских говоров под сильным воздействием польского языка и никак не может считаться тождественным ни с малорусскими говорами, ни «с диалектом Квитки и Шевченка». «Допущением этого жаргона,— заключает А. С. Будилович,— поддерживается сепаратизм, чему съезд не должен способствовать²⁴». Архивные материалы показывают, что при обсуждении этого вопроса А. С. Будилович вступил в резкую полемику с А. А. Шахматовым по поводу того, что следует называть диалектом, а что языком²⁵.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что Предварительный съезд русских славистов 1903 г. отнюдь не был собранием людей, отрешенных от вопросов современности. Напротив, он являлся ареной столкновений представителей по крайней мере двух общественно-политических направлений в русской славистике — панрусистского, представленного А. С. Будиловичем и находившего сочувствие в правой прессе, и либерального, признавшего языки славянских народов и сами народы равноправными.

Необходимо отметить, что съезд своим либеральным большинством не поддержал шовинистических выпадов и устоял на либеральных позициях как в вопросах о рабочих языках и времени созыва съезда, так и в некоторых других, о которых будет сказано ниже.

Таким образом, пример работы Предварительного съезда русских славистов показывает, что среди славяноведов встречались люди различных политических

убеждений, а русское славяноведение накануне буржуазно-демократической революции 1905 г. развивалось в целом по тем же направлениям (с точки зрения идеологии), что и другие отрасли науки.

Важнейшим вопросом, обсуждавшимся на Предварительном съезде, было издание славянской энциклопедии. Эта энциклопедия должна была содержать ряд очерков по отдельным отраслям славистики: литературе, истории, языку, этнографии, археологии и искусству славян. Кроме того, планировалось включить в нее некоторые исследования по смежным областям, например: общий очерк физиологии звуков, работу о славянских элементах в языках соседних со славянами народов, обзор тех произведений византийской и средневековой западноевропейской письменности, которые в большей или меньшей степени отражались в славянских литературах или с течением времени становились их достоянием, и т. п.

Идея издания «славянской энциклопедии» впервые возникла еще лет за десять до съезда и принадлежала И. В. Ягичу²⁶. Однако он, получив сочувственные отклики многих славянских ученых, не обладал достаточными материальными средствами для осуществления столь широкого замысла, и только готовность ОРЯС взять на себя расходы по изданию сделала это предприятие реальным.

На предварительном съезде обсуждался проект славянской энциклопедии, составленный ОРЯС и доложенный А. А. Шахматовым. Проект состоял из 11 разделов: 1. История и задачи славянской филологии; 2. Этнографическое обозрение современного славянства; 3. История славян; 4. Язык; 5. Палеография; 6. Литература; 7. Метрика; 8. Бытовая и художественная археология; 9. Этнография; 10. Юридические и социальные отношения; 11. История просвещения у славян²⁷.

Проект ОРЯС подвергся внимательному и всестороннему обсуждению, для которого члены Второй секции съезда разделились на несколько подсекций: истории и права²⁸, этнографии²⁹, языковедения³⁰, литературы и искусства³¹. Ряд вопросов, связанных с созданием славянской энциклопедии, обсуждался на заседаниях всех членов Второй секции съезда. К этим вопросам относились проекты отдельных разделов энциклопедии, отличающиеся от проекта ОРЯС, дополнения к этому проек-

ту и др. Так, этнограф И. Н. Смирнов настаивал на том, что исторический отдел должен быть выделен в самостоятельную часть энциклопедии³². А. Л. Погодин указал на необходимость ввести в энциклопедию элементы литовской филологии, так как при изучении древнейшего периода славянского языка и культуры приходится обращаться к языкам балтийских народов³³. Мнение А. Л. Погодина было поддержано и другими учеными. А. И. Бодуэн-де-Куртене обратил внимание на обойденные проектом ОРЯС вопросы: об отношении славянских языков к другим языкам индоевропейской группы, о психологии языка. А. Н. Ясинский изложил свои замечания по проекту исторического отдела энциклопедии³⁴.

Особенно оживленные дебаты, нашедшие также отражение в прессе, вызвал вопрос о языке, на котором должна издаваться славянская энциклопедия. Профессор Боннского университета Л. К. Гётц предложил издавать энциклопедию на латинском языке, поскольку русским западные ученые не владеют. Однако И. В. Ягич заметил, что Российская Академия наук никому не помещает переводить энциклопедию на западные языки. Латинский язык был отвергнут. Тогда Л. К. Гётц и П. Н. Милюков высказались за издание на немецком языке, но в результате голосования секция отклонила и это предложение. В конце концов выбор пал на русский язык.

Освещая ход дискуссии по этому вопросу, газеты допустили в ряде случаев явные передержки. Так, в заметке, опубликованной в «Санкт-Петербургских ведомостях», содержалось не соответствующее истине утверждение, будто бы И. В. Ягич выступил против издания энциклопедии на русском языке; этот славист подвергся оскорблениям³⁵. Заметка вызвала протест крупнейших русских ученых — А. Н. Веселовского, Н. П. Кондакова, А. Н. Пыпина, Ф. Ф. Фортунатова, В. И. Ламанского, Ф. Е. Корша, А. А. Шахматова. В своем письме в редакцию они отмечали: «Напротив, И. В. Ягич отстаивал возможность и необходимость издания энциклопедии на русском языке — против мнения лиц, предложивших избрать для энциклопедии немецкий или латинский языки»³⁶.

Пресса вообще нередко комментировала ученую полемику на съезде в зависимости от направления той

или иной газеты. Особенно много нападков вытерпели те ученые, которые предлагали издавать энциклопедию на западных языках. В связи с этим немецкий славист Л. К. Гётц сделал заявление о своём «сердечном желании, чтобы не только славянский, но и весь западный ученый мир познакомился с состоянием славянской науки и культуры». «Ввиду того, что лишь немногие из западноевропейских ученых знают русский язык, — продолжал он, — я предложил как «общеупотребительный» научный язык сперва латинский, а когда этот был отклонен собранием, как другой в ученом мире общеупотребительный язык — немецкий. Лица, знающие ближе меня и мои научные стремления о распространении верных сведений о России среди немцев, убеждены, что я не говорил как «немецкий патриот», а только как ученый в интересах славянского мира»³⁷.

Весьма основательному и активному обсуждению подвергся на съезде проект исторической части славянской энциклопедии. Обсуждение отразило уровень исторической науки о славянах вообще и в России в частности и наметило дальнейшие задачи её развития. В ходе обсуждения выявился также различный методологический подход ученых к истории славян. Обсуждение плана исторического раздела энциклопедии велось в основном на двух заседаниях подсекции истории и права. Председательствовал А. С. Лаппо-Данилевский. Он сформулировал в своей речи при открытии заседания 12 апреля основные принципы работы. Первым из них оратор считал «строгость научных приемов исследования прошлых судеб славянства», вторым — «отыскание единства в развитии славянских народов». Этот принцип имел серьезное методологическое значение. Если близость славянских языков не может вызывать никаких сомнений, то общность развития быта, культуры, литератур и тем более истории, очевидно, далеко еще не предопределяется «генетическим» родством.

Тезис об «общих чертах всего славянства» в XIX в. находил, как известно, широкое распространение в идеологии славянофилов и панславистов. И хотя к началу XX в. многие ученые уже преодолели увлечение поисками «общих черт» славянства, следы прежних теорий еще давали о себе знать. А. С. Лаппо-Данилевский заметил, что «самобытность можно понимать не только как развертывание искони данных свойств, но и как самостоя-

тельность в приобретении новых свойств путем выбора образцов для подражания и в их комбинировании». Ученый предлагал исследовать «сходные черты» славянских народов, считая, что такие черты «легко узнать, например, и в семейнозадружном, общинном, вечевом быте славян, и в культурном фонде, образовавшемся под влиянием византийским у болгар, сербов и русских; или у чехов, поляков, галичан... под влиянием западноевропейским». Исследователь считал также возможным «выяснение междуславянских отношений культурных и политических» и выражал мнение, что «подобное указание сходств в истории славянских народов... может придать некоторое единство работе при строгой научной объективности её»³⁸.

Таким образом, А. С. Лаппо-Данилевский, не отрицая общих черт жизни славянских народов, подходил к ним без славянофильских и провиденциалистских крайностей, стремился удержаться на почве фактов. Как будет показано ниже, некоторые другие ученые в значительно большей мере сохраняли взгляды, близкие к славянофильским, а, с другой стороны, высказывались и прямо противоположные славянофильской концепции мнения.

Дальнейшее обсуждение исторического отдела энциклопедии сосредоточилось вокруг вопроса о научной группировке разделов. П. Н. Милюков предложил проект разделения материала по принципу «народности», а А. Н. Ясинский защищал идею группировки «по предметам» (вспомогательные науки, политическая история славянских народов — внешние и внутренние отношения, история права, история церкви, история материального быта и экономических отношений, история просвещения)³⁹. Большинство голосов было принято принцип группировки материала «по предметам», и А. Н. Ясинскому поручили представить проспект для дальнейшего обсуждения. Это и было выполнено, но проспект А. Н. Ясинского⁴⁰ вызвал на заседании 13 апреля новые споры. В результате окончательный проспект исторического отдела славянской энциклопедии на съезде выработан не был. Съезд принял лишь предварительную программу из четырех пунктов, в которой намечалось желательное направление будущей работы над проспектом. Историческая подсекция ходатайствовала перед ОРЯС о назначении особой комиссии по разработ-

ке программы исторической части славянской энциклопедии⁴¹.

Вскоре после съезда такая комиссия действительно была создана под председательством акад. В. И. Ламанского⁴². Она выработала программу «Исторической подсекции», которую ОРЯС разослало всем русским историкам-славистам с просьбой сообщить замечания не позднее 1 октября 1903 г.⁴³ с тем, чтобы комиссия, рассмотрев предложения, выработала проект и представила его на обсуждение намеченного съезда славянских ученых в 1904 г.

От нескольких ученых замечания были получены и сохранились в архиве ОРЯС. Их прислали, например, такие крупные слависты, как А. Н. Ясинский⁴⁴, К. Я. Грот⁴⁵, Ф. Ф. Зигель⁴⁶, и др. Эти документы имеют важное историографическое значение, поскольку свидетельствуют об уровне развития исторической мысли в области славяноведения и о различных направлениях в ней. Весьма примечательными в этом отношении являются суждения А. Н. Ясинского и Ф. Ф. Зигеля. Обращает на себя внимание различие во взглядах этих ученых на историю славян в целом.

А. Н. Ясинский, выступая против группировки материала в энциклопедии по принципу «национальности», считал, что «подобная постановка равноценна отрицанию общей славянской истории... Если позволительно еще думать, что славянство есть единый организм и представляет собой такой же отдельный мир, как германо-романский, то должна быть и общая славянская история, всеобщая история Востока Европы»⁴⁷.

В этом суждении одного из крупнейших русских буржуазных историков-славистов нельзя не ощутить отголосков старой теории славянофилов, деливших Европу на «миры» — германо-романский (католический) и греко-славянский (православный). С другой стороны, слова — «если позволительно еще думать, что славянство есть единый организм» — подчеркивают серьезные изменения в методологии, характерные для начала XX в. Очевидно, А. Н. Ясинский уже вынужден считаться и с мнениями о том, что славянство не является «единым организмом», по крайней мере, в славянофильском понимании этого выражения.

Подтверждением существования мнений, противоположных суждениям А. Н. Ясинского, является, в частно-

сти, упомянутый ответ Ф. Ф. Зигеля на призыв ОРЯС сделать замечания к проекту исторического отдела славянской энциклопедии. Ф. Ф. Зигель кладет в основу развития славянских народов исторические условия их существования в рамках тех или иных государств и поэтому предлагает группировать исторический материал «по принципу государственному, как более определенному» сравнительно с расовым. «Сравнительно-исторические труды не только социологов, но и юристов,— пишет Ф. Ф. Зигель,— приводят к заключению, что расовый элемент играет весьма незначительную роль во всевозможных сферах эволюции, что всё зависит от той ситуации, на которой стоит умственное развитие данного общества, от той материальной и духовной среды, в которой это общество действует. Следовательно, научное сравнение не может ограничиться пределами одного славянства⁴⁸».

Разумеется, тезис о примате «умственного развития» общества совершенно неприемлем, но в суждениях Ф. Ф. Зигеля привлекает постановка исторических условий над расовым происхождением. Теперь можно определенно сказать, что точка зрения Ф. Ф. Зигеля оказалась в этом отношении весьма перспективной.

Окончательный вариант проспекта исторического отдела славянской энциклопедии, видимо, так и не был выработан. Во всяком случае, в архивах подобного документа не обнаружено.

Конкретные планы издания славянской энциклопедии были составлены по отделам лингвистики и этнографии, а разработка проспекта по славянским литературам и искусству была отложена «на будущее время»⁴⁹.

Прочие пункты повестки дня съезда нашли более удовлетворительное разрешение. Так, были намечены конкретные меры по изучению памятников для словаря церковнославянского языка, определен его объём и состав⁵⁰. По вопросу об издании памятников славяно-русской письменности главным докладчиком выступал лектор русского языка Варшавского университета А. В. Михайлов. Охарактеризовав состояние издания памятников как не удовлетворяющее современным требованиям, докладчик, в частности, призвал к организации их издания при Академии наук, с тем, чтобы руководство и финансирование находились в руках специального комитета, а один памятник крупных

размеров готовился бы к изданию коллективом из 8—10 человек, которые могли бы распределить между собой труд⁵¹. Соответствующая — пятая — секция съезда выразила сочувствие такому принципу издания источников и наметила к публикации конкретные памятники. В повестку дня предполагаемого съезда славистов 1904 г. секция решила включить вопрос о систематическом издании старинных писателей различных славянских народов⁵².

Обстоятельному обсуждению подвергся вопрос об издании славянской библиографии. К моменту открытия съезда выходило два библиографических ежегодника по славяноведению. Один из них был издан ОРЯС в Петербурге⁵³, другой выходил в Праге⁵⁴, причем ОРЯС оказал пражскому изданию материальную поддержку. Обе библиографии содержали много идентичного материала. Поэтому обсуждались возможности координации библиографической работы и вопрос о характере единого издания. Окончательное решение было отложено до «съезда славистов в 1904 году»⁵⁵.

Вопрос о «межславянских книжных сношениях» специально обсуждался в шестой секции съезда. Было признано, что ранее осуществлявшийся книгообмен не соответствовал общим задачам славяноведения. Выдвигались проекты улучшения деятельности в области научных контактов⁵⁶. Среди предложений было, в частности, и такое: «Просить II-е отделение ходатайствовать об ограждении профессоров и вообще ученых от стеснительных цензурных условий получения из-за границы книг»⁵⁷. Большинство выдвинутых предложений было принято собранием. Было решено открыть в Вене постоянное книжное агентство русских книг и расширить деятельность славянского отдела библиотеки Академии наук в Петербурге.

Общим собранием съезда обсуждался также вопрос о состоянии славяноведения в университетах России. Отмечалось, что подготовка кадров славистов и постановка преподавания славяноведения в русских университетах архаичны. Если, например, в Венском университете было четыре профессора славяноведения, а в Пражском — три (кроме того, в последнем имелись доценты-слависты и преподаватель чешского языка)⁵⁸, то в России, даже в Петербургском и Московском университетах, работало лишь по одному профессору.

Вопрос о создании двух кафедр славяноведения — славянской истории и славянской филологии — уже ставился при обсуждении проекта нового устава для университетов России в 1901 г.⁵⁹, однако никакого решения министерства народного просвещения не последовало.

На съезде тот же вопрос вновь поднял В. И. Ламанский. Он предложил ходатайствовать от имени съезда русских славистов об увеличении числа славистических кафедр и об отпуске средств на устройство семинаров при кафедрах, на стипендии для научных командировок студентов-славистов, на приобретение фотографических аппаратов и фонографов для научных экспедиций⁶⁰. Мысль В. И. Ламанского была поддержана К. Я. Гротом, В. Н. Щепкиным, П. А. Лавровым, Ф. Ф. Зигелем, И. А. Бодуэном-де-Куртене, Ф. Е. Коршем и др. Так, К. Я. Грот заметил, что разделение кафедры славянской филологии на несколько самостоятельных является важнейшим условием развития славянской науки в России и культурного сближения всех славян. По мнению того же ученого, необходимо было и в средней школе больше знакомить подрастающее поколение «со славянским миром, прошлым и настоящим».

Петербургский профессор П. А. Лавров высказался за учреждение в университетах трех славистических кафедр: славянского языкознания, славянских литератур и истории славянских народов. Кроме того, по мнению П. А. Лаврова, следовало создать во всех университетах (по образцу Варшавского) кафедру славянских законодательств. Профессор такой кафедры в Варшаве Ф. Ф. Зигель развил мысль о необходимости введения аналогичных кафедр во всех университетах, указав на то, что даже западноевропейская и американская наука заинтересовались историей права славянских народов, на почве юридического быта которых целесообразно изучать «скрещивающиеся культурные влияния Запада и Востока». В результате была образована специальная комиссия, которая выработала проект соответствующего ходатайства для представления его министерству народного просвещения.

В документе говорилось: «Съезд русских филологов считает своим долгом ходатайствовать перед Министерством народного просвещения о более прочной и всеобщей постановке славяноведения во всех русских

университетах, а именно полагает необходимым: а) учредить особую ординатуру по истории и древностям славянских народов; б) дать университетам возможность располагать двумя кафедрами по славянской филологии, имея в виду разделение на две группы: языка и литературы; в) восстановить на юридических факультетах ординатуру по истории славянских законодательств⁶¹; г) дать возможность историко-филологическим факультетам иметь от 2 до 4 лекторов по живым славянским наречиям»⁶². Это ходатайство было послано в министерство, но осталось без ответа⁶³, как и прежние попытки изменить порядок преподавания славяноведения в университетах.

* * *

Работа съезда русских славистов в 1903 г. была в целом успешной. Сразу же после его окончания ОРЯС развернуло подготовку к созыву международного славистического съезда. Была создана организационная комиссия под председательством А. Н. Пыпина, получено санкционированное царем официальное разрешение на проведение съезда «русских и иностранных» славистов с 31 августа по 10 сентября 1904 г.⁶⁴ Одновременно был выработан проект программы съезда⁶⁵, получены нужные ассигнования⁶⁶ и разосланы приглашения во все славянские и некоторые неславянские страны⁶⁷. Всего было приглашено 219 человек, отрицательный ответ прислали 10 славистов⁶⁸.

Организационная комиссия развернула энергичную деятельность, о чем свидетельствуют протоколы её заседаний⁶⁹. Были решены также и другие вопросы, например, о содержании докладов, о выставке рукописей, этнографических предметов, предметов из нумизматического кабинета и т. д.⁷⁰ Однако на заседании организационной комиссии 10 марта 1904 г. ее председатель сообщал собравшимся, что по решению Государственного совета съезд славистов отложен ввиду начавшейся русско-японской войны. Собрание приняло текст извещения об отсрочке съезда до 1906 г. и поручило члену комиссии С. Л. Пташицкому подготовить к изданию на правах рукописи труды комиссии⁷¹, что и было им выполнено⁷². Съезд же, как известно, не состоялся.

В. Р. Свирская полагает, что срыв съезда 1904 г. объясняется политической борьбой вокруг некоторых

вопросов, подлежавших обсуждению на этом форуме⁷³. Эта мысль архивными материалами не подтверждается. Далее, исследовательница говорит о «травле», которой подвергалось ОРЯС со стороны газеты «Новое время», как о причине, заставившей Отделение отказаться от созыва славистов. Однако обследование материалов этой газеты не выявило статей, которые можно было квалифицировать как «травлю». Даже если и были выступления в прессе, направленные против ОРЯС, то при наличии официального разрешения на созыв съезда эти выступления не могли сыграть существенной роли. Представляется, что действительной причиной отсрочки съезда была начавшаяся война, а последовавшие за ней политические события сделали проведение съезда невозможным.

Что же касается съезда 1903 г., то его памятником остались девять книг славянской энциклопедии, вышедшие с 1908 по 1921 г. Материалы этого съезда представляют важный источник по истории русского дореволюционного славяноведения на его заключительном этапе.

-
- ¹ Лавров П. А. Съезд славянских филологов.— Изв. С.-Петербург. славянского благотворительного о-ва, 1902, окт., № 1, с. 23—24; Корблев В. Н. Съезд русских славистов.— Там же, 1903, май, № 8, с. 32—39. В конце текста крипт.: W.
  - ² Яворский Ю. Съезд русских славяноведов в Петербурге.— Славянский век, 1903, 1 (14) мая, вып. 64, с. 482—490.
  - ³ Новое время, 1903, № 9733—9738.
  - ⁴ С.-Петербург. ведомости, 1903, № 97—102.
  - ⁵ Энгельгардт Н. Славянская энциклопедия.— Новое время, 1903, № 9742.
  - ⁶ Предварительный съезд русских филологов (10—15 апр. 1903 г.): Бюллетени. СПб., 1903. 145 с.
  - ⁷ Первый съезд славянских филологов и историков: Материалы по организации съезда. 1 авг. 1903 — май 1904. СПб., 1904. 31 с.
  - ⁸ Свирская В. Р. Из истории славянских научных связей: Первый съезд рус. славистов.— Науч. бюл. ЛГУ, 1946, № 11—12, с. 85—88; Она же. Из истории славянских научных связей.— Учен. зап./Ин-т славяноведения АН СССР, 1948, т. 1, с. 358—364; Она же. Российская Академия наук в борьбе за равноправие украинского языка.— Мовознавство, 1949, т. 7, с. 60—71; Горяинов А. Н. Из истории русской славяноведческой библиографии второй половины XIX — начала XX века.— Тр./ГБЛ, 1963, т. 7, с. 167—168; Он же. Русско-чешские библиографические связи в начале XX века.— Там же, 1966, т. 9, с. 174—177.
  - ⁹ ОР ГБЛ, ф. 40, карт. 20. Предварительный съезд русских филологов (10—15 апр. 1903 г.). Бюл. № 1. Общее собрание. 10 апр. Речь

- Т. Д. Флоринского (в дальнейших ссылках на бюллетени указание на хранилище, фонд и картон не повторяется).
- 10 ЛО ААН, ф. 9, оп. 1, д. 798, л. 1—2. Докладная записка в ОРЯС чл.-корр. имп. АН, профессора Киевского университета св. Владимира Т. Д. Флоринского. 14 сент. 1902 г.
  - 11 Там же.
  - 12 Там же, л. 5. Протокол заседания ОРЯС. 21 сент. 1902 г. Переписка по этому поводу содержится в указ. д., л. 15, 17, 19, 22, 26 и др.
  - 13 Там же, д. 820, л. 120. Отношение ОРЯС в министерство народного просвещения. 7 дек. 1902 г.
  - 14 Там же, л. 29. Письмо И. В. Ягича А. Веселовскому. 21 марта 1903 г.
  - 15 Там же, л. 50—57. Список лиц и учреждений, приглашенных на заседание Предварительного съезда.
  - 16 Подсчеты произведены автором на основании бюллетеней съезда. Они почти полностью подтверждаются списком, приведенным в кн.: Предварительный съезд русских филологов (10—15 апр. 1903 г.): Бюллетени. СПб., 1903, с. 131—134.
  - 17 Эти наименования являлись лишь данью уважения старейшим славистам и не были связаны ни с какими рабочими функциями.
  - 18 См.: Бюл. № 2. Заседание 1 секции. 10 апр., 7 1/2 часов вечера; Бюл. № 4.2-е заседание [1 секции]. 12 апр.
  - 19 Бюл. № 4. Протест подписали: П. А. Гейсман, И. С. Пальмов, П. Д. Драганов, М. И. Соколов, К. Я. Грот, Т. Д. Флоринский, А. И. Степович, И. П. Филевич, Платонов. Текст протеста опубликован также в газете «Санкт-Петербургские ведомости» 15(28) апр. 1903 г. (см. заметку «Съезд славистов»).
  - 20 Бюл. № 15. Общее собрание. 15 апр.
  - 21 Бюл. № 2.
  - 22 ЛО ААН, ф. 9, оп. 1, д. 798, л. 71. Письмо А. С. Будиловича в ОРЯС. 24 апр. 1903 г.
  - 23 Там же, л. 162. Письмо А. С. Будиловича в ОРЯС. 24 мая 1903 г.
  - 24 См. цитированное выше письмо от 25 апр. 1903 г.
  - 25 ЛО ААН, ф. 9, оп. 1, д. 798, л. 78—81. Записка А. А. Шахматова по поводу письма А. С. Будиловича в ОРЯС от 25 апр. 1903 г.; Там же, л. 162—173. Ответ А. С. Будиловича 24 мая 1903 г. на отношение ОРЯС от 5 мая 1903 г.
  - 26 Бюл. № 3. Заседание Второй секции 11 апреля по вопросу о славянской энциклопедии. Речь И. В. Ягича на открытии заседания.
  - 27 Бюл. № 3, приложение.
  - 28 Бюл. № 6, Первое заседание подсекции истории. 12 апр. 1903 г.; Бюл. № 13. Второе заседание подсекции истории. 13 апр. 1903 г.
  - 29 Бюл. № 7. Заседание подсекции этнографии.
  - 30 Бюл. № 10. Заседание подсекции языковедения.
  - 31 Бюл. № 11. 1-е заседание подсекции литературы и искусства.
  - 32 Бюл. № 3, л. 11 об.
  - 33 Там же, л. 12.
  - 34 Там же, л. 12 об.
  - 35 С.-Петербург. ведомости, 1903, № 98.
  - 36 Письмо в редакцию.— Там же, 1903, № 100.
  - 37 Гётц Л. К. Письмо в редакцию.— Там же, 1903, № 102.
  - 38 Бюл. № 6.
  - 39 Там же.
  - 40 Бюл. № 13. В приложении к бюллетеню см.: Ясинский А. Н. Пробный проект исторического отдела общеславянской энциклопедии,

- составленный применительно к основаниям, принятым гг. членами исторической секции, в заседании 12 апреля 1903 г.
- 41 Бюл. № 15. Общее собрание 15 апр. Выступление А. С. Лаппо-Данилевского.
- 42 ЛО ААН, ф. 9, оп. 1, д. 820. Выписка из протокола заседания ОРЯС. 3 мая 1903 г., отправлена В. И. Ламанскому 27 сент. 1903 г.
- 43 Указ. выписка, п. 1.
- 44 См.: ЛО ААН, ф. 9, оп. 1, д. 820, л. 93—95.
- 45 См.: Там же, л. 2—5.
- 46 См.: Там же, л. 82—84 (первый лист не сохранился).
- 47 Там же, л. 95.
- 48 Там же, л. 84 об.
- 49 Бюл. № 15. Общее собрание. 15 апр. Выступление П. А. Лаврова.
- 50 Бюл. № 8. Заседание 3 секции по вопросу о церковнославянском словаре. 12 апр.
- 51 Бюл. № 9, приложение. Докл. А. В. Михайлова «К вопросу об издании памятников славяно-русской письменности».
- 52 Бюл. № 9. Заседание 5 секции [по вопросу об издании памятников церковнославянского языка]. 14 апр.
- 53 Славяноведение в повременных изданиях: Сист. указ. ... за 1900 г. СПб., 1901. XVI, 115 с.
- 54 Věstník slovanské filologie a starožitností. Praha, 1901—1902, roč. 1—2. Об этом издании имеется материал в уже упоминавшейся «докладной записке» проф. Т. Д. Флоринского от 14 сент. 1902 г. (ЛО ААН, ф. 9, оп. 1, д. 798, л. 1).
- 55 Бюл. № 12. Заседание 4 секции 13 апр. — по вопросу о славянской библиографии.
- 56 Например, проект Л. К. Гётца (Бюл. № 14. Соединенное заседание III общего собрания и 6 секции 14 апр. — по вопросу о книжном обмене).
- 57 Бюл. № 14.
- 58 Бюл. № 5. Общее собрание 12 апр. Выступления И. В. Ягича.
- 59 ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 151, д. 267, л. 302—305. Мнения, высказанные профессорами П. А. Лавровым, А. И. Соболевским, В. И. Ламанским и другими при обсуждении нового устава в Петербургском университете.
- 60 Бюл. № 5. Второе общее собрание. 12 апр.
- 61 По университетскому Уставу 1863 г. кафедра славянских законодательств учреждалась во всех университетах, но была занята только в Варшавском. Поскольку в других университетах эта кафедра оставалась вакантной, она была упразднена Уставом 1884 г.
- 62 ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 151, д. 609, л. 2. См. также: Бюл. № 5. Второе общее собрание. 12 апр. 1903 г.
- 63 В Министерстве народного просвещения ходатайство было получено и тут же сдано в архив. Текст его, обнаруженный в ЦГИАЛ и процитированный выше, представляет собой выписку из Бюл. № 5 Предварительного съезда русских филологов с сопроводительным письмом ОРЯС от 12 мая 1903 г. Письмо подписано А. Н. Пыпиным.
- 64 ЛО ААН, ф. 134, оп. 1, д. 237, л. 7. Официальное письмо Председателя ОРЯС акад. А. Н. Веселовского акад. А. А. Шахматову об избрании последнего в Комитет по организации съезда в 1904 г.
- 65 ЛО ААН, ф. 9, оп. 1, д. 820, л. 283. Проект был позднее с поправками и изменениями опубликован под названием «Правила первого съезда славистов» в книге «Первый съезд славянских филологов и историков...».

- ⁶⁶ ЛО ААН, ф. 2, оп. 1 — 1903, № 16, л. 7—13 об. Объяснительная записка ОРЯС о научных предприятиях предполагаемого съезда русских и иностранных славистов в 1904 г.
- ⁶⁷ ЛО ААН, ф. 134, оп. 1, д. 237, л. 9—54. Список приглашенных на съезд 1904 г. русских и иностранных ученых.
- ⁶⁸ Окончательный список см. в кн.: Первый съезд славянских филологов и историков..., с. 17—31.
- ⁶⁹ ЛО ААН, ф. 9, оп. 1, д. 820, л. 169, 171—178.
- ⁷⁰ Там же, л. 173—174. Протокол заседания Организационной комиссии 20 янв. 1904 г.
- ⁷¹ Там же, л. 177—178, 263.
- ⁷² Там же, л. 246. Письмо А. А. Шахматова А. Н. Пыпицу. 26 мая 1904 г. (В письме речь идет об упомянутом издании «Первый съезд славянских филологов и историков...»).
- ⁷³ Учен. зап./АН СССР. Ин-т славяноведения, 1948, т. 1, с. 364.

М. А. РОБИНСОН

ИЗУЧЕНИЕ НОВОЙ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ СЛАВЯН В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАЧАЛА XX в.

Интерес к истории южных славян традиционен для русского славяноведения. Судьба народов, находившихся под многовековым турецким игом, всегда вызывала сочувствие русской общественности. Становление славяноведения как науки совпало с национальным возрождением славянских народов, усилением национально-освободительной борьбы на Балканах. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. повлекла за собой значительные изменения на Балканском полуострове. Все эти события требовали осмысления и изучения, интерес к истории XVIII и XIX вв. стал во второй половине XIX в. «принципиально новым явлением в тематике историко-славистических исследований»¹. Возрастанию интереса ученых к новой истории южного славянства в значительной степени способствовали и крупные политические потрясения на Балканах, начавшиеся с аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1908 г. и получившие дальнейшее развитие в Балканских войнах. События в данном регионе вызывали интерес во всех слоях русского общества, они нашли отражение и в трудах профессиональных историков-славяноведов,

На протяжении предреволюционного десятилетия «буржуазно-либеральной струе русской общественной жизни соответствовало весьма неоднородное историографическое направление, находившееся под значительным воздействием идей позитивизма»². Общие концепции и конкретное содержание соответствующих работ отражали сильное влияние славянофильских идей, а также «аналогичные по звучанию концепции неославизма»³.

Как политическое течение неославизм оформился в 1907—1908 гг.⁴, и прежде всего на Славянском съезде в Праге в 1908 г. Неославизм был течением очень неоднородным, он вызывал нападки и со стороны приверженцев так называемого старого, панславистски окрашенного славянофильства⁵. В глазах этой части консервативно-буржуазных деятелей и ученых-славяноведов неославизм отождествлялся с деятельностью кадетской партии и сочувствующими ей либеральными учеными. Причем наиболее яростные противники неославизма называли его лишь политическим маневром, потребовавшимся кадетской партии для поднятия польского вопроса⁶, ибо именно с ним было связано одно из программных положений Пражского съезда неославистов — «тот не славянин, кто притесняет другой славянский народ»⁷.

Для характеристики взглядов и оценок славяноведов буржуазно-либерального направления мы, не претендуя на полноту охвата выбранной тематики, берем лишь наиболее крупные и характерные работы данного направления, вышедшие в 1908—1916 гг. Выбор данного отрезка времени объясняется несколькими причинами. Это — малоисследованный в советской историографии период, завершающий историю русского дореволюционного славяноведения и совпадающий по времени с многочисленными конфликтами, с частыми изменениями политической обстановки на Балканах. Международные события сильно влияли как на само появление многих историко-политических и историко-публицистических работ, так и на оценки в этих трудах настоящего, а также недавнего исторического прошлого изучаемых стран. Мы ограничиваемся в своей статье рассмотрением того, как русские славяноведы освещали современные им вопросы новой истории начала XX в. двух славянских государств Балканского полуострова: Болгарии

и Сербии, а также некоторые общевосточные конфликты. При этом представляется интересным проследить эволюцию характеристик и оценок событий, дававшихся отдельными учеными, вызванную явлениями политической жизни.

Это прежде всего работы А. Л. Погодина — славяноведа с очень широкими интересами, изучавшего историю и литературу многих славянских народов. Являясь приверженцем позитивистской методологии в научных исследованиях, он также представлял наиболее либеральное крыло русских неославистов. Мы рассматриваем здесь пять работ этого автора: «Историю Сербии» (1909); «Историю Болгарии» (1910); добавленную к книге К. Рота «История христианских государств Балканского полуострова (Болгария, Сербия, Румыния, Черногория, Греция)» (1914) главу, написанную Погодиным и посвященную событиям в регионе после 1905 г.; «Краткий очерк истории славян» (1915) и «Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года» (1915). Последняя книга — явление для своего времени очень интересное. Автор широко привлекает статистические материалы и источники самого различного происхождения, интересна постановка вопроса об экономическом развитии, ранее в трудах Погодина не встречавшаяся.

Рассматриваемые работы П. А. Лаврова представляют собой своеобразное явление в его научной деятельности. Специалист в области древнеславянской письменности, лингвист и литературовед он очень живо отреагировал в своих историко-публицистических выступлениях на международные конфликты, затронувшие интересы славянских стран и народов. Так появились три его работы: «Аннексия Боснии и Герцеговины и отношение к ней славянства» (1909), «Балканский союз и Сербия» (1913) и «Балканский союз и переживаемый им кризис» (1914).

П. А. Лавров и Н. В. Ястребов являются авторами курса лекций, переработанного в книгу «История болгарского народа» (1916). Этот труд завершает собой цикл работ по болгарской истории в дореволюционный период. Данное название оправдывается тем, что исследование содержит обширный фактический материал не только по истории Болгарии, но и по антрополо-

гии и этнографии, данные о языке, материальной и духовной культуре, краткий обзор болгарской литературы нового времени. В книге собраны сведения о природных условиях Болгарии, ее климате, флоре и фауне. Объединение в работе исторического и филологического приемов исследования явилось примером комплексного подхода к изучаемой теме. Хочется выделить особое пристрастие авторов к статистике, данные которой охватывают все области жизни и деятельности государства. Увлечение статистикой наглядно свидетельствует об общей позитивистской методологии авторов. Перво-степенное значение статистики для исторических исследований обосновывал и основоположник позитивизма О. Конт⁸, развивали его последователи в западной Европе⁹. И среди русских славяноведов были пропагандисты статистических методов исследования¹⁰.

Особое место занимает работа П. Н. Милюкова «Балканский кризис и политика А. П. Извольского» (1910). Милюков — профессиональный историк и политик, лидер кадетской партии, примыкал к течению неославизма¹¹, он даже значился первым в списке предполагавшихся делегатов Московского общества славянской культуры на Софийский съезд 1910 г.¹² Вопросы, затрагиваемые автором, относятся к области славяноведческих исследований, хотя освещение вопросов славянской истории не является основной ее целью. Все события на Балканском полуострове 1908 г. рассматриваются автором в широком контексте общеевропейской и мировой политической ситуации. В том, как подходит он к решению определенных вопросов балканской истории, какие намечает перспективы дальнейшего развития всего региона, виден не только историк, но и, возможно, в первую очередь политик. В своем историко-политическом труде Милюков ясно и откровенно намечает путь политики на Балканах, наиболее всего выгодный для «национальных интересов» России.

Рассматриваемые нами работы специальному историографическому анализу ранее не подвергались. Лишь некоторые из них упомянуты или кратко охарактеризованы в «Очерках истории исторической науки в СССР»¹³, а также в некоторых исследованиях, например, в книге Ю. А. Писарева «Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии 1905—1914»¹⁴. Здесь дана оценка трудам, посвященным ан-

нексии Боснии и Герцеговины, в частности книге Милюкова и «Аннексии Боснии и Герцеговины» Лаврова. Совершенно справедливо Ю. А. Писарев отмечает, что такие авторы, как Милюков, «воспринимали все происходившее на Балканском полуострове и в Австро-Венгрии сквозь призму своекорыстных интросов»¹⁵, с «точки зрения „большой политики“»¹⁶, но нам кажется, что опирающееся на эти положения отнесение Милюкова к историкам-панславистам¹⁷ неубедительно. Скорее всего здесь можно видеть откровенное выражение империалистических устремлений русской буржуазии на Балканах, независимое в данном случае ни от панславистских, ни от неославистских взглядов.

Новая история южных славян, история Балканских кризисов и войн начала нашего века, нашла свое научное освещение в работах советских историков, опирающихся на ленинскую концепцию этих исторических событий. В этих трудах привлекаются новые обширные архивные материалы, раскрывающие закулисные стороны политических устремлений господствовавших классов как Балканских стран, так и великих держав, подробно освещается национально-освободительная борьба южнославянских народов¹⁸. Оценки В. И. Ленина событий на Балканах широко известны, они используются во всех работах, в которых так или иначе изучается новая история Балкан начала века. Ленинские положения продолжают быть предметом специального исследования¹⁹.

Самый живой отклик у ученых-славяноведов вызвали аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, а также провозглашение Болгарией полной независимости. Если отношение к аннексии у них оказалось единодушным, то вопрос о связи обоих событий претерпел определенные изменения. Так, в «Истории Болгарии» Погодин, отмечая, что Болгария «представляет в настоящее время наиболее серьезную силу на Балканском полуострове»²⁰, лишь констатирует объявление ею независимости²¹. В дальнейшем же ученый указывает, что «аннексия Боснии и Герцеговины в 1908 г. не обошлась без согласия болгарского князя Фердинанда...который тяготился хотя бы и фиктивной вассальной зависимостью Болгарии от Турции и уже давно стремился к провозглашению Болгарии царством»²². Подвергает критике действия Болгарии и Лавров: «Для

славянского дела австрофильская политика болгар, без всякого сомнения,— шаг ложный и опасный», хотя факт провозглашения независимости «сам по себе не может вызывать возражений»²³. Ястребов и Лавров отмечают также, что объявление независимости было проведено одновременно с аннексией, «очевидно, по соглашению с ней (Австро-Венгрии.— М. Р.) Фердинанда»²⁴.

Авторы усматривают в действиях Болгарии далеко идущие планы: «Титулы «царь» и «царство» были не только оживлением исторических преданий 1-го и 2-го бол[гарского] государства, но и заявлением претензий болгар на первенствующую роль среди народов и государств Балканского полуострова»²⁵. Милюков видит в действиях Болгарии отступление от «национальной» политики, выразившейся в стремлении к возвращению ей «того состава, в котором она была предположена Сан-Стефанским договором»²⁶. Объявление независимости до выполнения «национальных» задач было проявлением династической политики Кобургов.

Сам факт аннексии, несмотря на его единодушное осуждение, трактуется учеными по-разному. Так, Погодин рассматривает данное событие только в единственном аспекте: его интересует реакция Сербии. Он указывает на сильное влияние факта аннексии как на внешнюю политику Сербии, так и на ее внутреннее развитие. Происходит примирение с Черногорией, «народ почувствовал свое кровное единство с сербами Боснии и Герцеговины и готов всем пожертвовать для объединения с ними», и вообще «во всех областях народной жизни замечается громадное движение вперед», и «в высшей степени наделенная природными богатствами страна стала быстро развиваться»²⁷. Крепнет идея «объединения всего сербского племени»²⁸. Эта идея, по мнению Погодина, поможет избавиться Сербии «от колебаний во внешней политике»²⁹, т. е. полностью перейти в русло внешней политики России.

Лавров большое место уделяет истории тридцатилетней деятельности Австрии на оккупированных территориях. Автор привлекает большой материал по аграрному вопросу в этих провинциях. Главный неразрешенный вопрос после оккупации еще больше обострился, положение крестьян ухудшилось, началась массовая эмиграция. Много пишет ученый о внешней

политике России в связи с аннексией. Она, по мнению Лаврова, является «не согласной ни с нашими, ни со славянскими интересами»³⁰. Выход для России состоит в том, чтобы, опираясь «на поддержку наших европейских союзниц, Франции и Англии», поддерживать все народы полуострова, «не исключая турок и албанцев»³¹, в их борьбе за политическую независимость против австрийской экспансии. Имея в виду Австрию, Лавров ратует также за «тесное и прочное сближение болгар и сербов»³².

По-иному, чем все предыдущие авторы, подходит к проблеме Милюков. Он так же, как Лавров, подробно исследует историю вопроса, обращая прежде всего внимание на ее дипломатическую сторону. Милюков рассматривает проблему как результат противоборства европейских блоков, борьбы Англии и Германии, которые «вступили в мировое соревнование»³³. Борьбой враждующих блоков и внутриблоковыми противоречиями автор объясняет и поражение русской дипломатии. В отличие от других исследователей Милюков подробно изучает предысторию и историю младотурецкой революции 1908 г., которая, по его мнению, вывела из равновесия все неустойчивые элементы на Балканах. Такими элементами, по Милюкову, были — стремление Болгарии к национальной независимости; Сербии — к национальному объединению; притязания Австро-Венгрии на Боснию и Герцеговину³⁴.

Из всего круга проблем, вызванных действиями Австро-Венгрии, на одно из первых мест исследователи выдвигают вопрос о развитии политической ситуации на Балканах и активной дипломатической деятельности России. Лавров активно выступает за выдвинутый Гладстоном лозунг «Балканы для балканских народов»³⁵. При этом ученый настаивает не только на необходимости противодействия русской политики австрийской, но и призывает также «отстаивать независимость южных славян и всего Ближнего Востока и не препятствовать им устроиться на Балканах соответственно их желаниям и в согласии с их историческим прошлым»³⁶. Эта формула ясно предполагает пересмотр границ на Балканах за счет Турецкой империи.

По-иному смотрит на этот вопрос Милюков. Он обстоятельно анализирует борьбу Англии и Германии за влияние в Турции. После младотурецкой революции

Англии удалось вытеснить Германию, поэтому необходимая для России «политика ближайшего момента — это та, которая указывается Англией. Мы должны стоять за турецкие интересы, должны стараться соединить Турцию в один цельный, общий союз с балканскими славянскими государствами. Только этим путем мы можем создать сильный оплот против австрийского влияния»³⁷.

Уже в самом начале книги Милоков выступает против «одной славянской федерации на Балканах, с исключением неславянских государств». Это будет «красивым мыльным пузырем» и в то же время толкнет «Турцию в объятия наших политических противников»³⁸. В дальнейшем автор вновь возвращается к идее федерации, сопоставляя возможности разных ее вариантов. Для себя он задает два вопроса: будет ли это «федерация, за которую сейчас стоит Англия, т. е. союз между защищаемой Англией Турцией и славянским населением Сербии, Черногории и Болгарии? Или же федерация за счет славянских идей 60-х годов, с исключением Турции за счет славянских элементов на теперешней турецкой территории? [...] Решить этот вопрос сейчас едва ли возможно»³⁹. И тем не менее Милоков его вскоре решает очень определенно: «Сейчас нужно несомненно проводить идею турецко-славянского союза, направленного против Австрии под протекторатом Англии и России»⁴⁰.

Для выяснения принципиального подхода Милокова к проблемам южного славянства представляет интерес его вывод о том, что «если мы что-нибудь должны делать на Балканах, то должны делать это в интересах России... такова счастливая случайность (подчеркнуто нами. — М. Р.), что в данный момент и в данном случае интересы России совпадают с интересами славян»⁴¹. Увлечшись английскими проектами балканской антиавстрийской федерации, автор тем не менее сам приводит много фактов, говорящих о том, что малые государства Балкан стремятся к расширению своих территорий за счет Турецкой империи. Но, не считая, по-видимому, этот аспект в игре политических сил на Балканах главным, он и не предполагал, что конфликт, который возникнет в ближайшие два года, похоронит идею вначале совместной турецко-славянской, а затем и идею славянохристианской федерации.

Русских поборников идеи славянской взаимности сильно беспокоила реакция на аннексию политических и общественных деятелей славянских областей Австро-Венгерской империи. Австрославизм осуждался в России во всех общественных и научных кругах. Лавров подвергает австрославистов самой резкой критике, утверждая, что «австрийские славяне все без исключения отнеслись к аннексии с сочувствием»⁴². Автор подчеркивает, «что среди них усиливается идея австрославизма, т. е. устройства славян под скипетром Габсбургов», причем австрославизма «наступательного характера», а не того, который провозглашал Палацкий,— объединение народов Австрии, связанных «с династией давними историческими узами»⁴³. Против варианта Палацкого, по мнению Лаврова, «ничего нельзя возразить», но идея современного австрославизма является «лозунгом захватов», «угрозой славянской солидарности и миру Европы»⁴⁴. Славяне «поддержали свое немецко-венгерское правительство», и это — «исход, мало обещающий торжеству идеи славянской взаимности!»⁴⁵.

Итак, становится очевидным, что такие ученые, как Лавров и Милюков, опираются в своих оценках на различные принципы. Лавров руководствуется традиционной формулой славянской взаимности, Милюков же имеет в виду «национальные» интересы России, для которых совпадение с интересами славянства — явление случайное.

Положение Боснии и Герцеговины после аннексии подвергается исследованию только Погодин. Он привлекает многие статистические данные, охватывающие период с 1908 по 1913 гг., и в первую очередь перепись 1910 г. Большое внимание автор обращает на развитие аграрного вопроса. Он считает, что «от Сабора крестьянство ожидало разрешения наболевшего аграрного вопроса»⁴⁶, но никаких радикальных шагов сделано не было. Вместе с тем Погодин отмечает все же некоторый прогресс в области экономики: постепенный выкуп крестьянами помещичьих земель, проводившийся, однако, не слишком широко «по сравнению с тем требованием на землю, которое выдвигается многочисленным крестьянским населением»⁴⁷. Несмотря на определенное экономическое улучшение положения провинций, в них обостряется национально-религиозная борьба.

Автор опасается, что сербскохорватское «сближение может разбиться о боснийский вопрос»⁴⁸. По мнению Погодина, дальнейшая «участь провинций будет решена исходом войны 1914 г.», и справедливым решением могло бы быть только присоединение их к Сербскому королевству»⁴⁹.

Наряду со специальным интересом к событиям внешней политики ученых-славяноведов интересовали и проблемы внутренней жизни стран региона. Причем, как правило, они занимали в общих работах большее место, чем внешнеполитические события. Пристальное внимание к проблемам внутреннего экономического развития балканских стран свидетельствует об укреплении методологии позитивизма⁵⁰.

Из проблем внутриполитических ученые обращаются в первую очередь к деятельности партий. Погодин видит в организации болгарских партий в основном «группировки людей около отдельных выдающихся вождей»⁵¹. Но относительно последнего времени он замечает и определенные изменения: «партийная жизнь приобретает более принципиальный или, вернее, более классовый характер», так, например, «зажиточное крестьянство складывается в аграрную партию»⁵². В перспективе болгарской политической жизни Погодин видит разнообразие «принципиальных классовых программ»⁵³. Но автор лишь отмечает возникновение классовых интересов политических партий, никак не раскрывая это положение.

Вызывает большой интерес анализ политической жизни Болгарии, сделанный Ястребовым и Лавровым. Авторы тесно связывают явления экономические с общественной жизнью страны. По их мнению, «новые экономические и социальные отношения... и стремления вызвали к жизни и новую политическую группировку населения», а «тенденция к капиталистическому производству и обмену» явилась прямой причиной образования «народной партии»⁵⁴.

В труде буржуазно-либеральных историков заслуживает внимания следующее, хотя и сделанное с оговорками признание: «Начинавшаяся пролетаризация народной массы и развитие рабочего класса дали некоторую реальную основу для существования с конца 1890-х — начала 1900-х годов 1) социал-демократической партии, до тех пор состоявшей из небольшой

группы интеллигентов, в середине 1900-х годов расколовшейся на фракции: «узких» (тесняков.— М. Р.) — правоберных марксистов (лидер Н. Благоев) и «широких» — ревизионистов (лидер Сакизов), и 2) новейшей земледельческой крестьянской партии (Болгарский Земледельческий Народный Союз.— М. Р.) (похожа на русских «трудовиков»; лидер Стамболийский)»⁵⁵. Авторы указывают на «зачаточный характер буржуазии», а также «зачаточность крестьянского и рабочего пролетариата»⁵⁶. Все это позволяет существование партий, не имеющих четкой классовой определенности.

Не менее тщательно охарактеризованы десятки болгарских газет, которые, по мнению авторов, «сильно партийны», например «„Камбана“ (близка к социалистам)», „Работнически вестник (орган „узких“ (тесняков.— М. Р.) социалистов, ортодоксалов)“ или „Работническа България (орган „широких“ социалистов, ревизионистов)»⁵⁷. Обращают внимание Ястребов и Лавров на две основные группировки в профсоюзном движении Болгарии: одна, руководимая «широкими» социалистами, другая — тесняками. Приводимая авторами статистика членства, а также количества стачек⁵⁸ наглядно свидетельствует о ведущей роли БРСДП (т. с.) в рабочем движении Болгарии.

Внутриполитической жизни Сербского королевства посвятил определенное место в своих исследованиях Погодин. Но в отличие от Болгарии анализ этот менее глубок. Так в «Истории Сербии» он сводится в основном к разбору парламентской борьбы различных группировок: «славянского направления» и австрофильского. Кроме того, одной из основных причин борьбы парламентских групп автор считает стремление чиновничества разной партийной принадлежности продолжать служебную карьеру⁵⁹. В «Славянском мире» Погодин расположен к более высоким оценкам: его поражает и восхищает внутренняя демократизация, превратившая Сербию в «своеобразную республиканскую монархию»⁶⁰. Только у Погодина мы находим критику сербского правительства и особенно военных властей за внутреннюю политику, проводимую в областях, которые вошли в состав страны после Балканских войн. Автор пишет о многочисленных насилиях, об отсутствии конституции и гражданских прав в этих районах⁶¹. Невольно он сравнивает поведение сербских властей с

действиями Австро-Венгрии, ибо «за блестящими словами о введении конституции в Новой Сербии скрывалась весьма неказистая подкладка, полного произвола, который должен был господствовать в Новой Сербии в продолжении десяти лет. После громких слов сожаления о Боснии и Герцеговине это производило впечатление особенно резкого контраста»⁶².

Характеристика экономической жизни Балканских государств нашла место лишь в последних в дореволюционный период работах, относящихся к данной теме. Экономике Болгарии отводится большое место в «Славянском мире» Погодина и курсе лекций Ястребова и Лаврова. В «Истории Болгарии» того же Погодина подобные данные полностью отсутствуют, лишь в его же «Истории Сербии» имеются некоторые замечания. Так, сравнивая оба государства, Погодин отмечает, что «подобно Сербии и Болгария остается еще земледельческим государством, в котором рабочий класс совершенно теряется среди земледельческого. Однако в области промышленности Болгария значительно перегнала свою соседку»⁶³. Только в «Славянском мире» Погодин привлекает значительный статистический материал по экономике, народонаселению, профессиональной занятости. Ученый дает очень низкую оценку экономическому развитию страны, которая «в противоположность западноевропейским странам, быстро идущим по пути индустриализации ...становится все более сельскохозяйственной страной»⁶⁴. Но и положение сельского хозяйства весьма неутешительное: «...болгарское земледелие стоит еще на очень низком уровне развития: плохое удобрение земли, слишком мелкая вспашка»⁶⁵. Промышленность же также «стоит еще на очень низкой ступени развития», и даже более того, — «едва ли при этих данных можно пока говорить о развитии болгарской промышленности»⁶⁶. Ученый констатирует огромный рост государственного бюджета страны и связанные с этим займы и увеличение налогов. Проведенный Погодиным анализ позволяет ему утверждать, «что за внешним блеском и дипломатическими успехами скрывались глубокие дефекты в народной экономической жизни»⁶⁷.

Несколько по-другому подходят к проблемам экономической жизни Болгарии Ястребов и Лавров, работа которых и по объему материала, и по глубине ана-

лиза превосходит исследование Погодина. Если у Погодина вопросы экономики отделены от остальных проблем развития государства, то Ястребов и Лавров стараются эти вопросы связать с политическими институтами современного болгарского общества. Авторы указывают, что уже с 80-х годов «началось насаждение в Болгарии современного европейского (капиталистического) производства». А после 1896 г. «с помощью покровительственной системы государство стало создавать крупную промышленность»⁶⁸. «Принципиально свободный политический строй и экономическое влияние Европы разрушили старые социально-экономические основы быта», такие как патриархально-семейное землевладение — «задруги в упадке»⁶⁹. «Европейская торгово-промышленная конкуренция» уничтожает цеховое ремесло и «первобытные формы торгового обмена», насаждая в Болгарии «тенденцию к капиталистическому производству и обмену»⁷⁰, — таков общий вывод ученых из исследования экономического развития страны. Их подход и оценки нам представляются более объективными, чем у Погодина. Последний, явно находясь под влиянием «антиболгарских» настроений начала первой мировой войны, перенес их в свое исследование.

Значительно меньше внимания уделяется экономическому развитию Сербии. Этим вопросом занимается только Погодин в двух работах. В первой он лишь вскользь касается проблемы сельского хозяйства, причем делает следующий вывод: «В массе народа тяготение к задружной форме хозяйства не только еще существует, но цифровые данные указывают как бы на прибыль этих задруг»⁷¹.

Во второй работе автор по-иному подходит к проблеме, привлекая большое количество источников, прежде всего многотомные труды Сербской Академии наук, вышедшие в 1902—1913 гг. Опираясь на эти данные, Погодин приходит к заключению, отрицающему его предшествующее утверждение. Ученый обстоятельно доказывает, «что сербская задруга отходит в область прошлого, а вследствие этого и перед сербским земледелием должен в скором времени стать аграрный вопрос»⁷². Отмечается им также и «процесс скопления более крупной земельной собственности в нескольких руках и пролетаризация безземельного крестьянского

населения»⁷³. Погодин указывает на активное участие иностранных капиталов, прежде всего бельгийского и французского в области промышленного развития.

Самым серьезным для жизни Балкан перед первой мировой войной был кризис 1912—1913 гг. — Балканские войны. У всех ученых-славяноведов этот период стал предметом пристального внимания. Одна из работ Лаврова, столь решительно зарекомендовавшего себя сторонником идеи славянской взаимности, написана до начала междуусобной войны бывших союзников. Исследователь предполагает в Балканском союзе живое воплощение идей славянской взаимности: По его мнению, в этом союзе идеально разрешаются все проблемы полуострова: «Счастливой дружной борьбой достигается теперь не отдельное усиление какой-либо одной балканской державы, как это иногда бывало до сих пор, а общее благо балканских народов»⁷⁴. Союз объявляется имеющим «огромное значение в дальнейших судьбах балканского полуострова»⁷⁵; причем союз этот «не преследует наступательных целей»⁷⁶. Сам Лавров избегает спорных вопросов «между недавними соперниками и противниками»⁷⁷, а все слухи о спорах союзников относит к проискам Австрии и Германии. Ничто не угрожает, по его мысли, союзу, ибо «выгоды, которые после заключения союза, извлекают его участники, служат залогом его прочности»⁷⁸.

Вторая Балканская война нанесла тяжелый удар по такого рода иллюзиям. Ученые начинают искать причины неожиданного для них поворота событий. Поэтому неудивительно появление второй работы Лаврова уже о «кризисе союза», точнее о его развале. Автор начинает исследование взаимоотношений Сербии и Болгарии с событий почти столетней давности, отмечая многочисленные сложности, характерные для последних лет. Он описывает также все, по его мнению, промахи русской дипломатии по отношению к опасной австрийской экспансии. Лавров занимает откровенно «сербофильскую» позицию. Осуждая стремление Болгарии к господству на полуострове, он объясняет справедливость войны Сербии и Греции требованием «более равномерного распределения завоеваний»⁷⁹. Болгарские политики сами виноваты в том поражении, которое постигло страну, ибо, «не желая сделать союзникам уступки, обнаружив явное стремление использо-

вать результаты войны против турок в своих интересах, отказавшись от русского посредничества, они теперь в Бухаресте вынуждены были принять несравненно более тяжкие условия»⁸⁰.

Подводя итоги, Лавров раскрывает и причину столь ревностного отстаивания сербских интересов. Причина достаточно понятна: это выгоды, получаемые странами Антанты в их борьбе с Тройственным союзом за Балканы. «Укрепив и по природе мало доступные границы в Санджаке,— пишет Лавров,— располагая общими военными силами при отличающем нацию героизме, сербы королевства и Черногории будут надежным стражем Балкан». Усиление этих стран «является и нашей выгодой и залогом успеха в достижении конечных задач нашей политики на Балканах»⁸¹.

Причин возникновения войны, ее результатов касается во всех своих работах и Погодин. На его труды политическая обстановка оказала сильное влияние. Постепенный переход Болгарии в германский блок вызывает у ученого все более отрицательные оценки всей болгарской политики не только в настоящем, но и в прошлом. Внутри болгарского государства «не было ни разумной самооценки, ни бескорыстных культурных стремлений. Их заменила политика балканского империализма, стремившегося доставить Болгарии полное господство на Балканах и дать ей, наконец, Константинополь. При заверениях преданности России продолжалась политика вражды ей и прислуживания Австрии. Отсюда был неминуем крах, который постиг Болгарию в 1913 году»⁸². Характерно и убеждение автора в том, что все неудачи болгарской политики проистекали от нарушения дружественных отношений с Россией, именно враждебная ей политика и австрофильство привели к поражению во второй Балканской войне.

Много внимания ученый уделяет исключительно положительной оценке русской дипломатии, защитнице интересов Сербии, в ее стремлении предотвратить междоусобную войну. Кроме того, «несомненно, только вмешательство России избавило Болгарию от еще большего погрома»⁸³. Виновница же войны только Болгария, ее царь, «увлекаемый событиями и настроениями могущественной военной партии... не мог противиться ее воле, которая так совпадала с его собственными честолюбивыми планами, а также с внушениями Авст-

рии»⁸⁴. Война «лишила Болгарию ее перевеса на Балканском полуострове», «но хуже всего то,— подчеркивает Погодин,— что она вышла из последней войны униженная, озлобленная и, как это часто бывает, настроенная революционно»⁸⁵. Из всех работ Погодина можно выделить общую схему, руководствуясь которой, он оценивает события на Балканах. Агрессия на Балканах — всегда дело рук Австрийской империи, виновник братоубийственной войны — Болгария, подталкиваемая Австрией, источник всех положительных событий на Балканах — Российская империя.

Интересна позиция Ястребова и Лаврова в их труде. Авторы заявляют о своем стремлении к объективности, но в своих оценках не могут удержаться в стороне от международных событий (участие Болгарии в войне против союзников России). Они используют оригинальный прием, лишь вкратце сообщая о предыстории балканских войн и принципиально отказываясь от какого-либо разбора самих войн. Они указывают, что осуществление «народных идеалов» Болгарии, Сербии, Черногории и Греции было возможно только «под покровительством России, которая одна только, со своими великими союзниками, могла обеспечить работу балканских христианских народов и государств от притязаний со стороны Австро-Венгрии и Германии»⁸⁶. С одной стороны, междуусобная война «обнаружила, что если все вообще союзники не вполне доросли до ясного сознания своих целей и средств, своих нужд и интересов, то Болгария — в особенности»⁸⁷. Такая оценка, все же ставящая Болгарию в общий ряд «недоросших», а не объявляющая ее главной виновницей войны, существенно отличается от выводов Погодина. Но, с другой стороны: «Место, занятое Болгарией в Великой войне наших дней, в борьбе славянской и кельто-романской рас с расами германской и турецкой, стоит в связи с тем, что Болгария обнаружила в 1912—1913 гг., бросает мрачный свет и на все ее новейшее внутреннее развитие, с освобождения от власти Турции»⁸⁸. Это можно понять как прямое осуждение Болгарии, как ее виновность и во второй Балканской войне. И тем не менее Ястребов и Лавров предпочитают все же оставить этот вопрос открытым: «В современных условиях было бы совершенно невозможно пытаться дать такой очерк истории Болгарии с 1912 г., который мог

бы претендовать на строгую научность и объективность»⁸⁹.

Проблемой, особенно занимавшей Погодина, было прогнозирование политического развития на Балканах вообще и в Болгарии в особенности. Ученый ставит его в тесную связь с отношениями стран региона с Россией.

На первые оценки, данные Погодиным в «Истории Болгарии», несомненно, повлияло начавшееся после 1908 г. улучшение отношений между Болгарией и Россией. Перспективы развития страны при «благоприятных условиях, которые созданы болгарскому царству мирным и осторожным правлением Фердинанда Кобургского»⁹⁰, — оцениваются очень высоко. Погодин считает, что перед Болгарией стоят две основные задачи: внешняя — «объединение болгарского народа» и «внутреннее экономическое и культурное развитие». Вторая задача, по мнению ученого, «гораздо серьезнее и насущнее первой, и это убеждение, по-видимому, все больше входит в сознание болгарского народа»⁹¹.

Развитие событий на Балканах показало всю неудачность этого политического прогноза. В следующих трудах Погодин продолжает попытки найти в прошедших событиях моменты, намечающие дальнейшее движение истории. Оценивая общую обстановку после завершения мирных переговоров в Лондоне и Бухаресте, он подчеркивает, «что вопросы, связанные с политическим положением Балканского полуострова, далеко не получили своего разрешения...и потому представляется самым вероятным, что после временного затишья с новой силой вспыхнет опять пожар, который может быть небезопасен и для всей Европы»⁹². В данном случае ученый совершенно справедливо определил Балканский полуостров как тлеющий очаг будущего конфликта, но, не анализируя события в широком плане европейской политики, он не мог предположить, что события на Балканах, вызванные экспансионистскими планами Австро-Венгрии, будут не сутью конфликта, а послужат лишь поводом к борьбе группировок империалистических государств в мировом масштабе.

В своей последней книге «Славянский мир» Погодин связывает дальнейшую судьбу Болгарии только с Россией. Это сближение «подсказывается так настойчиво и географическим положением, и историей Болгарии... В будущем оно должно будет развиваться еще

сильнее, когда Болгария освободится от авантюристов, захвативших в свои руки политическое господство⁹³. Начало первой мировой войны показало, «что правительство этой страны во главе с царем идет против России», а потому «его политическое будущее темно и покрыто тучами»⁹⁴.

Погодин доказывает необходимость не просто союза, но и прямого следования славянских стран в русле политики Российской империи. Причем далее следует намек на необходимость радикальных перемен в Болгарии, естественно, не революционных. Внутренняя революционизация страны после разгрома Болгарии во второй Балканской войне оценивалась им как один из худших результатов этой войны. Погодин не зря упоминает «крупные династические беспорядки»⁹⁵ в июне 1914 г., наконец, он довольно прямо заявляет: «...династия Кобургов слишком далека от народа и слишком проникнута своими эгоистическими стремлениями»⁹⁶. Следовательно, очевиден и вывод — необходима смена династии. Автор решительно утверждает, что антирусская «политика как в Сербии, так и в Болгарии, всегда заканчивалась крупными неудачами, и следует думать, что Болгария стоит перед серьезными испытаниями»⁹⁷. Упоминание Сербии здесь не случайно, ибо переход сербской политики в русло стран тройственного соглашения сопровождался свержением Обреновичей и воцарением Карагеоргиевичей. Удаление же с престола предшественника Фердинанда Кобургского Александра Баттенбергского было совершено под прямым нажимом России. Очевидно, что именно такой политической перемены желал Погодин, перемены, насколько не затрагивающей всей системы государства.

Всем официальным и буржуазно-либеральным толкованиям Балканских конфликтов противостояла марксистско-ленинская оценка этих событий. В. И. Ленин тщательно анализировал события на Балканах и реакцию на них буржуазных кругов России. Так, он, вскрывая основную проблему полуострова, отмечал, что все «толкуют о национальном освобождении на Балканах, оставляя в тени экономическое освобождение. А на деле именно это последнее есть главное»⁹⁸. Только «при полном освобождении от помещиков и от абсолютизма национальное освобождение и полная свобода самоопределения народов были бы неизбежным результа-

том. «Наоборот, если останется гнет помещиков и балканских монархий над народами, останется непременно в той или иной мере и национальное угнетение»⁹⁹. Учитывая всю незавершенность и ограниченность изменений в регионе, В. И. Ленин тем не менее оценил эти события как новую главу всемирной истории. Он писал: «Национальный вопрос на Балканах сделал громадный шаг вперед к своему решению... Несмотря на то, что на Балканах образовался союз монархий, а не союз республик,—несмотря на то, что осуществлен союз благодаря войне, а не благодаря революции,—несмотря на это, сделан великий шаг вперед к разрушению остатков средневековья во всей Восточной Европе»¹⁰⁰.

Сделанный выше обзор не претендует на исчерпывающую полноту. Нами были рассмотрены наиболее крупные работы, характерные для буржуазно-либерального направления русской историографии начала XX в. Можно с полной определенностью утверждать, что вопросам новой истории южных славян отводилось в исследованиях этого периода все больше места. Значительно расширился круг источников, привлекаемых для анализа, и в особенности статистических материалов. От освещения в основном вопросов политической истории ученые все чаще обращаются к истории экономической, ее связям с внутривнутриполитическими событиями. Это свидетельствует о том, что позитивистская методология все сильнее проникала в труды ученых-славяноведов. Возможно предположить и определенное, правда весьма незначительное, воздействие некоторых положений исторического материализма.

Большому влиянию на возрастание интереса к событиям на Балканах, несомненно, способствовала внешняя политика России. Идеи о необходимости активной роли России на Балканском полуострове находили поддержку в буржуазных общественных кругах. Оттуда они переходили в труды славяноведов, переплетаясь иногда с постоянно трансформирующейся идеей славянской взаимности. Сильнейшее воздействие на труды ученых оказало надвигавшееся столкновение стран Антанты и Тройственного союза. Большинство политических оценок в работах делается именно с точки зрения этого противостояния.

Рассмотренные нами труды были немалым шагом вперед, и поэтому заслуживают внимания. Но в силу своей буржуазной ограниченности ученые-славяноведы тех лет не могли дать верную оценку событиям, происходившим на Балканах, вскрыть движущие силы конфликтов. Только марксистский подход к проблемам истории южных славян позволил правильно оценить прошлое, настоящее и перспективы дальнейшего развития региона.

-
- ¹ Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиогр. словарь. М., 1979, с. 30.
  - ² Дьяков В. А. Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения (с конца XVIII в. до 1939 г.).— В кн.: Методологические проблемы славистики. М., 1978, с. 245—246.
  - ³ Славяноведение в дореволюционной России, с. 42.
  - ⁴ Ненашева З. С. Софийский съезд неославистов 1910 года (подготовка, ход, результаты).— Сов. славяноведение, 1978, № 5, с. 29.
  - ⁵ См., например: Бербенко К. Д. Славянские съезды в Софии.— Славянские известия, 1910, № 4, с. 380—386; Кулаковский П. А. Славянский съезд в Софии.— Славянские известия, 1910, № 5/6, с. 395—467.
  - ⁶ Кораблев В. Н. Крах неославизма.— Там же, 1910, № 2, с. 170—177. В конце текста псевд.: Катон.
  - ⁷ Ненашева З. С. Указ. соч., с. 37.
  - ⁸ Вайнштейн О. Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX вв. Л., 1979, с. 13.
  - ⁹ Там же, с. 15.
  - ¹⁰ См., например: Любович Н. Н. Статистический метод в приложении к истории. Варшава, 1901. 19 с.
  - ¹¹ Дьяков В. А. Указ. соч., с. 245.
  - ¹² Ненашева З. С. Указ. соч., с. 34.
  - ¹³ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963, т. 3, с. 503—504.
  - ¹⁴ Писарев Ю. А. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии, 1905—1914. М., 1962. 419 с.
  - ¹⁵ Там же, с. 356.
  - ¹⁶ Там же.
  - ¹⁷ Там же.
  - ¹⁸ См., например: Жебокрицкий В. А. Болгария накануне Балканских войн 1912—1913 гг. Киев, 1960. 249 с.; Бирман М. А. Сербия в период Балканских войн 1912—1913 гг.— Краткие сообщения/АН СССР Ин-т славяноведения, 1961, вып. 32, с. 27—45; Жебокрицкий В. А. Болгария в период Балканских войн 1912—1913 гг. Киев, 1962. 299 с.; Писарев Ю. А. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии...; Виноградов К. Б. Боснийский кризис 1908—1909 гг. Л., 1964. 158 с.; Писарев Ю. А. Образование югославского государства. Первая мировая война. Освободительная борьба югославянских народов Австро-Венгрии. Крушение монархии Габсбургов. М., 1975. 416 с.; Гринберг С. Ш. Основные тенденции развития промышленности в Болгарии в начале

- XX в. (1900—1912).—Сов. славяноведение, 1975, № 3, с. 70—83; *Урибес Э.* Балканский кризис 1911 г. и европейские державы.— Там же, 1977, № 1, с. 39—48; *Бирман М. А.* Промышленный пролетариат Болгарии начала XX в.: (Численность, структура).— Там же, 1977, № 3, с. 34—45; и др.
- ¹⁹ См., например: *Зеленин В. В.* В. И. Ленин о национальной революции южного славянства.— Там же, 1969, № 2, с. 3—9; *Славин Г. М., Сумарокова М. М.* В. И. Ленин и сербская социал-демократия в период Балканских войн и первой мировой войны.— Там же, 1970, № 2, с. 68—81; *Сумарокова М. М.* В. И. Ленин о Балканских войнах и об участии Сербии в первой мировой войне.— Там же, 1975, № 1, с. 3—14.
- ²⁰ *Погодин А. Л.* История Болгарии. СПб., 1910, с. 220.
- ²¹ Там же, с. 224.
- ²² *Рот К.* История христианских государств Балканского полуострова (Болгария, Сербия, Румыния, Черногория, Греция) /Пер. под ред. и с доп. очерком А. Л. Погодина. СПб., 1914, с. 117.
- ²³ *Лавров П. А.* Аннексия Боснии и Герцеговины и отношение к ней славянства. СПб., 1909, с. 101.
- ²⁴ *Ястребов Н. В., Лавров П. А.* История болгарского народа. Пг., 1916, с. 418.
- ²⁵ Там же, с. 417.
- ²⁶ *Милюков П. Н.* Балканский кризис и политика А. П. Извольского. СПб., 1910, с. 26.
- ²⁷ *Погодин А. Л.* История Сербии. СПб., 1909, с. 164.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Лавров П. А.* Аннексия Боснии и Герцеговины..., с. 32.
- ³¹ Там же, с. IV.
- ³² Там же, с. 140.
- ³³ *Милюков П. Н.* Указ. соч., с. 3.
- ³⁴ Там же, с. 37.
- ³⁵ *Лавров П. А.* Аннексия Боснии и Герцеговины..., с. 33.
- ³⁶ Там же, с. 138—139.
- ³⁷ *Милюков П. Н.* Указ. соч., с. 54.
- ³⁸ Там же, с. XI.
- ³⁹ Там же, с. 52.
- ⁴⁰ Там же, с. 55.
- ⁴¹ Там же, с. 56.
- ⁴² *Лавров П. А.* Аннексия Боснии и Герцеговины..., с. 101.
- ⁴³ Там же, с. 137.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же, с. 114—115.
- ⁴⁶ *Погодин А. Л.* Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года. М., 1915, с. 330.
- ⁴⁷ Там же, с. 331—332.
- ⁴⁸ Там же, с. 332.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ *Вайнштейн О. Л.* Указ. соч., с. 18.
- ⁵¹ *Погодин А. Л.* Славянский мир..., с. 401.
- ⁵² Там же, с. 402.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ *Ястребов Н. В., Лавров П. А.* История болгарского народа, с. 411.
- ⁵⁵ Там же, с. 412.

- 56 Там же.
57 Там же, с. 486.
58 Там же, с. 448—449.
59 *Погодин А. Л.* История Сербии, с. 162.
60 *Погодин А. Л.* Славянский мир..., с. 342.
61 Там же, с. 366.
62 Там же.
63 *Погодин А. Л.* История Сербии, с. 3.
64 *Погодин А. Л.* Славянский мир..., с. 405.
65 Там же, с. 407.
66 Там же, с. 410—411.
67 Там же, с. 412.
68 *Ястребов Н. В., Лавров П. А.* История болгарского народа, с. 446.
69 Там же, с. 441.
70 Там же, с. 411.
71 *Погодин А. Л.* История Сербии..., с. 4.
72 *Погодин А. Л.* Славянский мир..., с. 344.
73 Там же, с. 348.
74 *Лавров П. А.* Балканский союз и Сербия.— В кн.: Славянский вопрос в его современном значении. СПб., 1913, с. 71.
75 Там же, с. 76.
76 Там же, с. 106.
77 Там же, с. 72.
78 Там же, с. 106.
79 *Лавров П. А.* Балканский союз и переживаемый им кризис. Петро-заводск, 1914, с. 31.
80 Там же, с. 40.
81 Там же, с. 45.
82 *Погодин А. Л.* Краткий очерк истории славян. М., 1915, с. 126.
83 *Погодин А. Л.* Славянский мир..., с. 419.
84 Там же.
85 Там же.
86 *Ястребов Н. В., Лавров П. А.* История болгарского народа, с. 420.
87 Там же, с. 420—421.
88 Там же, с. 421.
89 Там же.
90 *Погодин А. Л.* История Болгарии..., с. 221.
91 Там же, с. 224.
92 *Рот К.* Указ. соч., с. 112.
93 *Погодин А. Л.* Славянский мир..., с. 402.
94 Там же, с. 420.
95 Там же, с. 419.
96 Там же, с. 420.
97 Там же.
98 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 187.
99 Там же.
100 Там же, с. 156.

